P. o. russ. 81 y (1

P. o. russ. 81 7

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ

ВОСПОМИНАНІЯ.

P. o. russ. 81 Y/1

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

—

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧУДАКА.

—

СОБРАЛЪ И ВЪ ПОРЯДОКЪ ПРИВЕЛЪ

И. СЕЛИВАНОВЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Каткова и К°.
1857.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 26 іюля 1857.

Ценсоръ *И. Лажечниковъ*.

Rgt / 80 / 4786

ВВЕДЕНІЕ.

Былъ у меня пріятель, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, простой, добрый, но котораго всѣ, не знаю почему, называли *чудакомъ*. Какое въ немъ было чудачество, я открыть никогда не могъ; развѣ только сюртукъ его какого-то допотопнаго покроя, да штаны со складками, такъ называемые русскіе, могли накликать на него это прозваніе. Правда, что когда онъ бывалъ нѣсколько навеселѣ, то не затруднялся говорить правду всякому безъ исключенія и какого бы рода ни была эта правда, отчего, доживъ до шестидесяти лѣтъ, остался титулярнымъ совѣтникомъ и былъ голъ, какъ соколъ. Жизнь онъ велъ вообще трезвую, но иногда, изрѣдка впрочемъ, любилъ «кутнуть» — и тутъ ужъ анекдоты сыпались у него безъ счета;

да и вообще, какъ русскій человѣкъ, онъ любилъ поговорить, особенно когда видѣлъ, что его слушаютъ. Молодость свою онъ провелъ въ уѣздѣ одной отдаленной губерніи, занимая тамъ какую-то незатѣйливую должность, и перебрался въ столицу ужь лѣтъ подъ сорокъ, чтобъ занять мѣсто тоже не очень мудрое. Къ числу его чудачествъ можно отнести еще то, что все время, свободное отъ служебныхъ занятій, онъ что-то писалъ, но что̀ именно — не зналъ никто, а узнали объ этомъ ужь послѣ его смерти, когда въ его такъ называемомъ кабинетѣ, нашли безчисленное множество листковъ бумаги всѣхъ возможныхъ формъ, видомъ и цвѣтомъ, мелко исписанныхъ. Нашъ «чудакъ» былъ чрезвычайно скупъ на бумагу и писалъ свои замѣтки на всякомъ лоскуткѣ, который ему попадался подъ руку: былъ ли это пакетъ письма, или оборотъ счета изъ лавки, или обертка изъ-подъ ваксы, ему было все равно, и все равно шло въ дѣло. Но такъ какъ на этихъ лоскуткахъ не было никакой нумераціи и ничего такого, что̀ бы могло дать нить въ этомъ бумажномъ *лабиринтѣ*, то надо было отказаться отъ возможности привести ихъ когда-нибудь вполнѣ въ порядокъ, или составить изъ нихъ что-либо цѣлое. «Чудакъ» жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и большая часть его писаній относится и къ этому времени и къ уѣздной жизни

того времени, о которомъ онъ особенно любилъ говорить. Предлагаемые отрывки я назвалъ *Провинціальными воспоминаніями*, не придумавъ другаго лучшаго названія. Послѣ этого объясненія никто неможетъ требовать отъ предлагаемыхъ теперь мною «Воспоминаній» и отъ другихъ, какія я когда-нибудь извлеку изъ бумагъ «чудака», той послѣдовательности или законченности, какая требуется отъ чисто-литературныхъ произведеній. «Чудакъ» никогда невоображалъ сдѣлаться литераторомъ и былъ бы, вѣроятно, очень изумленъ, увидѣвъ свои мемуары въ печати.

И. С — въ.

1 марта,
1856.

УѢЗДНЫЕ ЧИНОВНИКИ.

I.

ГОРОДЪ И КУПЕЧЕСТВО.

Ежели когда вы поѣдете изъ М* въ С*, то на дорогѣ попадется вамъ небольшой городокъ, въ которомъ менѣе семи тысячъ жителей и болѣе пятнадцати церквей.

Городокъ этотъ въ географіи извѣстенъ кожевенными заводами, а въ дѣйствительности въ немъ процвѣтаетъ одна только торговля — карточная, отчего и городъ получилъ названіе Картолюбова. Здѣсь и чиновники и купечество дуются въ карты, какъ говорится, напропалую. И откуда бы, кажется, деньгамъ браться? Такъ нѣтъ, сударь! такъ козыряютъ, что инда тошно станетъ, смотря на нихъ. Вплоть до утра господа эти сидятъ за картами, а поутру, съ заспанными глазами, ползутъ по судамъ и тамъ за бумагами дремлютъ; въ двѣнадцать же часовъ, то-есть въ полдень, во всѣхъ судахъ хоть шаромъ покати — нѣтъ никого, и просители таскаются съ просьбами по квартирамъ, да и тутъ еще не скоро толку добьются.

Ну, вотъ въ этомъ-то городкѣ и пришлось мнѣ прожить годокъ-другой. Зачѣмъ и какъ я туда попалъ — это нейдетъ къ дѣлу; идетъ къ дѣлу только то, что я, какъ не играющій въ карты, не могъ вести компаніи съ господами, составляющими уѣздныя власти, и потому ограничивался наблюденіями надъ ними, что де они, и какъ живутъ, и эти-то наблюденія хочу представить теперь. Что тутъ ничего не выдумано, въ этомъ увѣряю совѣстью.

Вѣдь, по истинѣ, удивительно, чѣмъ живутъ уѣздныя власти! Жалованье, кажется, получаетъ малое, а смотришь — и лошадку держитъ, и бѣговыя санки, и то, и другое, — все напорядкахъ, какъ быть слѣдуетъ... ужь право, думалъ, думалъ: какъ это они ухитряются, такъ нѣтъ, ума не приложишь. У кого и недвижимое имѣньице-то есть, и деньжонки водятся, — такъ и то часто не достаетъ то того, то другаго; а у уѣздныхъ властей имѣнья и въ поминѣ не бывало, ужь о капиталахъ и говорить нечего! а живутъ они себѣ, право, припѣваючи: точно птицы небесныя — ни орутъ, ни сѣютъ, а сыты живутъ.

Есть въ этомъ городѣ купецъ Кабардинцевъ, мужикъ богатый: говорятъ, даже тысячъ сотнягъ подъ восемь капитальцу имѣетъ. А вѣдь не выѣзжалъ изъ этого городишка! За то ужъ у него въ лавкѣ разливное море: и деготь, и сало, и духи съ помадою, и колбасы, и карманные часы, и желѣзо, и сахаръ, ну однимъ словомъ чего хочешь, того просишь.

А составилъ онъ капиталецъ въ какіе-нибудь двадцать лѣтъ! Началъ съ того, что былъ сидѣльцемъ въ

кабакѣ, сапоговъ на ногахъ не было, а тамъ, какъ пошелъ, пошелъ... смотришь — домъ каменный въ два этажа выстроилъ, рощу купилъ за шестьдесятъ тысячъ, барановъ на сало пригоняетъ каждый годъ тысячъ пятнадцать головъ... любо, да и только.

Ужь куда и хитеръ и оборотливъ! на какіе штуки не поднимается! Купитъ въ Н* хересу, рублика, эдакъ, въ полтора ассигнаціями за бутылочку, смотришь — черезъ день по пріѣздѣ мадера сдѣлалась изъ хересу, по цѣлковому за бутылку. И уѣздныя власти пьютъ — не нахвалятся: хороша, дескать, дрей-мадера у Кабардинцева! А онъ–то разсыпается, онъ-то увѣряетъ, что чуть не прямо съ корабля купилъ! Ужь о шампанскомъ и говорить нечего: все клико, да аи, и все по четырнадцати, да по пятнадцати рублей бутылка. И откуда беретъ онъ столько шампанскаго?... Все изъ Москвы, говоритъ, изъ первѣющаго магазина.

Славно торгуетъ Кабардинцевъ!... Думалъ, думалъ я, какъ это онъ, однако, нажилъ такое состояніе и въ такое короткое время, да какъ увидалъ то, что разскажу вамъ сейчасъ, такъ и смѣкнулъ дѣломъ.

Иду я по площади. Это было осенью: грязь такая, что и Боже упаси, едва калоши изъ грязи вытаскиваю, смотрю, ползетъ пропасть народу къ Кабардинцеву. Любопытно мнѣ стало: зачѣмъ это? Подошелъ я къ лавкѣ и сталъ у притолоки, какъ будто такъ себѣ, а самъ слушаю. Вотъ говоритъ одинъ мужикъ:

— Василій Иванычъ, а Василій Иванычъ! дай билетовъ-то?

— Какіе-те билеты! отвѣчаетъ голосъ; — у самого нѣтъ.

— Пожалуйста, Василій Иванычъ, дай: больно нужно; наказалъ управляющій накрѣпко, нынче подушныя внести, а въ казначействѣ лобанчиковъ не берутъ, чтò станешь дѣлать!... отецъ родной, пожалуйста дай.

— Нѣту, говорятъ тебѣ.

— Возьми что хошь за промѣнъ, только выручи.

— Экой ты братецъ какой!... да гдѣ-жь взять, какъ нѣту? вѣдь дороги, шибко дороги!...

— Да чтожь дѣлать, кормилецъ? хошь и дороги, да дѣлать-то нечего. Выручи, батюшка!

— По грошику заплатишь съ рубля? Дешевле, братецъ, нельзя отдать.

— Много по грошику, Василій Иванычъ: по копѣечкѣ будетъ!...

— По копѣечкѣ? нашелъ дурака! Сами дороже платимъ. Нелюбо, такъ ступай вонъ...

Оглядѣлся мужикъ, видитъ, что народу въ лавкѣ тьма-тьмущая и всѣ кричатъ: «Василій Иванычъ, Василій Иванычъ! отпусти родимый!» вздохнулъ, почесался и вытащилъ изъ кармана кошечью шкуру, въ которой вмѣсто кошелька лежали у него деньги. Размѣнялъ онъ полторы тысячи рублей ассигнаціями, заплатилъ тридцать рублей и пошелъ вносить подушныя. Эту продѣлку Кабардинцевъ повторилъ со всѣми мужиками, бывшими у него въ лавкѣ, и роздалъ имъ не менѣе семи, или восьми тысячъ рублей, все кредитными билетами. Прежде нежели пришло

мнѣ въ голову, откуда онъ набралъ такую кучу билетовъ и зачѣмъ держитъ дома такую сумму, гляжу — шмыгъ въ лавку чиновничекъ изъ казначейства. Вошелъ, оглядѣлся, видитъ, что подозрительныхъ никого нѣтъ, пошушукался съ Васильемъ Иванычемъ, да и суетъ ему въ руку какую-то большую пачку. Василій Иванычъ развернулъ эту пачку, счелъ кредитные билеты въ ней лежавшіе, положилъ въ конторку, да на клочкѣ бумажки написалъ цифру и отдалъ чиновнику, потомъ досталъ изъ-подъ прилавка бутылку и поднесъ ему рюмочку и кусочекъ колбасы на закуску. Тотъ выпилъ, да и шмыгъ опять въ казначейство.

Поняли ли вы, что это такое? Нѣтъ? Такъ я вамъ скажу. Вотъ видите ли: у казначея съ Кабардинцевымъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ. Передъ подушными казначей всѣ бумажныя деньги передаетъ Кабардинцеву, а самъ, такъ-какъ золото и серебро велѣно принимать на вѣсъ, а иностранныя вовсе не принимать, то онъ и начнетъ понажимать въ вѣсѣ. Иногда въ полуимперіалѣ на цѣлый двугривенный не достанетъ вѣсу, а рубль серебряный чуть немножко потертъ, такъ ужь и бросаетъ приносителю и кричитъ: «негодится!» Мужику ничего не остается, какъ промѣнять деньги на билеты, а мѣнять не къ кому идти кромѣ Кабардинцева... Голосомъ воетъ, да идетъ!... Выйдутъ у Кабардинцева билеты, пришлютъ опять изъ казначейства, и такъ одни и тѣ же деньги гуляютъ себѣ взадъ и впередъ раза два и три въ одно утро. А посмотришь, послѣ подушныхъ, казначей и послалъ въ приказъ сотъ

семь, или восемь рублей; а о Кабардинцевѣ ужь и говорить нечего: онъ даетъ казначею много-много что третью часть.

Другую продѣлку подмѣтилъ я у Кабардинцева съ дворовыми людьми: какъ почтовый день, такъ у него ихъ въ лавкѣ тьма-тьмущая. А мнѣ очень хорошо извѣстно, что помѣщики, посылая въ городъ людей своихъ за покупками, накрѣпко приказываютъ имъ не брать ничего у Кабардинцева: «онъ, дескать, мошенникъ — за все тройную и четверную цѣну лупитъ! а покупать у Синичкина.» Кажется, и надобно бы къ Синичкину идти, анъ-нѣтъ: идутъ къ Кабардинцеву, а счетъ привозятъ отъ Синичкина. Да какъ же это такъ? Да такъ — Кабардинцева руку всѣ знаютъ: онъ и пріискалъ какого-то малаго; тотъ и пишетъ ему счеты изъ лавки Синичкина и подмахнетъ, какъ слѣдуетъ: «деньги получилъ прикащикъ Евтропьевъ.» Помѣщикъ-то и покоенъ: «наказалъ, дескать, Кабардинцева, не беру у него ничего!» да и дворовой не въ накладѣ; онъ получилъ по десяти копѣекъ на рубль, да сверхъ того его угостили водкой. Какъ видите, хорошо тому и другому, а Кабардинцеву, разумѣется, лучше всѣхъ; онъ нажилъ не двадцать и не тридцать процентовъ, а сто на сто, да еще обвѣсилъ на осьмушку; дѣло-то, значитъ, и въ шляпѣ!

Вотъ, господа, какъ денежки-то наживаютъ!... Поучитесь-ка; право не худо.

II.

СУДЬЯ И СЕКРЕТАРЬ.

Городокъ описанный мною, какъ и всякій благовоспитанный уѣздный городъ, имѣетъ въ полномъ составѣ уѣздныя власти: предводителя, судью, исправника, становыхъ, стряпчаго, — однимъ словомъ всѣхъ, кого нужно. О нихъ-то я и хочу вести рѣчь.

Судья человѣкъ старый, лѣтъ подъ шестьдесятъ, такъ ему заниматься дѣломъ, какъ занимается молодой человѣкъ, не приходится; къ тому жь, на это есть секретарь. Зовутъ судью Александромъ Иванычемъ. Человѣкъ онъ добрый и смирный, только имѣетъ двѣ слабости: страшно боится бѣлыхъ подушекъ и грому. Какъ увидитъ бѣлыя подушки, такъ и грохнется о-земь. Поэтому въ городкѣ бѣлыхъ наволочекъ на подушкахъ не держатъ, а все больше пестрыя ситцевыя. Нельзя не угодить; судья человѣкъ нужный, у всякаго дѣлишки по суду бываютъ; гдѣ купчая, гдѣ довѣренность, гдѣ другое прочее... А ужь какъ грому Александръ Иванычъ боится, такъ даже повѣрить нельзя; чуть услышитъ громовой гулъ, хоть

только издали, ужь и бѣжитъ въ темную комнату прятаться. Мошенники приказные и пользуются этимъ; только что Александръ Иванычъ въ судъ, они и начнутъ креститься, да ногами топать.

— Что это такое? спроситъ Александръ Иванычъ.

— Да, кажется, говорятъ, гроза начинается. Вонъ тучка находитъ-съ.

И Александръ Иванычъ со страху домой, да въ темную комнату. Приказнымъ это и на руку; судья вонъ изъ суда, и они вонъ, да по ресторацiямъ, кто на торбанѣ, кто на гитарѣ.

Встаетъ Александръ Иванычъ поздно, часовъ въ десять. Встанетъ, подвяжетъ голову клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ, надѣнетъ вязаную куртку и сядетъ подъ окно ждать чаю. Принесутъ ему чаю, напьется онъ себѣ не торопясь, и ждетъ секретаря. Часовъ эдакъ въ двѣнадцать является секретарь съ бумагами; положитъ свой картузикъ на стулъ, подлѣ передней двери, а бумаги на столъ, низко поклонится и ожидаетъ вопроса.

— Ну, что, Ермилъ Аѳанасьичъ! съ бумагами что-ль?

— Да, Александръ Иванычъ, бумажонка нужная есть-съ, такъ подписать надо-съ.

— Эхъ, Ермилъ Аѳанасьичъ! замучился ты, я чай, съ бумагами...

— Что дѣлать, Александръ Иванычъ! трудненько, да дѣлать нечего.

— Что дѣлать, братъ, что дѣлать! На то мы жалованье получаемъ. Хоть и трудно, да дѣлать нечего... Служба, братецъ!... Ну, что у тебя тамъ такое?

— Журналы, да два опредѣленьица. Одно наказать плетьми; вотъ видите ли...

— Знаю, братъ, знаю, что ты маху не дашь... давай-ка сюда. Вотъ такъ: «Судья Тарановъ», да еще съ закорючкой, знай дескать, нашихъ. А что, братъ Ермилъ, вѣдь давно мы съ тобой служимъ?

— Да ужь годовъ пятнадцать будетъ, Александръ Иванычъ! еще вы засѣдателемъ были... Помните, при Шмакинѣ? онъ еще васъ заставлялъ резолюціи писать...

— Ха, ха, ха! какой чуднòй, подумаешь! резолюціи писать. Какъ будто это дѣло присутствующихъ — писать резолюціи? На это у насъ секретарь есть... А? такъ вѣдь, Ермилъ?

— Да какъ же не такъ, Александръ Иванычъ! Секретарь на то и поставленъ, чтобы все было приготовлено, обдѣлано, оболванено, какъ говоритъ вице-губернаторъ! справка, резолюція, журналъ, исходящія, — все какъ слѣдуетъ, и присутствующіе знай только подписывай свою фамилію. И то сказать, гдѣ жь судьѣ знать съ секретарское?... Вы на это не сердитесь, Александръ Иванычъ, вы дворянинъ, человѣкъ съ именемъ: гдѣ жь вамъ рыться во всѣхъ этихъ дрязгахъ? Нашъ братъ ужъ таковскій, съ издѣтства купается въ чернилахъ, присмотрѣлся, привыкъ.

— Правда, правда, Ермилъ! Наше дѣло придти въ судъ къ готовенькому. А ежели и не пойдешь въ судъ, такъ и то не бѣда; дѣло–то отъ этого хуже не будетъ... Я, ужъ, братъ, на тебя надѣюсь.

— Ужъ будьте благонадежны, Александръ Иванычъ: — я васъ, родимца моего, не продамъ ни за милліоны. Сами разсудите, али у меня двѣ головы?

— Вѣдь вотъ и я твержу то же. Извѣстно, гдѣ судейская подпись, тамъ и секретарская. Кому жь охота себя топить? Ужь, пожалуста, братъ Ермилъ, ты поосторожнѣе.

— Да ужъ, сдѣлайте милость, Александръ Иванычъ, не тревожьтесь: охулки на руки не положу. Или мнѣ учиться стать? Слава Богу, пятнадцать лѣтъ секретаремъ сижу, пора знать, какъ и что.

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился. Между-тѣмъ кукушка на стѣнныхъ часахъ, выскочивъ съ свистомъ, прокуковала часъ.

— Э, какъ время-то идетъ!... Васютка! эй, Васютка! закричалъ судья хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ.

На зовъ этотъ прибѣжалъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, вѣроятно только что воротившійся изъ экспедиціи съ голубятни, или отъ бабокъ, потому что волосы у него взъерошены, въ нихъ торчатъ перья и стружки; козакинъ его съ красными выпушками, потерявшій свой цвѣтъ и форму отъ частыхъ путешествій на голубятню и сраженій съ уличными сверстниками, изорванъ, запачканъ и замасленъ. На ногахъ у него женскія ботинки, обноски госпожи.

Когда этотъ слуга предсталъ предъ судью, онъ замѣтивъ ему мимоходомъ о вредѣ неряшества, велѣлъ принести водки Ермилу Аѳанасьичу. Водку Васютка принесъ на тарелкѣ, съ кусочкомъ чернаго хлѣба. Секретарь налилъ, поклонился Александру Иванычу, выпилъ однимъ глоткомъ, крякнулъ и потомъ закусилъ небольшимъ кускомъ хлѣба. Послѣ этого принялся увязывать въ свой клѣтчатый платокъ принесенныя бумаги. Въ эту минуту къ судейскому крыльцу подъѣхалъ кто-то. Взглянувъ въ окно, Ермилъ Аѳанасьичъ вздрогнулъ, схватилъ наскоро бумаги и фуражку, хотѣлъ было юркнуть въ корридоръ, чтобъ избѣжать встрѣчи съ пріѣзжимъ; но уже поздно: дверь въ залу отворилась настежь, и въ комнату вошелъ, или, вѣрнѣе, ввалился мужчина высокаго росту, толстый, съ огромными усами и суковатой палкой. Секретарь такъ и замеръ при видѣ его.

Александръ Иванычъ вскочилъ и поплелся гостю на встрѣчу.

— Липантіи Александрычъ, вы ли? Давненько, сударь, давненько вы у насъ въ городѣ не были.

— Здравствуйте, здравствуйте, Александръ Иванычъ! здоровенько ли, батюшка, поживаете?

— Слава Богу, помаленьку, сударь, помаленьку.

— Какъ фамилія, батюшка?

— Здорова, сударь, покорнѣйше благодарствую. А ваша, сударь, какъ? дѣтки?

— Что имъ дѣлается, батюшка? здоровы пома-

леньку. Ужь такіе-то пострѣлята, что не приведи Богъ.

— Милости просимъ садиться; вотъ здѣсь, на диванчикъ-то, сударь, на диванчикъ.

Когда они усѣлись, Липантій Александрычъ вынулъ изъ кармана бѣлый фарфоровый съ цвѣточками рожокъ, выставилъ правую руку, и на образовавшуюся у большаго пальца ямочку насыпалъ изъ рожка табаку, который втянулъ носомъ съ видимымъ удовольствіемъ; затѣмъ онъ утерся, крякнулъ и бумажнымъ синимъ клѣтчатымъ платкомъ обмахнулъ просыпавшійся табакъ съ своего сѣраго милиціоннаго казакина, съ оранжевымъ воротникомъ, на которомъ красовались двѣ медали: одна серебряная на голубой лентѣ, за взятіе Парижа, другая обыкновенная дворянская, съ надписью: Не намъ, не намъ, а имени Твоему.

Окончивъ всѣ обычныя формальности, Александръ Иванычъ отнесся къ гостю:

— Что, по дѣламъ сюда, сударь, пожаловали, или такъ, прокатиться вздумали?

— Какое кататься, Александръ Иванычъ! до катанья ли? То ли теперь время, чтобы кататься? По дѣлу, батюшка, пріѣхалъ, и именно къ вамъ, въ уѣздный судъ.

— Что такое, сударь, что такое? Радъ служить всѣмъ, чѣмъ могу. На то и благородное дворянство меня выбрало, чтобъ служить почтеннѣйшему дворянству, не щадя живота, какъ сказано въ присягѣ. Какое такое дѣло, сударь, у васъ?

— Да вотъ батюшка, по милости этого разбойника, началъ гость, указывая на секретаря, — мучитъ меня уѣздный судъ болѣе полугода. Видите ли, въ чемъ дѣло. Имѣньишко мое, какъ вы знаете, заложено въ приказѣ... Ну, и понадобилось мнѣ перезаложить его: продавалъ однодворецъ къ загону землишку, такъ хотѣлось купить ее. Подалъ я прошеніе въ уѣздный судъ, чтобы выдали удостовѣреніе. Васъ-то безпокоить не хотѣлъ, а обратился къ этому мошеннику: ну, онъ и обѣщалъ, какъ водится. Обнадежилъ меня, проклятый: вы, дескать, Липантій Александрычъ, не безпокойтесь, — все сдѣлано будетъ, и очень скоро. Я сдуру-то уши и развѣсилъ! Прошелъ мѣсяцъ, посылаю Мишку на базаръ, велю ему зайдти въ уѣздный судъ: «узнай, дескать, что̀ по моему дѣлу?» Пріѣзжаетъ, говоритъ: нѣтъ еще — справки не собраны. Жду другой мѣсяцъ — опять не собраны; говорятъ: изъ земскаго суда не все прислано. Я къ исправнику письмо — исправникъ пишетъ, что по моему имѣнью и запроса изъ уѣзднаго суда не было. Что ты станешь дѣлать? Я опять въ уѣздный судъ — говорятъ: по казначейству какая-то недоимка за мной числится и удостовѣренія выдать нельзя. Господи ты Боже мой! на мнѣ недоимка? Я въ казначейство — журналиста чуть не за воротъ: «какая, дескать, на мнѣ недоимка? я всегда исправно вношу всѣ подати!»—Никакой, говоритъ, на васъ нѣтъ недоимки... «Да какъ же вы написали въ уѣздный судъ, что недоимка на мнѣ числится?» — Никогда, говоритъ, мы въ уѣздный судъ о недоимкѣ на васъ не

писали, и кто писалъ, намъ неизвѣстно. Какъ тутъ быть? Я къ повытчику — говорю: такъ и такъ. А онъ мнѣ и шепчетъ на ушко, говоритъ, да просьба-то ваша гдѣ?... «Какъ гдѣ? разумѣется, у секретаря: я ему ее подалъ...» «То-то подали ли, а у насъ что-то въ производствѣ ея не видать.» Я ему полтинникъ, говорю: поищи братъ!... онъ искать, искать — нашелъ въ бумагахъ у этого мошенника... не помѣченная лежитъ... А? какъ вамъ это покажется?

— Напрасно, замѣтилъ судья обиженнымъ голосомъ, — тогда же ко мнѣ, сударь, не обратились: это моя обязанность наблюдать за справедливостью... и я...

— Совѣстно тревожить-то васъ, батюшка! Онъ же, проклятый, тогда извинялся, извинялся, вилялъ, вилялъ хвостомъ-то: непремѣнно, говоритъ, черезъ двѣ недѣли, получите удостовѣреніе. Понадѣялся я какъ на честнаго человѣка, сдуру-то повѣрилъ ему опять. Чтожь, какъ вы думаете? о сю пору не пущена, батюшка, въ ходъ; лежитъ себѣ подъ сукномъ. Нѣтъ, ужь теперь-молъ, братъ, извини, пойду къ судьѣ: а откажется Александръ Иванычъ, въ губернское настрочу, да такую ужь настрочу, что любо-дорого. Вѣдь добро бы не обѣщалъ ему проклятому: я самъ знаю, нельзя... помазать надо.

— Напрасно, сударь, изволите безпокоиться, перервалъ судья, — будьте увѣрены, что все будетъ сдѣлано къ вашему удовольствію.

Послѣ многихъ благодареній, увѣреній, разговора о погодѣ, урожаяхъ и проч., гость поднялся съ мѣста. Судья послѣдовалъ за нимъ въ переднюю.

Чуть только они вышли изъ залы, секретарь расправился, глаза у него загорѣлись, лицо вспыхнуло. Онъ сжалъ кулакъ и, грозя имъ на переднюю, говорилъ, передразнивая:

— Помазать надо!... помазать надо! Знаемъ мы вашу помазку-то! Какъ первое удостовѣреніе бралъ, такъ и отдѣлался одной золотушкой... и теперь также хочется?... нѣтъ, братъ, шалишь!... вынимай-ка сѣренькую, или со столбиками, такъ тогда еще посмотримъ. Настрочу въ губернское... эка фря! Строчи, знаемъ мы эти строчки-то... видали мы ихъ... Пошлютъ изъ губернскаго запросъ, напишемъ имъ и то и се, и пятое, и десятое — и кончится тѣмъ, что съ тебя же дурака взыщутъ за гербовую бумагу. Видали мы вашу братью и почище тебя, попрыгаютъ, попрыгаютъ, да къ намъ же придутъ съ поклономъ.

Возвращающійся судья прервалъ нить этихъ размышленій. Кряхтя сѣлъ онъ въ кресла съ кожаной пуховой подушкой и, помолчавъ и откашлявшись, какъ будто сбираясь съ духомъ, началъ:

— Какъ это ты братъ, Ермилъ Аѳанасьичъ такого маху далъ? а?

— Никакого маху я не давалъ, Александръ Иванычъ! а ежели будете всякаго гольтепу слушать, такъ тогда и служить нельзя. Вамъ извѣстно, я, кажется, не лѣнюсь, ночи напролетъ просиживаю. Одни арестанскія дѣла такъ замучили...

— Все бы, братъ, поосторожнѣе надо.

— Да помилуйте, Александръ Иванычъ, некогда,

сами изволите знать; а не угоденъ я, такъ пожалуй и въ отставку.

— Что ты, братъ Ермилъ?... что ты?... Я это такъ только мимоходомъ замѣтилъ. Въ самомъ дѣлѣ, подастъ въ губернское правленіе... нехорошо.

— Да пусть его подаетъ: боюсь я его что ли? Просьба-то его не помѣчена — не подавалъ, да и только. Что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ? мальчикъ что ли я ему достался?... Подалъ, такъ жди; а то ужь и расхорохорился... Въ губернское пошлетъ! Знамъ мы это губернское!

— Все бы, братъ, замѣтилъ судья робко,—надо хоть для виду бумагу въ ходъ пустить. Я у тебя хлѣба не отнимаю, Богъ съ тобой: ты знаешь, я служу не изъ какихъ-нибудь особенныхъ видовъ, а такъ только, чтобы опечонка моя не шевелилась, да хоть бы на сахаришко достало.

— Знаю, Александръ Иванычъ, что вы человѣкъ чувствительный, жалѣете нашего брата, не отнимаете халтуры; за то вѣдь мы за васъ и въ огонь и въ воду готовы... Только ужь, воля ваша, не принимайте всякаго этакого вздора... Эдакъ всякая собака набрешетъ, да будете слушать, такъ тогда и служить нельзя.

Послѣ увѣреній съ той и другой стороны въ неизмѣнной любви и расположеніи, секретарь схватилъ свой картузъ и бумаги и вышелъ изъ комнаты, кланяясь и желая судьѣ всевозможныхъ благъ отъ Творца небеснаго.

III.

СУДЬЯ И ЗАСѢДАТЕЛИ.

Суббота. Съ ранняго утра городъ ожилъ. Сотни телѣгъ скрипучихъ и не скрипучихъ, тянутся по улицамъ: мужики, бабы, дѣвки, ребятишки, толкаются, жмутся, бранятся, обнимаются, колышатся по площади; питейный домъ отворенъ настежь... День базарный, важный для уѣздныхъ жителей. Все народонаселеніе, мужское и женское, молодое и старое, съ мѣшками, кулечками и проч., бѣжитъ на базаръ.

Въ знакомой намъ передней судейскаго дома, Васютка чистилъ съ помадной банки, часто туда поплевывая, барскіе сапоги. Куча тарелокъ, съ остатками ѣды, вѣроятно, отъ вчерашняго ужина, стояла въ безпорядкѣ на столѣ. Часовъ около девяти въ переднюю вошелъ человѣкъ высокаго роста, съ усами, въ синемъ суконномъ казакинѣ, и сѣлъ на конникъ подъ окно. Судя по тому, что мальчикъ на приходъ его не обратилъ никакого вниманія, видно, что это человѣкъ свой, домашній, съ которымъ церемониться не нужно. Усѣвшись, человѣкъ съ усами началъ что-

то насвистывать и смотрѣть въ окно; но такъ какъ окно это на дворъ, а на дворѣ, кромѣ свиньи, занимавшейся около помойной ямы, нѣтъ ничего замѣчательнаго, то онъ, осмотрѣвшись, и увидѣвъ двѣ сильно засаленныя книжки, подвинулъ ихъ къ себѣ и началъ разсматривать. Одна изъ книгъ была: «Сказаніе о славной битвѣ Куликовской», другая: «Краткій пѣсенникъ.» Послѣдняя вѣроятно показалась ему болѣе любопытною: онъ развернулъ ее и началъ про себя читать, скандуя стихи рукою по колѣну. По улыбкѣ, которая время отъ времени появляется на его губахъ, видно, что чтеніе это приноситъ ему много удовольствія, и читатель не удивится этому, ежели узнаетъ, что этотъ господинъ въ казакинѣ, съ замашками псаря и ухватками лихаго двороваго человѣка, который, крутя виски, отхватываетъ обыкновенно на балалайкѣ трепака за воротами, и всякой проходящей женщинѣ, прискакнувши, подноситъ балалайку чуть не къ лицу, приговаривая: «аль не любишь?» есть сельскій засѣдатель уѣзднаго суда, Поликарпъ Антоновъ Волкъ.

Пока онъ читалъ, Васютка, окончившій чищенье сапоговъ, принялся помадить себѣ голову свѣчнымъ огаркомъ. Въ то самое мгновеніе раздался свистъ. Засѣдатель съ усами всталъ, и пошелъ на этотъ свистъ, служившій вмѣсто колокольчика. Отправимся и мы за нимъ.

Въ бѣличьемъ вытертомъ тулупчикѣ, несмотря на пятнадцатиградусный жаръ, и въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, знакомецъ нашъ Александръ Иванычъ сидѣлъ

въ большихъ креслахъ, покрякивая, частію отъ лѣтъ, частію и такъ, по привычкѣ. Волкъ, войдя остановился у двери, поклонился полупочтительно, полуфамильярно, заложилъ руку за бортъ своего казакина и ожидалъ вопроса съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ стоитъ передъ бариномъ лакей съ трубкой и съ зажженной бумажкой, въ ожиданіи, когда барину угодно будетъ взять трубку, которую онъ требовалъ какъ можно скорѣй, и о которой забылъ въ жару разговора, не замѣчая, что лакей уже жжетъ руки.

— Ну, что, Волкъ, началъ судья: — былъ ты на базарѣ?

— Былъ-съ, да ничего нѣтъ, кромѣ баранины. Говядина — одни ребра, ни филея, ни огузка нѣтъ, и за ту просятъ сумасшедшую цѣну — по четырнадцати копѣекъ... я и не купилъ.

— Да что жь мы ѣсть-то будемъ?

— Щи вчерашніе остались, такъ ихъ подамъ, да оберточекъ сдѣлаю. Холодное солонина, а на жаркое развѣ цыпленка прикажите зарѣзать?

— Да развѣ есть у насъ цыплята? спросилъ Александръ Иванычъ съ удивленіемъ.

— Покрышкинскій управляющій намедни прислалъ пятокъ, да два фунта сливочнаго масла. Я хотѣлъ было вамъ доложить, да у васъ въ то время были гости, такъ и оставилъ.

Александръ Иванычъ сплеснулъ руками отъ негодованія.

— Пятокъ цыплятъ и два фунта масла за вводъ

во владѣніе! шепталъ онъ, возводя очи горѣ, какъ бы принимая небо въ свидѣтели своего оскорбленія. Вотъ дѣлай этимъ подлецамъ что-нибудь!... а вѣдь какъ кланялся, какъ распинался!... Э-э-хъ-ма! проклятая губернія!

Хотя онъ и умолкъ, но губы его долго послѣ этого судорожно дрожали: видно было что поступокъ покрышкинскаго управляющаго сильно оскорбилъ его.

Минутъ съ пять длилось мертвое молчаніе.

— Ну, хорошо, Волкъ, ступай! сказалъ Александръ Иванычъ, нѣсколько успокоившись.

Волкъ оборотился и пошелъ было къ двери, но потомъ, какъ бы спохватясь, воротился назадъ и сказалъ:

— Ермилъ Аѳанасьичъ (секретарь) присылалъ вчерась за мной журналы подписать, такъ я теперь пойду въ судъ; вы прикажите кому-нибудь безъ меня на кухнѣ присмотрѣть... вѣдь всяко бываетъ...

— Хорошо, хорошо, перебилъ его судья. Ступай, братъ Поликарпъ, подпиши журналы: это тоже дѣло нужное... Ты ужь, пожалуста, прибавилъ онъ, — журналовъ не задерживай. Вѣдь кто знаетъ — неравенъ часъ — наѣдетъ ревизоръ, такъ и не хорошо.

— Радъ бы радостью, Александръ Иванычъ, да вѣдь некогда. Вчерась изволили гнѣваться: папошникъ сыръ, уха пересолена: а вѣдь у меня только двѣ руки; воды принести, дровъ нарубить надо; а вѣдь я одинъ.

— Что жь, братъ Поликарпъ, дѣлать-то? Вѣдь и журналы тоже нужно. А ты бы велѣлъ себѣ статейки заложить, чтобъ не искать; вырвалось свободное время, пришелъ бы, да и подмахнулъ.

— Да, подмахнулъ!... Оно хорошо говорить, Александръ Иванычъ! Придешь въ судъ, такъ толку-то еще не скоро доберешься. Я еще хотѣлъ вамъ жаловаться на приказныхъ. Никакого уваженія ко мнѣ не имѣютъ; вѣдь я тоже присутствующій. Придешь другой разъ, спросишь журналы, а они тебѣ въ отвѣтъ: «ступай на кухню: тамъ за чумичкой они лежатъ.» Вѣдь больно, Александръ Иванычъ: я тоже членъ.

— Ахъ они мошенники! вскричалъ Александръ Иванычъ, всплеснувъ руками; — задамъ же я имъ!... Кто больше всѣхъ?...

— Воскресенскій, Панафидинъ, да еще Ивановъ — этотъ ужь такой озорникъ, что не приведи Господи!... Вы ужь меня, ваше благородіе, извините; ежели ужь онъ мнѣ надоѣстъ очень, я ему дамъ затрещину, да такую, что до иванова дня не образумится.

— Нѣтъ, нѣтъ, Поликарпъ! драться не надо, обойдемся и безъ этого. Сдѣлаемъ лучше вотъ что: пойдешь въ судъ, зайди отъ меня къ Ермилу Аѳанасьичу, да скажи, что какъ будетъ составлять росписанье на жалованье, такъ назначилъ бы... кто бишь больше пристаетъ-то къ тебѣ?

— Ивановъ-съ.

— Ну, такъ Иванову чтобъ назначилъ только пятьдесятъ копѣекъ, а тѣмъ по рублю серебромъ... слышишь?

— Слушаю-съ. Затѣмъ счастливо оставаться.

И онъ вышелъ.

IV.

ЗАСѢДАТЕЛИ.

На другое утро, часовъ въ десять, когда судья, подвязанный чистымъ платкомъ, усѣлся, по обыкновенію, на креслахъ подъ окномъ въ залѣ, и медленно пропускалъ въ себя утренній чай, въ залу вошли два господина. Вошли они безъ доклада, слѣдовательно приходъ ихъ дѣло обыкновенное. Это были два дворянскихъ засѣдателя уѣзднаго суда, и пришли поздравить судью съ праздникомъ, то-есть, съ воскресеньемъ.

Два господина эти, связанные узами тѣснѣйшей дружбы, что не мѣшало имъ, однакожь, живя вмѣстѣ и не разлучаясь другъ съ другомъ въ теченіе цѣлаго дня, или молчать по цѣлымъ недѣлямъ, или говорить другъ другу весьма рѣзкія истины, — стоятъ того, чтобы ими заняться нѣсколько подробнѣе. Одинъ изъ нихъ худой, блѣдный, съ лицомъ совершенно мертвымъ и неподвижнымъ, былъ одѣтъ чисто и опрятно, методически даже; воротнички его, безукоризненной бѣлизны, тонкіе и длинные, какъ два лезвія

кинжала, досягали почти до самаго носа; на глазахъ у него были серебряные очки, которые онъ, остановясь на минуту въ передней, протеръ бѣлымъ носовымъ платкомъ, хотя это было лѣтомъ и, слѣдовательно, потускнѣть они не могли. Положивъ этотъ платокъ, оставшійся впрочемъ неразвернутымъ, въ карманъ фрака, онъ изъ другаго кармана вынулъ другой, но уже клѣтчатый развернутый платокъ, и имъ бережно сбилъ пыль съ своихъ сапоговъ и панталонъ. Держался онъ невѣроятно прямо. Стеклянные глаза его смотрѣли неподвижно передъ собою. Чтобы взглянуть на предметъ, находящійся хоть нѣсколько въ сторонѣ, онъ ворочалъ не одни глаза, но голову и даже цѣлое туловище.

Товарищъ его, напротивъ того, какъ бы въ противоположность ему, былъ человѣкъ низенькій и толстый, съ широкимъ и заспаннымъ лицомъ, которое лоснилось отъ толщины и неопрятности; грязная рубашка торчала у него безобразно изъ подъ галстуха, сдѣланнаго изъ полоски чернаго миткаля; фракъ и нижнее платье были всѣ въ пятнахъ, измяты и въ пуху; на первомъ не доставало даже пуговицъ. Войдя въ переднюю, онъ небрежно сбросилъ на конникъ шинель свою бронзоваго цвѣта, и хотя провелъ рукою по волосамъ, но это движеніе болѣе взъерошило ихъ, чѣмъ пригладило. Несмотря на то, что онъ готовъ былъ прежде своего товарища, онъ подождалъ его въ передней и даже пропустилъ впередъ въ дверь, какъ бы имѣя къ нему ежели не уваженіе, то по крайней мѣрѣ особенное вниманіе.

Не успѣли эти господа войдти въ залу, какъ въ передней появилось новое лицо, которое, быстро снявъ съ головы шляпу, вынуло изъ шляпы платокъ, утерло имъ себѣ носъ (хотя на носу у него ничего небыло) и на цыпочкахъ, но рысью, вступило съ ними вмѣстѣ въ залу, такъ что судья могъ подумать, что они пришли вмѣстѣ. На новопришедшемъ былъ желтоватый, суконный, такъ называемый верблюжій азямъ и смазные русскіе сапоги; небольшая рыжеватая бородка украшала его морщиноватое лицо.

Всѣ эти три лица, поклонясь, стали въ шеренгу вдоль стѣны, а господинъ съ бородкой прибавилъ къ поклону сладкую улыбку.

Судья, знавшій причину ихъ посѣщенія, произнесъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! покорно васъ благодарю. Какъ поживаете?

— Хорошо-съ! сказалъ блѣднолицый монотоннымъ голосомъ.

— Оченна, слава Богу, хорошо-съ! прибавилъ толстякъ.

Человѣкъ съ бородкой улыбнулся и поклонился.

— Милости просимъ садиться, замѣтилъ имъ судья.

— Не устали-съ! отвѣчалъ блѣднолицый.

— Все сидѣли-съ! прибавилъ толстякъ.

Бородка улыбнулась, поклонилась и какъ-то странно засѣменила на своемъ мѣстѣ.

Судья, зная, что съ двумя первыми разговора не завяжешь, а также и не усадишь ихъ, обратился къ

человѣку съ бородкой, который былъ не кто другой, какъ сельскій засѣдатель, Ануфрій Аксентьичъ Краюхинъ.

— Ну а ты, Краюхинъ, всѣ журналы заклеймилъ?

— Какже батюшка, Александръ Иванычъ, какже-съ, произнесъ онъ, кланяясь, улыбаясь и сѣменя ногами: — всѣ-съ... притаманно, всѣ-съ... извольте хоть Ермила Аѳанасьича поспрошать...

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ судья и желая какъ-нибудь завести разговоръ съ двумя другими господами, обратился къ нимъ:

— Кажется, нынѣ жарко на дворѣ, господа?

— Жарко-съ! отвѣчалъ блѣднолицый.

— Оченна тепло-съ! прибавилъ толстякъ.

Этимъ разговоръ и кончился.

Судья, видя, что завязать его нѣтъ никакой возможности, хотѣлъ было расклaняться, чтобы дать знать гостямъ, что они могутъ идти, какъ вдругъ блѣднолицый выступилъ впередъ и своимъ монотоннымъ голосомъ произнесъ:

— Имѣю объяснить-съ...

Ежели бъ колокольня вдругъ зашевелилась и стала разгуливать по улицамъ какъ модная барыня, судья удивился бы менѣе, чѣмъ этой выходкѣ блѣднаго засѣдателя. Какъ? человѣкъ, три года молчавшій, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крайне нужно было говорить, — человѣкъ, на вопросы всегда отвѣчавшій односложными: *да-съ!* и *нѣтъ-съ!* теперь вдругъ самъ начинаетъ разговоръ! Александръ Иванычъ рѣшительно не могъ опомниться.

— Что, что такое, сударь, имѣете вы объяснить?

— Вчера-съ... намъ жалованье выдали-съ...

— Ну, да сударь, выдали... что жь такое?

— Мелочью-съ.

— Ну, да, мелочью... мы всѣ такъ получили... такъ распорядилось казначейство... Что жь съ этимъ дѣлать?

— Не могу принять-съ!

— Чего, сударь, не можете принять?

— Мелочи-съ! Въ законѣ сказано: жалованье выдается ассигнаціями.

— Да вамъ-то какой же тутъ убытокъ? что мелочь, что ассигнаціи, развѣ для васъ не все равно? еще выгода есть, ежели захотите промѣнять.

— Не могу принять-съ! Я жаловаться буду-съ!

— Да на что и на кого, сударь, вы жаловаться будете?... а впрочемъ какъ хотите, — мое дѣло сторона.

— Еще имѣю объяснить-съ.

— Что еще такое?

— Журналы переписали-съ.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ секретарь.

— А! вотъ кстати и Ермилъ Аѳанасьичъ! Какой это тамъ журналъ переписали, говоритъ Аркадій Николаичъ?

— Помилуйте, Александръ Иванычъ, какой журналъ! Вѣдь уже и я и стряпчій представляли Аркадію Николаичу, да они слушать не хотятъ... Извольте видѣть: дня съ три тому назадъ, положилъ я Арка-

дію Николаичу подписать журналы: они, какъ водится, не говоря ни слова, и подписали ихъ, да какъ-нибудь по ошибкѣ и пропустили одну статью. Я и самъ этого, признаться, не домекнулъ, послалъ журналы къ стряпчему; стряпчій шлетъ назадъ, говоритъ: «нельзя журналъ пропустить: не всѣ статьи подписаны!» Я глядь, анъ и въ самомъ дѣлѣ одна статья пропущена. Я къ Аркадію Николаичу, говорю: такъ и такъ... куда-те! онъ и слушать не хочетъ... Переписанъ говоритъ, да и кончено. Я послалъ за стряпчимъ: убѣждали, убѣждали его... нѣтъ! сталъ на своемъ: переписанъ, да и только!... Я и журналъ-то этотъ принесъ. Извольте взглянуть сами.

Судья, взглянувши, убѣдился, что дѣйствительно одна статья пропущена, но что на другой страницѣ этого же листа, подъ другою статьею, подписано: «Дворянскій засѣдатель Недопекинъ.»

— Какъ же вы, Аркадій Николаичъ, говорите, что статья переписана? развѣ эта не ваша рука?

— Моя-съ!... я никогда статей не пропускаю-съ!

— Ну, а эту пропустили... мало ли что случается!...

— Не могу-съ!... журналъ переписанъ-съ... я жаловаться стану-съ.

— Ахъ, Боже мой, да жалуйтесь кому хотите... кто жь вамъ велѣлъ пропустить статью...

— Я всѣ подписалъ-съ.

— Да какъ же всѣ, когда одна пропущена? Я чай, вы знаете, что подписываете.

— Никакъ нѣтъ-съ! не знаю-съ... я журналовъ не читаю-съ: глаза болятъ-съ.

— Ну, такъ заставьте кого-нибудь читать себѣ...

— Не могу-съ: обманутъ!

— Ну, да какъ же, батюшка, съ этимъ сдѣлать? Сами читать не можете, заставить не хотите, такъ подписывайте такъ.

— Не могу-съ! Я жаловаться буду-съ!

— Ну, жалуйтесь, Богъ съ вами, кому хотите... это наконецъ скучно!...

И съ этимъ словомъ судья, видимо раздосадованный, отошелъ прочь. Тогда блѣдный засѣдатель, стоявшій неподвижно, вдругъ обернулся и, не говоря ни слова, даже не поклонясь, вышелъ изъ комнаты; толстякъ послѣдовалъ за нимъ.

— Что это съ нимъ сдѣлалось? спросилъ судья, когда они вышли.

— Да чортъ его знаетъ, прости Господи! отвѣчалъ секретарь: — бѣлены, что ли, объѣлся! Вѣдь только вамъ не докладываю, Александръ Иванычъ, безпокоить васъ не хочу, а то иной разъ съ нимъ вѣдь мученье, да и только. Сумасшедшій ли онъ, али такъ на него находитъ, чортъ его знаетъ!... Иногда придетъ, сидитъ себѣ сложа руки, не дѣлаетъ ничего. Просишь, просишь исходящія подписать—нѣтъ! молчитъ, да мотаетъ головой. А въ другой разъ все подпишетъ какъ надо, и все торопится, а куда торопится, Богъ его знаетъ. Много сбиваетъ его этотъ толстомясый. Вотъ бестія-то, прости Господи!... Намедни такую штуку отмочалилъ, что хоть топись. Струхнулъ я признаться сказать. Видите ли: есть у насъ дѣло

Полянскихъ о землѣ. По этому дѣлу получили недавно указъ гражданской палаты — и въ пользу Полянскихъ. По обыкновенію, указъ доложили, сдали, —и позабылъ я о немъ. На дняхъ какъ-то понадобился мнѣ указъ, и говорю я повытчику: «дай-ка, братъ, сюда указъ Полянскихъ-то.» Часъ проходитъ, другой проходитъ — не несутъ указа. Я въ канцелярію — говорю: «что жь Полянскихъ указъ-то? скоро ли его дождусь?» Повытчикъ ко мнѣ, да и чуть не со слезами, говоритъ: «Ермилъ Аѳанасьичъ! бѣда сдѣлалась: указъ пропалъ!» — Ищите, говорю, не то солдатомъ будете. Взвылъ мой парень, принялся по листочку весь шкапъ перерывать... Искалъ, искалъ— нѣтъ указа! пропалъ. На другой день прибѣжалъ ко мнѣ чуть не до свѣту: на самомъ лица нѣтъ... Батюшка! Ермилъ Аѳанасьичъ! — говоритъ — «не нашелъ указа,» а самъ какъ зальется, зальется. Жалко мнѣ его стало: человѣкъ смирный; жена, четверо, не то пятеро дѣтей: погибнетъ ни за копѣйку. — Не отдавалъ ли кому? спрашиваю... «Богъ вамъ свидѣтель, говоритъ, никому не отдавалъ»... «Ну, не имѣешь ли на кого подозрѣнія?...» Подумалъ мой повытчикъ, да и говоритъ: «Ѣздилъ вчера Желудевъ въ Полянщину: ужъ не онъ ли взялъ его съ собой!» А что, и впрямь, подумалъ я. Отъ этого шельмы все станется. «А кто его возилъ въ Полянщину?» Да, кажется, Воробьевъ Никита.» Я къ Воробьеву: «ѣздилъ, дескать, ты съ Желудевымъ въ Полянщину?» —Ѣздилъ... «Когда воротились?» — «Вчерась... поздно вечеромъ. «Въ какомъ видѣ былъ Желудевъ?» — Хмѣ-

ленъ шибко... «Не видалъ ли ты у него въ рукахъ какой бумаги?»—Видѣлъ. Онъ все вертѣлъ ее, да какъ заснулъ, такъ она и выпала изъ рукъ. «Гдѣ же эта бумага?» — Отдалъ хозяйкѣ. Я къ Воробьевой хозяйкѣ — говорю: «Такъ и такъ, не отдалъ ли тебѣ Никита какой бумаги?»— Отдалъ, батюшка. «Гдѣ же она?»—Да вотъ, вишь ты, я разорвала ее по поламъ: въ одну половину завернула свѣчи, а въ другую взяла было масла изъ лавочки, да какъ положила масло въ маходочку, такъ и бросила ее, а куда родимый, не припомню. «Ну, гдѣ жь та, что свѣчи завернула?» — Здѣсь батюшка! и подаетъ мнѣ. Смотрю, онъ!... онъ!... указъ палатскій... ахъ мошенникъ, мошенникъ! что ты станешь дѣлать? Принесъ домой, ну клеить, склеилъ кое-какъ; нѣтъ только другой страницы. Гляжу, назавтра Никита Воробьевъ волочетъ другой листъ. «Гдѣ нашелъ?»—Да въ навозѣ. Послалъ ребятъ навозъ на десятину вывезти; они стали сваливать, глядь, тамъ лежитъ какая-то бумажка. Я и принесъ ее къ твоему благородію. Надѣлалъ было бѣды намъ, проклятый... и съ шеи бы не стрясли.

— Чѣмъ намъ терпѣть отъ него, такъ не лучше ли представить губернскому правленію? замѣтилъ Александръ Иванычъ.

— Плакаться, проклятый, будетъ, — вотъ что! Положимъ, одна голова — ни впереди, ни назади никого нѣтъ, а все какъ-то!... ну, а ужь иногда такъ насолитъ, что, кажется, въ Сибирь бы его сослали, такъ не пожалѣлъ бы. На прошлой недѣлѣ еще что сварганилъ! Надо было въ губернское правленіе рапор-

ты посылать. Аркадій Николаевичъ что-то не вышелъ: понездоровилось ли ему, али такъ дурь напала, — только некому рапортовъ подписать. Послалъ я за этимъ толстомясымъ на квартиру, — нѣтъ его на квартирѣ; послалъ въ трактиръ, — тамъ сидитъ и на торбанѣ играетъ. Зовутъ его въ судъ. «А что я тамъ забылъ!» говоритъ. Я къ нему опять: говорю, очень нужно, рапорты въ губернское правленіе надо подписать. «А мнѣ-то какое дѣло?» говоритъ. Пусть пришлютъ сюда рапорты, да поставятъ бутылку пива, такъ подпишу.» Помялся, помялся я, а вѣдь дѣлать-то нечего, послалъ рапорты въ трактиръ и пятачекъ серебра на пиво далъ... да эдакъ онъ меня въ утро наказалъ на цѣлый двугривенный. А! какъ вамъ это покажется?

— Нѣтъ, нѣтъ Ермилъ Аѳанасьевичъ! нечего и мѣшкать! представить объ выключкѣ... повадка другимъ, коли такъ оставить.

Въ это время на улицѣ послышались бубенчики и колокольчики: тройка борзыхъ коней неслась по улицѣ и съ шумомъ остановилась у судейскаго крыльца.

Секретарь бросился къ окну.

— Кто, кто тамъ? закричалъ Александръ Иванычъ.

— Исправникъ съ городничимъ, и въ новомъ тарантасѣ!... важный тарантасъ!... ему гдѣ-то въ уѣздѣ дѣлали.

Александръ Иванычъ тяжело вздохнулъ.

— Хорошо быть исправникомъ, прибавилъ онъ: ему и тарантасы дѣлаютъ, ему и то и другое; а нашему брату — двѣ пары цыплятъ, да два фунта масла за вводъ во владѣніе.

Секретарь услышавъ это a parte, улыбнулся. Этотъ вводъ принесъ ему запаса чуть ли не на цѣлый годъ, а цыплятъ и масло онъ отдѣлилъ судьѣ уже отъ себя, изъ милости.

V.

ИСПРАВНИКЪ И ГОРОДНИЧІЙ.

Неуспѣлъ старикъ-судья подняться съ мѣста, какъ въ залу вбѣжалъ исправникъ, человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, полный, здоровый, съ порядочнымъ брюшкомъ и въ широчайшихъ шароварахъ, въ однобортномъ сюртукѣ, съ черными стоячимъ воротникомъ, и гербовыми пуговицами. Его красное, лоснящееся лицо показывало человѣка разгульнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровеннаго и добраго по природѣ. По ухваткамъ его видно, что онъ когда-то служилъ въ военной службѣ; онъ держался прямо, смѣялся во весь ротъ, болталъ что ни попало; говоря, чуть не кричалъ, какъ будто окруженный глухими, и былъ, какъ говорится, sans-facon.

Слѣдовавшій за нимъ городничій составлялъ съ нимъ разительный контрастъ. Это былъ человѣкъ тоже высокаго роста, но худой и стройный, съ высокимъ лбомъ, покрытымъ морщинами, слѣдами ежели не мысли, то по крайней мѣрѣ разгульной

жизни; волосы его были коротко подстрижены; въ его движеніяхъ было много ловкости, привлекательности и вмѣстѣ той изящной простоты, которая пріобрѣтается только въ порядочномъ и образованномъ обществѣ. Онъ былъ молчаливъ, хотя по природѣ имѣлъ веселый нравъ. Было ли это слѣдствіе усталости жизни, или пустоты, рѣшить трудно. Въ его походкѣ и движеніяхъ было много лѣни, или, скорѣе, лѣниваго равнодушія ко всему его окружающему.

Исправникъ прямо бросился къ судьѣ, ударилъ его рукою по плечу, несмотря на то, что тотъ былъ вдвое его старѣе, и закричалъ:

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ! Какъ поживаете?... Къ предводителю ѣдете?

— Ѣду, ѣду, батюшка! торопливо проговорилъ судья, зная, что ежели онъ не успѣетъ отвѣчать тотчасъ, такъ тотъ заговоритъ о другомъ: — только я сперва дома пообѣдаю, да сосну, а тамъ ужь и поплетусь. У предводителя нынче обѣдаютъ поздно; еще успѣю... ну, а вы господа?

— Мы! мы! закричалъ исправникъ; — мы съ Петромъ Андреичемъ махнемъ сперва къ Еремеевымъ... онъ тамъ, этакъ... знаете?

— Полно, пустомеля! проговорилъ тихо городничій.

— А что жь такое?... быль молодцу не укора... Вѣдь и вправду сказать, что за дѣвка! у — у! а! малина!... плечи-то, плечи-то — объяденье!..

такъ мурашки по спинѣ и пробѣгутъ, какъ взглянешь... Правда, Петръ Андреичъ?

Городничій не отвѣчалъ, а только махнулъ рукою и отошелъ.

— Ну, полно миндальничать, продолжалъ исправникъ;—вѣдь ужь нравится, знаю!... что грѣха таить?... дѣвка — нечего сказать! ростъ, глаза, шея... Фу, ты, Господи! такъ бы вотъ, кажется, и съѣлъ... а что Александръ Иванычъ, водится у васъ водка?

— Какже, какже, сударь!... Эй, Васютка! Подай Ираклію Никитичу водки.

— А со мной откупщикъ какую штуку было вздумалъ удрать: сперва присылалъ все по ведру полугара и по ведру пѣннаго въ мѣсяцъ, вдругъ вздумалъ присылать пѣннаго только по полуведру. «Э, братъ, шалишь! думаю. У насъ не такъ!» И тотчасъ хлопъ предписаніе становымъ—закрыть кабаки во время обѣдни и ранѣе двѣнадцати часовъ не отпирать. Какъ услыхалъ это откупщикъ, бѣжитъ ко мнѣ.. «Батюшка, Ираклій Никитичъ! за что гнѣваться изволите?» — Я-съ, ничего-съ, говорю ему. «Да какъ такъ? вотъ повѣренные говорятъ мнѣ, что вы запретили!... — Запретилъ...» — что жь дѣлать-съ, законъ!... Догадался мой откупщикъ, да такой-то сладкой водки доставилъ, что въ ротъ, то спасибо; какъ пьешь, боишься языкъ проглотить.

— Не пора ли намъ? замѣтилъ городничій.

— А ужь тебя подмываетъ! погоди, я еще водки не пилъ... Эй, Васютка! чертенокъ!... что жь ты

барина не слушаешься, не даешь водки? Смотри, въ трубную потребую.

Мальчикъ, между тѣмъ, несъ уже на тарелкѣ графинъ съ кусочкомъ хлѣба. Увидѣвъ его, исправникъ проговорилъ нараспѣвъ:

Ѣхалъ чижикъ въ лодкѣ
Въ очень важномъ чинѣ.
По этой причинѣ
Надо выпить водки.

Налилъ и выпилъ, прибавивъ:

— Ваше здоровье, Александръ Иванычъ. Ну, а ты Петръ Андреичъ?

— Нѣтъ, я натощакъ пить не стану.

— Баба! а еще въ гусарахъ служилъ!... Какъ это тебя изъ полка-то не выгнали?... Нѣтъ-съ, по нашему-съ, такъ надобно повторить-съ, потому что-съ «первая коломъ, вторая соколомъ, а третья мелкими пташечками».

И выпилъ другую рюмку.

— Ну что у васъ въ судѣ? Спросилъ Александръ Иванычъ.

— Что! разумѣется что — выговоры да нахлобучки. Да вчера разбѣсилъ меня Антоновъ, становой приставъ перваго стана. Вытребовалъ его, нечего дѣлать, къ себѣ, да попудрилъ голубчика. Надоѣлъ! — переведу во второй станъ; тамъ все казенные, пусть барахтается съ окружнымъ; у этого не много пощетинится... отобьетъ у него охоту... зубастъ!...

— Да-съ, замѣтилъ Александръ Иванычъ: — не осторожно: самъ попасться можетъ.

— Да какъ же не попасться!... такъ ни за понюхъ табаку пропадетъ... а на его мѣсто переведу Лисицына. Вотъ такъ человѣкъ! Ну, ужь этого, братъ, не проведешь!... На обухѣ рожь молотитъ!... вѣдь вотъ сколько лѣтъ становымъ, — жалобъ нѣтъ! а дѣла свои ведетъ кругленько. Этотъ не пойдетъ съ возовъ на базарахъ по рыбкѣ брать... нѣ...ѣ-тъ! Позоветъ сотскихъ, да скажетъ: пора, забыли! такъ и волокутъ по зелененькой; а за что? да сами не знаютъ. Вѣдь какъ боятся-то... такъ трёсомъ и трясутся, какъ взглянетъ. Молодецъ! нечего сказать!

— Ну, а какъ дѣла-то у него идутъ? спросилъ судья.

— Какъ дѣла? отлично, разумѣется. Такого ходока на дѣла поискать!... Хватъ!... да кромѣ этого, какая тонкая штука! Вотъ сколько лѣтъ становымъ приставомъ, а видали ли вы, чтобъ у него ставни въ домѣ когда-нибудь были открыты?

— Да гдѣ же, батюшка, ставнямъ быть открытымъ, когда онъ не живетъ въ городѣ! замѣтилъ судья.

— Въ томъ-то и штука! началъ исправникъ, — что живетъ въ городѣ, а ставни закрыты: для чего? На стану, дескать, да и только. Никогда никто не знаетъ, когда онъ прiѣзжаетъ, или уѣзжаетъ изъ города. Вотъ, сейчасъ, кажется, былъ у васъ, а спроси черезъ минуту: гдѣ? — на станъ, говорятъ, уѣхалъ. Ужь нечего сказать, молодецъ!

— А вотъ Ермилъ Аѳанасьичъ говоритъ, началъ опять судья, что дѣла-то у него, какъ онъ былъ секретаремъ уѣзднаго суда, не шибко хорошо шли.

— Знаетъ вашъ Ермилъ Аѳанасьичъ чорта съ два. Такихъ, какъ онъ, Лисицынъ два раза проведетъ и выведетъ, прежде нежели тотъ догадается. Вы знаете ли его продѣлку по Наливкинскому-то дѣлу? Это просто мастерская штука, букетъ, трипль-эссенція; такая штука, за которую не жаль медаль дать.

— Какое же это, батюшка, Наливкинское дѣло? Я что-то не помню.

— Наливкинъ — ну помните — что въ Долгомъ-то жилъ? еще горькій пьяница былъ, а человѣкъ-то богатый: около него и сватались все Нефедьевы — народъ продувной; они съ Лисицынымъ шибко въ ладу жили. Ну, пилъ, пилъ Наливкинъ, да и умеръ, и послѣ себя духовное завѣщаніе оставилъ: отдаю, дескать, все Нефедьевымъ. Имѣнье большое, душъ слишкомъ тысячу, есть о чемъ похлопотать. Какъ водится, духовное завѣщаніе въ палату, свернули дѣло дня въ три, и ужь указъ изъ суда готовъ, чтобъ ввести во владѣніе. На тотъ грѣхъ прискакалъ повѣренный отъ Наливкина сестеръ. «Какъ? говоритъ, постойте-ка, имѣніе-то родовое, — духовному завѣщанію не подлежитъ.» Они, было, туда, сюда, да видно, не на таковскаго напали. Подалъ прошеніе. Судить тутъ долго нечего: хвать, хвать, а надо имѣніе отдать Наливкина сестрамъ. Нефедьевы къ Лисицыну, просятъ

его: «Батюшка, говорятъ, помоги!» Онъ и придумалъ штуку. Написали рѣшеніе уѣзднаго суда: «хотя имѣніе и родовое, но по уваженію такихъ-то и такихъ-то причинъ и на основаніи такой-то и такой-то статьи, отдать имѣніе Нефедьевымъ, и вызываютъ тяжущихся къ выслушанію.» Повѣренный Наливкиныхъ явился, хочетъ читать рѣшеніе, а Лисицынъ-то лабзится около него, увивается, да и говоритъ: «Э, Иванъ Пантелеичъ, стоитъ вамъ безпокоиться, подпишите, что объявите объ удовольствіи, или неудовольствіи въ семидневный срокъ, а теперь пора и за водочку приниматься.» Повѣренный было туда, сюда... куда-те! обошелъ его, спуталъ словами, наговорилъ съ три короба, такъ мелкимъ бѣсомъ и разсыпается: Нефедьевы и мерзавцы-то, и кляузники, и чуть ли не нарочно споили Наливкина. Развѣсилъ мой повѣренный уши; думаетъ, вотъ на честнаго человѣка напалъ: подмахнулъ, что объявитъ въ семедневный срокъ. Этого только и хотѣлъ Лисицынъ. Онъ его къ себѣ: водочки, винца, закуски, другаго-прочаго; пошла потѣха, море разливанное. Какъ и чѣмъ онъ его поилъ — неизвѣстно, только въ восьмой день прибѣгаетъ повѣренный въ судъ, словно полоумный, не бритый, растрепанный и говоритъ всякій вздоръ, что его и въ погребу-то держали, и насильство всякое чинили, и проситъ допустить его къ подпискѣ, что онъ рѣшеніемъ не доволенъ. Къ кому же идти, какъ не къ самому Лисицыну? Докладываютъ! — Лисицынъ подходитъ къ дверямъ

присутствія, въ мундирѣ, и важно спрашиваетъ повѣреннаго: что ему нужно? Мой повѣренный заикнулся было о рѣшеніи, а онъ ему: «да вы пропустили срокъ. Не вы ли сами подписку дали, что въ теченіи семи дней объявите объ удовольствіи, или неудовольствіи? Теперь поздно!» Взвылъ мой повѣренный, бросился было къ стряпчему: — куда-те! Пропустилъ, дескать, срокъ, да и только. Сунулся въ губернское, въ палату — вездѣ одинъ отвѣтъ: срокъ пропустилъ!

Городничій, видимо, скучавшій этимъ разговоромъ, и переходившій отъ одного окна къ другому, подошелъ наконецъ къ бесѣдующимъ, вынулъ часы и, толкнувъ исправника, указалъ ему на стрѣлку.

— Знаю, знаю, закричалъ исправникъ смѣясь, что у тебя поджилки трясутся отъ нетерпѣнья; ну ужь такъ и быть поѣдемъ. Прощайте, Александръ Иванычъ, до свиданья!

И не выйдя еще изъ залы, онъ натянулъ на голову картузъ, и что-то запѣлъ вполголоса. Городничій, пожавъ молча руку у судьи, поспѣшилъ за нимъ.

VI.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Деревня предводителя была верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города. Это было большое село, въ которомъ жили нѣкогда два врага-владѣтеля, до такой степени ненавидѣвшіе другъ-друга, что одинъ изъ нихъ, не желая встрѣчаться съ другимъ нигдѣ, даже въ храмѣ Божіемъ, сверхъ имѣющейся уже въ деревнѣ большой церкви, построилъ другую. Съ его смертію, разумѣется это измѣнилось. Поросшій травою ея помостъ и пространство за оградою, показывали, что служеніе въ ней происходило рѣдко, а ежели и бываетъ, то не посѣщается народомъ. И дѣйствительно, при жизни строителя, посѣщалъ ее онъ одинъ; народъ же, несмотря на принужденіе, ходилъ въ старую церковь — большое четырехъугольное зданіе, съ пятью главами. Домъ предводителя тѣсный, какъ старинные помѣщичьи дома, былъ деревянный въ два этажа, съ высокою тесовою крышей. Онъ былъ окруженъ съ одной стороны сто

лѣтними липовыми аллеями и березками, подстриженными самыми затѣйливыми фигурами, а съ другой избами дворовыхъ, конюшнями, сараями, хлѣвушками, птичниками и кучами навоза. Большія комнаты выходили окнами въ темныя аллеи, отчего у предводителя было всегда, даже въ самые ясные лѣтніе дни, въ родѣ полусвѣта; а изъ оконъ заднихъ комнатъ можно было во всякій часъ дня видѣть, какъ

Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ.
Двѣ утки полоскались въ лужѣ...

и проч. и проч.

Домъ предводителя былъ какимъ-то музеемъ всякаго хлама, частію наслѣдственнаго, частію благопріобрѣтеннаго, или созданнаго имъ самимъ. На первомъ планѣ были картины: онѣ висѣли и въ передней, и въ залѣ, и въ гостиной, и въ диванной — всюду, гдѣ только было можно прицѣпить ихъ, безъ разбору, безъ системы, безъ малѣйшаго соблюденія свѣта и тѣни. Предводитель, какъ видите, былъ страстный охотникъ до живописи; но такъ какъ въ цѣлую жизнь свою онъ не былъ дальше своего губернскаго города, то слѣдственно и не могъ собирать картинъ постороннихъ художниковъ: всѣ они были произведеніемъ доморощеннаго художника Феофилашки, всегда полупьянаго, какъ и всѣ подобные великіе артисты. Феофилашка былъ именно такимъ художникомъ, какого описалъ Нахимовъ, говоря:

Что кисть его всегда надъ смертными играла,
Гаврилу Сидоромъ, Кузьму Лукой писала

—что однако не мѣшало ему истинно любить свое искуство. На несчастіе, предводитель, не понимавшій въ живописи ни бельмеса, взялся быть руководителемъ его артистическихъ способностей. Гдѣ Феофилашка хотѣлъ сдѣлать желто, тамъ предводитель приказывалъ дѣлать красно; гдѣ должна была быть, по мнѣнію Феофилашки, зелень, тамъ предводитель находилъ приличнымъ голубое. — Однимъ словомъ, предводитель былъ нравственный мучитель Феофилашки, способности котораго, стѣсненныя въ свободномъ творчествѣ непреклонною барскою волей, гибли безвозвратно. Можетъ это и было отчасти причиной того восторженнаго состоянія, въ которомъ онъ постоянно находился, почерпая оное и изъ безпрестанныхъ противорѣчій, и изъ косушки, постоянно стоявшей въ конникѣ передней. И за то картины его носили печать генія предводительскаго и его страсти къ пестротѣ. Что это такое было, право даже и разсказать трудно. На иномъ Римлянинѣ было цвѣтовъ до двадцати; даже Испанскій какой-нибудь грандъ, несмотря на то, что въ жизни не носилъ ничего кромѣ чернаго, на картинахъ блестѣлъ всѣми цвѣтами радуги, какъ павлинъ. Эстетическое чувство Феофилашки, несмотря на незнаніе исторіи, возмущалось этимъ: тщетно спорилъ онъ, тщетно просилъ у барина, какъ милости, позволить написать хоть одну картину на свободѣ, — упрямый старикъ былъ неумолимъ. Какъ тѣнь Феофилашкина, сидѣлъ онъ за его спиною и кричалъ безпрестанно: не такъ! темнѣе! ярче! вытяни

ноги, подыми голову! убавь глазъ! и бѣдный художникъ крехтя и вздыхая исполнялъ барскую волю, увѣряя тѣхъ, кто хотѣлъ его слушать, что лучше молотить, чѣмъ писать картины въ присутствіи барина.

Картинный музеи предводителя былъ какимъ-то хаосомъ всѣхъ возможныхъ вѣковъ, вкусовъ и школъ. Чуть услышитъ разговоръ о какой-нибудь замѣчательной картинѣ, гравюрѣ, или даже литографіи, сейчасъ деньги въ К—ь, (съ столицами онъ не имѣлъ сношеній) чтобъ ему выслали эту гравюру, или литографію съ картины, только бы была та самая, о которой говорили. Что ему за дѣло, что оригиналъ работы Гіото, Рубенса, Мурильо, Рафаэля, Теньера, Прудона или Брюлова — съ гадкой литографіи онъ воспроизведетъ подлинникъ въ его настоящую величину, да и дѣло кончено. Бѣдные чиновники, служащіе по выборамъ, и ѣздившіе къ нему по обязанности, были необходимою жертвой этой пинксоманіи.

Показывая гостямъ свою драгоцѣнную картинную галлерею — засѣдателю ли то отъ дворянъ, или смотрителю хлѣбныхъ магазиновъ, — предводитель со всевозможными подробностями и всевозможною хвастливостію, составляющею отличительную черту его характера, разсказывалъ о происхожденіи каждой картины, замѣчая, какъ Феофилашка, по врожденному его холопской натурѣ упрямству, не хотѣлъ писать такъ и такъ, и какъ онъ, Евсигней Андреичъ, приказывалъ ему дѣлать такъ и такъ, отчего

и картина вышла отличная, къ чему обыкновенно прибавлялъ: «конечно, я не видалъ подлинника, но полагаю съ достовѣрностію, что эта копія немногимъ хуже подлинника.» И чиновники по выборамъ, никогда не слыхавшіе ни о Рубенсѣ, ни о Мурильо, благоговѣли предъ ученостью предводителя, и не понимая ни на волосъ, восхищались и ахали передъ произведеніями Феофилашки и вмѣстѣ съ предводителемъ оплакивали будущую судьбу ихъ. «Достанутся въ руки какимъ-нибудь варварамъ! говорилъ онъ (предводитель былъ не женатъ; варварами называлъ онъ своихъ наслѣдниковъ) — больно это мнѣ, очень больно! Не будутъ они умѣть оцѣнить эти вещи.»

Евсигней Андреичъ Жегуевъ былъ въ своемъ родѣ лицо замѣчательное. Получивъ въ наслѣдство отъ отца семьсотъ душъ, баловникъ матери, но добрый по природѣ, онъ имѣлъ двѣ слабости, развиты, правда, донельзя: это — самолюбіе и честолюбіе. Онъ слыхалъ, что вельможи цѣнятъ и покровительствуютъ искусствамъ и принимаютъ къ себѣ художниковъ, какого бы они ни были происхожденія. Отъ этого онъ и сдѣлался любителемъ живописи. Къ тому же, между уѣздными помѣщиками и чиновниками, надобно же было чѣмъ-нибудь отличиться, имѣть возможность поважничать и за дешевую цѣну прослыть все-таки человѣкомъ недюжиннымъ. Скупой отъ природы, онъ однако жертвовалъ каждый годъ рублей двадцать пять или пятьдесятъ, ассигнаціями, въ пользу бѣдныхъ, посылая этѣ деньги въ редак-

цію «Московскихъ Вѣдомостей» съ тѣмъ только условіемъ, чтобы редакція Вѣдомостей печатала описанія торжествъ; «устраиваемыхъ почтеннымъ предводителемъ города Картолюбова, Евсигнеемъ Андрѣевичемъ Жегуевымъ.» Описанія эти сочинялъ онъ самъ. Въ нихъ высокопарнымъ и безграмотнымъ языкомъ говорилось: о великолѣпномъ щитѣ, горѣвшемъ тысячами ослѣпительныхъ радужныхъ огней; о музыкѣ, гремѣвшей безъ умолку цѣлую ночь, и проч. и проч. Великолѣпный щитъ былъ склеенъ изъ четырехъ листовъ писчей бумаги, а ослѣпительное освѣщеніе состояло изъ десятковъ двухъ стаканчиковъ и такого же количества плошекъ, поставленныхъ на заборъ, противъ его оконъ, къ которымъ, « въ предупрежденіе несчастнаго случая отъ могущаго произойти пожара при иллюминаціи», формальнымъ отношеніемъ онъ всякій разъ требовалъ чиновника полиціи, съ пожарною трубою. Въ откровенной бесѣдѣ онъ очень жаловался на редакцію Вѣдомостей за то, что она, взявъ деньги и раздавъ ихъ бѣднымъ, никогда не печатала его описаній, что̀, однако, не мѣшало ему каждогодно возвышать посылаемую въ редакцію, вмѣстѣ съ описаніями торжествъ, сумму денегъ. Дойдя до ста рублей и видя, что и эта сумма не помогаетъ, онъ остановился. Но это было его смертельнымъ ударомъ: даже хвастать сталъ онъ меньше съ этихъ поръ.

Я замѣтилъ уже, что Евсигней Андреичъ былъ человѣкъ простой и добрый, и способенъ былъ на все хорошее тамъ, гдѣ не было замѣшано его само-

любіе. Но лишь это самолюбіе было затронуто, не было гадости, на которую бы онъ не рѣшился. И вотъ этому доказательство. Не смотря на 30-верстное разстояніе деревни предводителя отъ города, дворянскіе засѣдатели судовъ, секретари, смотрители запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, — и вообще всѣ тѣ, которые отъ него зависѣли прямо или косвенно, или кто имѣлъ въ немъ какую-либо нужду, обязаны были къ нему ѣздить непремѣнно въ мундирахъ. Но такъ какъ въ тѣхъ нехитрыхъ экипажахъ, въ которыхъ они, какъ люди недостаточные, дѣлали ему свои невольные визиты, то-есть, въ телѣгахъ и дрогахъ, сидѣть въ мундирахъ, вышитыхъ золотомъ и при шпагахъ, казалось даже и имъ не совсѣмъ приличнымъ, то они и надѣвали мундиры при въѣздѣ въ его деревню, что̀ особливо зимою, представляло чрезвычайно много неудобствъ. И хотя Евсигней Андреичъ и говорилъ всякій разъ: Э, господа, напрасно безпокоитесь надѣвать мундиры! но это было такъ только, façon de parler, ибо горе тому, кто не соблюдетъ этого: на первыхъ же выборахъ это ему горько отзовется. Не попасть ему на службу: найдется, что онъ или безграмотенъ, или лѣнивъ, или ведетъ себя дурно. Это правда, что черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ Евсигней Андреичъ самъ попроситъ гостя снять мундиръ, — и тогда надѣвай что̀ хочешь, пожалуй даже хоть сюртукъ, онъ претендовать не будетъ — но первой входъ долженъ быть непремѣнно въ мундирѣ со шпагой. Одинъ судья, и то только по старости лѣтъ, былъ

избавленъ отъ этого. Низшіе же чиновники строго соблюдали этотъ порядокъ, зная, какія горестныя для нихъ послѣдствія ждутъ ихъ въ случаѣ неисполненія.

Таковъ былъ предводитель, къ которому пріѣхали уѣздныя власти на пиръ. Еще наканунѣ съѣхались къ нему многіе изъ дальнихъ жителей уѣзда. Задній дворъ былъ заставленъ экипажами, на которыхъ благородное дворянство когда-либо ѣздило и ѣздитъ: дрогами, дрожками, карандасами, тарантасами, куртками, пролетками, колясками, каретами на столбикахъ и на рессорахъ, распашенками, линейками. Въ самый же день пиршества пріѣздъ начался съ девяти часовъ. Прежде всѣхъ пріѣхалъ Николай Яковличъ Халявскій, старикъ худой и длинный, носившій прозванье англійскихъ ножницъ. Онъ пріѣзжалъ въ гости обыкновенно въ восемь часовъ утра; но такъ какъ предводитель жилъ отъ него далеко, то онъ немного опоздалъ и не могъ поспѣть къ 8 часамъ. Причина такихъ раннихъ пріѣздовъ была очень простая. Николай Яковличъ не спалъ по ночамъ вовсе, и слѣдовательно день начинался для него вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Разумѣется восемь или девять часовъ утра было для него не только позднимъ утромъ, даже временемъ обѣда. Передъ отъѣздомъ (часовъ въ пять) онъ всегда плотно завтракалъ, и пріѣзжая въ гости, всякій разъ постоянно удивлялся, отчего это люди спятъ такъ долго. Виноватъ былъ, по его мнѣнію, въ этомъ развратный вѣкъ. Съ нимъ никто не спорилъ, по-

тому что иногда онъ по цѣлымъ часамъ барабанилъ пальцами въ стекла, напѣвая: «барыня въ кофточкѣ, барыня въ юпочкѣ» и проч., и всякую минуту требуя къ себѣ «келейника» (такъ называлъ онъ своего камердинера), съ которымъ и въ гостяхъ и дома, вступалъ въ самые искренніе и задушевные разговоры. Впрочемъ, несмотря на странную свою наружность и, можетъ быть, небольшое разстройство ума, не препятствовавшее ему, однако, ѣздить на выборы, Халявскій былъ человѣкъ честный, по крайней мѣрѣ несравненно лучше другихъ, его окружавшихъ.

Какъ контрастъ ему, другой гость, пріѣхавшій вслѣдъ за нимъ, былъ до такой степени толстъ, что камердинеръ его, не оставлявшій его ни на минуту, бралъ его подъ локоть и подносилъ его руку къ носу, чтобъ баринъ могъ понюхать табаку, или вилку съ кускомъ, ко рту, во время обѣда. Толщина этого барина была баснословная. Сукна ему на платье нужно было, по разсказамъ сосѣдей (разумѣется, сосѣди преувеличивали), семнадцать аршинъ, и въ сапогъ его входило четверикъ овса. Впрочемъ, только этимъ и былъ онъ замѣчателенъ, да еще развѣ тѣмъ, что никогда не садился въ кресла, потому что случилось ему однажды, вставъ, унести ихъ за собою. Храпѣлъ онъ такъ громко, когда спалъ, что даже въ сосѣдственной комнатѣ, когда онъ ночевалъ въ гостяхъ, никто уже спать не могъ. Несмотря на эти неудобства, его любили

и всюду звали, потому что онъ былъ человѣкъ не глупый и веселый.

Но описывать всѣхъ гостей нѣтъ возможности. Это было вавилонское столпотвореніе лицъ, одеждъ и характеровъ. Тутъ были, между прочимъ, флота лейтенантъ Длинничковъ, который лѣтомъ, въ жары, ставилъ у оконъ своего дома, снаружи, крестьянскихъ дѣвокъ съ вѣтвями деревъ, чтобъ не пускать мухъ въ комнаты, и вмѣсто наказанья, стариковъ и старухъ посылалъ качаться на качеляхъ или кататься на горѣ на цѣлый день, а для надзора за строгимъ исполненіемъ этого, приставлялъ къ каждому и каждой по два мужика съ барщины; господинъ Мурашевъ, который жилъ у себя на кухнѣ, потому что жена выгнала его изъ дома, и который ѣздилъ на санишкахъ вмѣстѣ съ сынишкомъ, а за столишкомъ своимъ имѣлъ не болѣе, какъ два блюдишка, какъ онъ выражался, и множество другихъ не менѣе оригинальныхъ лицъ.

Въ числѣ гостей, или лучше, самый почетный гость предводительскаго «оффиціальнаго» обѣда, какъ называлъ его самъ Евсегней Андреичъ, былъ прокуроръ, ѣхавшій въ другую губернію и по дорогѣ завернувшій къ Жегуеву, по усиленнымъ его просьбамъ. Прокуроръ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, толстый, одутловатый, съ голосомъ грубымъ и хрипловатымъ, остриженный подъ гребенку и замѣчательный тѣмъ, что впродолженіе восьми или девятилѣтняго пребыванія его въ М*. губерніи прокуроромъ, пользуясь большой милостью начальника гу-

берніи, къ семи часамъ утра всегда былъ «готовъ» и жена поколочена. Она такъ привыкла къ своей ежедневной порціи, что всякій день ждала ее, какъ необходимости, до отъѣзда своего на базаръ. За этимъ прокуроромъ Жегуевъ ухаживалъ какъ нельзя болѣе, хотя и не имѣлъ въ немъ никакой надобности, но, вѣроятно, потому только, что тотъ былъ прокуроръ, статскій совѣтникъ и въ милости у губернатора.

Когда исправникъ съ городничимъ вошли въ залу предводительскую, въ залѣ стояла толпа помѣщиковъ, громко толковавшихъ о достоинствѣ своихъ борзыхъ собакъ, которыя на сворахъ сидѣли подлѣ псарей, вытянувшихся шеренгою вдоль стѣны и очень часто вмѣшивающихся въ споры господъ, когда, по мнѣнію ихъ, господа недостаточно сильно отстаивали заслуги своихъ четвероногихъ любимцевъ. Разумѣется, что исправникъ, какъ страстный охотникъ, тотчасъ присталъ къ этой группѣ. Городничій ушелъ въ гостиную.

— Я вамъ говорю, что *Доѣзжай* скачетъ необыкновенно! Это стрѣла, совершенная стрѣла! кричалъ одинъ изъ гостей, небольшой, неуклюжій человѣкъ, съ черными курчавыми волосами; — спросите Аркашку... Доѣзжай чудеса дѣлалъ послѣдній разъ: пять угонокъ далъ...

— Э, Михайло Ефремычъ, вы съ своимъ Доѣзжаемъ... посмотрѣли бы на моего сѣропѣгаго *Налета:* вотъ такъ собака! Навѣрное въ губерніи нѣтъ ей подобной... и я...

— Ужь и въ губерніи, Алексѣй Петровичъ! Куда хватили!... Посмотрите-ка, у Николая Карпыча, бѣлая сука *Зазноба,*—вотъ такъ собака!... диво на весь свѣтъ... тысячная!... А? Николай Карпычъ! Посмотрите-ка, сумлѣваются въ вашей *Зазнобѣ*... Каковы... а?...

Слова эти относились къ одному господину съ отвислымъ брюхомъ и отвислой нижнею губой, очень курносому, который жизнь свою, съ самаго выхода изъ военной службы, проводилъ или на полѣ, или за чаемъ. Чай этотъ пилъ онъ съ утра до обѣда и съ обѣда до ужина; никогда ничѣмъ не занимаясь. Такъ какъ онъ былъ богатъ, то около него составился родъ штата, состоявшаго изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или чиновниковъ, которые, за его обѣды и ужины, платили ему тѣмъ, что выхваляли его собакъ, которыхъ онъ любилъ не менѣе дѣтей своихъ, что доказывалось тѣмъ, что собакъ онъ приказывалъ приводить къ себѣ каждый день въ горницу, а дѣти не смѣли входить ни въ залу, ни въ гостиную, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ за чаемъ, безъ особаго его позволенія. Позволеніе это давалось не болѣе одного раза въ двѣ недѣли, и дѣти, въ ожиданіи его, сидѣли въ своихъ дѣтскихъ почти безвыходно, потому что Николай Карпычъ не любилъ дѣтскаго шума и приходилъ отъ него въ бѣшенство, тогда какъ всякій другой шумъ не только не былъ ему непріятенъ, но даже необходимъ.

Николай Карпычъ, занимавшіися въ это время на особомъ столикѣ чаемъ, повернулъ одутловатое

лицо свое къ господину, осмѣлившемуся сомнѣваться въ его Зазнобѣ. Сонные глаза его приняли какое-то насмѣшливое выраженіе; даже язвительная улыбка появилась на губахъ. Онъ не сказалъ ни слова, но только покачалъ головою, какъ человѣкъ, который стоитъ выше подобнаго недовѣрія и только дивится и жалѣетъ о такомъ глубокомъ невѣжествѣ.

Хозяинъ, между тѣмъ, хлопотавшій все время около веселаго прокурора, которому онъ въ продолженіе всего этого времени, изъ всѣхъ силъ бился растолковать красоту своихъ картинъ, и который, въ отвѣтъ на краснорѣчивыя описанія Жегуева, только мигалъ, какъ теленокъ, — видя что всѣ хлопоты его остаются тщетными, и опасаясь, между тѣмъ, допустить къ водкѣ, подвелъ его къ группѣ охотниковъ и, увлекшись разговорами, сталъ выхвалять въ свою очередь, достоинство Зазнобы, говоря, что даже и въ ихъ губернскомъ городѣ нѣтъ подобной. Забывшись онъ обратился при этомъ къ прокурору.

— Не правда ли, Леонтій Леонтьичъ, что даже у его превосходительства нѣтъ подобной собаки?

— А я почемъ знаю, отвѣчалъ прокуроръ почти сердито, потому что съ нѣкоторыхъ поръ у нихъ съ губернаторомъ была, какъ говорятъ въ провинціи, *контра:* — развѣ я псарь губернаторскій?

Жегуевъ, видя, что онъ промахнулся, отвелъ его скорѣе отъ охотниковъ въ гостиную, гдѣ прокуроръ, мимоходомъ пропустивъ хорошую рюмку анисовой, присталъ къ толпѣ, гдѣ ораторствовалъ стряпчій. Стряпчій, увидя подошедшаго прокурора, тотчасъ

спустилъ тономъ ниже, и въ ту же минуту, какъ опытный дипломатъ, обратился къ нему:

— Вотъ изволите видѣть, Леонтій Леонтьичъ, о чемъ я почтеннѣйше имѣю честь доложить вамъ. У насъ произошелъ споръ... нѣтъ! виноватъ, не споръ, а такъ разговоръ только... гдѣ идутъ лучше дѣла, — въ земскомъ судѣ, или полиціи.

— Да развѣ я спорю о томъ, что они идутъ дурно въ полиціи? началъ исправникъ — нисколько! Я говорю только, что у меня въ судѣ они идутъ такъ скоро, какъ только можно. Поступитъ бумага — смотришь, въ тотъ же день и улетѣла къ становому. Ну, какъ еще можно скорѣе вести дѣла? Надо сказать, что и секретарь у меня молодецъ: ужь не дастъ залежаться бумагѣ; а арестанты... о! ужь объ арестантахъ говорить нечего: это молнія... какъ мы ихъ спроваживаемъ!

— Ну, ужь насчетъ арестантовъ, позвольте, началъ стряпчій сладенькимъ, самодовольнымъ голосомъ и замѣтно охорашиваясь: — это моя часть, и я никому не уступлю чести наблюдать за арестантами лучше моего... Позвольте, Аркадій Петровичъ! развѣ не по моимъ настояніямъ всегда арестанты и дѣла о нихъ сбываются такъ поспѣшно? Безъ хвастовства могу сказать, въ губерніи нѣтъ подобнаго наблюденія. Чуть пришелъ арестантъ, Леонтій Леонтьичъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ прокурору: — въ ту же минуту бѣгу въ судъ, по принадлежности, и прошу и требую, сейчасъ же войдти въ разсмотрѣніе: долженъ ли онъ тутъ остаться, или уйдти къ

справкамъ. Затянулось дѣло, только сплю и вижу, какъ бы его сбыть съ рукъ; къ первому числу всѣ суды обѣгаю, нѣтъ ли арестантовъ, которыхъ бы можно было отослать куда-нибудь. Чуть хоть маленько замѣчу, что есть прикосновеньице въ другомъ уѣздѣ, тотчасъ судьѣ, или вотъ Аркадью Петровичу: отправьте, дескать, его, съ дѣломъ къ дослѣдованію, или къ передопросамъ. Смотришь, къ первому числу и нѣтъ ни одного, а много одинъ или два. Ну, неправду я, господа, говорю? а? Вотъ, Леонтій Леонтьичъ, вы и сами, вѣроятно, изволили замѣтить, изъ восьмилѣтнихъ списковъ, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь стряпчимъ, ни одного годоваго арестанта не было. Нѣтъ-съ, ужъ не дамъ засидѣться, небось!... Пусть сидитъ въ другомъ острогѣ, а не у насъ. Пройдется лишнихъ ста три верстъ, не велика важность, за то дѣла у насъ, какъ стеклышко. Даже и его превосходительство изволилъ неоднократно замѣчать: «въ Картолюбскомъ, говоритъ, острогѣ, всегда мало арестантовъ», и благодарность за это неоднократно изволилъ объявлять. Арестантъ у насъ больше мѣсяца никогда не бываетъ, а тамъ какъ выбудетъ, хоть на недѣльку, да придетъ опять, такъ все ужь новый срокъ считается.—Давно ли сидитъ? спросятъ, на примѣръ. — Да двѣ недѣли. — А этотъ?— Этотъ недѣлю... Ну и благодарность за это. Исправные чиновники, говорятъ. А намъ это и любо.

Предводитель, исправникъ и городничій, которымъ видимо не нравилось хвастовство стряпчаго въ присутствіи прокурора, приписывавшаго одному

себѣ честь, которую они хотѣли бы раздѣлять съ нимъ, молчали и переминались на мѣстахъ своихъ. Предводитель однако не выдержалъ:

— Конечно, Панфилъ Никитичъ, правда ваша, велика ваша заботливость; но нельзя также отнимать чести и у другихъ въ усердіи къ службѣ. Что̀ жь, скажите, развѣ дурно идутъ у меня дѣла въ опекѣ?

— Кто жь говоритъ, что дурно, Евсигней Андреичъ? Отлично! Нѣтъ спору въ этомъ. Опекунамъ бы только напоминовеньица надобно почаще дѣлать: отчеты въ сроки не представляютъ.

Леонтій Леонтьичъ, которому, вѣроятно, и въ губернскомъ городѣ надоѣли всѣ эти старыя пѣсни на новый ладъ, и въ то же самое время влекомый непреодолимою силою къ анисовой, сдѣлалъ какую-то кислую гримасу, вслѣдствіе которой Жегуевъ поспѣшилъ отвести его въ диванную, надѣясь занять его картами и уже начиная тяготиться своимъ важнымъ гостемъ. Лишь только они отошли, исправникъ, городничій и секретарь уѣзднаго суда, какъ стая волковъ, напали на стряпчаго.

— Такъ-то вы, Панфилъ Никитичъ! такъ-то!... Хорошо! своихъ выдавать? Ну, такъ помните же! сказалъ исправникъ, почти задыхаясь. Или вы думаете, что я забылъ прошлое, что я тоже не могу при случаѣ разсказать кое-что про васъ? Или вы полагаете, что я буду молчать, когда вы будете говорить, и что я тоже не съумѣю говорить, когда понадобится? Можетъ-быть, вамъ кажется, что я

позабылъ, какъ въ Тавлѣ-то — помните? — вы подбили лѣкаря дать свидѣтельство, что пастухъ умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара, тогда какъ у него на горлѣ были явные признаки насильственной смерти? Иль въ Гавриловскомъ, напримѣръ, вы настояли показать угорѣвшимъ Никитку дворника, когда въ его кишкахъ, сами же вы говорили, нашли мышьяку чуть ли не цѣлую пригоршню? Знаю я, что вы выслуживаться умѣете и языкъ у васъ ходко ходитъ въ горлѣ, только берегитесь: и мы терпимъ, терпимъ, да вдругъ прорвемся... тогда не хорошо вамъ будемъ...

— Да помилуйте, Ираклій Никитичъ, возразилъ стряпчій, кланяясь и изгибаясь тѣломъ въ три погибели: — за что̀ вы на меня сердиться изволите?... Леонтій Леонтьичъ мой прямой начальникъ: надобно же было себя передъ нимъ показать. А вамъ онъ что? Такъ, ничего... тьфу!... пьяница, да и кончено!... Такъ что же вамъ изъ себя-то выходить, сами согласитесь? Развѣ я неправду говорилъ про арестантовъ? Развѣ Баймашку Татарина не держали вы въ острогѣ даромъ, потому только, что въ уѣздѣ украли какую-то лошадь, хоть и было доказано, что Баймашка былъ въ это время на другомъ концѣ уѣзда?... Развѣ я не хлопоталъ, чтобъ его выпустили и не томили человѣка даромъ?

— А сколько вы за это взяли съ его сына? проговорилъ городничій тихо.

Стряпчій поблѣднѣлъ.

— И вы на меня Петръ Андреичъ! что я вамъ

сдѣлалъ? началъ онъ печальнымъ голосомъ. Не я ли молчалъ, когда распорядительный у васъ не записывался болѣе трехъ мѣсяцевъ и вашъ письмоводитель полученныя бумаги продавалъ въ табачную лавочку на обертки? Грѣхъ вамъ, Петръ Андреичъ! Кажется, ужь вы-то противъ меня ничего имѣть не можете. Я былъ всегда вамъ вѣрный слуга... Я знаю, что Кабардинцевъ порохъ продаетъ у себя въ лавкѣ; я знаю, что вмѣсто пожарныхъ вы показываете ревизорамъ своихъ каретныхъ лошадей, потому что пожарныхъ только одна, да и то кляча, годная развѣ воду возить; но говорилъ ли я когда-нибудь объ этомъ? видитъ Богъ, никогда никому не говорилъ. Я молчалъ даже и тогда, какъ строили мостъ, и вы дозволили настилку всю поставить старую сосновую, когда въ смѣтѣ именно было сказано, что настилка должна быть новая и не сосновая, а дубовая, и не въ вершокъ толщиною, а въ два съ половиной. Все это я сносилъ терпѣливо, не показывая вамъ виду, что знаю, какъ будто бы это было не мое дѣло. А вѣдь когда его превосходительство былъ здѣсь для ревизіи, то онъ отвелъ меня въ особенную комнату, даже самъ изволилъ дверь запереть и сталъ меня спрашивать, все ли въ порядкѣ въ уѣздѣ; я и тутъ ничего не сказалъ, божился ему, что все въ порядкѣ, и хоть онъ и стращалъ меня всячески, говорилъ, что и въ уголовную-то отдастъ, и туда-то сошлетъ, гдѣ макаръ телятъ не гонялъ;— я все это выдержалъ и не сказалъ ни слова. А теперь вы на меня...

Городничій, которому, видно, надоѣла эта комедія, махнулъ рукой и отошелъ; тогда исправникъ, котораго здоровая натура не была такъ чувствительна, началъ передразнивать стряпчаго и проговорилъ скороговоркою:

— Знаемъ мы васъ, знаемъ! Если вы не доносите о порохѣ, такъ это потому, что съ Кабардинцева получаете каждое первое число по фунту цвѣточнаго чаю; что если при постройкѣ моста молчали о настилкѣ, то это потому, что Толстогубовъ привезъ вамъ въ день свидѣтельства цѣлый возъ сахару... Знаемъ мы васъ! пожалуста...

Стряпчій, оставшись одинъ съ исправникомъ, выпрямился; его лысая голова поднялась, глаза загорѣлись, какъ у тигра. Это былъ уже не плакса, какъ за минуту передъ тѣмъ, не змѣя, какъ въ разговорѣ съ прокуроромъ, но боецъ, во всеоружіи.

— А! такъ вы Ираклій Никитичъ, смѣете нападать на меня? Я молчалъ при Петрѣ Андреичѣ, но теперь не стану молчать. Развѣ пастухъ, удавленный въ Тавлѣ не при васъ былъ принесенъ? Развѣ вы не видѣли явнаго признака удавленія? Развѣ не я вамъ указалъ его? Что вы тогда сказали на это? Вы махнули рукой, да и ушли изъ избы; а послѣ развѣ не вы подмахнули свидѣтельство? Мы теперь сочтемся. Погибать, такъ погибать вмѣстѣ... Развѣ не знаю я о всѣхъ беззаконіяхъ вашего хваленаго земскаго суда? Развѣ не показывалъ я вамъ, что пакеты, отправляемые изъ суда, положимъ, хоть 15 сентября, получаются на стану мѣсяцемъ ранѣе? что

вы отвѣчали мнѣ на это? — начали говорить шопотомъ и просили помолчать!... А теперь?.. нѣтъ, сударь, не откажетесь! я свидѣтелей представлю; я покажу вамъ, каково со мной ссориться...

И онъ задыхался отъ злости, говоря это; жилы на лбу и вискахъ его напружились... онъ былъ и страшенъ и гадокъ въ эту минуту.

Исправникъ понялъ, что злоба подобнаго человѣка не остановится ни передъ чѣмъ; онъ зналъ очень хорошо, что человѣкъ, рѣшившійся украсть свою мать, завязавши ей ротъ, чтобъ не кричала, — изъ дома своей родной сестры, гдѣ она жила, для того, чтобъ ея именемъ требовать части имѣнія и въ надеждѣ вынудить у нея духовное завѣщаніе — рѣшится на все по злобѣ. Къ тому же стряпчій нуженъ ему во всякое время. Что онъ безъ него при слѣдствіяхъ, при поднятіи мертвыхъ тѣлъ, при вводахъ во владѣніе? Онъ смирился передъ нимъ и старался его успокоить.

— Да изъ чего горячитесь вы Панфилъ Никитичъ? Развѣ я вамъ сказалъ что-нибудь оскорбительное? Вы хотѣли насъ съ Петромъ Андреичемъ въ грязь затоптать передъ прокуроромъ, хотѣли выставиться, и требуете, чтобъ мы молчали передъ вами? Поставьте себя на нашемъ мѣстѣ, и сознайтесь, что это не могло не показаться обиднымъ. Полноте-ка, помиримтесь; я человѣкъ не злопамятный — и право не желаю вамъ зла.

Стряпчій тоже очень хорошо зналъ, что исправникъ ему нужный человѣкъ; что всюду, гдѣ стряп-

чему бываетъ халтура, исправникъ можетъ ее у него отнять. Скрѣпя сердце, онъ протянулъ ему руку.

— Хорошо, Ираклій Григорьичъ, я съ своей стороны то же готовъ доказать вамъ, что не злопамятенъ, хоть вы и крѣпко меня обидѣли. И за что вы вспылили? Что я сдѣлалъ такого? Сказалъ, что арестанты по моимъ настояніямъ высылаются изъ острога скорѣе, нежели какъ можетъ быть были бы высланы?... Да развѣ это не моя обязанность? Вы знаете — за это мы отвѣчаемъ больше, чѣмъ вы. Да и потомъ — развѣ неправда, что я всегда хлопочу объ этомъ... и когда вы подъ часъ говорите: да нельзя Панфилъ Никитичъ! погодите... арестантъ еще нуженъ... можетъ случиться, что надо будетъ ему дать очную ставку!... я все-таки прошу васъ отослать его, представляя, что можно будетъ вытребовать въ другой разъ. И хотя вы иногда и отвѣчали мнѣ, что отъ этого каждый арестантъ пройдетъ верстъ сотъ пять лишняго; — я вамъ говорилъ: что за важность! Пусть погуляютъ! За то у насъ къ 1-му числу нѣтъ ни одного въ острогѣ. Ну что, неправду я говорю? вѣдь правда?

— Правда, правда, отвѣчалъ исправникъ смѣясь: вы всегда объ этомъ такъ хлопочете, какъ будто бы это было дѣло и Богъ знаетъ какой важности...

— Экіе вы какіе, Ираклій Николаевичъ!... Да какъ же не важность! — Чѣмъ же выказать себя передъ начальствомъ? Развѣ вы не слыхали, какъ его превосходительство при ревизіи сказалъ: въ Картолюбскомъ острогѣ всегда мало арестантовъ! Значитъ

замѣтилъ!... А ежели замѣтилъ, что мудренаго, что и въ Петербургѣ министру когда-нибудь тявкнетъ: у меня, дескать, ваше высокопревосходительство, отличные чиновники... Въ Картолюбовѣ, напримѣръ, никогда въ острогѣ арестантовъ нѣтъ. А министръ ему на то: такъ вы бы ихъ представили къ наградѣ!... Анъ, смотришь, Аннушка какъ тутъ!... или годовой окладъ!... Вы знаете у меня пятеро дѣтей, да и Пелагея Егоровна моя такая плодущая, что пожалуй еще пятерыми наградитъ.

При мысли объ Аннушкѣ, или годовомъ окладѣ лицо стряпчаго прояснилось, и на губахъ показалась та сладенькая улыбка, какая бывала у него всегда, когда онъ былъ доволенъ. Исправникъ радъ-радостью, что эта непріятная сцена окончилась, и что ему съ этой стороны бояться болѣе нечего, тоже развеселился и подошедъ рука объ руку съ стряпчимъ къ толпѣ дворянъ стоявшихъ въ другомъ углу, — принялся разсказывать какіе-то смѣшные и неочень приличные анекдоты о утонувшей въ ведрѣ воды бабѣ; о двѣнадцати дунькахъ своего дяди и проч.

Пока происходило все здѣсь написанное, къ крыльцу подъѣхала телѣга, запряженная тройкою измученныхъ лошадей, возница которыхъ въ лаптяхъ и жолтомъ верблюжьемъ азямѣ кричалъ немилосердо на коней своихъ, ободряя ихъ, кромѣ словъ, еще частыми ударами кнута. Изъ телѣги сошелъ и вошелъ въ переднюю молодой человѣкъ, въ картузѣ, въ форменномъ сюртукѣ съ чернымъ бархатнымъ

воротникомъ и гербовыми пуговицами. Толпа лакеевъ едва поднялась, когда онъ вошелъ; нѣкоторые даже притворились спящими, чтобъ имѣть предлогъ не встать, — одинъ же изъ тѣхъ, которые встали, лѣниво снялъ съ пріѣхавшаго шинель и только что не бросилъ ее на конникъ. Молодой человѣкъ должно быть привыкъ къ этому обращенію, потому что на лицѣ его не отразилось ни досады, ни удивленія. Онъ поправилъ черные свои волосы, поглядѣлся въ обломокъ зеркальца, пристроеннаго къ стѣнѣ, между тремя гвоздиками, сбилъ пыль съ сапогъ носовымъ платкомъ и вошелъ въ гостиную. Тамъ его встрѣтили съ такимъ же равнодушіемъ: которые изъ гостей были помоложе, тѣ подали ему руку; другіе же поклонились только, хоть въ этомъ поклонѣ враждебнаго и не было. Молодой человѣкъ, увидя группу исправника и стряпчаго, остановился у этой группы, впрочемъ особенно какъ-то поклонившись исправнику... Это была неловкость человѣка, не знающаго какъ себя поставить съ другимъ, послѣ какихъ-нибудь непріятныхъ объясненій, или при нечаянной встрѣчѣ съ начальникомъ, съ которымъ разговариваютъ только по принятому выраженію: руки по швамъ, — и который вамъ отвѣчаетъ приказательнымъ голосомъ; начальникомъ, съ которымъ, потомъ, вдругъ встрѣчаешься въ обще-знакомомъ домѣ, гдѣ ни ему употреблять начальнической тонъ нельзя, ни подчиненному нельзя стоять вытянувшись въ струнку, только ожидая вопросовъ, но не позволяя себѣ про-

должать разговора, ежели не спрашиваютъ. Молодой человѣкъ, которому на поклонъ его исправникъ отвѣчалъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, видя, что къ нему не обращаются съ разговоромъ, пошелъ по залѣ отыскивать хозяина; но подошедъ къ дверямъ гостиной и видя, что онъ тамъ все еще возится съ прокуроромъ, сильно уже охмѣлѣвшимъ, не осмѣлился переступить за завѣтный порогъ предводительскаго салона, блестѣвшаго шелкомъ и цвѣтами уѣздныхъ дамъ, и воротился въ залъ отыскивать кого-нибудь помоложе, кто бы захотѣлъ съ нимъ заговорить. Неожиданную помощь онъ нашелъ въ городничемъ, который подошелъ къ нему самъ, пожалъ ему руку, заговорилъ съ нимъ и тѣмъ мгновенно вывелъ его изъ того неловкаго положенія, въ которомъ тотъ находился.

Молодой человѣкъ этотъ былъ становой приставъ Антоновъ, про котораго, какъ это было видно выше, такъ не выгодно отзывался исправникъ въ бесѣдѣ своей съ судьею. Сынъ одного изъ бѣдныхъ помѣщиковъ уѣзда, недавно выпущенный изъ университета, онъ тщетно искалъ себѣ мѣста, и радъ, радъ былъ, когда помощію кой-какихъ давнишнихъ связишекъ отца, служившаго когда-то въ ротѣ губернатора, когда тотъ былъ еще ротнымъ командиромъ, былъ наконецъ опредѣленъ становымъ приставомъ. Честный, какъ всѣ молодые и неопытные люди, онъ не успѣлъ еще погрязнуть въ тинѣ взяточничества, не успѣлъ еще замараться всею гадостью грязнаго міра, гдѣ существуютъ свои поня-

тія о чести, и гдѣ глупцомъ называютъ того, кто отпустилъ просителя, не взявши съ него ничего, хоть двугривеннаго, напримѣръ, чтобъ не испортить порядка и не внушить мысли, что дѣло можно дѣлать даромъ. Подъ вліяніемъ словъ, слышанныхъ имъ съ каѳедры, онъ плохо уживался съ окружающею его дѣйствительностію,— мужиковъ считалъ за людей, а начальниковъ не богами. Что жь удивительнаго, что онъ не только былъ не любимъ всѣми чиновниками уѣзда, но даже отчасти преслѣдуемъ тою мелкою и грязною злобою, какую умѣютъ питать только мѣлкіе чиновники и только въ провинціи. Особенно не любимъ онъ былъ собратомъ своимъ, приставомъ 2-го стана Лисицынымъ, которому присутствіе такого человѣка и въ подобной ему должности, кололо глаза, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался повредить молодому человѣку въ глупомъ мнѣніи предводителя и хоть не злобивомъ, но ограниченно-запачканномъ мнѣніи исправника. Исторія по управленію имѣніемъ князя Скорохватова, какимъ-то нѣмцемъ, окончательно уронила его въ глазахъ уѣздныхъ властей. Онъ позволилъ себѣ произвести объ этомъ дѣлѣ формальное слѣдствіе, давъ знать земскому суду только за свѣдѣніе, ибо былъ увѣренъ, что и исправникъ и стряпчій, ведущіе съ Нѣмцемъ хлѣбъ соль, постараются замять дѣло, котораго гнушалось его нравственное чувство.

Предводитель, очень хорошо видѣвшій Антонова, когда тотъ стоялъ въ дверяхъ гостиной, но не подававшій этому вида, для того чтобъ тотъ не возымѣлъ

права войдти въ салонъ его,— лишь только усадилъ сильно безпокойнаго прокурора, котораго въ душѣ посылалъ ко всѣмъ чертямъ, перешелъ въ залу, позвалъ движеніемъ пальца исправника и прямо къ Антонову.

— Что это вы, милостивый государь, затѣваете? сказалъ онъ ему свысока — а? Да знаете ли, что за это вамъ будетъ? понимаете?

— Я не имѣю чести знать, Евсигней Андреевичь, отвѣчалъ тихо молодой человѣкъ, озадаченный внезапною эксордою предводителя, — о чемъ вы говорить изволите...

— Не знаете?... тѣмъ хуже для васъ. По крайней мѣрѣ понимаете ли вы, съ кѣмъ осмѣлились тягаться? Князь Скорохватовъ — лице значительное; въ Петербургѣ домъ его считается однимъ изъ самыхъ модныхъ домовъ; вся знать ѣздитъ къ нему... а вы, сударь? вы... съ вашимъ ничтожнымъ чинишкомъ, осмѣливаетесь думать, что можете бороться съ его довѣреннымъ лицомъ? Ему стóитъ дунуть, чтобъ стереть васъ съ лица земли,— прихлопнутъ ладонью, и только мокренько будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вы нѣкогда существовали. Знаете ли, что онъ свой человѣкъ его превосходительству, г. почтеннѣйшему начальнику здѣшней губерніи; что ему стóитъ сказать слово, — и васъ не только въ Картолюбскомъ уѣздѣ, но даже во всей Малиновской губерніи духу не попахнетъ? (Предводитель говорилъ все это не по убѣжденію, не потому, чтобы угрозы его могли

осуществится, а такъ себѣ, для острастки молодаго человѣка.)

Евсигней Андреичъ выпрямлялся, говоря послѣднія фразы тирады своей; при упоминаніи его превосходительства, почтеннѣйшаго начальника губерніи, онъ выпрямился вовсе... пòза его была горда и многозначительна; движенія полны величія и увѣренности въ самомъ себѣ...

Чтò было дѣлать бѣдному становому Антонову при видѣ столькаго величія и гордости?.. Онъ замолчалъ, зная, что оправдываться значитъ еще болѣе вредить себѣ...

Но этимъ еще не кончились испытанія его. Послѣ выходки предводителя, начались замѣчанія исправника.

— Экой добродѣтельной, подумаешь!.. началъ онъ;— да съ чего вы взяли, что васъ становымъ приставомъ сдѣлали для того, чтобъ смотрѣть за управителями? Это сударь дѣло лицъ повыше васъ,—они отвѣчаютъ за это... Ваше дѣло дороги, мосты... на это бы лучше обращали вниманіе, чѣмъ соваться не въ свое дѣло. Наблюдаете ли, напримѣръ, за письменною частію?.. Сунься къ вамъ въ канцелярію — такъ небось за цѣлую недѣлю настольной не отмѣченъ... а? а вить сколько разъ я вамъ внушалъ это...

— Да помилуйте, Ираклій Николаичъ, тихо и скромно перебилъ его становой: — вамъ извѣстно, что я безпрестанно на слѣдствіяхъ. Ежели у меня

настольной не огмѣченъ за нѣсколько дней, за то дѣла идутъ добросовѣстно... по долгу присяги — и...

— Молчать, когда говоритъ начальникъ! почти закричалъ предводитель, выведенный изъ себя отвѣтомъ Антонова. Уваженія нѣтъ къ старшимъ. Что̀ вы тутъ толкуете о добросовѣстности, о долгѣ? Вздоръ это все сударь!.. Долгъ вашъ — исполнять безпрекословно и не разсуждая приказанія начальства и ничего больше...

(Окончанія этаго разсказа, не смотря ни накакія розысканія, не найдено.)

ВВОДЪ ВО ВЛАДѢНІЕ.

Большая площадь въ городѣ Картолюбовѣ образуетъ длинный четырехъугольникъ, съ одной стороны обставленный линіею каменныхъ и деревянныхъ домовъ самой затѣйливой и разнообразной формы; съ другой — полуразвалившимися заборами; съ третьей — горами навоза, дѣлающими воды рѣчки, на которой стоитъ городъ, нестерпимо вонючими, потому что въ нее стекаютъ постоянно жижа изъ навоза и кровь изъ боенъ, съ примѣсью разлагающихся не съѣдомыхъ внутренностей убиваемыхъ животныхъ. Четвертая сторона этой площади, постоянно грязной, потому что на ней два раза въ недѣлю базары, а не метутъ ее никогда, занята большимъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ, съ высокимъ крыльцомъ посрединѣ, на которомъ вѣчно торчитъ кто-нибудь, — или приказный возвращающійся изъ трактира и остановившійся поглазѣть; или несчастный челобитчикъ съ неясными докательствами правоты своей въ рукахъ и ясными въ боковомъ

карманѣ; или сельскій засѣдатель, вѣчно съ любовію взирающій на эту площадь, потому что онъ на ней выросъ, возмужалъ, пріобрѣлъ значеніе и деньги, и остановившійся на крыльцѣ, чтобы взглянуть на это поле своей жизненной битвы, гдѣ всякій аршинъ запечатлѣнъ его пòтомъ и трудомъ выбить копѣйку изъ кармана другаго и переселить въ свой собственный. Но чаще, особенно въ часы послѣполуденные, на широкомъ крыльцѣ стоятъ, сложа руки, или сидятъ на ступенькахъ унтеръ-офицеры съ галунами, счетчики казначейства; дежурные изъ судовъ; высокіе солдаты, разсыльные земскаго суда, жалованье которыхъ размѣряется ихъ ростомъ, такъ, что самый высокій получаетъ сравнительно цѣлымъ рублемъ и даже больше жалованья въ мѣсяцъ, нежели другой, средняго роста, и наконецъ, въ кафтанахъ, долгополыхъ сюртукахъ, бекешкахъ, поддевкахъ, азямàхъ и казакинахъ, десятскіе полиціи и сторожа судовъ.

Такъ какъ посѣщеніе этого дома съ широкимъ крыльцомъ также неизбѣжно для васъ, любезный читатель, живущій въ провинціи, какъ неизбѣжна смерть, то я и хочу описать вамъ его, для того собственно, чтобы избавить васъ отъ неудовольствія спрашивать, куда и какъ идти въ случаѣ надобности. Спрашивать въ уѣздной жизни вообще какъ-то не удобно. Вамъ или не отвѣтятъ вообще, или махнутъ рукою въ неопредѣленномъ направленіи и скажутъ: *тамъ!* такъ, что послѣ отвѣта вы знаете еще меньше, нежели прежде, когда ничего не знали.

Итакъ пойдемте.

Домъ, въ который мы входимъ, — присутственныя мѣста, или, еще короче, судъ. Ежели вы посмотрите на него нѣсколько издали, вы тотчасъ замѣтите, что онъ раздѣляется на двѣ части одною, очень характеристическою чертой: изъ семи, или девяти оконъ, составляющихъ фасадъ его, по два окна отъ каждаго угла цѣлы, остальные, въ серединѣ, непремѣнно съ перебитыми стеклами. Это признакъ, по которому вы всегда можете отличить домъ этотъ отъ частныхъ домовъ. Хотя въ послѣднихъ тоже бываютъ перебитыя стекла, но только безъ симметричности, какая въ судахъ. Войдя на крыльцо, вамъ представятся лѣстница на крыльцо и двери направо, или налѣво, съ веревками вмѣсто ручки, до того грязныя, что грязь эту не смоешь никакою водой, развѣ отскоблишь ножемъ. Одна изъ дверей этихъ ведетъ въ казначейство, въ первой комнатѣ котораго стоитъ сундукъ съ гербовою бумагой; передъ сундукомъ — стулъ съ изломанной спинкой и ободранной кожей, пожертвованный когда-то какимъ-то казначеемъ за негодностію, а на стулѣ — счетчикъ, продающій бумагу и за каждый листъ взыскивающій, смотря по мѣстности и обычаю одну, двѣ, три, четыре и даже пять копѣекъ серебромъ лишнихъ съ листа, противу той цѣны, какая на томъ листѣ напечатана. Къ этому сбору всѣ такъ привыкли, что никто даже и не говоритъ о незаконности его. «Видно, батюшка, такъ слѣдуетъ», скажетъ мужикъ очень равнодушно, ежели вы его спросите, зачѣмъ съ него взяли лишнюю копѣйку.

*
* *

Во второй комнатѣ сидятъ чиновники: бухгалтеръ, журналистъ и писцы; передъ ними на столахъ большія книги съ цифрами, а въ столахъ большіе ящики, куда кладутся приношенія: серебряные рубли, полтинники, двугривенные и гривенники, смотря по важности вносимой суммы, то-есть, подушныхъ, рекрутскихъ, откупныхъ и проч. Замѣтьте: *вносимой*, потому что на *выдаваемыя* суммы приношенія емлются въ самомъ капищѣ, то-есть, третьей комнатѣ, гдѣ возсѣдаетъ главный жрецъ — казначей, или толстобрюхій и опухшій, или вовсе безъ брюха и опухоли, но сухой и желтый отъ геморроя. Тутъ находится не высокая рѣшетка съ широкой доской, на которой стоятъ маленькіе вѣски, съ треугольными мѣдными плоскими дощечками, вмѣсто чашекъ, и на нихъ вѣшается золотая и серебряная монета, — вѣски, замѣняющіе казначею оброчную деревню, съ постояннымъ и вѣрнымъ доходомъ. «Не вышелъ вѣсъ, надобно приплатить столько.» Это единственныя слова, которыя произноситъ онъ съ своего треножника. Тутъ, какъ ни разговаривай, пожалуй хоть кричи и выходи изъ себя, а приплату давай, а не дашь приплаты, такъ подавай другія деньги, или пошелъ вонъ. Другія деньги! оно хорошо говорить въ столицѣ, гдѣ мѣнялы есть, а въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всего на все одна мѣняльная лавка, да и та за промѣнъ беретъ чортъ знаетъ что, право, заговоришь иначе и отдашь казначею столько приплаты, сколько потребуетъ, только бы не томилъ и пустилъ душу на покаяніе.

Въ этой же комнатѣ у желѣзныхъ дверей стоитъ солдатъ съ ружьемъ, а за желѣзной дверью кладовая, гдѣ хранятся деньги, гербовая и вексельная бумага, ящики уѣзднаго суда, магистрата и думы, и все что обязано хранить казначейство подъ личною отвѣтственностію казначея.

Ежели, войдя на широкое крыльцо, вы пойдете на лѣстницу на верхъ и поворотите налѣво, то войдете непремѣнно прямо въ канцелярію земскаго суда, комнату, набитую мужиками, солдатами, чиновниками и женщинами. Мужики — это просители, или арестанты; солдаты — это алгвазилы арестантовъ, или безсрочно отпускные и отставные, обязанные прописать свои отпуски и отставки и жить для этого въ городѣ иногда по цѣлой недѣлѣ, питаясь мірскимъ подаяніемъ, хотя это именно запрещено въ ихъ паспортахъ и отставкахъ; чиновники — это канцелярія земскаго суда, начинающая свой день въ судѣ, а кончающая въ трактирѣ съ пятью и даже десятью рублями дефицита въ карманѣ, несмотря на то, что годовой окладъ ихъ жалованья есть десять, пятнадцать рублей въ годъ; женщины — это или арестантки, или жены солдатъ, пришедшія брать свидѣтельство на прожитіе или провіантъ; записать кантониста, или выслушать извѣстіе о смерти мужа, забытаго тотчасъ послѣ отдачи, какъ забываютъ умершаго тотчасъ послѣ его похоронъ.

За канцеляріей слѣдуетъ присутствіе, большая комната, большею частію зеленаго цвѣта, со сто-

ломъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, забрызганнымъ чернилами.

Сюда я введу читателя, и здѣсь собственно начинается разсказъ мой.

На президентскомъ мѣстѣ, за столомъ, сидитъ человѣкъ съ кошачьей физіономіей, лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, въ парикѣ, необыкновенно приглаженномъ, и височками, заворачивающимися кружкомъ; въ черномъ, очень потертомъ сюртукѣ и широчайшихъ панталонахъ. Это исправникъ Левъ Петровичъ Федеренко, служившій въ милиціи 1807 года и украшенный за это серебряною медалью. Не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, Левъ Петровичъ живъ и проворенъ, говоритъ тихо и чрезвычайно осторожно, точь въ точь кошка въ хрустальной лавкѣ, пробирающаяся между посудою за мышью и твердо знающая, что за разбитую рюмку будутъ ей сѣканцы.

По правой сторонѣ его, на первомъ мѣстѣ, сидитъ господинъ худой и длинный, съ длинными волосами чернаго цвѣта, съ желтымъ лицомъ и неподвижными глазами, которыми онъ смотритъ куда-то прямо; фигура молодая, не дурная собою, ежели хотите, но дотого неподвижная отъ безсмыслія и лѣни, что глядя на нее трудно рѣшить: спитъ ли она, думаетъ ли что, или такъ себѣ сидитъ, только потому, что надобно же дворянскому засѣдателю въ извѣстные часы дня сидѣть въ земскомъ судѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Исправникъ относится къ засѣдателю, засѣдатель слушаетъ его

но, судя по выраженію лица, не слышитъ ничего. Дворянскій засѣдатель Верейскій, выбранный дворянами по усильной просьбѣ исправника, находящаго свою выгоду въ ничтожествѣ Верейскаго, подписываетъ безпрекословно все, что ему ни подадутъ, если бумага предварительно уже подписана исправникомъ, съ которымъ онъ даже не смѣетъ и вступать въ разговоръ, а въ крайнихъ случаяхъ обращается только очень вѣжливо къ секретарю, который на это всегда очень невѣжливо и даже грубо отвѣчаетъ такою фразой, которая въ переводѣ значитъ: «не твое дѣло разспрашивать! подписывай! больше отъ тебя ничего не требуютъ.»

Рядомъ съ дворянскимъ засѣдателемъ, нѣсколько скрытый зерцаломъ, сидитъ сельскій засѣдатель, въ дубленомъ полушубкѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ большею рыжею бородой и сѣрыми плутовскими глазами, которые безпрестанно перебѣгаютъ отъ одного лица къ другому, несмотря на то, что онъ очень прилѣжно пишетъ какіе-то каракули, «дѣлая», что называется, «отмѣтки въ распорядительномъ», — работа, которая видимо занимаетъ его только механически, а самъ онъ, весь превратясь въ уши, внимаетъ медоточивымъ словамъ исправника, старающагося убѣдить свою аудиторію въ томъ, въ чемъ она напередъ согласна, и проповѣдывающаго скорѣе для успокоенія собственной совѣсти, нежели для убѣжденія предсѣдящихъ.

По другую сторону стола, начиная съ нижняго

конца, сидитъ и копается въ бумагахъ лысенькій старичокъ, въ безконечномъ, сильно потертомъ и чрезвычайно засаленномъ сюртучишкѣ, безъ пуговицъ, замѣненныхъ веревочками, съ пряжкою безпорочной службы и панталонами въ сапоги, вѣроятно, во избѣжаніе того, чтобъ они не обивались, а можетъ быть и потому, что концы этихъ панталонъ очень худы, и все очень прилично прикрыто безконечнымъ сюртукомъ съ веревочками. Старичокъ этотъ, другой сельскій засѣдатель, Виссаріонъ Астафьичъ Горюновъ, коллежскій регистраторъ, замѣчательный только тѣмъ, что владѣетъ въ городѣ домомъ въ тридцать рублей ассигнаціями, о чемъ онъ весьма часто и весьма добродушно напоминаетъ всякому, считая себя обывателемъ и домовладѣльцемъ, и еще тѣмъ, что можетъ выпивать полштофа «ерошки» (какъ онъ выражается) не переводя духу. Что-то въ родѣ прислужника при исправникѣ, онъ дѣлаетъ безпрекословно все, что ему велятъ, не разсуждая и даже не позволяя себѣ думать, за что передъ рождествомъ, да какъ-нибудь еще лѣтомъ, получаетъ позволеніе, на лошадкѣ, взятой судомъ «на поруки» или «на росписку» объѣхать помѣщиковъ за благостынею, какъ то: мучкою, крупицею, пшенцомъ, баранинкой, иногда вареньицемъ, часто старыми жилетцами и панталонишками и даже сюртучишками, негодными къ употребленію, которые Виссаріонъ Астафьичъ носитъ, не находя нужнымъ передѣлывать, (потому что за передѣлку надобно все таки платить деньги) и замѣняя иногда только пуговицы, если костяшки изъ нихъ выва-

лились, веревочками. Такое доброхотное подаяніе есть цѣль всего служенія Виссаріона Астафьича. Сунутъ ему въ руки приказъ исправника: «давать изъ обывательскихъ по дѣламъ службы», и поѣдетъ онъ себѣ по уѣзду, выпрашивая гдѣ двугривенный, гдѣ фунтъ маслица, гдѣ десятокъ яицъ, и кланяясь всѣмъ: помѣщику, если онъ самъ живетъ въ имѣніи; прикащику, кто бы онъ ни былъ: нѣмецъ ли, пропахшій табакомъ, или дворовый человѣкъ; старостѣ и бурмистру. Какъ какой-то древній философъ, Виссаріонъ Астафьичъ видитъ въ человѣкѣ — человѣка; что ему за дѣло помѣщикъ ли онъ, прикащикъ или бурмистръ! для него они равны: и тотъ и другой могутъ дать ему и мучки и крупицъ и яичекъ и баранинки; а въ этомъ-то и вопросъ, какъ говоритъ Гамлетъ.

Въ минуту нашего разсказа Виссаріонъ Астафьичъ писалъ, какъ умѣлъ и что умѣлъ, и почти не слушалъ исправника, обращавшагося преимущественно къ лицу, сидѣвшему подлѣ Виссаріона Астафьича и занимавшему центръ этого собранія. Секретарь сидѣлъ за особымъ столомъ, съ перомъ за ухомъ и облокотясь на одну руку, слушалъ исправника съ видимымъ участіемъ, часто потирая руки съ пріятно-озабоченнымъ видомъ и улыбкою.

Секретарь этотъ, котораго портретъ необходимъ для полноты картины, былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, не дурной наружности, еслибы выраженіе лица его, особенно глазъ, обведенныхъ синимъ, морщинистымъ кружкомъ, не заключало въ

себѣ чего-то враждебнаго, эгоистическаго, наглаго и холоднаго. Оно былъ не глупъ, но умъ этого человѣка, направленный на недоброе, готовъ былъ бороться со всѣми препятствіями для достиженія своихъ цѣлей. Онъ смотрѣлъ на исправника пытливо; надо думать, что при разсказѣ его, онъ не только слушалъ, но и соображалъ, куда вѣрнѣе нанести ударъ, для того, чтобъ сдѣлаться властелиномъ, быть земскимъ судомъ одному, безъ раздѣленія, понимая между тѣмъ, что исправникъ боецъ опытный, что побѣда можетъ обойдтись дорого и что можно погибнуть въ этой борьбѣ.

— Вотъ изволите видѣть, господа, говорилъ между тѣмъ исправникъ своимъ тихимъ и мѣрнымъ голоскомъ, обращаясь преимущественно къ стряпчему, а чрезъ него и къ секретарю, въ которомъ тоже угадывалъ противника, а главное — человѣка, съ которымъ надо будетъ пополамъ дѣлить грѣховное, тогда какъ доселѣ онъ пользовался имъ одинъ; — дѣло въ томъ, что князь здѣсь не на долго — на какихъ-нибудь нѣсколько дней, а ввести его во владѣніе нужно теперь же: иначе можетъ возникнуть споръ. Вы понимаете, какъ важно устроить все это прежде пріѣзда повѣреннаго сестры покойнаго, а повѣренный, по свѣдѣніямъ, уже выѣхалъ изъ Петербурга, но вѣроятно чѣмъ нибудь задержанъ въ Москвѣ, къ нашему счастію. Надо воспользоваться этимъ временемъ и устроить все такъ, чтобъ къ его пріѣзду имѣніе было за княземъ. Вамъ извѣстно, что при открытіи спора имѣніе берется въ опеку

или казенный присмотръ, впредь до окончанія дѣла. Дѣло можетъ продолжиться десять, пятнадцать лѣтъ; а князь — этотъ благороднѣйшій человѣкъ, баринъ въ полномъ смыслѣ слова, вельможа, могущій быть полезнымъ для всѣхъ насъ, господа, будетъ лишенъ владѣнія четырьмя тысячами душъ на неопредѣленное время. Неужели вы не раздѣляете моего мнѣнія, что не помочь ему не деликатно съ нашей стороны, неприлично наконецъ?... да и что онъ о насъ подумаетъ? что мы мужики, невѣжи, не умѣемъ сортировать людей и мѣняемъ его Богъ знаетъ на кого, на какую-то барыню, неизвѣстную, вѣроятно такъ... какую-нибудь.

— Она дѣйствительная статская совѣтница, Левъ Петровичъ, возразилъ стряпчій, очень хорошо понимавшій, что нѣсколько минутъ противорѣчія возвысятъ цѣну его согласія и заставятъ исправника походить за нимъ: — развѣ дѣйствительная статская совѣтница можетъ быть какая-нибудь? Напрасно вы это говорите, Левъ Петровичъ!

— Вы меня совсѣмъ не такъ понять изволили, Аристархъ Андреичъ, совсѣмъ не такъ. Не къ ущербу чести отнесся я такъ о сестрѣ покойнаго генерала, совсѣмъ нѣтъ! и сохрани меня даже Богъ подумать это! Я хотѣлъ только доложить вамъ, что не помочь князю въ его дѣлѣ, когда онъ такой знатный баринъ, не хорошо, не деликатно. Вотъ что хотѣлъ я сказать.

Секретарь, между тѣмъ всталъ и, остановясь за стуломъ стряпчаго, спросилъ исправника:

— А позвольте узнать, Левъ Петровичъ, что это за дѣло такое, которымъ вы изволите такъ интересоваться?

Исправникъ поднялъ голову однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ движеній, которыя бываютъ только тогда, когда ударъ послѣдуетъ прямо въ сердце; окинулъ секретаря пытливымъ взглядомъ, и видя, что онъ смотритъ ему прямо въ глаза, понялъ, что «благодарность» князя пойдетъ на три равныя части, и что удержать за собою однимъ поле битвы, нечего и думать. Онъ вздохнулъ невольно.

— Я не интересуюсь особенно, отвѣчалъ онъ секретарю, — потому что мнѣ тутъ нѣтъ никакой выгоды, но желаю только передать Аристаху Андреичу, какъ лестно было бы для всѣхъ насъ услужить князю и какъ много можетъ быть онъ намъ полезенъ своимъ высокимъ ходатайствомъ и у начальника губерніи и даже у министра. Какъ человѣкъ новый у насъ въ уѣздѣ, вы, конечно, не знаете, что за лицо такое князь: достающееся ему имѣніе лучшее не только въ уѣздѣ, даже въ губерніи, и жалко, истинно жалко было бы видѣть, если оно перейдетъ въ чуждыя, незнакомыя руки.

— Не наше дѣло судить о томъ, кому оно перейдетъ; надо только смотрѣть, чтобъ все было по закону! возразилъ стряпчій методически.

— Ваша правда, Аристархъ Андреичъ, совершенная правда. Законъ прежде всего. Я передъ нимъ преклоняюсь и никогда не осмѣлился бы предложить вамъ что-нибудь противное закону. Но раз-

судите только одно: развѣ закону не все равно, кому бы имѣніе ни досталось — князю ли или барынѣ; будетъ ли оно принадлежать тому, или другому? Закону отъ этого ни теплѣе, ни холоднѣе; еще выгоднѣе ему, чтобъ оно пошло князю, потому что перейдетъ въ другой родъ, то-есть, другую фамилію, и надо будетъ внести крѣпостныя пошлины, тогда какъ этой барынѣ, какъ бишь ее? Хватова... Хлестова... пришлось бы заплатить только за однѣ гербовыя. Я говорю это въ видахъ казеннаго интереса, и вамъ, Аристархъ Андреичъ, ужь, по этому одному, кажется, должно бы стараться способствовать всѣми мѣрами къ тому, чтобъ... князь же, при томъ, благороднѣйшій человѣкъ.

— Да! конечно!... отвѣчалъ стряпчій, вынимая зубочистку изъ жилетнаго кармана и начиная ковырять въ зубахъ, несмотря на то, что еще онъ ничего не ѣлъ: — я не говорю, чтобъ... только вы, Левъ Петровичъ, сами знаете...

— Да какъ же не знать, Аристархъ Андреичъ! О! въ этомъ отношеніи будьте покойны: князь такой благороднѣйшій; такъ умѣетъ цѣнить...

— Вотъ видите ли, Левъ Петровичъ, вы знаете, я человѣкъ семейный: два сына у меня въ гимназіи; три сына дома, дочь невѣста, самъ слѣпъ становлюсь; надо подумать о будущемъ. Слова хороши; но вѣдь, вы знаете, слова, что такое слова? Это звукъ пустой, ими сытъ не будешь.

— О, да на этотъ счетъ будьте покойны, Аристархъ Андреичъ: князь умный человѣкъ, очень хо-

рошо понимаетъ вещи и смотритъ на нихъ здраво, прямыми глазами.

— Я служу давно, продолжалъ стряпчій, — и много видалъ на своемъ вѣку. Всякіе случаи бывали. Бывали и такіе, что наговорятъ съ три короба, а кончится такъ, ничѣмъ, пустота одна.

Секретарь, видя, что дѣло у нихъ почти улаживается, и опасаясь остаться на бобахъ, вдругъ спросилъ исправника:

— Вы обѣщали мнѣ разсказать, Левъ Петровичъ, что это за дѣло такое.

Исправнику очень не хотѣлось разсказывать теперь, когда стряпчій былъ ужь на мази, но видя два неподвижно на него устремленные глаза секретаря и понимая, какъ много можетъ онъ сдѣлать вреда, если захочетъ идти противъ, долженъ былъ покориться необходимости.

— Я не знаю, что у васъ за страсть разспрашивать, началъ онъ съ замѣтною досадой; — но для того, чтобъ вы не подумали, что я хочу дѣлать что-нибудь втихомолку, я разскажу вамъ вкратцѣ, въ чемъ дѣло. Здѣсь въ уѣздѣ жилъ очень богатый помѣщикъ Мяснинъ; генералъ былъ, большія связи имѣлъ, и, по указу сенатскому, подъ надзоромъ земской полиціи находился. Родства у него одна сестра родная, Хлестова ли, Хвастова ли, чортъ ее знаетъ. Она живетъ въ Петербургѣ. Мяснинъ былъ съ ней въ разладѣ, и при жизни они не видались. Да, позабылъ вамъ сказать: кромѣ этой сестры была у него другая сестра, только сводная, за княземъ

Верейскимъ. Она умерла, и остался у нея сынъ, молодой князь, который здѣсь теперь. Мяснинъ умеръ третьяго дня и оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ все свое имѣніе отдаетъ князю. Какое тамъ у него имѣніе, родовое, или благопріобрѣтенное, это не наше дѣло; только палата утвердила духовное завѣщаніе и прислала указъ въ уѣздный судъ, чтобъ ввести князя во владѣніе имѣніемъ.

— Скоренько однако повернула палата! замѣтивъ секретарь.

— Это ужь вопросъ другой. Для такой особы, какъ князь, можно сдѣлать и скоренько. Ныньче поутру указъ изъ палаты привезъ повѣренной, и въ уѣздномъ судѣ пишутъ ужь журналъ и исходящую къ намъ.

— А что въ законѣ сказано? возразилъ неожиданно стряпчій. Какая тутъ къ чорту исходящая, когда журналъ еще стряпчимъ не пропущенъ... Судья прытокъ больно.

— Какъ это вы все горячо принимаете, Аристархъ Андреичъ! началъ опять исправникъ. Ужь, конечно, безъ пропуска стряпчаго нельзя послать исходящей, кто этого не знаетъ? Ужь, вѣрно, они придутъ къ вамъ и просить станутъ. Впрочемъ вѣдь журналъ дѣло домашнее, Аристархъ Андреичъ: не ныньче напишутъ, такъ завтра, бѣды нѣтъ отъ этого. Только бы угодить, а тамъ...

— Да, угодить; видно вы, Левъ Петровичъ, того... такъ вамъ хорошо.

Исправникъ хотѣлъ разсердиться, но, видно раз-

судилъ, что это ни къ чему не поведетъ, и промолчалъ.

Неотвязчивый секретарь смотрѣлъ ему въ глаза, и кажется, ожидалъ окончанія разсказа. Этотъ взглядъ безпокоилъ исправника. Сколько ни былъ онъ привыченъ къ дѣламъ такого рода, но тутъ чувствовалъ, что два глаза смотрѣли на него такъ пронзительно, какъ будто хотѣли сосчитать, сколько бѣленькихъ и кресненькихъ переселились въ его карманъ изъ кармана княжескаго. Это было ему неловко. Чтобъ не подать повода думать, что онъ оскорбился намекомъ стряпчаго о томъ, «что ему хорошо», онъ обратился къ секретарю и продолжалъ:

— Я вамъ не досказалъ исторіи княжескаго дѣла. Видите ли, повѣренный Хлестовой долженъ пріѣхать на дняхъ, можетъ-быть нынче даже. Надо предупредить его, пока онъ не подалъ исковой жалобы, потому что, между нами сказать, имѣніе чуть ли не родовое. Намъ, понимаете, до этого дѣла нѣтъ. Предписала палата, да и кончено; по указу дѣйствуемъ, да и все тутъ. А тамъ ужь палата барахтайся, какъ знаетъ сама; до насъ это не касается. Теперь я прошу Аристарха Андреича выполнить тихо, безъ огласки, келейнымъ образомъ, покорнѣйшую просьбу князя: — ввести его во владѣніе. Но для того, чтобъ избѣжать лишняго разговора, который, знаете, всегда какъ-то и прибавитъ лишнее и, пожалуй, до начальства дойдетъ и испортитъ все дѣло, я предлагаю — тутъ исправ-

никъ понизилъ голосъ — ввести князя во владѣніе здѣсь, не выходя изъ присутствія. На князя можно разсчитывать какъ на каменную стѣну: за нимъ дѣло не станетъ. Увѣренъ, что вы всѣ, господа, продолжалъ онъ, окинувъ глазами троихъ засѣдателей, — сору изъ избы не вынесете, тѣмъ болѣе, что въ этомъ состоитъ ваша личная польза. Князь великодушенъ, я васъ завѣряю въ этомъ.

Тѣ, къ которымъ относились эти слова, поклонились. Дворянскій засѣдатель даже что-то промычалъ одобрительно.

— Оно конечно, началъ стряпчій, — почему человѣку удовольствія не сдѣлать... бѣда не большая... на мѣсто ли поѣдемъ вводить во владѣніе, здѣсь ли введемъ, это, право, передъ закономъ все равно, только бы соблюдена была вся законная формальность и сохраненъ казенный интересъ... все остальное вздоръ. А привяжутся наслѣдники, что не на мѣстѣ вводили во владѣніе, такъ что жь? развѣ это дѣло не нашихъ рукъ? на мѣстѣ, дескать, вводили, да и кончено! Поди доказывай. Самое худшее, что̀ можетъ быть, — пришлютъ губернаторскаго чиновника. Что̀ жь такое? пусть пришлютъ! Всѣ люди, всѣ человѣки... пріѣдетъ и уѣдетъ, только бы, князь-то, знаете, не обмишулилъ насъ.

— Не безпокойтесь, Аристархъ Андреичъ; все будетъ, какъ слѣдовать должно.

— Ежели такъ, то я согласенъ. Только знаете, словамъ вѣрить нельзя: надо бы за руки.

— Конечно... впрочемъ за этимъ дѣло не станетъ.

— Ну, а какъ напримѣръ?

— Я, право, не знаю, да вѣдь и дѣло-то не мое. Знаете ли что̀? не послать ли намъ за повѣреннымъ князя, чтобъ онъ пріѣхалъ сюда? Здѣсь обо всемъ переговоримъ и все уладимъ. А? какъ вы думаете, Арѳій Иванычъ? спросилъ исправникъ обращаясь къ секретарю.

— Я не прочь, Левъ Петровичъ; да и отбиваться отъ своего начальника—не ловко и не приходится. Только, какъ сейчасъ весьма справедливо замѣтилъ Аристархъ Андреичъ, словамъ вѣрить нельзя. Когда нужно кому что̀, золотыя горы сулитъ; а сдѣлай ему дѣло, и начнетъ.... и то, и другое, и пятое, и десятое, и обойдется какой нибудь бездѣлушкой. А вы знаете, такое дѣло не тѣмъ пахнетъ. Тутъ надо обезпечить себя, для того, чтобы въ случаѣ, ежели слѣдствіе нагрянетъ, можно было отпоръ дать. Да! вотъ еще что, чтобъ не забыть: какъ же насчетъ понятыхъ-то?

— На сей счетъ безпокоиться неизвольте-съ — сказалъ вдругъ лысый сельскіи засѣдатель, выпрямясь на своемъ мѣстѣ;—это-съ мы обработаемъ-съ. Понятые безграмотные-съ: такъ все равно кто бы за нихъ ни подписался. У меня здѣсь въ судѣ зять служитъ-съ — наинадежнѣйшій человѣкъ-съ, доложу вамъ, можно чести приписать-съ; не вынесетъ-съ.

— Да ежели служитъ, такъ нельзя же ему подписаться по безграмотству! замѣтилъ стряпчій.

— Оно-съ, Аристархъ Андреичъ, не то, чтобъ служитъ-съ, а такъ, заниматся только ходитъ. Такъ оно и можно-съ. А человѣкъ наинадежнѣйшій, право съ.

— Ну хорошо. Такъ посылайте за повѣреннымъ. Да такъ и накажите, чтобъ съ собой захватилъ... А иначе я не... Знаете, очертя голову такого серьезнаго дѣла дѣлать нельзя! сказалъ стряпчій.

— Конечно, конечно! перебилъ его исправникъ, видимо обрадованный согласіемъ членовъ. Эй сторожъ! закричалъ онъ.

Кривой инвалидъ, въ длинной военной шинели, вошелъ въ присутствіе.

— Ступай сейчасъ на постоялый дворъ къ Пузыреву... знаешь, на Московской улицѣ... а? знаешь, что ль?

— Знаю, ваше благородіе!

— Такъ тамъ, въ большомъ домѣ... смотри, входъ съ улицы... стоитъ пріѣзжій изъ Петербурга баринъ: Протолеонъ Иванычъ Иволгинъ... слышишь? Не позабудь же... Протолеонъ Иванычъ.

— Слушаю, ваше благородіе!

— Такъ ступай къ нему,.. слышишь же?.. ему самому скажи... а тамъ зря не болтай: Левъ Петровичъ, дескать проситъ пожаловать сюда... слышишь?

— Слушаю ваше благородіе!

— Ну, такъ ступай!

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Солдатъ вышелъ.

— Теперь займемся приготовленіемъ вводнаго листа. Аре͏ѳій Иванычъ! это вы, ужь, возьмите на себя. Знаете, какъ писать?

— Писать просто надо, Левъ Петровичъ, и покороче, чтобъ меньше придирки было. Такого-то, молъ, числа, временное отдѣленіе, прибывъ на мѣсто въ село Гостянку и собравъ понятыхъ изъ окрестныхъ селеній такихъ-то и такихъ-то, и отобравъ отъ нихъ показаніе, что спора противъ имѣнія нѣтъ, что земли въ завладѣніи нѣтъ, что имѣніе Мяснину принадлежало съ незапамятныхъ временъ, ввело князя Верейскаго въ то село Гостянку съ деревнями такими-то, всего по ревизіи столько-то душъ, въ безспорное владѣніе, въ чемъ и составило сей вводный листъ за подписью присутствующихъ и приложеніемъ казенной печати.

— Какъ же, вѣдь священника надо, къ присягѣ понятыхъ приводить! робко замѣтилъ дворянскій засѣдатель.

— Это послѣ можно сдѣлать. Составимъ здѣсь клятвенное обѣщаніе, оставимъ пробѣлъ, чтобъ вписать имена, а нашъ депутатъ подмахнетъ. Онъ малый славный! отвѣчалъ секретарь.

— Ну, а понятые?

— Это я, сударь, ваше высокоблагородіе Левъ Петровичъ, все обдѣлаю, какъ надо, отвѣчалъ до сего времени молчавшій сельскій засѣдатель съ бородой. Во всѣхъ селеніяхъ, около Гостянки, я

Bayerische Staatsbibliothek München

знаю по именамъ человѣкъ, пожалуй, до полусотни. Кого прикажете, того и впишемъ.

— А какъ, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ нихъ грамотѣ знаетъ, а мы напишемъ, что по неумѣнію грамотѣ приложилъ руку: анъ и не хорошо.

— Мы такихъ подберемъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ снова сельскій засѣдатель, — что не знаютъ грамотѣ; а ежели и знаютъ, какая бѣда? Не пойдутъ же справляться, знаешь ты, дескать, грамотѣ, али нѣтъ. Ежели бы и спросили, развѣ языкъ съ костями, что ли? не знаю, дескать, да и полно. Это ужь, ваше высокоблагородіе Левъ Петровичъ, оставьте-съ: наше дѣло...

— Ну хорошо, хорошо! такъ пишите.

Секретарь уткнулся въ бумагу и началъ выводить на ней буквы. Сельскіе засѣдатели тоже писали. Воцарилось молчаніе. Дворянскій засѣдатель какъ-то странно пыхтѣлъ. Исправникъ ходилъ взадъ и впередъ. Стряпчій взялъ X-й томъ Свода Законовъ, нашелъ главу о вводахъ во владѣніе и медленно пережевывалъ каждое слово.

Такъ прошло съ четверть часа. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась настежь, какъ распахивается она для большихъ оказій: ревизіи губернатора или чего-нибудь подобнаго, — и въ комнату вошелъ повѣренный князя, Иволгинъ. Въ растворенную дверь видно было, какъ всѣ приказные повскакали съ своихъ мѣстъ и вытянули шеи, чтобъ видѣть, какъ войдетъ Иволгинъ и какой ему пріемъ сдѣлаютъ присутствующіе. Даже уголки

зеленаго каленкора, завѣшивавшаго стеклянную дверь присутствія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялись, послѣ чего послѣдовала продолжительная топотня. Можно было догадываться, что кривой сторожъ отпихивалъ отъ двери любопытныхъ.

Иволгинъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, одѣтый щегольски, со стеклышкомъ въ глазу; онъ пріятно гнусилъ и видимо принадлежалъ къ тѣмъ петербургскимъ чиновникамъ, которые считаютъ провинцію страною дикарей и медвѣдей, а себя дѣлающими честь этимъ медвѣдямъ, входя въ сношенія съ ними. Онъ раскланялся по всѣмъ правиламъ танц-классной вѣжливости и безъ церемоніи тотчасъ сѣлъ на одномъ изъ стульевъ, которые въ одно и тоже время подали ему: исправникъ, стряпчій и секретарь, бросившіеся привѣтствовать его. Засѣдатели ограничились тѣмъ, что постоявъ на своихъ мѣстахъ молча, сѣли, когда сѣли старшіе, и принялись опять чертить по бумагѣ.

Когда всѣ заняли свои мѣста, и Иволгинъ подлѣ исправника, этотъ послѣдній, только что не торжественнымъ голосомъ, началъ:

— Мы съ Аристархомъ Андреичемъ (показывая на стряпчаго) просили васъ сюда, Протолеонъ Иванычъ, для того, чтобъ объявить вамъ, что мы согласны на ваше предложеніе ввести князя во владѣніе, не ѣздя на мѣсто. Мы твердо надѣемся, что князь вполнѣ оцѣнитъ наше искреннее желаніе быть ему полезными... и... и... оцѣнитъ...

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь господа! отвѣчалъ

Иволгинъ. Князь человѣкъ благородный и умѣетъ цѣнить заслуги.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія. Всѣ ожидали окончанія фразы Иволгина; но какъ этого окончанія не послѣдовало, то стряпчій началъ:

— Мы рѣшились сдѣлать угодное князю, Протолеонъ Иванычъ, и увѣрены, что князь понимаетъ, какую жертву мы ему приносимъ; какой отвѣтственности себя подвергаемъ изъ желанія быть ему пріятными. Мы вполнѣ надѣемся, что князю это уже извѣстно, что вы все это изволили передать ему, Протолеонъ Иванычъ, и что вы уже приняли всѣ должныя мѣры къ тому, чтобъ...

Стряпчій замялся на нѣсколько минутъ, но потомъ продолжалъ съ твердостію:

— ... Чтобъ мы не имѣли причины раскаяваться въ нашей снисходительности. Въ Писаніи сказано: «тяготы другъ друга носите», и въ другомъ мѣстѣ: «люби ближняго, какъ самого себя». Исполняя заповѣдь христіанскую, мы готовы служить; но надобно, чтобъ и вы...

— Не угодно ли ко мнѣ, господа? сказалъ неожиданно Иволгинъ, какъ бы озадаченный торжественностію разговора. Тамъ мы можемъ закусить... потомъ...

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ! отвѣчалъ стряпчій. Мы просили васъ сюда, здѣсь дѣло и кончимъ-съ. Теперь все зависитъ отъ васъ. Вамъ извѣстно, что даже и указъ уѣзднаго суда еще не полученъ здѣсь, что я даже не пропустилъ еще объ этомъ

журнала-съ. Но единственно, желая сдѣлатъ уваженіе князю... уважая и васъ-съ, мы согласны. Вводный листъ составленъ: стóитъ только переписать его набѣло. Это будетъ готово черезъ пять минутъ.

Иволгинъ вертѣлся на своемъ мѣстѣ и не зналъ, что̀ дѣлать. Замѣтно было, что онъ не ожидалъ такого скораго приступа. Онъ предложилъ было еще разъ ѣхать къ нему, чтобъ тамъ кончить дѣло; но всѣ отказались съ благородною твердостью, достойною Римлянъ.

Тогда Иволгинъ всталъ и сказалъ съ запинкою:

— Позвольте, Левъ Петровичъ, нѣсколько словъ наединѣ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ исправникъ.

И они отошли къ окну.

— Вы меня сконфузили, Левъ Петровичъ, началъ Иволгинъ. Когда князь вручилъ вамъ деньги, онъ полагалъ, что это дѣло кончено со стороны земскаго суда и что вы уже переговорите съ этими господами сами.

— Я такъ и сдѣлалъ, Протолеонъ Иванычъ, какъ изволите сами видѣть. Но то, о чемъ вы изволите говорить, относится лично ко мнѣ, и не имѣетъ связи съ этими господами; къ томужь, это такъ мало, ничтожно даже... что...

— Мало? спросилъ удивленный Иволгинъ.

— Какъ же немало! Развѣ вы думаете, что мы не знаемъ, что значитъ четыре тысячи душъ съ пятнадцатью тысячами десятинъ заливныхъ луговъ.

Тамъ 1231 тягло, Протолеонъ Иванычъ! Мы тоже кое-что понимаемъ. Неужели вы полагали, что мы не знаемъ счету? И за вводъ такого имѣнія, когда вамъ дорогà, позвольте замѣтить, каждая минута, нельзя же отдѣлаться пустяками. Тутъ тысячами пахнетъ, а не сотнями. Впрочемъ какъ вамъ угодно. Я обѣщаніе свое сдержалъ — переговорилъ съ господиномъ стряпчимъ, съ членами земскаго суда, испросилъ ихъ согласіе; теперь отъ васъ самихъ зависитъ кончить съ ними. Я умываю руки.

— Нѣтъ помилуйте... отвѣчалъ озадаченный Иволгинъ, почесывая мизинцемъ затылокъ: — я такъ только замѣтилъ... не то, чтобы...

Исправникъ поспѣшно отошелъ отъ него, и подойдя къ стряпчему, началъ ему что-то говорить на ухо, на что стряпчій отвѣчалъ вполголоса:

— Мы хотѣли служить, нашей ласки не принимаютъ... такъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ. До меня это больше не касается. Прощайте, Левъ Петровичъ! и съ этимъ словомъ началъ искать свой картузъ. Да когда принесутъ журналъ изъ уѣзднаго суда, прибавилъ онъ совсѣмъ громко, такъ скажите, что теперь поздно... чтобъ оставили до завтра... и на домъ не трудились посылать: меня нынче цѣлый день не будетъ дома. Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ выйдти. Засѣдатели встали и поклонились ему.

Тогда Иволгинъ, видя, что медвѣди опутали его, какъ барана, и что онъ очень ошибся, полагая, что они за честь сочтутъ служить ему безвозмездно, и

что изъ тѣхъ денегъ, которыя ему отданы княземъ для ввода, врядъ ли что можно оставить себѣ, а придется приложить еще своихъ, и по инстинкту понимая, что если выпустить стряпчаго изъ комнаты, то курсъ возвысится, быстрымъ движеніемъ остановилъ его, примолвя:

— Что это вы, Аристархъ... Аристархъ...

— Андреичъ! докончилъ стряпчій.

— Аристархъ Андреичъ! продолжалъ Иволгинъ. Помилуйте, за что же тутъ сердиться? Я только такъ сказалъ, безъ умысла... Левъ Петровичъ слишкомъ горячо принялъ...

— Да нѣтъ-съ, Протолеонъ Иванычъ, можетъ быть, вы думали, что мы того-съ... Знаете, всяко бываетъ. Мы на чести, Протолеонъ Иванычъ... и съ нами такъ поступать-съ... Можетъ, вы полагали, что вы петербургскіе-съ, такъ...

— О помилуйте, Аристархъ Андреичъ, я вижу съ кѣмъ имѣю дѣло: такого благородства, такого вниманія... право, мнѣ такъ совѣстно...

Тогда Левъ Петровичъ подошелъ на выручку Иволгина.

— Ну, полноте, Аристархъ Андреичъ! Протолеонъ Иванычъ молодъ: не сообразилъ... къ тому жъ, петербургскіи. Знаете, у нихъ не то, что у насъ, въ провинціи; они люди полированные; а мы простяки, на всякую службу готовы; изъ добраго слова служимъ... Такъ ужь вы, Аристархъ Андреичъ, извините, пожалуйста, Протолеону Иванычу...

— Да я ничего-съ, отвѣчалъ стряпчій смиренно;

я такъ только-съ, Левъ Петровичъ, хотѣлъ дать почувствовать Протолеону Иванычу, что и мы не лѣвой рукой носъ утираемъ. Впрочемъ ничего... только, чтобъ онъ вникнулъ и поскорѣе отпустилъ насъ... Жена, чай, дожидается обѣдать.

Тогда Иволгинъ взялъ ихъ обоихъ за руку и отвелъ опять къ окну.

— Послушайте, господа, сказалъ онъ; — сознаюсь вамъ, что я не опытенъ въ дѣлахъ такого рода: я въ губерніяхъ никогда не былъ. Въ петербургѣ у насъ не такъ. Тамъ позовешь нужнаго человѣка въ извѣстную какую-нибудь гостинницу, отобѣдаешь съ нимъ вмѣстѣ и тамъ переговоришь все какъ надо. Здѣсь же, видите ли, присутствіе... зерцало... посторонніе люди. Мнѣ казалось...

— О, это ничего-съ! отвѣчалъ исправникъ; — люди все свои, домашніе; да къ тому жь, вѣроятно, и они забыты не будутъ... Такъ объ этомъ и говорить нечего.

Иволгинъ мялся и не зналъ, какъ сказать то, что вертѣлось у него на языкѣ.

Стряпчій это замѣтилъ.

— Вы не стѣсняйтесь, Протолеонъ Иванычъ: мы всѣ такъ васъ уважаемъ и любимъ, что примемъ отъ васъ всякое слово и откровенно скажемъ вамъ...

— Я бы желалъ знать: сколько? рѣшился наконецъ вымолвить Иволгинъ.

— Да оно вотъ видите ли что, Протолеонъ Иванычъ! Люди вы хорошіе, такъ слѣдственно поймете все, что мы для васъ дѣлаемъ. Отвѣтственности тутъ

бездна. Мы можемъ погубить себя. Такъ вы не скупитесь. Мы люди всегда вамъ нужные будемъ. Будетъ здѣсь у князя имѣніе, такъ безъ судовъ вѣдь не обойдется. Всяко бываетъ: залогъ, перезалогъ, надбавочные, взысканія, рекруты. Все это дѣло нашихъ рукъ, и насъ не минетъ. Такъ насъ надо поберечь.

И онъ нарочно медленно и съ разстановкой говорилъ эти слова, какъ бы для того, чтобъ Иволгинъ хорошенько обдумалъ ихъ значеніе. Бѣдный Иволгинъ совсѣмъ растерялся. Всѣ разсчеты, такъ великолѣпно сдѣланные по невинной системѣ: «щечи его казну, твоя казна прибудетъ», разлетѣлись въ прахъ передъ толпою неучей, мужиковъ, провинціальной дряни. Онъ, петербургскій чиновникъ, такъ много нахваставшій князю о своихъ юридическихъ знаніяхъ, о своей опытности, разбитъ, уничтоженъ, превращенъ въ ничто, смѣшанъ съ грязью, мѣлкими чиновниками мѣлкаго, уѣзднаго городишка. Самолюбіе его жестоко страдало. Надо было поплатиться — вотъ что онъ видѣлъ и чувствовалъ. Какъ ни тяжело ему было, однако онъ смирился.

— Сколько? повторялъ онъ почти жалобно.

Стряпчій былъ неумолимъ. Глаза секретаря впились въ Иволгина, желая пронизать его сукно со стороны сердца, а подъ этимъ сукномъ открыть сафьянный бумажникъ съ кипою бѣленькихъ, красненькихъ и синенькихъ. Исправникъ, хоть и обезпечившій себя, глядѣлъ какъ-то непріязненно. Засѣ-

датели изъ-за стола метали пытливые, враждебные, полные требованія взгляды. Вся комната, всякое изорванное кресло, всякій изломанный стулъ какъ будто повторяли: «Денегъ, денегъ!»

Иволгинъ вынулъ бумажникъ и хотѣлъ выкладывать оттуда бумажки: но исправникъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на него и втолкнулъ въ амбразуру окна, сквозь уголъ которой не могли просмотрѣть нескромные глаза канцеляріи, ежелибъ даже они подняли всѣ четыре уголка каленкора, закрывавшаго дверь.

— Вы не торопитесь. Протолеонъ Иванычъ, сказалъ онъ, — надобно прежде объясниться. Я готовъ на все... Аристархъ Андреевичъ тоже... господа засѣдатели тоже. Это дѣло любовное, дружеское, и по-дружески должно кончиться. Обидно будетъ вамъ — скажите. Мы готовы оказать вамъ и всякую услугу и всякое снисхожденіе.

— Но скажите же мнѣ наконецъ, началъ Иволгинъ, пришедшій нѣсколько въ себя, — чего вы отъ меня хотите? главное — сколько? Я поручился князю, что окончу это дѣло, и мнѣ надо кончить его, во что бы то ни стало.

— Вы, Протолеонъ Иванычъ, много не тревожьтесь. Все будетъ къ вашему удовольствію. Мы, право, всѣ васъ такъ полюбили, что въ огонь и въ воду за васъ готовы. Вы намъ скажите прямо, по совѣсти: какую сумму ассигновалъ князь на расходы въ нашемъ городѣ? а мы вамъ скажемъ, кому

и сколько надо дать. Можетъ быть вы не знаете: вѣдь дѣло ваше щекотликое, и надо дѣйствовать какъ можно скорѣе... такъ останавливаться передъ какой-нибудь лишней сотней не обдуманно, очень не обдуманно.

— Я не могу вамъ сказать, господа, отвѣчалъ Иволгинъ, — сколько князь назначилъ, потому что этого не знаю. Онъ только сказалъ: «надобно кончить это! А я отвѣчалъ: будетъ кончено, князь.» Поэтому-то я и желалъ бы слышать отъ васъ цифру.

— Ежели вы такъ дружески и откровенно говорите съ нами, прибавилъ стряпчій, — то и мы со Львомъ Петровичемъ будемъ съ вами говорить откровенно и дружески. Начнемте сначала. Вотъ Льву Петровичу дайте кругленькую, потому что въ немъ вся сила: онъ старшій членъ временнаго отдѣленія; господину дворянскому засѣдателю — двѣ-три сотни, по вашему усмотрѣнію; г. г. сельскимъ засѣдателямъ — что̀ хотите, это зависитъ отъ васъ: они люди бѣдные, жалованье получаютъ малое и за васъ Бога молить будутъ. Какъ дадите по сотенкѣ, такъ они вамъ и спасибо скажутъ. А вотъ Ареѳій Иванычъ, продолжалъ онъ, указывая на секретаря, — трудился и писалъ самъ вводъ... да и человѣкъ онъ нужный, такъ обѣгать его не надобно. Знаете пословицу: «не плюй въ колодезь, случится водицы испить», и другую: «ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ?» Пренебрегать, знаете, никѣмъ не надобно. Всяко бываетъ. Четыре, пять сотенокъ вамъ не будетъ обидно, а молодому человѣку поощренье.

— Ну, а вамъ Аристархъ Андреичъ? спросилъ Иволгинъ, уже сильно озадаченный.

— Мнѣ? чтò мнѣ? Я человѣкъ маленькій, послѣдняя спица въ колесницѣ. Я, вотъ видите ли, и въ уѣздномъ судѣ журналецъ вашъ пропущу, и здѣсь подъ вводомъ подпишусь. Безъ меня, знаете, нельзя ни здѣсь, ни тамъ. Предоставлю это вашему великодушію. Только бы Богъ привелъ служить добрымъ людямъ. Вы, однако, не думайте, Протолеонъ Иванычъ, чтобъ мы, этакъ, притѣсненіе вамъ какое... нѣтъ, сохрани Господи! мы по любви и расположенію... а для другаго — ни, ни! ни за что!... Нельзя, дескать, закономъ запрещено.

— Но однако? началъ опять Иволгинъ, — мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы довольны были. Да и сами разсудите, что жь мнѣ жалѣть-то чужихъ денегъ?

— Такъ ужь кругленькую-то дайте, да и Богъ съ вами. За то ужь такъ обдѣлаемъ, что иголки подпустить нельзя будетъ. Сунься-ка тогда повѣренный Хлестовой,... такъ носъ утремъ, что только ноги дай Богъ унести... другу и не другу закажетъ... Право, такъ!

Иволгинъ помялся, а дѣлать было нечего: скрѣпя сердце, началъ онъ вынимать деньги. При этомъ сельскіе засѣдатели, дворянскій засѣдатель и секретарь такъ уткнули носы въ бумаги и прикинулись такъ сильно занятыми письмомъ, что могли безъ всякой лжи сказать, что не видали, какъ исправникъ и стряпчій получили свои части. Когда эта операція

кончилась, стряпчій, выйдя изъ амбразуры, кивнулъ головою секретарю, и тотъ пошелъ на его мѣсто; за нимъ послѣдовалъ дворянскій засѣдатель, потомъ сельскіе, которые при этомъ низко поклонились.

Когда все это кончилось, секретарь подошелъ къ исправнику и показалъ ему написанный набѣло вводъ во владѣніе. Прочитавъ его про себя, исправникъ передалъ его стряпчему, и когда тотъ прочелъ его, тоже про себя, то примолвилъ:

— Хорошо. Что жь еще? Ну, перекрестясь, съ Богомъ!

И передалъ бумагу исправнику.

Исправникъ сѣлъ и подписалъ; за нимъ подписалъ стряпчій. Послѣ пригласили Иволгина дать росписку, что онъ принялъ имѣніе. Когда Иволгинъ подписывалъ, секретарь шопотомъ напомнилъ ему, что съ него надо за гербовую бумагу, на которой написанъ вводъ и копія съ него. Рыжая борода между тѣмъ награфила имена понятыхъ, бывшихъ при вводѣ; секретарь скорехонько переписалъ ихъ и шепнулъ Виссаріону Астафьичу позвать наинадежнѣйшаго человѣка подписаться за понятыхъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ. Лысый засѣдатель вскочилъ, какъ отъ прикосновенія электрической искры, и побѣжалъ изъ присутствія. Черезъ минуту онъ ввелъ какого-то пухлаго господина, отъ котораго на версту пахло водкой, и небритаго съ недѣлю. Что-то тупое и дикое выражалось во всей физіономіи этого человѣка му;ндирный фракъ, дырявый на локтяхъ,

почти безъ пуговицъ, жилетъ бывшій когда-то пестрымъ шелковымъ, а теперь превратившійся въ грязный лоскутъ, на которомъ не было видно уже ни тѣней, ни рисунка и наконецъ изорванное нижнее платье одѣвало его пухлое, худое тѣло, какого-то желто-грязнаго цвѣта.

Когда этотъ наинадежнѣйшій человѣкъ вошелъ въ комнату, исправникъ указалъ ему пальцемъ на стулъ секретаря, который положилъ передъ нимъ бумагу и началъ диктовать вполголоса:

— Къ сему... показанію... и подпискѣ... вмѣсто крестьянъ... Трофимова... Аверьянова... Ненюкова... Раскина... Любавина... Андреева... Гнусова... Живорыбова... Хохляткина... Князнова... Лапочкина... и другихъ... того же села Кудинова... Ивашкина тожь... да деревни Хрюминой: Большакова... Севрюгина... Плиткина... и Мордопхаева... за неумѣніемъ ихъ грамотѣ... по ихъ личному прошенію... отставной подканцеляристъ... Ларіонъ Силинъ сынъ... Эмпедокловъ руку приложилъ.

Наинадежнѣйшій человѣкъ писалъ молча, дрожащею рукой, и когда кончилъ, секретарь сунулъ ему въ руку синенькую. Не говоря ни слова, даже не поклонясь, онъ вышелъ, и по выраженію его лица, по всей его фигурѣ, можно было ясно видѣть, что онъ рѣшительно не понялъ, что, за чѣмъ и за кого его заставили подписать. Виссаріонъ Астафьичъ очень справедливо называлъ его «наинадежнѣйшимъ». Онъ могъ бы подписать свой смертный при-

говоръ, не догадавшись, ни о комъ, ни о чемъ идетъ дѣло. Черезъ секунду его уже не было въ судѣ. Онъ сидѣлъ въ кабакѣ и хриплымъ голосомъ тянулъ какую-то безсмысленную пѣсню.

Тогда исправникъ, стряпчій и секретарь поздравили Протолеона Иваныча съ окончаніемъ дѣла...

ВОЛОСТНОЙ ГОЛОВА.

I.

Были уже сумерки, когда около одной избы селенія Тумаковъ собралось человѣкъ пять крестьянъ. Одѣты они были одинаково: въ полушубкѣ посверхъ клѣтчатой домашней рубахи, и въ шубѣ посверхъ полушубка, которою они то и дѣло запахивались, хоть на дворѣ вовсе холодно не было. По мѣрѣ того, какъ сгущались сумерки, народъ подходилъ все больше и больше, все въ тѣхъ же неизмѣнныхъ шубахъ, сверхъ полушубка; въ тѣхъ же огромныхъ плисовыхъ шапкахъ, свалившихся на сторону; въ тѣхъ же сапожнищахъ, надѣтыхъ или на двѣ пары чулокъ, или на онучки, состоящія изъ 3—4 аршинъ домашняго сукна, обмотаннаго около ноги. Толпа все еще прибывала, хотя собралось уже около тридцати человѣкъ: всѣ они разсаживались около первоначальныхъ пяти, кто гдѣ и какъ успѣлъ: кто на близь лежавшемъ бревнушкѣ, кто на воротной вереѣ, кто на осколкѣ камня, случайно

тамъ валявшагося, кто на завалинѣ, и наконецъ просто на землѣ...

Это сбирался сходъ для сужденія о томъ, кого везти въ рекруты, потому что завтра наступалъ день, для этого назначенный. Многіе думаютъ, что мужика пугаетъ солдатская жизнь — нисколько! Онъ знаетъ, что солдатская жизнь не тяжелѣ крестьянской; его пугаетъ удаленіе отъ родныхъ, а еще болѣе удаленіе отъ мѣста родины, отъ родимыхъ привычекъ, отъ знакомыхъ лицъ и мѣстъ. Русскій человѣкъ не бродяга, а скорѣе домосѣдъ; онъ лѣнивъ по природѣ и не охотно оставляетъ родимыя палати съ тараканами, хотя бы приходилось мѣнять ихъ на свѣтлую и чистую комнату верстъ за 200 или за 300 отъ родимаго села. Вмѣстѣ съ образованіемъ исчезаетъ и боязнь новой жизни, новаго мѣста, новыхъ занятій; пропадаетъ вмѣстѣ съ привычкою къ курнымъ избамъ, къ волоковымъ окнамъ. А давно ли бывало, мужикъ, словно на сраженье, собирался въ путь верстъ за пятьсотъ? Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, мужикъ, или лучше мужичина лѣтъ тридцати, здоровенный и сильный, такъ что по русскому выраженію, быка убьетъ, — стоналъ и плакалъ и прощался, не то чтобъ съ женою и дѣтьми, но со всѣми родными и съ цѣлою деревней, какъ будто шелъ на смерть, отъ того, что долженъ былъ везти въ Москву *барченка*... И когда онъ выѣхалъ, цѣлая деревня съ рыданіемъ и воемъ провожала его за околицу.

Теперь не то; изъ той же деревни парень 17 или 18 лѣтъ, ѣдетъ въ Москву такъ же покойно и равнодушно, какъ будто ѣхалъ за 10 верстъ отъ дымной избы своей. Многіе даже получили охоту ѣздить, и зиму проводятъ всю въ извозахъ, — и повѣрьте не потому, чтобъ это было особо выгодно, но потому, что онъ привыкъ и кушать слаще, нежели дома, и вести жизнь беззаботнѣе.

Проѣзжалъ я когда-то по Н—й губерніи, и такъ какъ ѣхалъ на вольныхъ и не по столбовой, а просто по большой дорогѣ, то и остановился кормить. Вы, можетъ, не знаете, что̀ значитъ кормить? Ныньче народъ развратился, все куда-то торопится, и хоть не дѣлаетъ ничего, или по крайней мѣрѣ очень мало, но ужасается при мысли провести три, а иногда четыре часа на постояломъ дворѣ, гдѣ и тепло и свѣтло, и ѣсть пожалуй найдется. Въ то время эти четыре часа надо было проводить голодному въ дымной и вонючей избѣ, съ тараканами, которые ползаютъ по лицу и падаютъ съ потолка на голову, да еще съ одними ли тараканами! Остановился я въ такой избѣ и вижу, что хозяинъ мой что-то невеселъ.

— Что̀ дѣдушка, спросилъ я, — какъ дѣла?

Старикъ прежде почесалъ голову, — жестъ почти необходимый у русскаго при началѣ разговора, и отвѣчалъ!

— Да что, кормилецъ, плохо.

— Да что жь плохо-то? продолжалъ я настойчиво.

— Да вотъ домокъ-то сносить надо. А изба новая, годка три только какъ поставлена. Такъ и жалко.

— Да зачѣмъ же сносить! развѣ мѣсто не хорошо?

— Чего не хорошо!.. Мѣсто самое сухое, привольное; да начальство велитъ!

— Зачѣмъ же начальство велитъ? развѣ ему не все равно, гдѣ ты ни будешь жить?

— Видно не равно, кормилецъ. Вишь ты: какъ стали мы палатскіе, и призвалъ насъ окружной. Говоритъ: такъ и такъ, ребята, не на мѣстахъ вы сидите. Да какъ же не на мѣстахъ, ваше благородіе? эдакъ спросили мы. А вотъ какъ, говоритъ, сказано: гнѣздами селиться надо; сирѣчь, вотъ тутъ два двора, да проулокъ, да опять два двора, да опять проулокъ, — а у васъ все сплошное; это дескать нужно на случай огня. Хорошо! Вотъ мы подумали, подумали, да и говоримъ промежъ себя: «Неча дѣлать! деревня-то наша больно зря ужь настроена; будемъ селиться гнѣздами.» И пошла ломка. Кто на серединѣ жилъ, смотришь угодилъ на край; порастрясли таки карманы, а построились. Ну знаешь, родимый, тогда время не то, что нынче. Народъ былъ свѣжій, не ломаный; у всякаго почитай была кубышечка зарыта. Поохали, поохали, а выполнили приказъ. Хорошо!.. живемъ годъ, другой... и любо стало самимъ. Улица широкая, просторная, есть гдѣ разгуляться... огородишка подлѣ, сарайчикъ подъ бокомъ; сѣнца ли нужно, али соломки, все тутъ близко... никуда ходить не надо. Позабыли бы и пе-

реселенье, кабы на бѣду у Ваньки Косаго дворъ не угодилъ на болотину. Ванька мужикъ себѣ на умѣ. Пошелъ къ писарю, шушу, да шушу съ нимъ... а тамъ къ головѣ... да и хвать прямо къ окружному. Что̀ ужь они тамъ гутарили, хвастать тебѣ, родимый, не стану... только началъ Ванька Косой дворъ ломать. Что̀ за притча такая? Зачѣмъ бы, кажется ему дворъ ломать? Мы къ нему: зачѣмъ это ты, Косой, дворъ ломаешь? А онъ намъ: Дурачье вы, вахлаки эдакіе! А ломаю на то, что дворъ на болотинѣ стоитъ; такъ хочу на новое мѣсто. — На новое! да кудажъ на новое? Тутъ на краю рѣчка, а тамъ гора, мѣста неугодныя. — Вотъ то-то и есть, что вы мужичье сиволапое (онъ такой балагуръ ужь былъ), ничего не понимаете. Поставлю дворъ на такомъ угодномъ мѣстѣ, что спину расчешете! — Да куда жь, Косой, поставишь то? — А вотъ поставлю на любомъ проулкѣ, гдѣ вздумается. — Какъ такъ? — Да такъ поставлю, да и только. Призадумались мы. Какъ же на проулкѣ? Давно ли мы переломались, чтобъ проулковъ надѣлать, а теперь проулки застраивать станутъ. Брешетъ должно-быть Косой зря; быть этого не можетъ. Не повѣрили мы, а Косой знай себѣ ломаетъ, да таскаетъ на проулокъ. Дивуемся мы, а онъ ужь и стулья подвелъ, и нижніе вѣнцы заложилъ и началъ погребицу рыть. Что за притча, думаемъ. Мы къ нему: разкажи дескать, Косой, какъ это тебя угораздило такую штуку отмочалить? А онъ-то смѣется: — штука простая, говоритъ, самая лядащая; пошелъ къ окружному, по-

клонился какъ слѣдуетъ, снесъ тамъ что̀ нужно, и волёнъ ставить себѣ избу, гдѣ хочу. Насъ тутъ словно розобрало. Хорошо жить на широкой улицѣ, а все какъ-то жаль стараго мѣста! Потолковали, потолковали мы промежь себя: нашлось насъ пять человѣкъ охотниковъ: пойдемъ проситься на старыя мѣста! Взяли съ собой разнаго домашняго гостинца, купили въ городѣ сахару да чаю, деньжонокъ собрали посильное дѣло, пошли къ окружному. Онъ, покойникъ, дай Богъ ему царство небесное, былъ не противникъ; хоть денежки и любилъ, а съ мужикомъ обойдется какъ дѣлу быть, и о хозяйкѣ спроситъ, и объ малыхъ дѣтяхъ, и какъ ты живешь-можешь, и то и се, и пятое и десятое. Пришли. Лакеишка такъ у него, пьяненькій былъ; хотѣлъ было не пускать, говоритъ: и какъ можно, и куда лѣзете? Ну мы, грѣшные люди, сунули ему въ глотку двугривенный, онъ и замолкъ. Говоритъ: рано, ребята, пришли; подождать надо; а то съ утра онъ серчаетъ всегда; дайте чайку попьетъ... другой человѣкъ станетъ! Пошли мы и спрятались, дожидаемся, какъ чайку попьетъ. Попилъ онъ чайку, требуетъ насъ къ себѣ на глаза. Вошли мы къ нему и прямо бултыхъ въ ноги: дескать такъ и такъ, Андрей Иванычъ! Заставь за себя Богу молить! Сначала поломался онъ маленько, а потомъ смиловался, гостинецъ принялъ и говоритъ: ступайте, дѣтушки! селитесь, гдѣ кому пригоже.—И на проулкахъ можно? признаться спросилъ я.—И на проулкахъ можно. Только смотрите, чтобъ все шито и

крыто было; съ головой и писаремъ живите ладно, что изъ избы выносу не было.» Ради мы таковы пошли отъ него. Пришелъ я домой; говорю своимъ бабамъ: хотите на старое мѣсто жить? Бабы глаза вытаращили, а старуха моя инда заплакала. Всѣ такъ и заголосили: хотимъ на старыя мѣста, дѣдушка!.. А признаться сказать, на которомъ мѣстѣ тогда жили, хорошее было: сухое, вода близко, все подъ руками, отъ церкви Божіей два шага какихъ-нибудь. А старое и тѣсно, и далеко отъ всего, ну да какъ-то жаль было стараго мѣста. Бабы же покою не давали... скорѣй, да скорѣй. Навозилъ я лѣсу, надралъ моху, сварилъ бражки, купилъ винца, позвалъ пòмочь, и въ одинъ день перенесли избу, вотъ эту самую, гдѣ мы съ тобой, родимый, калякаемъ. Дворъ ужъ перенесенъ послѣ. И видишь, построился не на смѣхъ: все какъ слѣдственно быть. Ну, и все бы хорошо, мѣсто счастливое, насиженое, и скотинишка водится и лошадки на порядкахъ; да какъ на бѣду, умри у насъ окружной. Пріѣхалъ новый. Вотъ ужь пёсъ-то, прости Господи! Добраго слова не скажетъ тебѣ, все со срывкомъ; важный такой; голову деретъ выше лѣсу стоячаго, а чтобъ эдакъ человѣка обласкать или добрымъ словомъ приголубить, ужь этого лучше и не жди. Пріѣхалъ, и пошелъ форсить, да ломать; то не такъ, это не эдакъ, добрался и до проулковъ.—Отчего, дескать, проулковъ нѣтъ?—Проулки, молъ, были, да всѣ застроены; начальство позволило. И принялъ онъ голову, батюшки свѣты!

И такой-то ты, и эдакой-то! и какъ тебя въ головы выбрали... и въ колодку-то я тебя закую!.. всѣмъ досталось. Смекнулъ голова... созвалъ сходъ... говоритъ: плохо ребята! Надобно окружнаго ублаготворить, съ пріѣздомъ поздравить. Согласились, дали по двѣ гривны съ души, пришли съ подаркомъ. Сперва было форсу задалъ: вонъ дескать! какъ можно! потомъ взялъ и сталъ потише. Только безъ денегъ, какое дѣло ни есть, къ нему лучше не ходи. Какъ собака облаетъ, ежели придешь съ пустыми руками, а дашь, такъ шелковый станетъ, и еще научитъ, какъ сдѣлать. Ну да вѣдь на всяко не наготовишься. Три года прожили мы съ нимъ, съ грѣхомъ пополамъ, все молчалъ, а теперь наладилъ опять о проулкахъ. Покою не даетъ. Такъ ѣдма и ѣстъ. Пошелъ было Ермолаичъ просить, чтобъ на мѣстѣ оставилъ, понесъ двѣ красныхъ... Куда-те! съ глазъ долой сбилъ и слушать не сталъ. Тому не въ домекъ, что онъ *больше* хочетъ. Нашлись добрые люди, посовѣтовали: ты, дескать, возьми сотню, да и ступай! а то вздумалъ съ двумя красными соваться; видишь онъ какой важный!.. Покряхтѣлъ, покряхтѣлъ Ермолаичъ, а дѣлать-то неча, ломаться не хочется, въ разоръ разоришься,—поволокъ сотню. Ну, это взялъ и на мѣстѣ оставилъ, и съ той поры Ермолаичъ у него первымъ человѣкомъ сдѣлался. Теперь до меня добирается, все твердитъ, зачѣмъ на проулкѣ сижу?.. Значитъ, и мнѣ надо сотню отнести, а гдѣ ее взять? Года плохіе; яровые-то вонъ

не родились вовсе, да и ржишка-то взглянуть не на что. Татъ закручинишься родимый!...

Я согласился съ старикомъ, что дѣйствительно есть отъ чего закручиниться.

Но возвратимся къ разказу.

Мы оставили сборище крестьянъ селенія Тумаковъ на завалинѣ дома сельскаго старшины. Разговоръ кипѣлъ: надобно было нынѣшнюю ночь ковать молодежь, чтобъ не разбѣжалась, а завтра везти въ присутствіе: кого везти, въ этомъ былъ весь вопросъ. Очередныхъ, скажутъ; какъ на бѣду, очередные всѣ, по осмотру окружнаго, оказались негодными: у кого вдругъ явилась глухота и потокъ изъ уха, кто вдругъ сдѣлался больнехонекъ, такъ что ногъ не таскаетъ, хоть не дальше, какъ вчера, бѣгалъ такъ, что на рысакѣ не догонишь; кто вдругъ сдѣлался такъ малъ ростомъ, что въ мѣру не выходитъ. Такихъ была большая часть; по крайней мѣрѣ въ спискѣ окружнаго такъ значилось. Бѣднымъ мужикамъ дѣйствительно было надъ чѣмъ задуматься. Нынѣшнюю ночь надо выѣхать, а у нихъ рекруты еще не приготовлены... Надобно деньги сбирать на отдачу; съ этимъ однимъ Богъ вѣсть сколько промаешься. И какъ на горе, и оглохли и заболѣли и сдѣлались ростомъ малы, все тройники и четверники. На нихъ-то и надежда была; а теперь остались одиночки, да много, много двойники, кто кривой, кто косой, или съ другимъ какимъ изъяномъ.

Пока происходило совѣщаніе, поднялось окошко, заплеснѣвшее и позеленѣлое, и оттуда высунулась,

хоть съ большимъ трудомъ, голова, къ которой рама приходилась чѣмъ-то въ родѣ ошейника. Голова эта была кудрявая, не молодыхъ лѣтъ, съ бородкой, похожей на намычку льна или поскони, и принадлежала почетному лицу въ деревнѣ Тумахахъ: сельскому старшинѣ Андрону Власьичу Погоняйкину. Только что голова высунулась, шапки полѣтѣли съ головъ, какъ будто ихъ вихремъ снесло. Голова наклонилась; на сколько могла, сдавленная хомутомъ — окошкомъ и спросила хрипло: всѣ?

— Нѣтъ еще Андронъ Власьичъ! отвѣчало нѣсколько человѣкъ вставши. Тогда голова спряталась въ окно.

Когда голова скрылась, все пришло въ прежнее положепіе. Народъ между тѣмъ все подходилъ, да подходилъ; имѣющіе дѣтей или родственниковъ, замѣтно были угрюмы.

Больше полусотни набралось уже такимъ образомъ, когда къ нимъ вышелъ старшина. Это былъ мужикъ ражій, плечистый; всѣ видимо боялись его.

Когда онъ усѣлся, сѣли и другіе. Многіе стали около него въ кружокъ, положивши голову на руку, а руку поддерживая въ локтѣ ладонью другой руки.

— Ну, что старички, началъ старшина, — порѣшили, что-ли, кого везти?

— Нѣтъ еще Андронъ Власьичъ, не порѣшили, отвѣчалъ старикъ, сидѣвшій къ нему ближе всѣхъ,

— да и порѣшить-то, ужь Богъ вѣсть, какъ? Тройники всѣ негодные, а изъ двойниковъ да сиротокъ, кого выберешь? Все мелюзга такая, что и въ присутствіе ввести нельзя. Прозводитель (предводитель) выгонитъ, чуть носъ покажешь.

— А много ли всѣхъ поставить-то нужно?

— Да восемь человѣкъ нужно. Вотъ мы и толкуемъ, что у Пегова николи послуги не было.... Ему бы и ставить.

— А у тебя, старикъ, внуки-то... меренья какіе... О! о!.. ты ихъ куда бережешь? закричалъ голосъ изъ толпы, вѣроятно Пегова.

— У меня внуки неуйдутъ; малолѣтки; а твой парень изъ лѣтъ выйдетъ...

— Малолѣтки! хороши малолѣтки! Развѣ малолѣтковъ женятъ? Аль не ты намнясь посылалъ сватать за Ванюху къ Зубану Тимошкѣ... что, небось не ты?

— А тебѣ-то что за дѣло?

— А то дѣло, что ты на другихъ-то указываешь, а самъ что? Послуги не было!... развѣ не отъ двойниковъ служилъ у меня братъ?.. А дядя-то Михей, что, не служилъ, что ли?.. И теперь калѣка— няньчаюсь съ нимъ, что съ малымъ ребенкомъ. А у тебя такъ не было послуги николи. И дѣти-то твои не служили, и внуковъ хочешь уберечь. Что окружной-то тебѣ обѣщалъ... такъ ты и думаешь, что тебѣ и чортъ не братъ. Велико дѣло окружной.

— Молчать собачій сынъ! закричалъ старшина гнѣвно. Какъ ты смѣешь объ окружномъ такъ говорить? Въ колодку что ли хочешь?

— Да что жь онъ лается, Андронъ Власьичъ! какой ему тамъ еще послуги нужно, коли изъ семьи два человѣка солдатничали. Вѣдь кровь говоритъ...

— Да ты рази не слышишь, продолжалъ старшина, что окружной смотрѣлъ его ребятъ и нашелъ, что негодны...

— А чѣмъ они негодны, Андронъ Власьичъ? Ребята свѣжіе, кровь съ молокомъ; похаить нельзя. А что онъ, старый чортъ, отнесъ окружному... такъ и я радъ бы радостью, да взять негдѣ. А у него деньги есть, такъ онъ и правъ?

— Слышь ты, пустая голова, окружной въ мѣру ставилъ. Ну не вышли въ мѣру... бумага по головѣ ходитъ... малы.

— Какъ не малы!.. Мѣру-то подняли на цѣлый вершокъ выше, да хотятъ, чтобъ бумага не ходила... грѣхъ только одинъ, Андронъ Власьичъ!

— Не наше дѣло судить, отвѣчалъ старшина; про то начальство знаетъ. Велятъ тебѣ сына везти — вези, а ломаться станешь, такъ закуемъ.

Для тѣхъ, кто не знаетъ, скажемъ, что при пріемѣ, въ прежнее время, когда становили въ мѣру, — клали на голову листъ бумаги, и ежели эта бумага двигалась свободно между головой и мѣрой, — рекрутъ не годился, о немъ въ спискѣ отмѣчалось: «негоденъ, малъ ростомъ», несмотря на то, что въ немъ было полныхъ четыре вершка, и онъ, стоя въ мѣрѣ, согнулъ нѣсколько колѣнки, по которымъ унтеръ, стоявшій у мѣры, хоть и ударилъ сапо-

гомъ своимъ для вида, но тѣмъ колѣнокъ ему не разспрямилъ.

Старшина обратился къ міру.

— А что, старички! слѣдственно везти Пегова сына?

— Слѣдственно! закричало съ десятокъ голосовъ. Остальные молчали.

— Слѣдственно, такъ слѣдственно, проговорилъ старшина; — эй, выборный!

Изъ толпы вышелъ здоровый мужикъ.

— Что прикажешь, Андронъ Власьичъ?

— Что, у тебя все готово?

— Все.

— То-то же! Кого міръ присудитъ, такъ того и заковать, слышишь?...

— Слышу.

— Да какой же это порядокъ, что моихъ ребятъ хотятъ везти, а у кого съ роду никто не служилъ, оставляютъ! закричалъ Пѣгой, голосомъ, въ которомъ слышались уже слезы. Развѣ праведно это?

— Ну, что-ты горланишь-то? заоралъ старшина. Міръ присудилъ, аль не слыхалъ? Я что ль?

— Какой міръ! пятокъ лизоблюдовъ какихъ-нибудь.

— Ахъ ты ругатель! воръ! разбойникъ! душегубецъ! закричали тѣ же голоса. Андронъ Власьичъ! Зачѣмъ даешь насъ обижать? Ежели всякій лаяться будетъ, такъ и на сходъ ходить неча.

Остальные молчали, какъ-будто ихъ не было, или не ихъ дѣло. По приказанію старшины, Пѣгой былъ

взятъ и отведенъ въ приказную избу, какъ ослушникъ міра...

Такимъ, или близко такимъ образомъ, разобраны были всѣ очереди. О нѣкоторыхъ міръ присуждалъ единогласно: это были круглые сироты, о которыхъ на міру некому было замолвить слово; другіе присуждены были къ отдачѣ двумя, тремя голосами; но такъ какъ міръ молчалъ, а молчаніе есть знакъ согласія, то это и считалось рѣшеніемъ міра. Кто былъ погорластѣе и позубастѣе, то-есть ругался со всѣми не на животъ, а на смерть, вспоминая кому забытое воровство, кому розги въ полиціи, кому ложную присягу, — тому иногда удавалось отстоять сына, или внука. Такихъ было не много, потому что русскій человѣкъ вообще тихъ и смиренъ, пока не пьянъ.

Позванъ былъ писарь переписать на грамотку рѣшеніе міра. Когда это было кончено, представились другіе два вопроса: по скольку надо собрать съ души на отдачу, и кто поѣдетъ отдатчикомъ? Оба вопроса равно были щекотливы. Говорили, спорили, шумѣли, дошло чуть не до драки, — человѣкъ вообще отстаиваетъ свой карманъ гораздо упорнѣе, чѣмъ самую жизнь, — и все-таки не соглашались. Одни говорили, что кромѣ взноса въ казну, надобно еще дать на рекрута рублей по семидесяти ассигнаціями, то-есть: на провозъ, угощеніе, расходы на росписи, письмоводителю, лѣкарю, унтерамъ, цирюльнику. Другіе, особливо тѣ, которыхъ родственники назначались въ рекруты, находили, что этого

слишкомъ много. Ихъ разсчетъ тутъ былъ очень простъ: чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ менѣе вѣроятія сдать рекрута.

Крикъ и шумъ продолжался за полночь, но рѣшить дѣла не могли. Болѣе благоразумные, томимые желаніемъ сна, выбрали послѣднее средство: пригласить Голову и «на чемъ онъ положитъ, такъ тому дѣлу и быть». Какъ средство среднее, оттягивающее вопросъ, но не разрѣшающее его, оно было принято всѣми. Вообще замѣчено, что среднія средства принимаются большинствомъ охотнѣе, нежели средства, исчерпывающія вопросъ до дна; — и предлагатели этихъ среднихъ средствъ считаются людьми по преимуществу умными.

Голова, угощая столоначальника окружнаго управленія, пріѣхавшаго на слѣдствіе въ эту волость, такъ наугостился самъ, что лежалъ, какъ говорится по-русски, «безъ заднихъ ногъ». Однако онъ всталъ, когда ему сказали, что на міру требуютъ его для рѣшенія вопроса. Хотя столоначальникъ и кричалъ спьяну, что «міръ вздоръ, что надо палками его отдуть» и проч. но Голова, какъ ни былъ пьянъ, однако не забылъ, что онъ Голова, и что его мѣсто не здѣсь, на коровьемъ войлокѣ, замѣнявшемъ ему постель, а среди людей, равныхъ ему; людей, которые желаютъ его видѣть и ждутъ его рѣшенія. Хотя, правду сказать, и у него мелькали мысли «послать міръ къ чорту со всѣми его надобностями» на томъ основаніи, что онъ Голова «гуляетъ» и тоже «отдуть всѣхъ палками», однако чувство долга и справедли-

вости превозмогло, и онъ, крехтя и охая, словно душа разставалась съ тѣломъ, началъ надѣвать халатъ и подвязывать кушакъ.

Шумъ смолкъ мгновенно, когда Голова, шатаясь, пришелъ на сходъ. Несмотря на слабость къ спиртнымъ напиткамъ, Иванъ Вавилычъ Мериновъ пользовался общимъ уваженіемъ. Надо замѣтить, что русскій человѣкъ вообще не считаетъ пьянство униженіемъ и «хмѣльному человѣку» поможетъ, а смѣяться надъ нимъ не будетъ, какъ бы ни были смѣшны и нелѣпы его пьяныя требованія и движенія. По этой причинѣ Иванъ Вавилычъ, какъ ни былъ пьянъ, не возбудилъ ни негодованія, ни презрѣнія: всѣ знали, что онъ и пьяный много лучше иного непьянаго.

Когда Голова сѣлъ на завалинку, и хриплымъ голосомъ потребовалъ изложенія дѣла, ни у одного изъ предстоящихъ не возникло мысли осудить его. Дѣло было изложено въ тѣхъ не хитрыхъ и не многихъ словахъ, какими говорятъ мужики о дѣлѣ, позволяя себѣ о бездѣльѣ болтать нескончаемо. Онъ выслушалъ молча, погладилъ свое толстое чрево, погладилъ свою бороду и вытянулъ ее во всю длину, взявъ даже кончикъ ея въ ротъ, и хоть хриплымъ, но твердымъ голосомъ сказалъ:

— Старички! года нынче плохіе... рекрутчина частая; давать много денегъ взять не откуда. Потреба у мужика нынче большая стала; подушныя не велики, грѣхъ пожаловаться, да окромя подушныхъ, сколько еще надо платить другихъ поборовъ. Да ужъ и начальства больно много развелось... а

на все, про все, у мужика тоже, что и прежде было. Хотите послушать моего глупаго разума: дайте столько, чтобъ въ обрѣзъ было; деньгами не удивишь никого. Ежели у васъ ребята хорошіе отобраны, то денегъ много не надыть. Сами разсудите, мужички, вамъ это знать ближе.

Старикъ съ сѣдою бородой, уже пожелтѣвшею отъ лѣтъ, снялъ шапку, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— То-то-то, Иванъ Вавилычъ! что некруты-то небольно тово...

— А неисправны некруты, такъ и денегъ припасай больше. Это ужь вѣстимо дѣло. Да отчего жь вы такъ опростоволосились, ребята, что дурныхъ некрутовъ набрали? У насъ, слава Богу, за народомъ не въ люди ходить: волость большая, народъ мочный...

— Тебя-то, Иванъ Вавилычъ, не было у насъ... а старый Голова, самъ знаешь, развѣ могъ какой отвѣтъ держать? Что̀ окружной хотѣлъ, то и дѣлалъ. Позвалъ въ управленіе, всѣхъ раздѣвалъ и въ мѣру ставилъ... а что такое тамъ написалъ въ палату, вѣдь этого никто не знаетъ. Наши кое-кто ходили съ поклономъ къ письмоводителю: шепнулъ имъ, что изъ тройниковъ почитай всѣ негодные,— кто ростомъ малъ, кто съ другимъ какимъ изъяномъ... Такъ и въ палату отписку послали... А палата съ его словъ въ рекрутское присутствіе пошлетъ, и останутся тройники дома, а голякъ, да нищій, хоть и одиночка, ступай на службу...

— Да какъ же это такъ случилось, что тройники всѣ негодные стали? спросилъ Голова съ удивленіемъ.

Вы, милые читатели, не удивитесь его удивленію, ежели я вамъ скажу, что Иванъ Вавилычъ въ деревнѣ почти не жилъ, а все толкался въ Питерѣ, и еще мало былъ посвященъ въ сельскія тайны.

— Да кто жь ихъ сдѣлалъ негодными, Иванъ Вавилычъ? Они подлѣ негодныхъ-то и не сидѣли. Извѣстное дѣло, подарки. Кто отнесъ окружному, ну и ростомъ малъ сталъ... а не отнесъ, пеняй на себя. Кому за нимъ смотрѣть-то? чтò хочетъ, то и пишетъ. Кабы изъ палаты левизора послали, такъ увидалъ бы онъ, что негодные-то кто пяти, кто шести вершковъ, и собой ребята бравые... а тепешнихъ-то повезутъ... что? слава только одна, что некрутъ. Тоще, да хило... да и чему быть-то? Иной харча куска цѣлую жизнь во рту не видалъ, да и хлѣбъ ѣстъ съ мякиной... чего ужь тутъ ждать...

— Да какъ же помочь этому, спросилъ Голова.

— Какъ помочь? Помочь нельзя; такъ видно тому дѣлу и быть, Божья воля. Развѣ ты, Иванъ Вавилычъ, въ наше дѣло вступишься, да слово съ окружнымъ перемолвишь; а то бѣда наша пришла, хоть живой въ гробъ ложись. Намедни, въ прошлый наборъ, исправникъ пріѣхалъ — вѣдь какой булги надѣлалъ, — Господи Боже мой! пымалъ вонъ Ванюху Барсученка, да и велитъ ковать: «ростомъ, дескать, хорошъ». Мы туда и сюда; говоримъ: одинокій, жена, малые дѣти — куда-те, и слышать

не хочетъ! говоритъ: зачѣмъ некрутъ въ срокъ не ставите? Посылали, говоримъ, ваше благородіе, два раза посылали, да все затылки брѣютъ. «А мнѣ-то какое дѣло, говоритъ; у меня отъ губернатора предписаніе есть, чтобъ некруты къ сроку всѣ были выставлены. Я этого знать не хочу.» Насилу отдѣлались.

— Да что жь начальство-то ваше? замѣтилъ Голова.

— Да что начальство? слава только, что есть. Старшина ѣздилъ къ окружному, да заикнулся ему, что тройники все дома остаются, а одиночки изъ рукъ вонъ плохи и что все это ложится на міръ,— такъ и ноги-то на силу унесъ. Хотѣлъ еще въ цѣпи заковать за грубости... а кажись какая тутъ грубость, что правду сказалъ?

— Кабы ты, Иванъ Вавилычъ, въ наше дѣло вступился, сказалъ одинъ изъ толпы, — авось бы тебя окружной послухалъ...

— Вступись, Вавилычъ! закричалъ другой голосъ...

— Вступись, вступись, родимый! крикнула толпа хоромъ. Вѣкъ за тебя молиться будемъ!

Иванъ Вавилычъ всталъ, поклонился толпѣ въ поясъ и голосомъ дрожащимъ сказалъ:

— Спасибо вамъ, старички, за доброе слово. Радъ стараться міру, только меня не выдавайте. Завтра же поѣду въ окружное правленіе, и пусть меня окружной изобьетъ, какъ собаку, дѣло ваше исправлю. Что̀ будетъ, то будетъ, а будетъ то,

что̀ Богъ велитъ. Нынче я неисправенъ сталъ, хмѣлемъ зашибся, такъ не взыщите на погрубости.

Старики остались, и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, рѣшили: сверхъ назначеннаго по указу, брать на рекрута по 30 рублей ассигнаціями и съ подарками, а отдатчикомъ быть Ивану Семенычу, какъ и слѣдовало по очереди.

II.

Иванъ Вавилычъ не засталъ окружнаго въ управленіи; онъ уѣхалъ въ городъ. Непьяный нынче и рьяный къ дѣлу, Голова поѣхалъ за нимъ въ городъ.

Окружной, недавно прибывшій изъ Петербурга, курилъ сигару Dosamigos, когда ему доложили о приходѣ Меринова. Разумѣется, для какого-нибудь Меринова оторваться отъ наслажденія дорогою сигаркою, было бы глупо. Онъ и вниманія не обратилъ на докладъ, все продолжая втягивать въ себя ароматическій дымъ, когда Мериновъ, наскучивъ ожиданіемъ въ передней, рѣшился безъ позволенія вступить въ комнату, въ уваженіе того, что черезъ часъ «начнется рекрутское присутствіе и дѣлу пособить нельзя будетъ».

Помня, какъ не прилично «порядочному человѣку» унижаться до того, чтобъ сердиться на какого-нибудь «мужика», окружной полнымъ величія

взглядомъ осмотрѣлъ новопришедшаго съ ногъ до головы, и съ полнымъ сознаніемъ своего высокаго передъ нимъ превосходства, тихо, тѣмъ кадансованнымъ и сухимъ тономъ, съ какимъ говоритъ высокій чиновникъ, обращаясь къ низшему, когда удостоиваетъ его чести разговора, спросилъ: Какъ ты смѣлъ войдти сюда безъ доклада? ожидая, что подобнымъ вопросомъ онъ, какъ Юпитеръ Громовержецъ, раздробитъ мужика въ прахъ, поразивъ его предварительно молніей грознаго своего взгляда. Окружный, не знаю почему, очень добродушно вѣрившій, что молніи его взгляда никто перенести не можетъ и непремѣнно потупится, ежели совѣсть не чиста, очень удивился, когда увидѣлъ, что деревенскій мужикъ вынесъ молніеносность его взгляда не ожегшись, и даже осмѣлился отвѣчать ему. Разумѣется, вслѣдствіе этого небольшаго и, повидимому неважнаго обстоятельства, участь просьбы Меринова (ужь навѣрное у него есть просьба, думалъ окружной, — иначе зачѣмъ бы ему приходить ко мнѣ?) была рѣшена, прежде нежели онъ успѣлъ раскрыть ротъ для ея изложенія.

Великое счастье Меринова было то, что молодость свою онъ провелъ въ Петербургѣ и имѣлъ случай, занимаясь мѣлочною торговлею, говорить съ частнымъ приставомъ, а иногда даже и съ «генераломъ». Слѣдовательно, на окружнаго онъ смотрѣлъ не такъ страшно, какъ тотъ думалъ или бы даже и желалъ, и не сгорѣлъ отъ молніи взгляда, что̀ тому было очень досадно. Выступя впередъ,

Мериновъ поклонился, довольно впрочемъ низко, (что̀ доставило нѣсколько облегченія окружному) и отвѣчалъ ему, безъ робости впрочемъ, то-есть, безъ вторичныхъ и третичныхъ поклоновъ (это тоже замѣтилъ окружной), что въ передней никого не было, а дѣло его такого рода, что «опоздаешь полчаса, такъ пособить нельзя будетъ», и что по этому онъ и принялъ смѣлость взойдти къ «его благородію» безъ позволенія.

Конецъ фразы лично оскорбилъ окружнаго. На дняхъ передъ этимъ онъ получилъ чинъ коллежскаго ассессора, и Голова, назвавшій его «вашимъ благородіемъ», когда ужь онъ былъ «ваше высокоблагородіе», становился его смертельнымъ врагомъ, не воздавъ должнаго его заслугамъ и отличію начальства. Но привыкнувъ издѣтства (онъ былъ петербургскій уроженецъ) «скрывать мысль въ тайникѣ души своей», онъ не унизился до того, чтобъ дать замѣтить мужику глубину этой «тайной мысли». Съ высоты своего высокоблагородія, онъ презрѣлъ ничтожество оскорбителя, хоть и далъ себѣ слово уничтожить его въ конецъ и во чтобы то ни стало. Не выходя изъ своей роли, онъ помолчалъ съ минуту, чтобъ дать улечься порыву негодованія, кипятившему кровь его, и принялъ довольно трагическую позу, которая не могла не подѣйствовать на «ничтожнаго червя.» Заложивши руку за жилетъ, а другую уперши въ бокъ, окружной сказалъ:

— Чего жь тебѣ надобно? говори скорѣе, потому что мнѣ некогда слушать твой вздоръ.

Бѣдный Мериновъ не подозрѣвалъ грозы, готовой разразиться надъ его головою. Не предчувствуя, какое для него зло заключается въ словѣ «ваше благородіе», онъ продолжалъ употреблять его, зная, что многіе изъ его знакомыхъ въ Петербургѣ говорили частному «ваше благородіе», несмотря на то, что у того было два креста на шеѣ, и тотъ за это не сердился.

— Я хотѣлъ доложить вамъ, ваше благородіе, что нынче пріемка по нашей волости, а у насъ...

— А ты кто такой, что смѣешь говорить отъ имени волости? закричалъ окружной уже гнѣвно, зная, что на этомъ легальномъ пути онъ стоитъ твердо и можетъ безпрепятственно дать волю своему справедливому негодованію.

— Я волостной голова, ваше благородіе, Кондрашевской волости, и пришелъ...

— Голова! вскрикнулъ окружной ожесточенно, — голова, и по сіе время осмѣлился не явиться ко мнѣ? Какъ же это можно? Ослушаться, бунтовать противъ начальства? Знаешь ли ты, гдѣ я тебѣ мѣсто найду?...

Онъ задыхался отъ гнѣва. Вся горечь, накипѣвшая въ душѣ, имѣла теперь причину и поводъ вылиться наружу. Теперь можно было не скрывать ея, — возможность была полная. Все разстояніе, отдѣлявшее окружнаго отъ Головы, какъ тяжелая масса обвиненія, обрушилась на неопытнаго. Съ

злобною усмѣшкою, полною чернаго, ядовитѣйшаго гнѣва, смотрѣлъ теперь окружной на бѣднаго Голову, какъ на жертву, которую теперь никто не можетъ отнять у его праведнаго мщенія. Даже гнѣвъ его прошелъ, при мысли, что однимъ движеніемъ руки, однимъ маніемъ бровей своихъ, онъ можетъ превратить въ прахъ дерзновеннаго, осмѣлившагося, вопервыхъ, не явиться къ нему по избраніи и, вовторыхъ, войдти безъ доклада къ нему — его начальнику.

— Какъ же ты смѣлъ не явиться ко мнѣ по избраніи? продолжалъ онъ медленно, но уже съ насмѣшкою, украсившею губы его хотя злою, но пріятною и нѣсколько заученною передъ зеркаломъ улыбкою, и ставши въ драматическую позу.

— Я недавно выбранъ, ваше благородіе! отвѣчалъ Мериновъ, — только на дняхъ получилъ утвержденіе свое, и потому не успѣлъ...

— А! не успѣлъ... хорошо! Знаемъ мы это не успѣлъ. Кондрашевская волость поплатится мнѣ за это. Но прежде, нежели я доберусь до Кондрашевской волости, я упеку тебя, любезный!... Упеку такъ, что внуки твои, правнуки, будутъ помнить Блисталова. Не успѣлъ! Ха, ха, ха! Явиться не успѣлъ — а просить, кляузничать, успѣлъ пріѣхать. А? Отвѣчай же, собака!

— Помилуйте, ваше благородіе! отвѣчалъ Мериновъ, нѣсколько озадаченный пріемомъ, — я не знаю, чѣмъ я провин...

— Молчать, когда говоритъ начальникъ! Онъ не

знаетъ... прошу покорно!... Осмѣливается входить безъ доклада, и смѣетъ говорить, что не знаетъ... о, господинъ Голова! Дорого вы мнѣ за это поплатитесь! Впрочемъ мнѣ теперь съ тобой толковать некогда: мы поговоримъ съ тобою послѣ. Когда наборъ кончится, я пріѣду въ вашу Кондрашевскую волость и посмотрю, все ли у тебя въ порядкѣ, и если найду что-нибудь, прошу не прогнѣваться! Теперь вонъ!

Мериновъ понималъ, что ежели онъ выйдетъ изъ этой комнаты, участь рекрутъ Кондрашевской волости будетъ рѣшена. Въ груди его тоже начинало кипѣть чувство оскорбленнаго самолюбія. Но онъ затаилъ это и хотѣлъ еще разъ попытаться изложить окружному причину своего пріѣзда, и тѣмъ спасти сиротъ отъ рекрутства, а старухъ и стариковъ отъ нищенства, которому они подвергнутся неминуемо, ежели единственныя дѣти ихъ, ихъ кормильцы, будутъ отданы въ солдаты. Слезы сиротства и нищеты пришли ему на память. Несмотря на грозное: вонъ! сказанное со всею силою и сознаніемъ власти, онъ хотѣлъ говорить, но окружной, теперь уже разъяренный, бросился на него и собственными своими пухлыми и бѣлыми высокоблагородными руками вытолкалъ изъ комнаты, сопровождая эту операцію цѣлымъ потокомъ ругательствъ, какія когда-либо оскверняли благородныя уста высокоблагороднаго чиновника.

III.

Толстое чрево Ивана Вавилыча было ему не въ радость, когда онъ летѣлъ съ лѣстницы квартиры окружнаго... Грустно шелъ онъ по улицѣ городка, уже кипѣвшаго народомъ, спѣшившимъ къ дому, занимаемому рекрутскимъ присутствіемъ. Тщетно старался онъ объяснить себѣ, чѣмъ могъ онъ, почти не разѣвая рта, вооружить противъ себя окружнаго, и, къ чести его должно сказать, скорбѣлъ больше объ участи Кондрашевской волости, предоставленной теперь гнѣву окружнаго, по его неосторожности, нежели о своей собственной. Не знаю, почему вопли и рыданія старухъ, у которыхъ отдадутъ послѣдняго сына, не давали ему покоя. Они ему щемили сердце; ему надобно было дѣятельности и простора,—онъ пошелъ въ присутствіе.

За недостаткомъ помѣщенія, рекрутскій наборъ открытъ былъ въ присутствіи градской полиціи, которая на это время переведена была въ другое мѣсто. Тамъ, въ первой комнатѣ была страшная давка: писали росписи. Озабоченные отдатчики, въ бѣлыхъ онучахъ и новыхъ лаптяхъ, торговались съ приказными за написаніе росписей; торговались опять за пріисканіе рекрута въ ревизскихъ сказкахъ, для выставки лѣтъ; торговались съ унтеромъ, который будетъ стоять у мѣры, чтобъ хорошенько вытянулъ рекрута; торговались съ солдатомъ цирюльникомъ, чтобъ не очень гладко брилъ затылокъ

забракованнаго, на тотъ конецъ, чтобы можно было отвести въ другое присутствіе. Вошедши, Мериновъ наткнулся на отдатчиковъ деревни Тумаки, которые тоже суетились около приказныхъ, одѣляя, смотря по надобности и важности мѣста — кого полтинникомъ, кого двугривеннымъ, а кого даже рублемъ серебрянымъ. Рекруты вполовину пьяные, живописно, или лучше сказать, драматически группировались по стѣнѣ, съ глазами налитыми виномъ, въ которыхъ свѣтилось отчаяніе. Толпы стариковъ и старухъ плакали и рыдали въ углахъ, посматривая на своихъ дѣтушекъ, послѣ которыхъ ожидаетъ ихъ голодная и холодная смерть, гдѣ-нибудь подъ угломъ, или подъ окномъ съ протянутой за подаяніемъ рукою. Кондрашевскій Голова постоялъ, постоялъ, да хотѣлъ уже было уйдти вонъ, когда былъ атакованъ тумаковскими отдатчиками, спѣшившими донести ему о результатѣ своей командировки.

— Сейчасъ были мы у лѣкаря, Иванъ Вавилычъ! сказалъ отдатчикъ; — показывали ему некрутовъ. Охаилъ больно! И стоило такую дрянь возить, говоритъ.

— Ну да чѣмъ же кончилось-то? обѣщалъ принять что ли? спросилъ Голова, уже сильно обезкураженный.

— Гдѣ обѣщать! сказалъ, коли по три золотушки съ человѣка принесете, такъ приму. А намъ на все провсе, по тридцати рублевъ бумажками только дали на некрута, такъ откуда же намъ дать-то?

— Какъ же быть-то намъ теперь?

— Да какъ быть! пусть такъ и останется. Примутъ, примутъ, а не примутъ, назадъ повеземъ.

— Назадъ-то повезти не штука... да вѣдь другихъ привезти надыть... а кого привезти?

— Все такихъ же, другихъ нѣтъ. Развѣ только ужь особая милость Божія, что этихъ примутъ.

— Попытались бы вы еще сходить къ лѣкарю, сказалъ Голова, самъ чувствуя, что говоритъ это только для того, чтобъ сказать что-нибудь: — авось смилостивится.

— Какой смилостивится, Иванъ Вавилычъ! посмотри, ругатель-то какой! Вѣдь что заломилъ: дай по пяти золотушекъ съ головы, да и полно. На три-то насилу спустилъ.

— Ну, а раздѣвалъ некрутовъ?

— Нѣтъ, и не раздѣвалъ. Сказалъ: дадите деньги, такъ раздѣну и посмотрю, а то и смотрѣть нечего. И говорить больше не сталъ, хлопнулъ дверью, да и былъ таковъ. Мы постояли, постояли, да и ушли.

— Плохо дѣло! сказалъ Голова въ сильномъ раздумьѣ. Тяжело ему стало. Всѣ надежды разлетѣлись въ прахъ. Онъ чувствовалъ ничтожество свое, и начиналъ смутно понимать, что одного желанія добра мало, что надо имѣть силу, чтобъ его дѣлать. Такъ горько сдѣлалось ему, что онъ рѣшился самъ идти къ лѣкарю и переговорить съ нимъ; потомъ, ежели это не поможетъ, идти къ предводителю, какъ старшему члену присутствія. Но прежде ему захотѣлось взглянуть на списокъ, палатою доставленный, и онъ

обратился съ вопросомъ о томъ, гдѣ можно его видѣть, къ одному мелкому чиновнику, считавшему надосугѣ дневной приходъ свой, состоявшій изъ серебряной мелочи, отъ гривенника до четвертака включительно.

Чиновникъ этотъ былъ хоть еще и очень молодъ, лѣтъ восьмнадцати не болѣе, но ремесло свое зналъ не хуже старика. Какъ только Иванъ Вавилычъ сдѣлалъ ему свой вопросъ, чиновничекъ схватилъ перо и началъ писать, или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что пишетъ. Думая, что онъ его не понялъ, Голова повторилъ вопросъ свой. Тогда чиновничекъ молча, даже какъ будто съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо—удивленіе вѣроятно происходило отъ того, что тотъ спрашивалъ безъ денегъ,—и уткнулся носомъ въ бумагу. Но когда и за этимъ неотвязчивый Голова спросилъ его еще разъ, то онъ, видно ужь выведенный изъ терпѣнія неопытностію просителя, чуть не закричалъ ему на ухо:

— Что ты пристаешь ко мнѣ? Я почемъ знаю! и снова уткнулся въ бумагу, только еще ниже.

Тутъ Голова вспомнилъ свои похожденія въ Петербургѣ съ писаремъ квартальнаго и вообще съ его канцеляріей, и самъ чуть не засмѣялся своей забывчивости. Доставъ изъ кармана двугривенный, положилъ онъ его на бумагу чиновника и въ четвертый разъ повторилъ вопросъ свой. Чиновникъ взялъ двугривенный, не торопясь положилъ его въ

карманъ и съ улыбкою, даже нѣкоторымъ образомъ пріятною, сказалъ:

— Спросите письмоводителя; бумаги по присутствію хранятся у него. Мы только росписи пишемъ, да справки съ ревизскими сказками наводимъ. Только врядъ ли онъ покажетъ? Это канцелярская тайна. Впрочемъ, можетъ быть! Вонъ онъ сидитъ.

И съ этимъ словомъ показалъ на человѣка въ мундирѣ, сидѣвшаго за стеклянной перегородкой, то-есть въ присутствіи.

Выученный опытомъ, что безъ денегъ спрашивать плохо, ибо тогда только шеи гнутся ниже, а отвѣта не бываетъ, Мериновъ остановился въ раздумьѣ, что дать письмоводителю. Видитъ онъ, что человѣкъ важный такой, смотритъ такъ глубокомысленно, галстухъ бѣлый, мундиръ вышитый, сидитъ одинъ въ комнатѣ, за особымъ столикомъ,— должно быть человѣкъ значительный. Еще возьметъ ли? А какъ обидится, да въ полицію отправитъ, что̀ тогда дѣлать? Думалъ, думалъ и рѣшился обратиться къ новому знакомому своему, молодому чиновнику.

Юноша нисколько не смутился вопросомъ и очень добродушно и наивно отвѣчалъ ему:

— Дайте цѣлковенькій, а мало скажетъ, прибавьте полтинничекъ. Онъ человѣкъ обходительный.

Вооружившись цѣлковымъ съ полтинничкомъ, Иванъ Вавилычъ подошелъ къ письмоводителю. Гор-

до окинувъ взглядомъ просителя, онъ, впрочемъ вѣжливо спросилъ: что ему надо?

— А ты кто такой любезный самъ-то? прибавилъ онъ вслѣдъ за прежнимъ своимъ вопросомъ.

— Я Голова здѣшней Кондрашевской волости и желаю знать, кого съ нашей волости палата отмѣтила къ принятію?

— А! Голова! Очень радъ съ вами познакомиться Только видите ли, я до времени не могу вамъ открыть этого. Это канцелярская тайна. Списокъ съ отношенія палаты препровожденъ къ вашему окружному начальнику, и вы можете обратиться за этимъ къ нему. Только удивляюсь, какъ онъ вамъ въ волостное правленіе не доставилъ этого списка. Съ чего же вы повезете въ присутствіе рекрутъ?

— Окружной прислалъ намъ списокъ только тѣхъ, кого везти надо, а мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть отмѣтки палаты противъ всѣхъ ребятъ нашей волости.

— Этого нельзя! отвѣчалъ письмоводитель. Тогда Голова подалъ письмоводителю деньги, которыя держалъ наготовѣ. Метаморфоза была мгновенная, и почти такая же, какъ съ чиновникомъ. Изъ ласковаго, письмоводитель сдѣлался медовымъ, и сладко улыбаясь, сказалъ:

— Еще рано, присутствующіе соберутся не скоро, присядьте здѣсь, я сейчасъ дамъ вамъ этотъ списокъ. И съ этимъ словомъ позвонилъ.

— Отношеніе палаты со спискомъ! повелительно сказалъ онъ вошедшему чиновнику.

Когда списокъ былъ принесенъ, письмоводитель усадилъ Ивана Вавилыча противъ себя за свой столъ, и подложилъ ему бумажку для выписокъ, въ случаѣ ежелибъ тотъ захотѣлъ ихъ дѣлать.

Кондрашевская волость была самая счастливая изъ всѣхъ, то-есть въ ней помилованій было болѣе, нежели въ другихъ. Правду сказали ему на сходѣ: всѣ много-семейные были или малы ростомъ, или больны какою-нибудь неизлѣчимою болѣзнію. Напримѣръ противъ Алипанова, его сосѣда, зажиточнаго мужика, отца четырехъ сыновей, отличающихся по всей волости ростомъ и дородствомъ, написано было: «малы ростомъ», кромѣ одного, который удостоился чести быть «калѣкою», когда у него всѣ члены отличались образцовою правильностію и крѣпостію, а калѣкою былъ подкидышъ, а не сынъ. Противъ Голяшкина была отмѣтка: «Иванъ Семеновъ — на правой рукѣ нѣтъ трехъ пальцевъ; Антонъ Семеновъ—наростъ на правой лопаткѣ, препятствующій ношенію аммуниціи», хотя Иванъ Вавилычъ очень хорошо зналъ, что у Ивана Голяшкина всѣ пальцы были цѣлехоньки, ибо еще недавно онъ поколотилъ одного сиротку, жившаго у него въ шабрахъ,—а Антонъ Голяшкинъ, думаю, и во снѣ не видалъ нароста на лопаткѣ. Такія, или почти такія были всѣ отмѣтки противу богатенькихъ жителей Кондрашевской волости; бѣдняки же всѣ, какъ нарочно, были и здоровы, и рослы, и годны на службу. Для рѣдкости Голова выписалъ себѣ нѣкоторыя отмѣтки, чтобы по пріѣздѣ въ деревню

повѣрить ихъ на дѣлѣ, хоть и зналъ, что изъ этого не могло произойти никакой пользы.

Оставалось еще одно средство: скорѣе изъ любопытства, нежели съ надеждою на успѣхъ, пошелъ онъ къ лѣкарю, чтобъ попросить его объ одномъ изъ двухъ несчастныхъ, единственныхъ сыновьяхъ дряхлыхъ старухъ, его родственницъ, для которыхъ онъ готовъ былъ пожертвовать по одной золотушкѣ изъ своихъ собственныхъ денегъ. Домъ лѣкаря былъ осажденъ народомъ. Въ сѣни впускали по одному семейству; остальные толпились на дворѣ, ворота котораго были затворены, для того, чтобы съ улицы не было видно многочисленности собранія. Ивана Вавилыча впустили безъ очереди, давши предварительно толчка тремъ, четыремъ человѣкамъ, которые усерднѣе всѣхъ ломились въ дверь, на томъ основаніи, что онъ былъ Голова и пришелъ безъ рекрутовъ, слѣдственно могъ имѣть особенныя надобности къ лѣкарю. Лѣкаря онъ засталъ въ залѣ передъ тремя нагими, дрожавшими отъ холода и страха рекрутами, которыхъ онъ осматривалъ съ ногъ до головы чрезвычайно внимательно, и по осмотрѣ сказалъ старику отдатчику:

— Принять можно, хоть и есть грѣхи: да ужь я постараюсь. Войди ко мнѣ! и повелъ отдатчика въ кабинетъ, а рекрутамъ велѣлъ одѣваться.

Что онъ дѣлалъ съ отдатчикомъ въ кабинетѣ — неизвѣстно, только Иванъ Вавилычъ замѣтилъ, что по выходѣ оттуда отдатчикъ былъ разстроенъ, а лѣкарь сдѣлался любезнѣе и говорливѣе и даже

проводилъ мужичка до передней, повторяя чрезвычайно ласково:

— Будь здоровъ, любезный! Смотри, дружище, не позабудь, что я говорилъ. Какъ поставятъ въ мѣру, такъ тотчасъ и скажи предводителю: приказалъ Леонидъ Семенычъ Заверзевъ просить принять! Я ужь по этому и узнаю, что это ты. До свиданія, почтеннѣйшій!

Несмотря на эти ласковости, мужикъ шелъ отъ него молча и угрюмо, даже неучтиво хлопнулъ дверью, когда выходилъ изъ залы. Наступила очередь Ивана Вавилыча.

— Что̀ тебѣ нужно, другъ мой? спросилъ лѣкарь у головы, нисколько не обращая вниманія на хлопнувшую дверь и угрюмое лицо ушедшаго.

— Я Голова Кондрашевской волости, ваше благородіе, и пришелъ просить васъ о двухъ своихъ родственникахъ.

— Радъ, очень радъ, служить чѣмъ могу... Гдѣ жь они?

— Ихъ теперь нѣтъ здѣсь, ваше благородіе... но они были у васъ поутру... и вы отказали..

— Отказалъ? Быть не можетъ! Я, любезнѣйшій мой, никому не отказываю; стараюсь служить каждому сколько моихъ силъ есть. Да отъ чего же я отказалъ?

— Я, право, не... знаю... отвѣчалъ Голова, смущенный невозможностью сказать ему въ глаза, что онъ отказалъ потому, что просилъ по три золотуш-

ки, а тѣ давали по двадцати пяти рублей ассигнаціями съ человѣка.

— А не знаешь, другъ мой, такъ зачѣмъ же, почтеннѣйшій, и безпокоить меня даромъ? Я человѣкъ занятой: ты видишь, сколько народу меня дожидается, а ужь скоро въ присутствіе надо ѣхать. Прощай, душа моя! И съ этимъ словомъ сталъ отворять дверь въ переднюю, чтобъ выпроводить Ивана Вавилыча.

Голова не зналъ, на что рѣшиться. Уйдти—значило потерять двухъ ребятъ, которые оба были его крестники; сказать, отчего лѣкарь отказалъ,—совѣстно. Однако дѣлать было нечего. Черезъ полчаса или двадцать минутъ начнется присутствіе, и тогда уже будетъ поздно. Онъ рѣшился...

— Ваше благородіе, началъ онъ,—назначили такую цѣну, что... мы... что...

— А что жь дѣлать, драгоцѣнный мой? За большую послугу надо и платить побольше. Къ тому же я не одинъ. Ты знаешь, сколько насъ сидитъ въ присутствіи. Раздѣли-ка поровну на всѣхъ, душенька, и увидишь, что мнѣ не достанется почти ничего. А коли дорого, почтеннѣйшій, кажется,—я съ тебя воли не снимаю... не проси...

— Оно такъ, ваше благородіе, да ребятъ-то больно жалко.

— Ну, вотъ видишь ли ты! Самъ говоришь — жалко, любезный, а денегъ истратить не хочешь. Логики нѣтъ душа моя... повторяю тебѣ, я не одинъ; съ другими подѣлиться надо...

Лѣкарь лгалъ, говоря это. Оба предводителя не брали, городничій тоже; надобно было подѣлиться только съ военнымъ пріемщикомъ; да и то онъ давалъ ему только одну третью часть того, что получалъ самъ.

— Ежелибъ, ваше благородіе, эдакъ одну золотушку захотѣли принять... я бы, пожалуй отъ бѣдности своей...

— Золотушку? ахъ, какъ можно, почтеннѣйшій!.. что золотушка? вѣдь это только восьмнадцать рублей. Раздѣли-ка на четыре части,—что будетъ?... только четыре съ полтиной! самъ разсуди,—изъ чего тутъ хлопотать-то?

— Силъ больше не хватаетъ, ваше благородіе.

— Ну, полно, драгоцѣннѣйшій, прикидываться. Голова, а силъ не хватаетъ! Зачѣмъ людей обманывать? вѣдь это, душа моя, грѣшно! Небось, вѣдь ты заповѣдь христіанскую знаешь, что всякая неправда—большой грѣхъ. Зачѣмъ же, милый мой, брать грѣхъ себѣ на душу безъ всякой нужды? Я вѣдь у тебя, душенька моя, не спрашиваю, что̀ ты дѣлаешь, когда къ тебѣ придутъ мужички съ просьбами; не спрашиваю, что они тебѣ тамъ приносятъ... Это дѣло твоей совѣсти, Богъ съ тобой! Всякій жить чѣмъ-нибудь долженъ... такъ ужь ты пожалѣй и другаго.

— Радъ бы радостью, ваше благородіе, да ей Богу...

— Ай, ай, ай! не божись, не божись, пожалуйста. Ай, какой грѣхъ! я и уши заткну, чтобъ не

слыхать. Какъ это можно! Имя Божіе всуе призывать. Должно быть рѣдко въ церковь ходишь, любезный мой... да и батюшка-священникъ плохо поучаетъ васъ...

— Я въ деревнѣ-то не жилъ, ваше благородіе, все въ Питерѣ.

— Ну вотъ, отъ этого-то ты и грѣшишь-то такъ, почтеннѣйшій. Развратъ только одинъ въ Петербургѣ, ничего больше. Какъ это можно божиться!..

— Такъ какъ же, ваше благородіе? продолжалъ Голова, которому начинало надоѣдать это гадкое лицемѣрство.

— Да такъ-то, драгоцѣнный мой, по три золотушечки съ человѣка. Ахъ ты Господи мой! согрѣшилъ окаянный, не спросилъ даже, чего тебѣ, душа моя, нужно: принять кого-нибудь или забраковать?

— Забраковать, ваше благородіе.

— Ну это полегче... Для тебя, пожалуй, я спущу. Человѣкъ ты хорошій, какъ кажется; только божишься. Право, это очень дурно! Не позабудь, дружечикъ мой, сказать объ этомъ духовнику своему...

— Ну, а какая же ваша цѣна будетъ? спросилъ опять Голова.

— По двѣ золотушки дай, да и Богъ съ тобой. Сказано: тяготы другъ друга носите! Сказано еще: другъ о другѣ, Богъ обо всѣхъ!

— А по одной залотушкѣ, ваше благородіе, не довольно будетъ?..

— Нѣтъ, драгоцѣнный, мало! по душѣ, я готовъ бы даромъ для тебя все сдѣлать, ты и самъ мнѣ когда пригодишься, — а ужь этого никакъ нельзя. Дай четыре золотушки, да и съ Богомъ.

— Взять неоткуда, ваше благородіе.

И съ этимъ словомъ Мериновъ показалъ видъ, что хочетъ выйдти изъ комнаты — маневръ, обыкновенно употребляемый въ гостинномъ дворѣ, чтобъ скорѣе прекратить разговоръ...

— Ну, ужь такъ и быть! закричалъ ему лѣкарь вслѣдъ. Всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ! Видно ужь твое, душа моя, счастье такое... Давай деньги.

— Да какъ же вы узнаете моихъ рекрутъ-то?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Какой же я разсѣянный. Изъ ума вонъ! Какъ же это сдѣлать? Вести сюда, теперь поздно! Черезъ пять минутъ надо ѣхать въ присутствіе... Ахъ, да! Что жь я думаю! Совсѣмъ съ ума спятилъ — отъ хлопотъ, должно быть. Очень просто: какъ поведутъ ихъ въ мѣру, вели, любезный, взять имъ по золотушкѣ въ ротъ. Какъ начну смотрѣть имъ зубы, самъ возьму оттуда деньги. Только смотри, душа моя, чтобъ они не совались съ этими деньгами, а дожидались, чтобъ я взялъ ихъ самъ... слышишь?..

— Слушаю, ваше благородіе.

— Такъ прощай же, душенька! Христосъ съ тобою. Случится у меня нуждишка у тебя въ волости, такъ ужь ты, милый мой, не оставь...

— Радъ стараться, ваше благородіе.

— Прощай же, Господь съ тобою. А божиться не божись, право грѣшно!..

Послѣднія слова застали Ивана Вавилыча уже на крыльцѣ, куда еще долетали не ясно слова богобоязливаго лѣкаря.

* *
*

ОПЕКУНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

I.

ЧИНОВНИКИ ОПЕКИ.

— Что жь, когда вы намъ доставите отвѣтъ? вѣдь скоро три года будетъ! говорилъ длинный, съ великими претензіями на изящество манеръ и наряда и высочайшими воротничками, подпиравшими ему уши, протоколистъ Мыльниковской дворянской опеки, обращаясь къ секретарю уѣзднаго суда, сидѣвшему съ нимъ вмѣстѣ въ присутственной каморѣ того суда.

— Да что вы ко мнѣ пристаете съ вашимъ отвѣтомъ? отвѣчалъ секретарь, золотое шитье котораго на затылкѣ было совершенно засалено, а носъ багровѣе сукна, покрывавшаго столъ, за которымъ онъ сидѣлъ. Обратитесь къ присутствующимъ. Велятъ — такъ подамъ докладъ; не велятъ — такъ ждите.

— До которыхъ поръ ждать-то? Вы сами разсудите, Онисимъ Емельянычъ, — три года. Вѣдь право не ловко сидѣть въ одной комнатѣ, и жало-

ваться другъ на друга губернскому правленію. Не благовидно, сами согласитесь. А потомъ, какъ еще посудятъ. Не хорошо, право не хорошо.

— Я вамъ удивляюсь, Онуфрій Степанычъ, отвѣчалъ секретарь; вамъ-то что? Добро бы ваше собственное дѣло было, — ну!.. сердце бы не болѣло. Своего, конечно, кому не жалко?.. а то чужое, совсѣмъ чужое... Я даже не знаю, знакомы ли вы еще съ опекунами-то...

— Знакомъ-то я, положимъ, знакомъ; они были у меня... ну и просили кой о чемъ... да я, знаете, неглиже... Онъ почесалъ затылокъ: — сухая ложка ротъ деретъ, сами знаете, Онисимъ Емельянычъ!

— Оно безспорно, Онуфій Степанычъ; по этому-то и не понятно, отчего вы такъ хлопочете объ нашемъ отвѣтѣ. Ужь коли присутствующіе молчатъ— вамъ-то бы, кажется, что?

— Присутствующіе!.. они совсѣмъ другое дѣло. Имъ тянуть выгодно... а мнѣ, сами подумайте, какой интересъ? только отвѣтственность, да дурака наживешь. Они-то въ сторонѣ будутъ, деньгами откупятся, — а на нашемъ братѣ и оборвется. Ужь и такъ, кажется, губернскому правленію три раза на васъ жаловались... Вы посмотрѣли бы какіе указы палата къ намъ пишетъ, — страсть беретъ...

— Эхъ, Онуфрій Степановичъ, молоды вы, по всему видно, что молоды... зелено, знаете. Не умѣете заставить замолчать палату... попробуйте вложить въ рапортъ три рублика серебромъ столоначальнику.... какъ рукой сниметъ.

— Хорошо вамъ говорить, Онисимъ Емельянычъ, да дѣлать-то каково? Вложить три рублика не штука, всякаго на это станетъ, да изъ какихъ доходовъ вложить-то? что̀ мнѣ за интересъ? отъ этой опеки мнѣ каковъ есть мѣдный грошъ не достался, и не предвидится даже...

— Такъ изъ чего жь вы и пристаете?

— А пристаю изъ того, что дѣло числится не рѣшеннымъ третій годъ, и что предводитель, какъ начнешъ подавать вѣдомости о нерѣшеныхъ дѣлахъ, и почнетъ тебя пилить: «да отъ чего? да какъ? да почему?» инда слушать-то, такъ уши вянутъ... надоѣлъ пуще горькой рѣдьки... А къ этому еще указы губернскаго правленія...

— Предводитель?... понимаетъ, что ли, онъ въ дѣлахъ-то? Наговори ему съ три короба, — всему повѣритъ.

— То-то что нѣтъ! какъ начнетъ допекать, такъ только держись: дѣла не знаетъ, — а вотъ вынь ему да положь; сами знаете, съ незнающимъ хуже, чѣмъ съ знающимъ. Тотъ по крайней мѣрѣ резонъ какой нибудь приметъ, а этому хоть колъ на головѣ теши! затвердитъ что-нибудь, да и долбитъ себѣ цѣлый день. Послужили бы съ нимъ, узнали бъ, какъ сладко..

— Эхъ, Онуфрій Степанычъ, не вы бы говорили, не я бы слушалъ. Не съ такими, батюшка, и то управляемся! Ужь на что Тихолудовъ былъ зелье! — накричитъ, накричитъ, бывало, такъ, что на двухъ возахъ не увезти... а ты себѣ тихонько, да смирне-

хонько, и подсунулъ ему подписать... подпишетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а послѣ самъ удивляется: какъ это я такого маха далъ? Пожалуй, на смѣхъ скажешь еще ему, что самъ приказалъ, — развѣситъ уши, да только разводитъ руками.

— Хотите посмотрѣть послѣдній указъ губернскаго правленія? Полюбуйтесь-ка... какъ получили его, такъ мой предводитель инда вскочилъ, будто на него огнемъ пахнуло...

Съ этимъ словомъ протоколистъ началъ перебирать бумаги, и черезъ минуту подалъ секретарю четвертушку чуть не оберточной бумаги, на которой самымъ избитымъ штрифтомъ напечатано было: «Малиновское Губернское Правленіе Мыльниковской дворянской опекѣ». А затѣмъ слѣдовали какія-то неудобочитаемыя каракульки съ закорючкой, исправляющей должность подписи члена правленія, то-есть совѣтника.

Для тѣхъ, которые удивляются, почему присутствующіе подписываютъ такъ свои фамиліи, что ихъ не только посторонній, но даже и сами подписавшіе не разберутъ черезъ четверть часа послѣ подписи, надобно сказать, что, напримѣръ, совѣтникъ губернскаго правленія долженъ иногда подписать четыреста, пять сотъ и даже шесть сотъ разъ свою фамилію въ утро, и что писавши ее, что̀ продолжается иногда полтора часа сряду, онъ лишается наконецъ сознанія того, что̀ дѣлаетъ, продолжая выводить извѣстную каракулю. Кому неизвѣстенъ случай съ вице-губернаторомъ Мали-

новской губерніи, который въ то время, какъ губернскія вѣдомости носили еще письменную подпись, а не печатную, — писавши, писавши свою фамилію, дошелъ до того, что очнувшись, кажется на семидесятой подписи, увидѣлъ, что вмѣсто вице-губернаторъ Алтурѣевъ,—пишетъ: операторъ Алтурѣевъ.

Секретарь взялъ грязную четвертушку и началъ читать:

«Мыльниковской дворянской опекѣ. Малиновское губернское правленіе, слушавъ рапортъ оной опеки, отъ 20 ноября сего 18... года за № 5631, съ жалобою на Мыльниковскій уѣздный судъ, касательно недоставленія за всѣми настояніями опеки и понужденіями сего правленія, въ продолженіе трехъ лѣтъ свѣдѣнія къ отчетамъ за 1819—1826 годы, приказали: такъ какъ изъ рапорта дворянской опеки видно, что уѣздный судъ, не взирая на неоднократныя понужденія оной опеки и даже губернскаго правленія, впродолженіе трехъ слишкомъ лѣтъ не доставляетъ нужныхъ той опекѣ и весьма незначительныхъ свѣдѣній, на каковое его дѣйство, опека много разъ и весьма понудительно жаловалась, и даже просила начальническаго распоряженія о преданіи членовъ опеки суду за ослушаніе, вынуждаемая къ тому указами гражданской палаты, и между тѣмъ имѣя въ виду, что члены уѣзднаго суда есть тѣже самыя лица, какія засѣдаютъ въ присутствіи дворянской опеки, и что потому жалоба ихъ и просьба преданія суду устремлена противу нихъ

самихъ, опредѣляетъ: сдѣлать членамъ опеки строжайшій выговоръ и велѣть исполнить требованіе Малиновской гражданской палаты немедленно, подъ опасеніемъ присылки нарочнаго. Ноября 20 дня 18... года. Совѣтникъ Пирамидовъ. Секретарь Эмпедокловъ. Столоначальникъ Ѳавороэлеонской».

— Экая шельма, подумаешь! кто писалъ это! сказалъ секретарь съ разстановкой. И вѣдь дернулъ же его чортъ замѣтить, что члены опеки тѣ же, что и члены уѣзднаго суда, и что жалуясь три года на неисполненіе судомъ требованія опеки, она жалуется на себя самое... Ну ужь бестія! Даже ума не приложу, кто бы эдакую штуку сварганилъ? Секретарь? — этотъ молодъ еще, не придумаетъ... Столоначальникъ? ну, отъ этого, пожалуй, что и станется; собаку съѣлъ, подлецъ. Должно быть давно приложеній не было.

— Давно-то давно; — да и не изъчего, Онисимъ Емельянычъ; сами разсудите, не изъ своихъ же денегъ давать? А какіе у насъ доходы, сами знаете.

— Вы полноте, Онуфрій Степанычъ, прикидываться, да на бобахъ-то разводить; знаемъ мы ваши доходы, пожалуй, почище вашего; изъ копѣечки въ копѣечку знаемъ, не безпокойтесь! не даромъ Уткинскій заводъ у васъ въ опекѣ пятнадцать лѣтъ сряду состоитъ; не даромъ всѣ изъ кожи вонъ лѣзутъ, какъ бы въ судьи, да въ предводители попасть... должно быть сладко.

— Да ужь ежели правду говорить, Онисимъ Емельянычъ, такъ и въ уѣздномъ судѣ отъ Уткин-

скихъ поживишки не меньше. Вашъ судья-то мало развѣ набилъ карманы около Уткинскаго завода? что ни понадобится, все оттуда, да оттуда. Намедни вздумалъ конюшню съ погребами ставить, нанималъ что ли онъ плотниковъ-то? гаркнулъ только на заводъ: прислать, дескать, тридцать топоровъ — и тридцать человѣкъ явилось на завтра же. А изъ чьего лѣса строитъ? все изъ Уткинскаго... Нѣтъ, батюшка, Онисимъ Емельянычъ, Уткинскій заводъ— это такая доходная деревенька для служащихъ, что̀ кажется, изъ конца въ конецъ Россію изойдешь, не найдешь такой.

— Что̀ правда, то правда. Однако же, хорошо же васъ жигнуло губернское правленіе. Пожалуй, чего добраго, и до насъ доберутся и такой же указецъ пришлютъ; надобно будетъ подобрать маленько возжи. Я, правду сказать, съ совѣтникомъ видѣлся недавно и бестію этого столоначальника Ѳавороэлеонскаго ублаготворилъ, какъ слѣдуетъ, такъ ужь кажется ему бы стыдно было... А впрочемъ, собака вѣдь! хапнетъ нынче, наровитъ хапнуть еще и завтра, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ и невѣсть какіе у насъ доходы. «У васъ, говоритъ, Уткинскій заводъ; вамъ, говоритъ, стыдно клянчить-то!... съ васъ не взять, такъ съ кого же?» просто бестія. Собаки вмѣстѣ живутъ, такъ другъ съ другомъ не грызутся,— а этотъ, прости Господи, готовъ, кажется съ тебя послѣднюю рубашку снять. Бралъ бы съ просителей; ужь это дѣло извѣстное, кто идетъ просить, такъ деньги даетъ; а мы просители

что-ли? такіе же чиновники, какъ онъ; трудовой копѣйкой живемъ; стыдно бы кажется! Да вѣдь какой ненасытный, подумаешь. Намедни красили на присутственныхъ мѣстахъ крышу, и работа-то вся на грошъ, да какъ на смѣхъ, велѣли работу освидѣтельствовать судьѣ; какъ бы вы думали, пропустилъ что ли? Не успѣлъ указъ объ этомъ придти, смотрю, въ другомъ указѣ записочка ко мнѣ вложена: дескать, такъ и такъ, Онисимъ Емельянычъ, судьѣ вашему работы поручили освидѣтельствовать, такъ напомните ему, что и мы тоже хлѣбъ ѣдимъ и что мы люди нужные. Нечего дѣлать, доложилъ объ этомъ судьѣ. Господи Боже мой, посмотрѣли бы вы, какой гамъ-то поднялъ! И мошенники-то они, и подлецы, и взяточники; ужь причиталъ, причиталъ, такъ что гадко слушать стало. Добро бы самъ чистъ былъ, ну сердце бы не болѣло, а то запакощенъ, запакощенъ, кажется, чего хуже быть нельзя.

— А что, Онисимъ Емельянычъ, у него вѣдь денегъ много? спросилъ простодушно протоколистъ.

— Большія тысячи, доложу вамъ, Онуфрій Степанычъ; вѣдь никому ничего не даетъ; все норовитъ одинъ взять; только того и глядитъ. Одна привычка моя къ Мыльникову, а то хоть не служи вовсе. Нѣтъ просителя, чтобъ такъ оставилъ, хоть чего-нибудь да не сорвалъ. Придетъ ежели кто въ судъ, извѣстное дѣло къ секретарю прежде всего; только что сладишся съ нимъ, глядишь — нагрянетъ, и пошелъ: «Кто это? зачѣмъ? по какому

дѣлу? Почему у меня не былъ?» Собьетъ тебѣ просителя съ толку, такъ что тотъ на нашего брата послѣ и смотрѣть не хочетъ. Только и отдыху, что какъ правитъ предводительскую должность, да уѣдетъ на Уткинскій заводъ, такъ вздохнешь посвободнѣе. Только тутъ и поживишка какая-нибудь есть.

— Да, Онисимъ Емельянычъ, за то какъ онъ правитъ предводительскую должность, такъ тошно мнѣ приходитъ. Вотъ ужь чортъ-то, прости Господи! Крутъ предводитель — а этотъ, куда, круче его во сто тысячъ разъ. Тотъ по крайней мѣрѣ накричитъ, да хоть толкомъ скажетъ: «дескать я хочу! дѣлай такъ въ мою голову, убирайся съ своими законами!..» а этотъ все втихомолку наровитъ, какъ бы самому только въ сторонѣ быть и взвалить все на тебя. Барахтайся дескать одинъ, какъ знаешь! Особенно въ исходящихъ любитъ умничать. Подписываетъ-то ихъ засѣдатель, такъ ему и спола-горя, чтобы тамъ написано ни было. А тутъ заикнешься, что исходящая не противъ резолюціи, такъ и осерчаетъ, да и наровитъ еще какую-нибудь пакость тебѣ сдѣлать; право! Къ этому еще подозрительный какой!

— Да оттого и подозрительный, что все боится, какъ бы копѣйка какая помимо его кармана въ чужой карманъ не упала. Радъ, кажется, у нищаго суму снять, чтобъ только нажить лишній грошъ.

— Ужь Богъ бы съ нимъ! пусть бы бралъ, Онисимъ Емельянычъ, да не куражился больно, а то

пожалуй пропадешь съ нимъ, такъ ни за понюхъ табаку. Не давно правилъ онъ должность предводителя, шлетъ ко мнѣ:—на заводъ дескать ѣхать надо! Я только что успѣлъ вицъ-мундиришко натянуть, бѣгу къ нему сломя голову. «Что вы меня себя дожидаться заставляете?» — закричалъ онъ. Я Арнольдъ Осипычъ, говорю, какъ только получилъ отъ васъ приказаніе, сейчасъ и пошелъ. «Не сейчасъ, говоритъ, коли полчаса прошло! ѣдемте!» Сѣли мы въ тарантасъ, да и на заводъ. Тамъ, видите, нашли мертвое тѣло, или лучше сказать, остовъ человѣческій, заложенъ въ каменной стѣнѣ... и на немъ цѣпи, — такъ въ народѣ пошелъ слухъ, что...

Въ это время въ канцеляріи суда послышался шумъ, задвигали стулья, затопали ногами и черезъ минуту вошелъ въ камеру судья... Арнольдъ Осипычъ Морили, больше называемый Марилиновъ. Секретарь и протоколистъ нагнули головы чуть не до зеленаго сукна, покрывавшаго столы ихъ; Арнольдъ Осипычъ отвѣчалъ имъ покровительственнымъ и едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Одѣтъ онъ былъ въ пѣхотный армейскій сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, въ петлицѣ котораго торчала какая-то ленточка, но что она значила, не зналъ никто, потому что въ формулярномъ его спискѣ объ этомъ не значилось ни слова. Лице у него было смуглое съ горбатымъ носомъ, волосы густые, черные, глубоко впадшіе черные глаза, которые свѣтились какимъ-то особеннымъ, и надо прибавить, недобрымъ блескомъ, и тонкія, едва, замѣтныя губы,

придававшія ему выраженіе непріятное и враждебное. Онъ былъ не великъ ростомъ и недуренъ собой, сильно выворачивалъ носки, какъ бы желая этимъ показать, что учился танцамъ, и очень худъ.

Вошедши онъ тотчасъ сѣлъ; потребовалъ вчерашній журналъ, подписалъ его молча, посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Хотя господъ засѣдателей и нѣтъ, но я открываю присутствіе. Господинъ секретарь, извольте докладывать дѣла, а васъ, господинъ протоколистъ дворянской опеки, прошу выдти, я хочу слушать докладъ...

Протоколистъ исчезъ, а секретарь вскочилъ, какъ-будто его кто-нибудь ткнулъ булавкой, подбѣжалъ къ присутственному столу, наскоро схватилъ лежавшую на немъ кипу бумагъ и началъ:

— Дѣлъ собственно къ рѣшенію нѣтъ. Есть только бумаги.

— Докладывайте бумаги! отвѣчалъ тихо судья.

— Отношеніе Картолюбскаго уѣзднаго суда, который проситъ увѣдомить, что сдѣлано по отношенію его отъ 15 марта сего года.

— А что сдѣлано?

— Ничего не сдѣлано, потому что дѣло въ палатѣ, справокъ забрать неоткуда, и отношеніе до присылки дѣла принято къ свѣдѣнію.

— Такъ и отвѣчать.

— Не лучше ли будетъ, Арнольдъ Осипычъ, до-

нести объ этомъ палатѣ и бумагу препроводить въ оную для пріобщенія къ дѣлу?

— Я не спрашиваю вашего мнѣнія, господинъ секретарь, я хочу исполненія! отвѣчалъ судья медленно и методически.

Секретерь вспыхнулъ, не смотря на свой красный носъ и багровое лице, однако промолчалъ и продолжалъ:

— Прошеніе помѣщика Толстикова, которымъ проситъ совершить купчую крѣпость на семью людей, покупаемыхъ у Однодворкова.

— Какъ вы думаете — можно? спросилъ судья у секретаря, смотря ему пытливо въ глаза.

— Нельзя, Арнольдъ Осипычъ! отвѣчалъ секретарь рѣшительно. Семья большая, пять мужескихъ душъ, по сту двадцати рублей каждая, составитъ шесть сотъ рублей, вдвое больше того, что закономъ дозволено совершать въ уѣздныхъ судахъ.

— Такъ по вашему нельзя?

— Нельзя-съ, Арнольдъ Осипычъ!

— А я говорю, что можно:... отвѣчалъ судья медленно и тихо, ударяя на каждое слово. Раздѣлите семью на трое, въ каждой будетъ двѣ души, на двѣ души и совершите крѣпость, и это дѣлайте три дни сряду. Слышите?

— Помилуйте, Арнольдъ Осипычъ,—это противу закона-съ: раздроблять семейство нельзя.

— Я вамъ повторяю, г. секретарь, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобъ просить вашихъ со-

вѣтовъ, а за тѣмъ, чтобъ видѣть, какъ исполняютъ мои приказанія.

— Мы эдакъ всѣ подъ судъ попадемъ, Арнольдъ Осипычъ.

— Ежели вы боитесь попасть подъ судъ, такъ совѣтую вамъ искать другаго мѣста. Впрочемъ, я не беру этого на одного себя. Къ вамъ нынче же явится повѣренный Толстикова и изложитъ причины, почему это возможно. Понимаете?

Секретарь поклонился молча.

— Продолжайте!...

— Прошеніе купца Лихвинскаго, которымъ проситъ совершить купчую на домъ въ г. Мыльниковѣ.

— Какъ цѣненъ домъ?

— Домъ благопріобрѣтенный, слѣдовательно купчую пишутъ въ меньшей суммѣ, чѣмъ дѣйствительно стóитъ, поелику нѣтъ выкупа. Хотятъ совершить купчую въ триста рублей, а онъ стоитъ по крайней мѣрѣ тысячъ пять.

— А городская оцѣнка?

— Въ уѣздныхъ городахъ не введены еще, слава Богу, иначе бы намъ не пришлось совершать почти ни одной купчей.

— Къ совершенію этой купчей нѣтъ препятствій?

— Есть-съ, и очень серьозныя. На домѣ существуетъ нѣсколько запрещеній.

— Гмъ! да! это дурно. А Лихвинскій очень проситъ о совершеніи купчей?

— Очень, Арнольдъ Осипычъ: ему дозарѣзу нужно. Ежели этотъ домъ не продастся на дняхъ,

его у него опишутъ по казенному начету, за время служенія бургомистромъ.

— Да, нужно торопиться. Какъ же вы думаете?

— Я не знаю, Арнольдъ Осипычъ; какъ прикажете-съ.

— Ну, а ежели я спрашиваю вашего мнѣнія?

— Можно бы-съ. Только опасно нѣсколько-съ.

— Разумѣется подвергать себя опасности даромъ, не стоитъ. Говорили вы съ Лихвинскимъ?

— Безъ вашего позволенія какъ же бы это я смѣлъ сдѣлать?...

На тонкихъ губахъ судьи показалось что-то похожее на насмѣшливую улыбку.

— Ежели не говорили, то я поручаю вамъ повидаться съ нимъ и отобрать отъ него: какое пожертвованіе хочетъ онъ сдѣлать для совершенія этой купчей.

— Онъ на всякое пожертвованіе будетъ готовъ, Арнольдъ Осипычъ; мнѣ это говорилъ его шуринъ-съ.

— А ежели такъ, то надобно, чтобъ онъ доставилъ мнѣ триста рублей, слышите? Все, что больше, предоставляю вамъ. Понимаете?

— Понимаю-съ, Арнольдъ Осипычъ. Много чувствую ваши милости.

При этихъ словахъ толстое туловище секретаря изогнулось въ три погибели, такъ что темлякъ его шпаженки зацѣпился за стулъ, и шпаженка стукнувъ его по носу, стала перпендикулярно къ землѣ, къ великому конфузу носящаго ее.

После нѣсколькихъ минутъ молчанія, произведеннаго вѣроятно неожиданностью этого маленькаго приключенія, судья спросилъ:

— Какъ же вы думаете совершить эту купчую, ежели Лихвинской соблюдетъ въ отношеніи ко мнѣ должную вѣжливость и доставитъ то, что я назначилъ?

— Я полагалъ бы сдѣлать такъ: такъ какъ запрещенія всѣ наложены въ нынѣшнемъ году, то, совершивъ купчую, донести губернскому правленію, что въ томъ нумерѣ запретительныхъ вѣдомостей, гдѣ эти запрещенія напечатаны, не оказалось одного листа и просить губернское правленіе о немедленномъ его доставленіи. Можно недостатокъ этого листа въ запрещеніяхъ для большаго обезпеченія себя, огласить журнальнымъ постановленіемъ.

— Да! это хорошо, отвѣчалъ судья, подумавши, и даже довольно весело. Я благодарю васъ, Онисимъ... Онисимъ...

— Емельяновъ! подсказалъ секретарь.

— Онисимъ Емельянычъ! будьте увѣрены, что не премину засвидѣтельствовать передъ начальствомъ о вашей усердной службѣ.

Секретарь низко и вѣжливо поклонился. Въ первый еще разъ въ продолженіе трехъ лѣтъ его секретарства, удалось ему услышать подобную похвалу.

— Теперь довольно! сказалъ судья, когда секретарь хотѣлъ продолжать докладъ. Я съ нынѣшняго дня правлю должность предводителя и имѣю надоб-

ность заняться дѣлами по опекѣ. Позовите сюда протоколиста.

Секретарь хотѣлъ выдти, но судья остановилъ его вопросомъ:

— А что наши засѣдатели?

— Вы изволили разрѣшить имъ не ходить въ судъ; такъ они больше мѣсяца не являются ни тотъ, ни другой. Телинковскій даже въ деревню уѣхалъ.

— И Богъ съ ними! Только бы журналы были подписаны... слышите?

— Журналы всѣ подписываются ими своевременно, Арнольдъ Осипычъ! Я строго наблюдаю за этимъ. Исходящія подписываетъ сельскій засѣдатель.

— Да вѣдь, кажется, сельскіе засѣдатели у насъ оба не грамотные.

— Точно такъ-съ, не грамотные; но Клюевъ отдалъ свою печать регистратору и этотъ клеймитъ все, что нужно. Остановки у насъ нѣтъ, будьте спокойны.

— Полагаюсь на вашу ревность, господинъ секретарь. Повторяю вамъ, вы не будете забыты при первомъ представленіи...

Потомъ подумавши прибавилъ:

— Не мудрено, что по должности предводителя мнѣ надо будетъ отлучиться на заводъ господъ Балтановыхъ, и тогда вамъ надобно будетъ распорядиться, чтобъ одинъ засѣдатель присутствовалъ... Слышите?

— Слушаю-съ, будетъ исполнено-съ.

— Теперь пошлите протоколиста.

Протоколистъ вошелъ съ толстою тетрадью и положилъ ее передъ судьею.

— Что это такое? спросилъ этотъ.

— Журналы опеки по имѣнію Балтановыхъ и заключеніе ея по отчетамъ ихъ, касательно горнозаводскаго и помѣщичьяго ихъ имѣнія за 18... годъ.

— Въ какомъ смыслѣ написано заключеніе опеки?

— Что имѣніе управлялось съ выгодою для наслѣдниковъ.

— А кто были въ то время опекунами и не было ли въ послѣдствіи жалобъ на ихъ управленіе?

— Опекунами были: Хлопскій, Маляровъ, Темницкій и Загиба. Доносъ былъ за время ихъ опекунства отъ горнаго чиновника, живущаго на заводѣ, что за проходъ дудокъ они прибавили платы почти на пять копѣекъ противу прежнихъ цѣнъ, хотя глубина дудокъ сравнительно меньше.

— Что же было сдѣлано по этому доносу?

— Горное правленіе прислало его въ опеку для соображенія. Опека затребовала свѣдѣній отъ заводской конторы, а контора отвѣчала, что эта прибавка сдѣлана по случаю увеличившихся цѣнъ на припасы. Опека приняла это къ свѣденію, тѣмъ дѣло и кончилось.

— Прекрасно! Пусть горный чиновникъ лучше не суется въ то, что до него не касается. Зналъ бы свою горную часть, а въ хозяйственныя распоряженія не мѣшался. По дѣломъ ему! Хотѣлось прижать опекуновъ, да съ нихъ сорвать что-нибудь... знаемъ

мы это... да не на тѣхъ напалъ... Пока я членъ опеки, волосъ съ головы опекуновъ не спадетъ даромъ! въ этомъ ручаюсь моей совѣстью. Совѣтую вамъ подъ рукою довести это до свѣдѣнія господина горнаго чиновника, въ первый разъ, какъ будете на Уткинскомъ заводѣ.

— Слушаю-съ.

— Знаютъ ли Хлопскій, Маляровъ, Темницкій и Загиба, что отчеты за время ихъ опекунства разсматриваются въ опекѣ?

— Не могу вамъ сказать этого-съ! отвѣчалъ протоколистъ покраснѣвъ и смѣшавшись.

— Пошлите имъ сказать, что до тѣхъ поръ, пока они не побываютъ у меня, постановленія опеки по отчетамъ за время ихъ управленія сдѣлано не будетъ! сказалъ судья, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ смущенія протоколиста: — и что ежели они хотятъ, чтобъ отчеты прошли благополучно, такъ чтобъ поторопились.

— Слушаю-съ.

— Такъ какъ я не сомнѣваюсь, что они у меня будутъ и соблюдутъ должную вѣжливость, то и поручаю вамъ при отсылкѣ отчетовъ этихъ въ палату, приложить къ нимъ рублей триста ассигнаціями и написать, что желательно, чтобъ они были обревизованы немедленно. Деньги получите отъ меня.

— Слушаю-съ.

— Въ какомъ положеніи дѣло объ отчетахъ за прежніе годы?

— По приказанію вашему, холста было куплено

пять сотъ аршинъ, и тюки съ отчетами почти всѣ зашиты. Тюковъ этихъ оказалось двѣсти пятьдесятъ. Такъ какъ ихъ въ канцеляріи положить негдѣ, ибо они заняли бы цѣлую комнату, то я и распорядился свалить ихъ подъ навѣсомъ, гдѣ стоятъ пожарные инструменты, съ согласія господина городничаго. На несчастье, въ почтовой конторѣ получено подтвержденіе, чтобъ не принимать на почту за одинъ разъ больше одного тюка, въ которомъ вѣсу свыше пуда. У насъ тяжелая почта въ губернію ходитъ одинъ разъ, то мы и вынуждены будемъ продолжать эту отсылку почти пять лѣтъ сряду.

Судья разсмѣялся и сказалъ:

— Пусть наслѣдники читаютъ ихъ по пятницамъ; это отобьетъ у нихъ охоту повѣрять отчеты по горнозаводскому имѣнію. Я вамъ строго запрещаю подавать на почту болѣе одного тюка, еслибъ даже въ отсылаемомъ оказалось и менѣе пуда. Теперь довольно! Журналы опеки доставьте ко мнѣ на домъ, а черезъ полчаса извольте явиться ко мнѣ сами, мы ѣдемъ на заводъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ протоколистъ и вышелъ.

Засѣданіе суда и опеки было окончено, несмотря на то, что въ журналахъ обоихъ мѣстъ было написано: «гг. присутствующіе прибыли по полуночи въ восемь часовъ, а вышли по полудни въ два часа.

II.

СТАРОЕ ВРЕМЯ.

Уткинскій заводъ, служившій, по выраженію протоколиста, такой доходной деревенькой для служащихъ, что и въ цѣлой Россіи такой не найдешь, принадлежалъ наслѣдникамъ Балтанова и находился въ *опекѣ*, потому что наслѣдники, которыхъ сначала было трое, а потомъ вдругъ явилось пятеро, не могли раздѣлить въ законный срокъ имѣнія, имъ доставшагося. Имѣніе это, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, приписанныхъ къ нѣсколькимъ заводамъ, было нажито, по разсказамъ стариковъ, съ грѣхомъ пополамъ, и доставшись безпутнымъ братьямъ и дѣтямъ покойнаго, было жертвою, которую они теребили, кто и какъ умѣлъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ. Люди грубые, нетрезвые, необразованные, и къ этому еще сутяги, они наслѣдство свое, оспариваемое взаимно другъ у друга, считали завоеванною землею, которую надо истощать и грабить безъ всякаго милосердія. Нескончаемыя тяжбы

между ними завалили мѣстные уѣздные суды и гражданскія палаты, и служили доходными деревнями чиновникамъ, начиная отъ канцеляриста до совѣтника и даже предсѣдателя, включительно. Эти чиновники наконецъ такъ привыкли считать дѣла по Уткинскимъ заводамъ источниками своихъ доходовъ, что оскорбились бы не нашутку, еслибъ кто задумалъ о прекращеніи этихъ дѣлъ миромъ. Ужь конечно наслѣдникамъ этого не пришло бы въ голову: они взаимно ненавидѣли другъ друга; взаимно обворовывали другъ друга на сколько умѣли и могли, и кажется, готовы были загрызть другъ друга зубами, ежели бъ только это имъ было лично не опасно.

Ежели сами наслѣдники были таковы, каковы же должны были быть опекуны при такомъ имѣніи? Опекуномъ опредѣляли всякаго, кто вносилъ членамъ опеки извѣстную плату; такіе опекуны смѣнялись и назначались почти каждогодно, по мѣрѣ взноса, и тотъ, кто давалъ больше, могъ-быть увѣренъ, что смѣнитъ предшественника и будетъ властвовать до новаго конкуррента. Слѣдствіемъ этого было то, что каждый изъ опекуновъ, не будучи увѣренъ, останется ли онъ еще назавтра, воровалъ и грабилъ, сколько могъ и сколько у него было силъ, чтобъ вознаградить себя хоть сколько нибудь за то пожертвованіе, которое было имъ сдѣлано, чтобы попасть въ опекуны. Къ этому хаосу, высшія мѣста прибавляли еще новую путаницу, утверждая въ правахъ наслѣдства женъ по-

койнаго, какъ будто выроставшихъ изъ земли женъ, которыя, величая взаимно другъ друга наложницами, доказывали это на бумагахъ; передъ судомъ опровергали права одна другой, и тѣмъ порождали новыя тяжбы и новую путаницу. Такихъ женъ, изъ которыхъ каждая имѣла наслѣдника отъ покойнаго, накопилось три или четыре, и высшіе суды, разбирая ихъ, до того, спутались, что утвердили въ правахъ двухъ, бывшихъ женами въ одно и то же время. Нельзя ручаться, чтобъ этого не было такъ въ дѣйствительности при томъ безпорядкѣ, какой существовалъ въ половинѣ прошлаго столѣтія во всѣхъ родахъ управленія, особенно въ такихъ имѣніяхъ и у такихъ лицъ, которыя могли тратить сотни тысячъ для удовлетворенія своихъ прихотей.

Уткинскій заводъ составлялъ центръ этого имѣнія, достойнаго быть резиденціей любаго владѣтельнаго князя. Заводъ походилъ на городъ гораздо больше, нежели самъ Мыльниковъ, въ уѣздѣ котораго онъ находился. Заводскій большой прудъ, или вѣрнѣе, озеро, было окружено вѣковымъ непроходимымъ лѣсомъ, — и это мѣсто было полно преданій и разсказовъ съ таинственными ужасами. Все, въ чемъ роскошь тогдашняго времени имѣла великаго и грандіознаго, все было соединено въ каменныхъ палатахъ уткинскаго помѣщика, въ которыхъ теперь жилъ опекунъ, грязный, мѣлкопостный владѣлецъ, купившій у опеки право распоряжаться здѣсь... Не та мелкая, современная намъ

роскошь, которая выражается нынче въ золоченыхъ узорчикахъ на стѣнахъ, въ разнокалиберной мебели и перихитренныхъ экипажахъ, — но та, которой теперь нѣтъ и которую внуки и правнуки мотаютъ въ обѣ руки, да размотать не могутъ. Это была, напримѣръ, роскошь цѣлаго пруда, вымощеннаго чугунными плитами, чтобъ трава не росла на днѣ его; роскошь фонтана въ саду, вода для котораго проведена за нѣсколько десятковъ верстъ; роскошь каррарскаго мрамора, нарочно выписаннаго изъ Италіи для широкихъ лѣстницъ, площадокъ и крылецъ при дороговизнѣ тогдашнихъ сообщеній, или литыхъ изъ чугуна и высѣченныхъ изъ мрамора въ два и три человѣческихъ роста изваяній, разбросанныхъ по саду въ такомъ же баснословномъ количествѣ, въ какомъ разбросаны они по вѣковымъ садамъ Италіи. Но то, что собирялось и созидалось тамъ вѣками, здѣсь выросло и возникло въ какія-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ, прихотью одного человѣка, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, не знавшаго никакихъ затрудненій, не находившаго никакихъ препятствій, тамъ гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи его дикой, необузданной воли. И теперь это имѣніе, о которомъ ходили баснословные и преувеличенные толки по всей Россіи, предавалось грабежу и воровству, грязныхъ и грубыхъ мелкихъ помѣщиковъ и приказныхъ, безстыдство которыхъ дошло впослѣдствіи до крайняго своего предѣла. Опека дѣлилась съ палатой, опекуны дѣлились съ опекой, опекуны воровали

явно, всюду, гдѣ только могли; конторщики, управляющіе цехами, помогали имъ, чтобъ въ свою очередь воровать безнаказанно. Вѣковыя лѣса, составляющіе славу и украшеніе заводовъ, гибли сотнями десятинъ, отданные подъ сидку смолы, для того, чтобъ въ карманъ опекуна, или членовъ опеки принести какую нибудь лишнюю сотню рублей. Оранжереи, на которые потрачены были сотни тысячъ, уничтожались и гибли отъ несмотрѣнія, даже отъ морозовъ, не смотря на то, что около завода были десятки тысячь десятинъ строеваго лѣса, не говоря уже о дровяномъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ оскудѣвала вода въ заводскомъ прудѣ. Машины, съ такими огромными пожертвованіями, выписанныя изъ за границы, портились; заводскія строенія начали обваливаться. Всюду показались слѣды разрушенія и упадка, не смотря на то, что центръ управленія былъ въ самомъ имѣніи и не было недостатка ни въ матеріалахъ, ни въ рабочихъ.

Въ то время, въ которое происходилъ разсказъ нашъ, два опекуна и горный чиновникъ, составляли то, что называлось: «управленіе имѣніемъ и заводами наслѣдниковъ Балтановыхъ.» На нихъ лежала отвѣтственность передъ наслѣдниками, передъ совѣстью, сохраненія имѣнія въ томъ видѣ, какъ оно было оставлено старикомъ. Но они думали не о сохраненіи, а особственной выгодѣ...

Лишь только тарантасъ судьи показался на проспектѣ, ведущимъ къ большому дому—на мрамор-

ное, высокое крыльцо его высыпало нѣсколько человѣкъ въ тѣхъ разнохарактерныхъ костюмахъ, для которыхъ почти нѣтъ названія, потому что они составляютъ переходъ отъ русской свитки къ французскому пальто и называющихся поддевками, халатами, сибирками, азямами, сертуками, пальто, пальто-саками, и даже жакетками. Тутъ была вся постепенность, начинающаяся рубашкою сверхъ панталонъ и оканчивающаяся рубашкою въ панталоны, или та, которая идетъ отъ неуклюжяго русскаго сапожнища, до самыхъ затѣйливыхъ и вычурныхъ сапогъ вострейкомъ, съ загнутымъ крючкомъ и къ верху носомъ, какіе выходятъ изъ мастерской какого нибудь Анподиста, иностранца Рахманова, и какихъ ни одному французу не выдумать, не смотря на то, что сапоги эти дѣланы «съ парижскаго фасону.»

Впереди этого сонма бородатыхъ и безбородыхъ служителей опекунскаго кармана, стоялъ самъ опе. кунъ, узнавшій тарантасъ судьи. Это былъ пошленькій, грязненькій человѣчекъ, съ большимъ пристрастіемъ къ разгулу, вообще тупой, но необыкновенно смѣтливый тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи. На немъ было широчайшее пальто цвѣта масака, удивительно гармонировавшее съ его широчайшимъ и круглымъ, какъ полный мѣсяцъ, лицомъ, отъ котораго на засаленой воротникъ висѣлъ трехъ-этажной подбородокъ. Когда тарантасъ подъѣхахъ къ крыльцу, опекунъ чуть не бросился самъ высаживать судью, но остановился только потому,

что десятки рукъ предупредили его, и судья, щедушный и маленькій, былъ скорѣе вынесенъ на рукахъ, нежели вышелъ самъ. Поклонамъ и привѣтствіямъ не было конца. Судья принималъ ихъ, какъ должную дань: былъ постоянно важенъ и торжествененъ, и отвѣчалъ хотя учтиво, но холодно. За то протоколисту опекунъ бросился чуть не на шею и крѣпко жалъ ему руки. Судья между тѣмъ оправился, а протоколистъ, видя, что въ немъ надобности нѣтъ, а между тѣмъ испытывая страшную неловкость въ присутствіи своего важнаго и величаваго начальника, юркнулъ въ боковую комнату, гдѣ конторщики, бухгалтеры и кассиры приняли его чуть не съ распростертыми обьятіями, на что и онъ самъ отвѣчалъ не съ меньшею горячностью.

Хотя переѣздъ отъ Мыльникова до Уткинскаго завода и не великъ, судья пожелалъ однако удалиться для приведенія въ порядокъ своего туалета, въ комнату, которую онъ называлъ по привычкѣ своею, ибо въ продолженіе двухъ лѣтъ, за небытіемъ предводителя исправляя его должность — онъ только что не жилъ на заводѣ. Опекунъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ взрослыхъ дочерей, — а судья, человѣкъ щекотливый въ дѣлѣ приличія, счелъ бы за величайшую невѣжливость явиться предъ дамами не въ полномъ блескѣ. Дамы тоже въ свою очерь бросились наряжаться, на томъ основаніи болѣе, что судья вдовецъ, и какъ выражался ихъ родитель, имѣлъ «коко съ сокомъ» что вѣроятно ему могло быть хорошо извѣстно.

Оставимъ судью заниматься туалетомъ и послѣдуемъ за протоколистомъ.

Зная по опыту, что въ первый день судья не начнетъ никакого дѣла, протоколистъ вполнѣ предался удовольствію общества, принявшаго его съ распростертыми объятіями. День былъ праздничный на заводѣ, будничный для присутственныхъ мѣстъ;—одинъ изъ тѣхъ мелкихъ праздниковъ, какими такъ богатъ русскій мѣсяцесловъ. На заводской улицѣ толпились дѣвки, слышались звуки гармоники, раздавались возгласы пьяныхъ. Заводскія дѣвки вообще не строги: протоколистъ здоровъ и молодъ — чтожь мудренаго, что послѣ городской чинности, онъ вполнѣ предался наслажденію свободы. Къ вечеру, когда уже всѣ довольно поустали и поизвѣдали всѣ блага жизни, — толпа молодежи и протоколистъ съ ними, собрались въ вагранкѣ. Началось болтовней, потомъ посыпались анекдоты, наконецъ такъ какъ день склонялся уже къ вечеру и надвигалась ночь, черная и зловѣщая въ это время года, анекдоты смѣнились расказами о волкахъ и медвѣдяхъ, разбойникахъ и колдунахъ, а наконецъ перешли къ чертямъ и привидѣніямъ. Заговорили о человѣческомъ остовѣ съ цѣпями, которой былъ найденъ въ каменной стѣнѣ оранжереи, когда ее ломали.

Разказчикъ былъ старый дворецкій покойнаго Балтанова, отставленный еще при жизни отъ должности «за пьянство, буянство и дебоширные поступки,» — и вслѣдствіе этаго находившійся въ оп-

позиціи къ памяти покойнаго. Большой балагуръ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ для краснаго словца, онъ былъ, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, душою всѣхъ заводскихъ собраній, къ какому бы возрасту или полу оно ни принадлежало; первое лицо на сватьбахъ и похоронахъ, гдѣ въ первомъ случаѣ онъ всегда говорилъ *спичъ* и 20, 30 и даже 40 разъ находилъ, что «вино горько», и тѣмъ заставлялъ цѣловаться всякой разъ новобрачныхъ, чтобъ «подсластить» при громкомъ смѣхѣ и одобрѣніи подпившихъ гостей,—а въ послѣднемъ, исчисляя всѣ достоинства покойнаго и предлагая выпить «паки и паки» за упокой души его.

Протоколистъ, которому не были еще вполнѣ извѣстны преданія объ этомъ остовѣ въ цѣпяхъ, поджигалъ дворецкаго разсказать объ этомъ, что онъ знаетъ.

— Ты, Антипычъ, говорилъ приказный, скажи намъ какъ ты думаешь объ этомъ? Ты человѣкъ бывалый, — при покойномъ Иванѣ Дмитричѣ еще служилъ; тебѣ должно быть все извѣстно.

— Извѣство, конечно извѣстно! замѣтилъ дворецкій; да не все то говори, что знаешь. Всякой Еремей про себя разумѣй: ѣшь пирогъ съ грибами, держи языкъ за зубами... сболтнешь лишнее, будетъ пышное. Антипычу, батюшка, не знать нельзя: Антипычъ родился и выросъ въ барскомъ домѣ; Антипычъ видѣлъ то, чего другіе видомъ не видали, слухомъ не слыхали; Антипычъ бархатъ

носилъ, да шелки всякіе; рубашки голландскія, чулки шемаханскіе...

— Да ты полно, Антипычъ, прибирать-то, да околесицу городить; ты скажи намъ просто, что ты знаешь объ этомъ остовѣ?

— Много я знаю, чего знать вамъ не придется; знай сверчокъ свой шестокъ; много будешь знать, скоро состаришься; а что въ цѣпи заковали, такъ вольно жь ему. Противу рожна прати нельзя, невыгодно. Вотъ и угодилъ въ стѣну.

— Да кто жь онъ такой былъ?

— Вѣстимо кто былъ, человѣкъ съ руками и съ ногами, только безъ головы, должно быть; потому что угодилъ въ стѣну вмѣсто могилки. Видите ли что господа честные, подружки младыя, баринъ то мой покойной, дай Богъ ему царство нѣмецкое, былъ такъ себѣ, человѣкъ Божій, обшитъ кожей. Поперечки не любилъ. Бывало скажетъ: ахъ никакъ угорѣлъ я! должно быть и всѣ угорѣли, и голова, у всѣхъ болитъ! Ну и ты говори, что угорѣлъ и что голова у тебя болитъ; а иначе въ тюрьму посадятъ, да судить велятъ за ослушаніе барской воли; а тамъ пожалуй велитъ обшить въ медвѣжью кожу, да собаками травить. Это ихняя любимая забава была. Самодуръ былъ покойникъ, похвалить нечего,—что вздумается—вынь да положь... «нельзя» лучше и не говори ему; живаго въ землю зароетъ. Исправникъ вздумалъ было съ нимъ поспорить, да за горничными дѣвками примахнуть: онъ не будь глупъ, да и махнулъ его по своему... И слѣдъ

исправника простылъ; должно быть съ рыбами тамъ всякіе этакіе бонъ-журъ мусье справляетъ....

— Врешь, должно быть, ты, Антипычъ: неужели никто объ исправникѣ такъ-таки и не спохватился?

— Какъ не спохватиться, спохватились, да что сдѣлаешь-то? Заводскіе ребята — народъ ловкій! Выкатитъ имъ десять бочекъ вина, да какъ выйдетъ, да закричитъ своимъ зычнымъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ: «хотите служить мнѣ ребята?» такъ всѣ въ одинъ голосъ такъ и заревутъ: «готовы, батюшка, Иванъ Дмитричъ! На ножи съ тобою готовы!» Кто съ дуру кричитъ, а кто со страху. Никто бывало изъ уѣзда подступиться не смѣетъ. Зтсѣдателешки, что ли, какіе, такъ эти и носу-то показать къ нему не смѣли. А исправникъ былъ пріѣзжій — фордыбачить вздумалъ, эдакій изъ себя ловкой былъ. Пріѣхалъ на тройкѣ съ бубенчиками, колокольчиками, и прямо на большой дворъ. Иванъ Дмитричъ не любилъ, коли кто съ первоначала фордыбачить начнетъ. Обойдется человѣкъ, пожалуй и тово, а съ первоначала — будь тише воды, ниже травы. Оно прошло бы можетъ и такъ, да на горе исправнику Машка приглянулась. И то сказать, дѣвка была ражая, кровь съ молокомъ, бѣлая такая, что видно было, какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается, — ей Богу! И вздумалъ онъ заводить съ ней разные шуры-муры. Иванъ Дмитричъ не любили этаго пуще огня. Самъ былъ человѣкъ ужъ не молодой, да и притомъ у него кредитная была; ну, а не могъ, сударь ты мой, видѣть,

коли безъ его просу кто къ горничнымъ дѣвкамъ приласкаться вздумаетъ. Раскуражится такъ, что не приведи Богъ; а иной разъ ничего... самъ позволитъ. Мы ужъ, холопы, знали барской-то нравъ — шепнули исправнику: вы дескать, ваше благородіе, Иванъ Дмитричу не поперечьте — бѣда будетъ! а онъ только ухмыльнулся, да усики эдакъ, знаете поправилъ, да и говоритъ: «чорта съ два онъ мнѣ сдѣлаетъ. Я начальникъ въ уѣздѣ! Много грѣховъ за вашимъ Иваномъ Дмитричемъ водится, порозыскать, такъ бы еще не пришлось ему самому по владимiркѣ безъ прогоновъ проѣхать; а пришла мнѣ Машка по нраву, такъ такія пружины подведу, что самъ руками мнѣ отдастъ, да еще съ поклономъ.» Нашлись, видно, окаянные, перевели этѣ рѣчи Ивану Дмитричу. Былъ у насъ въ дворнѣ конюхъ, Тимоѳеемъ звали, мужчинища страшенный, у Пугача служилъ; человѣка ему погубить, все равно что блоху раздавить. Сила была страшнѣющая; подковы разгибалъ, кочерги въ дугу гнулъ, тройку лошадей на бѣгу останавливалъ, пятаки ломалъ пополамъ. Ужъ ежели съ вечера Тимоѳея призывалъ Иванъ Дмитричъ, мы ужъ дворовые это знали... до десятаго часу утра носу изъ флигерей и избъ никто показывать не смѣлъ... и хоть бы весь заводъ погорѣлъ, никто на улицу ни зачто не вышелъ бы. Вотъ, сударь, послѣ такихъ исправниковыхъ неразумныхъ рѣчей и слышимъ, что Иванъ Дмитричъ велѣли Тимоѳея позвать. Переглянулись мы, только никто нигу-гу. А на другое утро слышъ—

прослышь — исправника рано по утру и слѣдъ простылъ, а ужъ доѣхалъ ли до городу, или нѣтъ, Богъ его знаетъ—только черезъ мѣсяцъ новый исправникъ въ Мыльниковъ пріѣхалъ. Нарядили было слѣдствіе о томъ, что исправникъ пропалъ безъ вѣсти; да кому слѣдствіе производить-то? Всякій боялся къ намъ на заводъ, не то за слѣдствіемъ, и такъ-то носу показать. Должно-быть губернаторъ самъ вздумалъ посмотрѣть на Ивана Дмитрича, что это за штука такая, не велика птичка, да ноготокъ востеръ. Вотъ сидитъ нашъ-то на балконѣ, за чаемъ прохлаждается, а шутовъ и шутихъ около него тьма тьмущая. Онъ покойникъ подъ часъ любилъ эти забавы. А я, сударь, съ серебренымъ подносомъ, въ чулкахъ, въ башмакахъ, напудренній, во французскомъ бархатномъ кафтанѣ, стою эдакъ у притолки съ подносомъ и вижу, по проспекту карета дорожная скачетъ цугомъ, а впереди на тройкѣ съ колокольцами исправникъ. Иванъ Дмитричъ какъ гаркнетъ: «гайдука верхомъ»! такъ гайдукъ словно изъ земли выросъ. У насъ бывало и день и ночь четыре лошади оседланныя стоятъ, не равно послать куда вздумается. Иванъ Дмитричъ вскочили благимъ матомъ, бросились къ себѣ въ кабинетъ, вынесли оттуда запечатанный пакетъ и говорятъ гайдуку: «видишь эту карету? Это должно быть губернаторъ ѣдетъ? Скажи ему, что я не хочу, чтобъ онъ сюда пріѣзжалъ и отдай ему этотъ пакетъ.» Гаидукъ былъ парень ловкій. Сѣлъ на коня, гаркнулъ, свиснулъ, аки стрѣла понесся... Приспѣлъ онъ къ ка-

ретѣ, батюшка, какъ она была еще за плотиной; переговорилъ тамъ что слѣдуетъ, только смотримъ: карета остановилась, а потомъ вспять завернула, да и была такова.

— Такъ и уѣхала?

— Такъ и уѣхала.

— Кто жъ это былъ въ каретѣ-то?

— Губернаторъ, я вѣдь сказалъ вамъ.

— Такъ неужто губернаторъ уѣхалъ потому только, что вашъ какой нибудь Иванъ Дмитричъ не захотѣлъ этаго?

— Нѣтъ не отъ того, что не захотѣли Иванъ Дмитричъ, а потому, что они ему послали пятьдесятъ тысячъ за то, чтобъ онъ не ѣздилъ. Вотъ что!

— И дѣло объ исправникѣ тѣмъ и кончилось?

— Тѣмъ и кончилось. Написали, что онъ пропалъ безъ вѣсти, да и концы въ воду. Тимоѳей конюхъ, года ужъ черезъ два или три послѣ этого, какъ-то подъ пьяную руку проболтался; дворня и приступила къ нему! Онъ было отнѣкивался, потомъ поводилъ рукою около шеи, чтобъ показать, что навязали камень на шею, потомъ сдѣлалъ знакъ, какъ будто шьютъ, да и указалъ на прудъ. Словами-то сказать не посмѣлъ. А другіе при этомъ вспомнили, что и лодка въ тотъ день, какъ исправникъ пропалъ,— найдена была не на своемъ мѣстѣ а немножко подальше.

— Хорошъ же гусь былъ вашъ Иванъ Дмитричъ! замѣтилъ протоколистъ.

— Да, нравный былъ господинъ, замѣтилъ Антипычъ — какъ что затемяшитъ въ голову, такъ хоть колъ на головѣ теши, самъ чортъ не уломаетъ. Вотъ хоть бы и этотъ баринъ, что въ стѣнѣ закладеннаго нашли, вѣдь добрый человѣкъ былъ — да вздумалъ поспорить съ Иваномъ Дмитричемъ. А Иванъ Дмитричъ не тѣмъ будь помянутъ, скажетъ: моя! такъ всѣ говори, что его: сотни тысячъ не пожалѣетъ, а ужъ поставитъ на своемъ.

— А кто жъ былъ этотъ баринъ!

— Кто былъ? помѣщикъ былъ, сосѣдъ его. Вы смотрите, не болтайте зря, что я говорю: шутя въ бѣду попадешъ. Хоть и давно этому дѣло было, еще при родителѣ моемъ, и я еще маленькой былъ, а все не хорошо. Если и будутъ спрашивать, говорите всѣ: не знаю и не слыхалъ.

— Да вѣдь намъ-то можно сказать, Антипычъ!

— Вамъ-то можно: только чуръ языкъ за зубами держать. Видите что: версты четыре, а можетъ и пятокъ, вотъ въ эту сторону, за лѣсомъ была деревушка, душъ эдакъ двадцать — и жилъ въ ней помѣщикъ; Николай Силантьичъ Горюновъ назывался. Только и имѣньишка у него было, что эта деревушка, такъ жилъ, значитъ, бѣдно; собой баринъ бравый былъ, служилъ въ полку, да какъ умерла старуха мать, такъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ къ себѣ въ деревушку, какъ бишъ названіе-то ей было, дай Богъ памяти... Курилово, Окурково — что-то вотъ такъ: ну и пришла ему на бѣду охота жениться. Собой-то молодецъ былъ, деревушка

какая ни есть, все вотчинка, да и дворянкой быть лестно, знаете: вотъ онъ и нашелъ себѣ какую-то, ужъ не знаю какого рода — изъ духовнаго-ли званія, или изъ приказнаго, только разкрасавица. Женился онъ, — ну, и такъ какъ къ нашему-то вхожъ былъ, такъ и привезъ жену свою къ намъ знакомиться. Тутъ-то я и увидалъ ее въ первый разъ: бѣлая, румяная, зубы какъ жемчугъ, да и ходитъ ловко таково — словно пава, а какъ взглянетъ — рублемъ подаритъ. И приглянись она на грѣхъ Ивану Дмитричу-то; началъ онъ ласкать ихъ всячески; праздники да банкеты, да подарки тысячные. Хотѣлъ этимъ видно прельстить, — а та видно баба-то и сама не промахъ: ѣзжала сюда часто и подарки принимала, а какъ дошло до дѣла, такъ и хвостъ ему показала. Его и взяло зло. Онъ ей и сдѣлай предложеніе: такъ и такъ, говоритъ, Лизавета Ивановна, вы, то-есть, съ мужетъ-то, говоритъ, разведитесь, а я васъ за себя за мужъ возьму. А Лизавета-то Ивановна съ дуру — да и плюнь ему въ рожу, а на другой детъ шлетъ всѣ его подарки назадъ: не нужно, дескать, мнѣ ничего отъ тебя, старый хрычъ, коли ты предложенія мнѣ такія дѣлаешь. Онъ бы, можетъ быть, промолчалъ, да мужъ ея, какъ то повстрѣчалъ нашего въ полѣ, какъ онъ ѣздилъ за зайцами, да и вздумалъ посмѣяться надъ нимъ: хорошъ, говоритъ, виноградъ, Иванъ Дмитричъ, да зеленъ: далеко, говоритъ, кулику до Петрова дня! Это ужъ нашего и взорвало. Пріѣхалъ домой, рветъ и мечетъ, никому подступу нѣтъ:

что онъ въ этотъ день народу перепятналъ, просто ужасть! разсерчалъ больно. Долго онъ думать не любилъ. Позвалъ Тимоѳея, да Конона, да Ваньку камардина, безъ этаго никакое дѣло не дѣлалось... Позвалъ, сударь ты мой ихъ, да и говоритъ: такъ и такъ, ежели сдѣлаете по моему, каждому по пригоршнѣ золота; — а не сдѣлаете, на смерть запорю, и быть вамъ въ прудѣ. Народъ теплый, знаете, былъ, — да и то сказать, кому хочется лютой смертью умирать и въ прудѣ вѣкъ свой кончать... Выбрали человѣкъ съ полсотни молодцовъ такихъ, что знаете, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, кто изъ охотниковъ, кто изъ псарей, а кто и изъ заводскихъ людей; ну, ужъ такіе, что просто сорви голова, — да вечеркомъ и шасть съ ними въ Куриловку. Какъ и что тамъ у нихъ происходило, признаться не знаю, — только на утро Тимошка и Кононъ разгуливаютъ, шапки на бекрень, и золотомъ въ карманѣ погремыхиваютъ, — да въ верхнемъ этажѣ, гдѣ никто не жилъ, огонь по вечерамъ появился и стали Иванъ Дмитричъ частенько туда похаживать. Такъ какъ дворовымъ съ горничными дѣвками говорить было не приказано, такъ навѣрное узнать-то и не отъ кого было, что это за огонь такой, да и не сказали бы, собачьи дочери, — а проговаривали послѣ въ людской, что ужь это не Куриловская ли барыня тамъ живетъ. Мужъ-то ея пропалъ въ эту ночь безъ вѣсти; думали ужь, не убитъ ли, да послѣ ужь узнали, что нашъ-то въ тюрьмѣ его держитъ — и все приступаетъ, чтобъ онъ съ

женою развелся, а какъ увидалъ, что тотъ упрямъ, такъ и велѣлъ его въ стѣну закласть. Его, милаго дружка, и запрятали въ ранжерейную стѣну, — она, благо, въ то время перекладывалась;... да вѣдь такъ скоро скомандовали, что дворня узнала обо всемъ этомъ долго ужь опосля.

— Да гдѣ жь эта деревенька-то, Куриловка что ли?

— Какъ сквозь землю провалилась, — съ тѣхъ поръ объ ней помину даже нѣтъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, земля была вспахана и овсомъ засѣяна...

— Да неужли послѣ, — ну такъ хоть черезъ пять, шесть лѣтъ — не было никогда объ этомъ разговору, чтобъ подробнѣе узнать какъ это все происходило? замѣтилъ протоколистъ.

— Эхъ, батюшка, развѣ тогда такое время было, что нонче? Объ такой штукѣ пикнуть никто не смѣлъ. Заикнись только, такъ смотришь, тебя вечеромъ же и затащутъ вонъ туда, видите тамъ направо, на дворѣ строеніе стоитъ; а оттуда выйдешь ли живой, или нѣтъ, это еще бабушка на двое сказала, и ходить-то мимо этого строенья было запрещено; — видите, оно безъ оконъ, только дверь одна и всегда назаперти. Когда туда ходили, ужь одинъ Богъ знаетъ, только кто тамъ побывалъ, ужь на заводѣ не оставался. Видимъ, человѣкъ ходитъ день, другой, едва живъ, а потомъ вдругъ и пропадетъ, — да глядишь лѣтъ черезъ пять и пойдутъ слухи, что очутился въ Саратовской губерніи. Тамъ

у нашего-то вотчина была, такъ онъ туда спроваживалъ... ну и боялись! Такъ боялись, что вотъ въ мелкіе куски, кажется, изрѣжь, такъ не скажешь, что видѣлъ, али слышалъ...

Въ эту минуту хохотъ и пѣсни раздались подъ окномъ; цѣлая толпа дѣвокъ пробѣжали на заводъ. Молодежь вскочила и бросилась за ними. Протоколистъ, боясь, какъ бы не взыскался его судья, направился къ дому, а Антипычъ, наказавъ ему еще разъ «не болтать зря», поплелся допивать остатки браги къ какому-то Кудимычу.

III.

ОПЕКУНЪ.

Пока въ вагранкѣ происходили всѣ эти разсказы, судья рисовался передъ дочерьми опекуна, выставивъ противъ обыкновенія воротнички изъ-за галстука, что̀ означало большой парадъ. Опекунъ по обыкновенію гнулся передъ нимъ изо всѣхъ силъ и по его предложенію послалъ за другимъ опекуномъ, тоже помѣщикомъ, жившимъ верстахъ въ восьми или десяти, просить его пожаловать завтра къ девяти часамъ, для совѣщанія «по очень нужному дѣлу». Горный чиновникъ, по случаю доноса о прибавкѣ платы за проходку дудокъ, былъ въ разладѣ съ опекуномъ, и въ день пріѣзда судьи, въ домъ не явился, но черезъ жену свою, которую прислалъ поздравить судью съ пріѣздомъ, тоже получилъ повѣстку пожаловать завтра къ исправляющему должность предводителя для «нужныхъ къ пользѣ опекаемаго имѣнія совѣщаній.»

Первый день былъ посвященъ отдыху и забавамъ, — за то на другой день, безъ четверти въ девять часовъ, судья уже явился въ большой залѣ, въ дворянскомъ вицмундирѣ и былъ встрѣченъ опекуномъ въ таковомъ же съ длинной владимірской лентой, на которой болталась медаль 1812 года. Вмѣстѣ съ нимъ встрѣтилъ судью другой опекунъ, маленькій лысенькій старичекъ, съ зелеными глазами, которые постоянно были устремлены въ полъ, или на костяной набалдашникъ его натуральной, то-есть камышевой палки, и если иногда поднимались, то бѣгали и прыгали, какъ глаза рыси, и были самаго лучшаго изумруднаго цвѣта. Горный чиновникъ явился послѣ. По всему замѣтно было, что кто-нибудь караулилъ выходъ судьи въ залъ и далъ объ этомъ знать горному чиновнику для того, чтобъ ему не быть вмѣстѣ съ опекунами въ отсутствіи судьи и вмѣстѣ съ тѣмъ не опоздать на совѣщаніе. Горный чиновникъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, имѣлъ волосы курчавые, черные; лице и туловище нѣсколько опухшее, и видимо принадлежалъ къ числу «поклонниковъ Бохуса.» Одѣтъ онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ своего вѣдомства и тоже имѣлъ въ петлицѣ Георгіевскую ленточку — доказательство, что служилъ когда-то въ военной службѣ и дѣлалъ турецкую компанію.

Когда всѣ собрались, судья попросилъ опекуна-хозяина, принять мѣры, чтобъ никто изъ постороннихъ не могъ слышать ихъ разговоръ, потомъ

пригласилъ всѣхъ сѣсть и открылъ засѣданіе слѣдующей рѣчью, произнесенною стоя и съ медленною торжественностью, которая была отличительною чертою его характера.

«Милостивые государи!

«Я просилъ васъ сюда для того, чтобъ сообщить вамъ мои мысли касательно лучшаго устройства дѣлъ въ имѣніи, ввѣренномъ нашему попеченію. Какъ исправляющій должность предсѣдателя опеки и какъ старшій членъ ея, я не могъ не замѣтить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и медленной распродажѣ издѣлій, опекунское управленіе затрудняется удовлетвореніемъ мастеровыхъ задѣльною платою, и еще болѣе ихъ содержаніемъ. Дожидаться Макарьевской ярмарки для распродажи наличнаго товара долго; денегъ въ конторѣ нѣтъ, и я съ ужасомъ вижу, что, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, контора вынуждена будетъ прекратить платежи свои. На всѣ представленія опеки, послѣдовавшія вслѣдствіе донесеній гг. опекуновъ, подлежащее высшее мѣсто отвѣчало однимъ: предписать дворянской опекѣ изыскать средства къ прокормленію мастеровыхъ и удовлетворенію ихъ задѣльною платою. У насъ на рукахъ, милостивые государи, около семи тысячъ душъ; имъ надо не мало. Я просилъ васъ сюда собственно для того, чтобъ во исполненіе указовъ подлежащаго высшаго мѣста изыскать тѣ средства, о которыхъ оно упоминаетъ. Жду вашего мнѣнія и совѣта. Васъ, г. горный

чиновникъ, прошу говорить, какъ младшаго, прежде всѣхъ.»

Затѣмъ судья торжественно сѣлъ, и, полнымъ величія движеніемъ, далъ знать горному чиновнику, что онъ можетъ говорить.

Горный чиновникъ всталъ и сказалъ:

— Судя по вашей рѣчи, Арнольдъ Осипычъ, можно подумать, что положеніе заводовъ отчаянное. Я не нахожу этого. Заводы перерабатываютъ въ день по сту пудъ чугуна; — анбары наши наполнены издѣліями, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобъ превратить ихъ въ деньги. Конечно сдѣлать это превращеніе разомъ трудно, но предстоитъ ли въ этомъ надобность? Мнѣ кажется — нѣтъ, и вотъ почему: на мѣсяцъ провіанта у насъ хватитъ; выдѣлка недѣльная покрываетъ расходы на задѣльную плату; въ январѣ мы должны получить по заторжкѣ прошлаго года довольно значительную сумму, — слѣдственно, трудно намъ будетъ только одинъ мѣсяцъ или два.»

Рѣчь эта, своею простотою, видимо не понравилась судьѣ. Онъ почти перебилъ ее съ неудовольствіемъ:

— Вы забываете, милостивый государь, что количество издѣлій уменьшается каждомѣсячно и что съ наступленіемъ зимы легко можетъ случиться, что, вмѣсто работы на пять кричныхъ молотовъ, намъ надобно будетъ работать только на три.

— Ежели будутъ продолжать рубить лѣсъ, такъ какъ рубили его до сихъ поръ, возразилъ горный

чиновникъ, я не отвѣчаю, что года черезъ два или черезъ три, не то что одну зиму, даже и круглый годъ, надо будетъ работать только на три молота.

— Вы, милостивый государь, уклоняетесь отъ вопроса. Мы спрашиваемъ, гдѣ взять денегъ, а вы отвѣчаете, зачѣмъ рубятъ лѣсъ. Въ томъ, что вы говорите, нѣтъ смысла.

— Есть, и очень большой! отвѣчалъ твердо горный чиновникъ. Еслибъ вы не отдали рубить лѣсъ — вода въ заводскомъ прудѣ не уменьшилась бы до того, что надо безпрестанно опускать вешняки: еслибъ вы не отдали ближнюю рубку лѣса, какъ это сдѣлано теперь, намъ за возку дровъ не надобно бы было платить такъ дорого, какъ мы платимъ теперь...

— Я полагаю, что возбуждать теперь подобный вопросъ о лѣсѣ, не только безполезно, но даже вредно, сказалъ судья. Господа опекуны находили, что заводъ былъ въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, что надобно было отдать сидку смолы во что бы то ни стало. Опека нашла, что это справедливо, и предложеніе это утверждено тѣми, которые выше насъ съ вами, и вашимъ начальствомъ преимущественно. Слѣдственно говорить объ этомъ теперь было бы излишне. Если вы не имѣете ничего отвѣчать болѣе на предложенный мною вопросъ, то я перейду къ другимъ членамъ управленія. Господинъ младшій опекунъ, извольте изложить ваше мнѣніе.

Старичокъ, смотрѣвшій въ землю, откашлянулся, сморкнулся, почмокалъ губами и сказалъ:

— По моему, если денегъ нѣтъ, такъ занять надо.

— У кого занять и сколько занять?

— У купцовъ занять, пожалуй подъ залогъ издѣлій; а сколько занять?... Ну, столько, сколько нужно.

Горный чиновникъ пожалъ плечами и сказалъ:

— А платить чѣмъ послѣ?

— Да вѣдь вы будете продавать издѣлія? Ну, этимъ и заплатить.

— Хорошо-съ: но продавши издѣлія, надо приготовить провіанту, надобно заплатить за доставку руды, флюса, угля, песку; извольте привести это въ цифры и тогда увидите, что...

Старичокъ что-то промычалъ, еще почмокалъ губами и замолчалъ.

Судья не измѣнялъ своей олимпійской важности во все время этого разговора. Видя, что старичокъ замолкъ, онъ обратился къ опекуну хозяину и произнесъ:

— Господинъ старшій опекунъ! потрудитесь сказать теперь ваше мнѣніе.

— Я полагалъ бы, отвѣчалъ опекунъ, — продать часть издѣлій.

— Гдѣ продать и кому продать?

— Охотники найдутся, — и ежели вы поручите мнѣ эту операцію, я надѣюсь ее устроить, къ общему удовольствію всѣхъ! отвѣчалъ опекунъ.

— Такъ же точно, возразилъ горный чиновникъ, — какъ устроили это прошлаго года — т. е. взять семь гривенъ за рубль собственной стоимости. Хорошо устройство, нечего сказать!

— Это сдѣлано съ согласія опеки, государь мой! возразилъ опекунъ, видимо оскорбленный.

— Я не знаю, съ чьего согласія это сдѣлано; но знаю только то, что работать въ убытокъ глупо.

Опекунъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Арнольдъ Осипычъ, закричалъ онъ; — изволите слышать оскорбленія господина горнаго чиновника? Я не могу ихъ слышать и долженъ оставить засѣданіе.

Судья почти незамѣтно улыбнулся и, неизмѣнивъ важности своей, сказалъ:

— Господинъ горный чиновникъ! вы недостаточно взвѣшиваете смыслъ произносимыхъ вами словъ. Оскорбленій я допустить, въ моемъ присутствіи, не могу.

— Я знаю, что я говорю, господинъ исправляющій должность предводителя, перебилъ горный чиновникъ. Прошлый годъ продали издѣлія дешевле, нежели чего они стоили заводу, — и я не подписалъ журнала на эту продажу; прошлый годъ отдали лѣсъ подъ сидку смолы, — и я не подписалъ этого журнала; прошлый годъ купили провіантъ двадцатью пятью процентами дороже, нежели онъ былъ на базарахъ, — и я не подписалъ этого журнала.

*
* *

— Вы забываете, милостивый государь, что все это было сдѣлано съ разрѣшенія опеки.

— Вы мнѣ все объ опекѣ толкуете, какъ будто бы это и Богъ знаетъ что такое. Изъ кого состоитъ опека? предводителя прошлый годъ не было, вы изволили исправлять его должность; засѣдатели не то что въ опекѣ, они и въ судѣ-то у васъ никогда не бываютъ...

Судья вспыхнулъ.

— Кажется вы и противъ меня устремляете ваши оскорбленія. Вы изволите забывать, какое лицо я здѣсь представляю. Для чести моего званія и занимаемаго мною мѣста, я не могу дозволить подобныхъ оскорбленій!

— Какъ вамъ угодно-съ, отвѣчалъ горный чиновникъ: — я повторяю: ни продавать издѣлій, ни занимать денегъ не надо. Заводъ можетъ просуществовать собственными средствами; только надо уменьшить расходы.

— А какъ изволите вы уменьшить ихъ?

— Заторжка на поставку муки и крупы, угля и рудъ — въ убытокъ заводу; надобно понизить ей цѣну. Хорошо еще, что это сдѣлано только на одинъ годъ.

— Именно это-то и дурно. Отъ этого-то заводы находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи! отвѣчалъ судья поспѣшно.

— Заводы находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи отъ того, что дѣлаютъ высокіе заподряды и низкія заторжки. Что вы ни извольте го-

ворить — плата за добычу рудъ есть вещь вопіющая. Заплатить пять копѣекъ тамъ, гдѣ надо заплатить полторы копѣйки, — возмутительно! Угодно вамъ это слушать или нѣтъ, но я не перестану говорить, что гг. опекуны, допустившіе такую прибавку платы, — поступили во вредъ заводу.

— Дѣло было сдѣлано съ торговъ!

— Пожалуйста не говорите этого; я знаю, что значатъ ваши торги.

— Милостивый государь, я повторяю вамъ, что вы забываетесь. Торги были сдѣланы публично. О нихъ земская полиція публиковала не только въ своемъ, но даже въ сосѣднихъ уѣздахъ.

— Знаю и эту публикацію: на торги явились только тѣ, кого было нужно.

— Вы, наконецъ, забываете, съ кѣмъ говорите! закричалъ судья, выведенный изъ терпѣнія. Торги были сдѣланы законно и съ разрѣшенія опеки; я какъ членъ опеки и въ настоящее время ея предсѣдатель, — не могу дозволить, чтобъ могли сомнѣваться въ законности ея дѣйствій. Я требую, чтобы вы изволили перемѣнить вашъ тонъ, или оставили засѣданіе, иначе я его закрою.

— Перемѣнить тонъ — значитъ подписать журналъ, согласиться на такую мѣру, которую я считаю вредною. Конечно мнѣ лучше всего оставить засѣданіе, гдѣ заботятся не о выгодахъ имѣнія, а овыгодахъ подрядчиковъ и о...

Послѣднія слова горный чиновникъ договорилъ

уже въ передней, хотя ихъ и можно было слышать, но придраться къ нимъ было нельзя.

— Безпокойный человѣкъ! замѣтилъ судья сердито, сдерживая свой гнѣвъ, выражавшійся въ неестественно быстрыхъ движеніяхъ.

— Безпокойный и безнравственный! прибавилъ первый опекунъ.

— Чего хотѣть отъ пьяницы и дебошира? прибавилъ старикъ, глядѣвшій въ полъ.

— Господинъ протоколистъ, сказалъ судья, какъ-будто пораженный новой мыслію,—извольте написать постановленіе, что въ присутствіи исправляющаго должность предводителя, господинъ горный чиновникъ позволилъ себѣ разныя оскорбительныя выраженія на счетъ господъ опекуновъ и даже членовъ опеки, и, не взирая на вѣжливое напоминаніе о неприличіи подобныхъ поступковъ, съ азартомъ и дерзостію вышелъ изъ комнаты. Не такъ ли господа?...

— Точно такъ-съ! отвѣчали оба опекуна вставши и поклонившись.

— Написавъ это, вы подадите къ нашему подписанію. Теперь, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ опекунамъ,—выслушавъ ваши мнѣнія и принявъ ихъ къ должному соображенію, я хочу имѣть честь предложить вамъ одну мѣру, которую высказать помѣшалъ мнѣ поступокъ этого невѣжи, и которая, по мнѣнію моему, одна можетъ вывести имѣніе наслѣдниковъ Балтановыхъ изъ его затруднительнаго положенія. Ежели вамъ угодно будетъ

выслушать, я готовъ изложить ее вамъ, если позволите, сейчасъ же.

Опекуны встали и молча поклонились въ другой разъ.

— Вамъ извѣстно, милостивые государи, началъ судья чрезвычайно торжественно, что заводы господъ Балтановыхъ находятся въ бѣдственномъ состояніи. Денегъ въ конторѣ нѣтъ; издѣлія по несмотрѣнію и невнимательности господина горнаго чиновника, — дурнаго качества; заводскія строенія пришли въ ветхость; наслѣдники никакъ не могутъ согласиться въ раздѣлѣ, и даже одинъ изъ нихъ простеръ свою дерзость даже до того, что позволяетъ себѣ воровать издѣлія изъ своего собственнаго имущества, ночью и вооруженною рукою; горная недоимка накопилась въ значительномъ количествѣ, а у насъ нѣтъ ни денегъ, ни провіанту для рабочихъ. Нельзя подумать безъ страха о томъ, что будетъ съ нами черезъ мѣсяцъ, или полтора, когда заторжка съ Калюпановымъ окончится и у насъ останутся издѣлія въ большомъ количествѣ, которыхъ сбыть некуда, а между тѣмъ нѣтъ никакой возможности ни удовлетворить рабочихъ за заработки, ни отпускать имъ провіантъ, поставка котораго по заподряду должна въ скоромъ времени тоже окончиться. Отдача лѣса подъ сидку смолы, вопреки ожиданію, не принесла предполагаемыхъ выгодъ. Смолосиды, вмѣсто шести горшковъ, гонятъ только на четыре, и такъ какъ плата съ нихъ назначена не съ горшка а съ количества употребленнаго лѣса,

то и понятно, что они, изведя лѣсу тоже количество, намъ не принесутъ никакой выгоды. Я хотѣлъ обратить на это вниманіе ваше, милостивые государи, но по зрѣломъ соображеніи нашелъ, что контрактъ, на этотъ предметъ сдѣланный, такъ точенъ и опредѣлителенъ, что измѣнить его, или нарушить — нечего и думать. Нельзя не сознаться, что мы съ вами въ этомъ случаѣ поступили не совсѣмъ осмотрительно. Лѣсу истреблено гибель, но это не улучшило положенія дѣлъ денежныхъ.

— Вы этого тогда такъ настоятельно желали, Арнольдъ Осипычъ, что мы не смѣли вамъ противорѣчить! замѣтилъ опекунъ, довольно, впрочемъ, робко.

— Это было сдѣлано съ общаго согласія, господинъ старшій опекунъ, отвѣчалъ судья, недовольный замѣчаніемъ—и удостовѣрено вашею подписью. Отъ этого вы отпереться не можете. Впрочемъ вамъ, какъ опекунамъ, должно быть лучше извѣстно положеніе заводскихъ дѣлъ, выгоды и невыгоды ихъ; я же тутъ, какъ человѣкъ посторонній, хотя и принимаю иногда участіе въ вашихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, но дѣлаю это скорѣе изъ участія къ вамъ, или выгодамъ находящагося у васъ подъ опекою имѣнія, чѣмъ по обязанности службы. Мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ разсмотрѣть отчеты и удостовѣриться, къ выгодѣ или невыгодѣ управлялось имѣніе и надежны ли опредѣленные опекуны. Дальше мои обязанности не простираются. Ежели, вы, господа опекуны, находите, что я преступаю

обязанность свою, я готовъ отказаться отъ моихъ совѣтовъ, для меня отяготительныхъ, и предоставить вамъ полную свободу дѣйствій, повѣрять которыя я буду уже въ опекѣ, при разсмотрѣніи отчетовъ.

Опекуны поблѣднѣли, ихъ какъ-то подернуло: они переглянулись; смотрѣвшій въ землю откашлянулся, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Опекунъ-хозяинъ всталъ и не ловко, нерѣшительно, видимо путаясь въ словахъ, началъ:

— Вы не такъ изволили понять слова мои, Арнольдъ Осипычъ! Ваши просвѣщенные совѣты принимаются и будутъ приниматься нами всегда, какъ приказанія. Мы увѣрены и въ ихъ пользѣ и въ ихъ... онъ замялся, остановился, и не зналъ, что продолжать.

— Ежели такъ, то довольно! отвѣчалъ судья снисходительно. Не будемъ говорить болѣе объ этомъ. Что сдѣлано, то сдѣлано; притомъ же какая нибудь сотня-другая десятинъ, въ имѣніи, гдѣ до тридцати тысячъ десятинъ лѣсу, не такая важность, чтобъ объ этомъ стоило хлопотать. Только одинъ горный чиновникъ можетъ поднять шумъ изъ такого вздора. Въ васъ, господа, я увѣренъ. Думаю, что и вы тоже ко мнѣ имѣете полную довѣренность...

Опекуны торопливо встали и поклонились.

— Ежели это такъ, продолжалъ судья, то не станемъ подымать прошедшаго. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Будемъ лучше говорить о

будущемъ, и о томъ, какъ выдти изъ нашего неловкаго положенія.

Онъ замолчалъ, какъ-будто ожидая отвѣта, но отвѣта этого не воспослѣдовало. Старичокъ упорно смотрѣлъ въ землю, а хозяинъ-опекунъ хлопалъ глазами, даже какъ будто нѣсколько испуганный. Судья продолжалъ.

— Я сказалъ уже, что причина того, что въ конторѣ нѣтъ денегъ, а скоро не будетъ и провіанту, есть короткія заторжки. Ежели бъ заторжки были на долгіе сроки, то-есть, на шесть или на семь лѣтъ, тогда бы намъ заботиться было не о чемъ: издѣлія по мѣрѣ выработки поступали бы въ руки купца и мы получали бы деньги въ назначенные сроки. Такимъ образомъ, ежели бъ и случилась надобность въ какомъ нибудь необыкновенномъ расходѣ, мы знали бы, что можно покрыть его деньгами, количество и срокъ полученія которыхъ уже опредѣлены. Выработанныя издѣлія у насъ не залеживались бы, и намъ не нужно было бы ожидать ярмарки для ихъ сбыта. Точно такъ же за подрядъ провіанта на долгій срокъ избавилъ бы насъ отъ заботы думать о продовольствіи мастеровыхъ. Можно бы даже было, для большаго удобства, соединить заторжку и за подрядъ въ однихъ рукахъ. Тогда мы за провіантъ платили бы издѣліями, и это еще болѣе облегчило бы наши дѣйствія. По моему мнѣнію это есть единственное и самое надежное средство выдти изъ настоящаго стѣсненнаго положенія и упрочить на будущее время благосостоя-

ніе заводовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ облегчить и надзоръ за ихъ управленіемъ. Я увѣренъ, милостивые государи, что вы проникнуты вмѣстѣ со мною искреннимъ желаніемъ добра и пользы опекаемому имѣнію и согласитесь, что предлагаемая мною мѣра одна можетъ помочь намъ.

Опекунъ-хозяинъ зачесалъ въ затылкѣ выслушавъ эту рѣчь: другой опекунъ даже поднялъ голову и посмотрѣлъ на судью. Судья не измѣнилъ ни на минуту своей торжественности и, замѣтя движеніе ихъ обоихъ, только сказалъ:

— Я ожидаю, милостивые государи, вашего отвѣта....

Отвѣта не было долго. Старшій опекунъ мялъ что-то въ губахъ; видно было, что ему хотѣлось что-то сказать, но не смѣлъ; старичокъ, глядѣвшій всегда въ землю, какъ-то странно двигался на своемъ мѣстѣ и искоса посматривалъ на своего товарища, какъ бы прося его объ отвѣтѣ.

Во время этого торжественнаго безмолвія, протоколистъ, стоявшій молча позади стула судьи, сдѣлалъ какое-то неловкое движеніе, отъ чего стулъ сдвинулся съ мѣста и зашумѣлъ. Этого было довольно для судьи, ожидавшаго предлога на комъ-нибудь вымѣстить гнѣвъ свой на опекуновъ, понявшихъ, вопреки его желанію, какую яму онъ готовитъ имъ и ихъ карману. Судья строго прикрикнулъ на протоколиста и выслалъ его изъ комнаты.

— Господа, сказалъ онъ опекунамъ рѣшительно, измѣнивъ совершенно тонъ; — я долженъ вамъ ска-

зать, что я хочу заторжки и заподряда на долгій срокъ. Выбирайте что-нибудь изъ двухъ: или оставайтесь со мною въ ладу, или вы завтра же будете удалены отъ должности. Вы знаете, что мнѣ это ничего не стоитъ. Здѣсь теперь никого нѣтъ, мы можемъ говорить откровенно; заторжка на нѣсколько лѣтъ есть дѣло миліонное. Если послѣ этой заторжки и я выйду въ отставку, и вы откажетесь отъ опекунства, — раскаяваться намъ будемъ не въ чемъ. Понимаете?

Хозяинъ-опекунъ снова почесалъ затылокъ и сказалъ робко:

— Понимаемъ-то мы понимаемъ, Арнольдъ Осипычъ, — да не знаемъ, какъ и что? Вамъ извѣстно, какіе большіе расходы мы сдѣлали, для того, чтобъ попасть въ опекуны. Пополнить этихъ расходовъ было еще не изъ чего: рубка лѣсу кончилась вздоромъ, какими-нибудь сотнями рублей. Теперь согласиться на эту мѣру, для какой-нибудь бездѣлицы, вы сами согласитесь, не стоитъ, да и страшно. Кто знаетъ? раздѣлятся наслѣдники, приступятъ къ разсмотрѣнію отчетовъ и вдругъ найдутъ, что заторжка сдѣлана въ убытокъ... что мы тогда отвѣтимъ?

— Ничего не отвѣтите, отвѣчалъ судья; — а не отвѣтите потому, что этого не будетъ. Наслѣдники не раздѣлятся скоро, — этого опасаться нечего; да и глупы бы мы были, если бъ допустили до этого. Чтобъ раздѣлиться, надобно знать, что станешь дѣлить, а этого они никогда не узнаютъ, потому

что мы имъ этого не скажемъ. Вы видите, что одинъ изъ нихъ ворует изделія ночью. Неужели жь вы думаете, что я этого не знаю, и что это дѣлается безъ моего согласія? Но это воровство необходимо для поддержанія вражды, — и они будутъ враждовать до скончанія вѣковъ, пока не переколѣютъ всѣ. За это я вамъ отвѣчаю. Но намъ дожидаться этого не надобно; намъ нужно только какихъ нибудь два-три года. Въ эти три года отчеты изъ двухъ сотъ тысячъ листовъ увеличатся еще полусотнею тысячъ, и тогда я приглашаю перваго счетчика въ имперіи разсмотрѣть ихъ. Еслибъ такой и нашелся даже, то развѣ его нельзя заставить замолчать, и чтобъ, отвлечь подозрѣніе, упросить найдти такія упущенія, которыя надобно исправить: тогда эти отчеты воротятся опять въ контору, а съ двѣсти-пятидесятью тысячами листовъ развѣ сладишь скоро? Потомъ это все пойдетъ опять въ опеку, а тамъ можно будетъ продержать годокъ другой, третій, и кончится тѣмъ, что наслѣдникамъ или надоѣстъ это, и они бросятъ все; — или мы успѣемъ и состариться и умереть прежде, чѣмъ до насъ дойдетъ очередь отвѣчать за наши дѣйствія. Развѣ не помните исторіи объ отчетахъ съ 1818 по 1823 годъ? Чѣмъ кончилось? Вызвали наслѣдниковъ чрезъ публичныя вѣдомости къ разсмотрѣнію отчетовъ въ годовой срокъ, — явился повѣренный одного, — да какъ увидалъ эту громаду, разшилъ одинъ тюкъ, и взглянулъ на эти листы, всѣ исписанные цифрами, такъ что по пословицѣ «курицѣ плюнуть негдѣ»,—

махнулъ рукой, да и былъ таковъ. Полежали отчеты съ годъ не разшитые, потомъ признали ихъ со стороны наслѣдниковъ обревизованными и переслали назадъ въ опеку. Если хотите, можете полюбоваться ими на дворѣ суда, подлѣ архива: кажется половину изъ нихъ служители пожарной команды уже продали въ табачную лавку; да напрасно не продали всѣхъ. Ихъ никто не принималъ, слѣдственно и сдавать, а тѣмъ еще менѣе отвѣчать за нихъ, некому. Холстъ съ тюковъ растащили на онучи. Вѣроятно та же участь ожидаетъ и всѣ отчеты по нашему управленію. Чего жъ тутъ опасаться? Намъ надо только обезпечить себя; это главное; объ этомъ только надобно и думать.

Никогда судья не говорилъ съ опекунами такъ откровенно. Страшная тягость съ нихъ спала. Они ожидали, что этою заторжкою онъ отобьетъ у нихъ всякую возможность сосать изъ доходовъ имѣнія; но слова судьи успокоили ихъ и показали, какъ высоко стоялъ онъ сравнительно съ ними въ искусствѣ пріобрѣтенія и какъ широкъ былъ горизонтъ его. Они молчали однако, боясь какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ изобличить свою тайную мысль, что онъ ихъ надуетъ.

Но такой ловкій господинъ, какъ судья, не могъ не понять ихъ затаенной мысли. Не желая уступить имъ половину въ этой операціи, которую ему нужно было произвести одному, выдавъ имъ только извѣстную часть, онъ нашелъ нужнымъ позапугать ихъ немного, для того, чтобъ и заставить ихъ поторо-

питься, и для того, чтобъ они были неслишкомъ требовательны въ количествѣ суммы.

Онъ всталъ поспѣшно и сказалъ:

— Кажется мы говорили довольно. Я требую наконецъ отъ васъ рѣшительнаго отвѣта. Согласны вы, — такъ сейчасъ пишите объ этомъ постановленіе; не согласны, — прощайте, я съумѣю найдти людей больше васъ сговорчивыхъ.

Бѣдные опекуны не знали что дѣлать. Они вскочили съ своихъ креселъ и мялись на мѣстахъ своихъ. Согласиться, значитъ отдать ему въ руки все, и ожидать, что онъ бросить имъ изъ милости, какъ собакамъ, потому что они знали, что на его великодушіе надѣяться нечего: не согласиться, значитъ быть удаленными отъ должности опекуновъ, проститься со всѣми надеждами, и потерять тѣ тысячи, которыя заплачены были ими за мѣста. Дѣлать было нечего и надобно было рѣшиться сейчасъ же. Они избрали изъ всѣхъ золъ лучшее и голосомъ дрожащимъ и нерѣшительнымъ отвѣчали:

— Мы согласны, Арнольдъ Осипычъ! Только бы намъ желательно было... знать... сколько мы...

— Сколько вы можете надѣяться получить? перебилъ судья—не такъ ли? Замѣчаніе ваше совершенно основательно, и я, какъ честный человѣкъ, считаю обязанностію отвѣчать вамъ на него съ полной откровенностью. Давать большія выгоды какому-нибудь козлу или купчишкѣ даромъ, было бы глупо. Разумѣется мы постараемся взять съ него побольше. Положитесь въ томъ на меня — и будьте

увѣрены, что онъ не свернется. Не скрою отъ васъ, что Бѣлобокинъ давно пристаетъ ко мнѣ съ этой сдѣлкой; но я не находилъ нужнымъ предлагать ее вамъ до тѣхъ поръ, пока не кончатся сроки старымъ заторжкамъ. Теперь это время наступило. Я полагаю, что онъ намъ дастъ двадцать копѣекъ съ рубля—и мы раздѣлимъ это по поламъ: я десять — и вы десять. Согласны?...

Опекуны, не ожидавшіе таково великодушія, чуть не бросились цѣловать его руки.

— Согласны! согласны! говорили они;—чего желать намъ еще больше? Только какъ намъ сдѣлаться съ горнымъ чиновникомъ?

— Я полагаю, что можно будетъ ему предложить три копѣйки: двѣ отъ васъ, одну отъ меня, сказалъ судья. Согласится—хорошо; не согласится, — дѣло обойдется и безъ него. Но, такъ какъ ни я, ни вы, продолжалъ судья, обратившись къ старшему опекуну, не можемъ сдѣлать ему этого предложенія, ибо находимся съ нимъ въ ссорѣ, и онъ можетъ воспользоваться этимъ, чтобъ очернить насъ, я буду просить васъ, Симонъ Кандратьичъ, взять это на себя.

Старичокъ, смотрѣвшій въ землю, потоптался на своемъ мѣстѣ, пожевалъ во рту, ударилъ рукою по набалдашкику своей трости и промычалъ:

— Хорошо-съ, слушаю-съ...

Тогда судья подалъ имъ обоимъ руки и сказалъ весело:

— Теперь, значитъ, можно писать постановленіе: не такъ ли?

— Можно-съ! отвѣчали опекуны скороговоркой.

Судья позвалъ протоколиста, и, когда протоколистъ вошелъ, лицо судьи приняло прежнее спокойное, суровое и торжественное выраженіе:

— Садитесь и пишите, сказалъ онъ, и началъ диктовать:

«18.. года, октября « » дня, мы нижеподписавшіеся, опекуны надъ имѣніемъ и заводами г. г. Балтановыхъ, принимая участіе въ затруднительномъ положеніи означеннаго имѣнія, по случаю недостатка денегъ въ заводской конторѣ для удовлетворенія мастеровыхъ, и неимѣнію способовъ къ своевременному пріобрѣтенію всѣхъ заводскихъ потребностей, а также провіанта для мастеровыхъ и семействъ ихъ; колебанія цѣнъ, которыя не даютъ возможности съ точностію опредѣлить количество суммы на сіе потребной, а между тѣмъ имѣя въ виду, что достоинство издѣлій...»

Здѣсь судья остановился и сказалъ опекунамъ:

— Если горный чиновникъ не согласится подписать при тѣхъ условіяхъ, какія вамъ извѣстны,— то вы скажете: «по невнимательности и совершенному отсутствію заботливости со стороны горнаго чиновника» а ежели отъ подпишетъ, то скажете: «достоинство издѣлій, потерявшихъ много въ качествѣ отъ истощенія, рудъ». Понимаете господа?

— Понимаемъ, отвѣчали опекуны.

— Вы, господинъ протоколистъ, оставьте мѣсто строчки на двѣ, и потомъ пишите крупными словами «положили» — двѣ точки — «приписывая недостатокъ средствъ единственно тому, что заторжки на издѣлія дѣланы на короткіе сроки, чрезъ что затрудняется своевременный сбытъ издѣлій, въ конторѣ нѣтъ денегъ, и чувствуется оскудѣніе въ провіантѣ, — представить объ этомъ обстоятельствѣ мыльниковской дворянской опекѣ и просить отъ нея разрѣшенія: произвести заторжки на выработку издѣлій на срокъ отъ 5 до 7 лѣтъ, съ предоставленіемъ взявшему ихъ права на поставку провіанта и другихъ заводскихъ потребностей, — въ томъ размѣрѣ и по тѣмъ цѣнамъ, какія опекунское управленіе найдетъ для пользъ имѣнія выгодными; такъ какъ, по мнѣнію того управленія, это есть единственное средство извлечь заводы изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ они нынѣ находятся, и возстановить имѣніе въ то блестящее положеніе, въ какомъ оно было при прежнихъ владѣльцахъ.» За тѣмъ вы подпишите, и, оставивши это постановленіе при дѣлахь конторы, съ прописаніемъ онаго, войдете рапортомъ въ опеку. Опека разрѣшитъ вамъ произвести заторжки на долгіе сроки, по уваженію изложенныхъ вами обстоятельствъ. Легко можетъ статься, что для отклоненія всякаго подозрѣнія, опека потребуетъ отъ заводской конторы или отъ васъ лично кой-какихъ поясненій. Не пугайтесь этого и старайтесь отвѣчать на вопросъ, но какъ можно неопредѣленнѣе.

Остальное мое дѣло; съ вашей же стороны главное— уговорить горнаго чиновника. Хотя въ его согласіи и нѣтъ большой силы, но все какъ-то лучше. Теперь прощайте. Я ѣду въ городъ и по полученіи вашего рапорта черезъ три дни увѣдомлю объ успѣхѣ нашего дѣла.

Судья раскланялся и вышелъ.

IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Судья подъѣзжалъ къ заставѣ Мыльникова, когда его нагналъ щегольской тарантасъ тройкой, которая была изукрашена кистями, бляхами, лентами, бубенчиками, и надъ которой болтался валдайскій колоколъ на расписной дугѣ. Откуда вдругъ взялся этотъ тарантасъ, такъ кстати, чтобъ нагнать Марилинова, — выѣхалъ ли онъ изъ перелѣска, или тронулся изъ стоговъ сѣна, стоящихъ недалеко отъ дороги, или наконецъ изъ огородовъ, — неизвѣстно. Сидѣлъ въ немъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ бородкой, въ бѣличей шубѣ, съ плутовскими сѣрыми глазами, и поравнявшись съ тарантасомъ судьи, высунулся изъ своего, и снявъ картузъ, закричалъ:

— Наше почтеніе-съ, Арнольдъ Осипычъ!

Судья отвѣчалъ ему снявъ фуражку, но при этомъ кивнувъ головою съ такимъ выраженіемъ, что въ смыслѣ его ошибаться было не возможно и которое очевидно значило: *да*.

Надобно думать, что это было очень пріятно бородкѣ, потому что она мгновенно откинулась въ тарантасъ, потерла руки одна объ другую,—даже сняла шапку и перекрестилась.

— Къ Арнольду Осипычу! сказала послѣ этого бородка кучеру.

Тѣмъ не менѣе въѣхавъ въ заставу, бородка велѣла повернуть совсѣмъ въ противную сторону отъ судейскаго дома и пріѣхала къ нему совершенно съ противоположной стороны, для того, чтобъ уѣздные жители не могли подумать, что они въѣхали въ городъ вмѣстѣ.

О томъ, что судья и бородка говорили между собою въ кабинетѣ судьи, я не скажу вамъ ни слова, потому что не знаю этого. Они все дѣло устроили такъ секретно, что никто и никогда не слыхалъ объ этомъ; —только судейскіе дворовые болтали въ кабакѣ, что баринъ ихъ и купецъ, при выходѣ изъ кабинета, были необыкновенно веселы; такъ веселы, какъ ужь давно не были.

Три дня спустя послѣ описаннаго нами происшествія, въ журналѣ дворянской опеки было записано: «слушали рапортъ опекуновъ надъ имѣніемъ и заводами наслѣдниковъ Балтановыхъ отъ

15 сего октября за № 253, слѣдующаго содержанія: (здѣсь прописанъ рапортъ продиктованный судьею) и справку, по коей оказалось: имѣніе Балтановыхъ состоитъ въ опекѣ съ 18... года т. е. 10 лѣтъ. Душъ въ этомъ имѣніи 7,431; земли 32,353 десятины: всѣ они, какъ люди, такъ и земли, приписаны къ заводамъ. Управлялись до сихъ поръ съ выгодою для имѣнія, въ чемъ отчеты обревизованы опекою и палатою, и нѣкоторые изъ нихъ самими наслѣдниками. Чугуна отливается въ день отъ 100 до 120 пудовъ; переработывается въ издѣлія тоже количество, въ кричное, литейное и фигурное издѣлія. Въ настоящее время денегъ въ конторѣ нѣтъ — и изъ прежнихъ рапортовъ опекуновъ видно, что заводская контора затрудняется въ удовлетвореніе мастеровыхъ задѣльною платою и въ пріобрѣтеніи рудъ, флюса и угля. Приказали: такъ какъ опекуны надъ имѣніемъ наслѣдниковъ Балтановыхъ удостовѣряютъ, что отъ истощенія рудъ издѣлія стали выходить весьма дурнаго качества, — которыя въ продажѣ несравненно ниже цѣнами другихъ близь лежащихъ заводовъ, — и это подтверждаетъ горный чиновникъ, на заводѣ живущій, особою подпискою, взятою отъ него въ опекунскомъ управленіи, по распоряженію опеки, то по сему, а болѣе потому, что по мнѣнію онаго управленія, заторжки на краткіе сроки есть одна изъ причинъ, почему заводы терпятъ нужду въ своемъ продовольствіи, какъ провіантомъ мастеро-

выхъ, такъ и заготовленіемъ заводскихъ потребностей, опека находитъ нужнымъ: разрѣшить опекунскому управленію произвести заторжки на долгіе сроки, отъ семи до десяти лѣтъ, и заключить съ желающими контракты, съ тѣмъ, однакожь, чтобы со стороны опекуновъ были приняты всѣ мѣры къ охраненію выгодъ наслѣдниковъ, и цѣны на издѣлія были отнюдь не ниже предшествовавшихъ, — подъ опасеніемъ строгаго и законнаго взысканія, о чемъ опекунамъ и послать указъ. А какъ изъ предшествовавшихъ рапортовъ опекуновъ видно, что многіе уже изъявили желаніе взять на себя поставку провіанта и заводскихъ потребностей то же на долгіе сроки, и это по мнѣнію опекуновъ, облегчило бы способы заводовъ и возможность заводскаго производства, а тѣмъ привело и къ успѣшнѣйшему управленію заводами и наивозможно большимъ выгодамъ оныхъ, то посему разрѣшить опекунамъ, согласно ихъ о томъ ходатайству: произвести подряды на заготовленіе провіанта и другихъ заводскихъ потребностей на долгіе сроки, и вызвать для того желающихъ людей, когда и гдѣ управленіе признаетъ за лучшее, о чемъ тоже помѣстить въ указѣ. Но такъ какъ подобныя дѣйствія довольно значительны, и опека не желаетъ принять на себя послѣдствій оныхъ, въ случаѣ, ежели бы они оказались почему либо неудобными, то не останавливая по сему дѣйствій опекунскаго управленія, представить объ этомъ распоряженіи малинов-

ской палатѣ гражданскаго суда для зависящихъ съ ея стороны соображеній. За предводителя уѣздный судья Марили. Засѣдатель Тонкохвостовъ. Протоколистъ Панафутинъ.

Все здѣсь написанное было представлно, обсужено, утверждено, предписано къ исполненію, и, разумѣется, исполнено безъ замедленія.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

I.

Въ селѣ Горкахъ случился грѣхъ — на землѣ этого селенія, мужикъ, поѣхавшій рано поутру на базаръ, наткнулся на мертвое тѣло. Сломя голову прискакалъ онъ назадъ въ деревню, и прямо къ избѣ сотскаго. Тотъ еще спалъ: вороты были заперты, но пріѣхавшій принялся такъ усердно барабанить кулакомъ въ раму и калитку, что и самъ сотскій и всѣ домашніе его, въ однѣхъ рубахахъ и босые, выскочили на дворъ, думая, что дворъ ихъ горитъ.

Сотскій окаменѣлъ, услышавъ неожиданную новость. Мысль о томъ, что «наѣдетъ судъ» ужаснула его. Онъ зналъ по опыту, что значитъ выраженіе: «наѣдетъ судъ» и сколько враждебнаго заключается въ этомъ словѣ, не говоря уже объ издержкахъ — о баснословномъ количествѣ водки, куръ, яицъ и масла, соединенныхъ съ этимъ словомъ.

Дѣлать было однако нечего: горюй, какъ хочешь, а за работу принимайся. Тяжело вздыхая, полѣзъ сотскій въ поставецъ за медалью, прицѣпилъ ее тоненькимъ ремешкомъ къ своему сѣрому кафтану, надѣлъ тулупъ и кафтанъ, подпоясался краснымъ кушакомъ, надвинулъ на лобъ плисовую шапку, вооружился хлыстикомъ, признакомъ своей власти, и пошелъ торопливо къ старостѣ. Замѣтно было, что надѣвши кафтанъ съ медалью, онъ какъ-то пріосанился; поступь его сдѣлалась торжественнѣе и тверже, голова поднялась выше: однимъ словомъ онъ проникся чувствомъ собственнаго достоинства.

Иванъ Лукъянычъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, честный, трудолюбивый и пользовался общимъ уваженіемъ. Избраніе его сотскимъ не было дѣломъ одиночества или неспособности къ другому дѣлу, какъ это обыкновенно бываетъ; но невольнымъ сознаніемъ превосходства его предъ другими. Даже Ермилъ Ипатычъ, управляющій, видя единогласное избраніе его всѣмъ міромъ, не сталъ противодѣйствовать этому, хотя ему и очень хотѣлось, чтобъ сотскимъ назначили Ваську Барсученка, отъявленнаго забулдыгу и бобыля, на томъ основаніи, что у Васьки ни кола, ни двора, нѣтъ ни лошаденки, ни коровенки, да и на барщину онъ не годится; а у Ивана Лукъяныча и лошади исправны и ребята завистные работники. Сказалъ было Ермилъ Ипатычъ старостѣ: «вздоръ, не бывать Ивану Лукъянову сотскимъ!» да одумался и махнулъ рукой, прибавивъ про себя: «лучше становой привязы-

ваться не станетъ! А вздумаетъ заѣхать, такъ заѣдетъ къ Ивану Лукъянову, а не ко мнѣ... А то повадился шибко... чуетъ, что водка некупленная...»

Этому рѣшенію Ермила Ипатыча способствовало еще и то, что секретарь земскаго суда, его короткій пріятель, однажды въ дружеской бесѣдѣ сказалъ ему на ухо:

— Сотскихъ больно нищихъ выбираете. Подъ часъ заѣдешь — перекусить нечего.

Ермилъ Ипатычъ былъ дипломатъ и зналъ, что съ властями спорить не надо. Онъ стоитъ того чтобъ сказать объ немъ нѣсколько словъ, — такого рода личности встрѣчаются не часто.

Ермилъ Ипатычъ былъ дворовый человѣкъ того времени, отъ котораго представителей почти не осталось. Въ молодости музыкантъ, — въ то время, когда всякому помѣщику казалось необходимымъ для дворянскаго *гонора* имѣть оборванную толпу музыкантовъ, онъ, женившись на старой возлюбленной барина, пріобрѣлъ чрезъ это такое значеніе, что, когда баринъ послалъ его управляющимъ въ степную деревню, никто изъ дворни не удивился тому. Ермилъ Ипатычъ былъ не глупъ, зналъ хорошо характеръ барина, не выѣзжавшаго изъ столицы, а потому и расположился въ барскомъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ; набралъ себѣ прислугу, заставлялъ старостъ и начальниковъ дожидаться себя въ передней по нѣскольку часовъ, однимъ словомъ, въ весьма короткое время понялъ и усвоилъ себѣ всѣ замашки управляющихъ, не-

обходимыя для того, чтобъ заслужить всеобщее уваженіе и низкіе поклоны крестьянъ. Высокій, здоровый, одѣтый всегда нѣсколько небрежно, но непремѣнно въ бѣломъ галстухѣ, онъ свелъ короткое знакомство съ уѣздными властями; былъ запросто съ засѣдателями уѣзднаго и земскаго судовъ, которые ѣздили къ нему частенько, зная, что у него найдутъ всегда и жирный обѣдъ, и достаточное количество настоекъ и наливокъ всякаго рода; съ канцелярскими чиновниками судовъ обходился съ видомъ покровительства, обѣщая оказывать имъ въ случаѣ надобности протекцію, и только одного исправника принималъ стоя, не садясь, прежде его приглашенія; остальныхъ же онъ привѣтствовалъ, не сходя съ вольтеровскихъ креслъ, и просто указывалъ на диванъ, говоря:

— Милости просимъ, господа! радъ, очень радъ, что вздумали посѣтить мою убогую келью!...

Съ видимымъ удовольствіемъ осматривая потолокъ залы, на которомъ неуклюжіе амуры и нимфы прыгали чуть не сотнями. Даже помѣщики говорили ему не иначе, какъ *вы*, а ежели и позволяли иногда *ты*, то прибавляли обыкновенно: «братъ, другъ» или что-нибудь подобное. Ермилъ Ипатычъ принималъ это, какъ должно, и въ нѣсколько лѣтъ такъ привыкъ къ почету, что счелъ бы смертельнымъ врагомъ своимъ того, кто вздумалъ бы напомнить ему о его дворовомъ происхожденіи. На такого дерзкаго онъ напустилъ бы непремѣнно всю стаю приказной челяди, готовой для Ипатыча на

всё, за тѣ воза овса, крупъ, гороху, муки, даже картофелю и арбузовъ, которые частенько изъ села Горокъ возились въ городъ. «Я не управляющій, говаривалъ обыкновенно Ермилъ Ипатычъ: — а генералъ самъ, потому что представляю здѣсь его лицо и долженъ поддерживать честь его званія.» Изъ этого вы можете видѣть, что Ермилъ Ипатычъ былъ человѣкъ ловкій и умѣлъ вести себя.

Обратимся же теперь къ разсказу.

Мы оставили сотскаго на пути къ старостѣ. Когда онъ подошелъ къ избѣ, то постучалъ знаменательно палочкой въ окно. На этотъ стукъ, изъ окна высунулась рыжая большая борода и хотѣла что-то спросить, когда сотскій шепотомъ сказалъ:

— Выдь сюда Ананій Петровичъ!

Голова тотчасъ скрылась, а вскорѣ вышла за ворота уже одѣтая въ нагольный тулупъ и въ шапкѣ, съ палкою, вырѣзанной разными крестами и черточками, такъ называемыми «бирками», и замѣняющей памятную книжку русскому человѣку.

— Наше почтеніе, Иванъ Лукъянычъ!

— Здравствуйте, Ананій Петровичъ; не хорошо у насъ.

— Что̀, что̀ не хорошо? Развѣ случилось что?

— Случилось не случилось... а пожалуй, что можетъ случиться. На нашей землѣ мертвое тѣло нашли.

— Ой, нашли?... Бяда! затаскаютъ! хорошо, ежели Ермилъ Ипатычъ вступится.

— Да, нужно ему очень! Бражничать, такъ онъ

умѣетъ, а до насъ ему какое дѣло? Небось съ боку на бокъ не поворотится... а почнетъ только долбить: «Смотри у меня, чтобъ суду вволю всего было... что не спросятъ, то подавай; слышите вы мордохаи!»

— Оно говорить-то хорошо, а взять-то откуда? Не то, чтобъ денегъ, — куръ, пожалуй, не найдешь... а лѣкарь вонъ вишь, кромѣ курятины не ѣстъ ничего... да пожалуй... безъ полусотенки и не уѣдутъ изъ деревни...

Съ этимъ словомъ они почесали оба въ затылкѣ.

— Дѣлать нечего, Ананій Петровичъ, ступай по дворамъ, сбирай деньги... а я пойду наряжать караулъ къ мертвому тѣлу, чтобъ ему ни дна, ни покрышки...

Ананій Петровичъ, какъ человѣкъ опытный, не пошелъ прямо по деревнѣ сбирать деньги, но напередъ всего отправился на барскій дворъ. Ермилъ Ипатычъ еще почивалъ и, слѣдовательно, старостѣ надо было ждать его пробужденія. Какъ ни хотѣлось ему взглянуть на мертвое тѣло, однако онъ понималъ, что не доложивши управляющему, отлучаться нельзя... тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный, а въ праздничные дни, по приказанію Ермила Ипатыча, онъ долженъ былъ дожидаться его пробужденія, до какого бы часу то ни было.

Какъ нарочно въ этотъ день Ермилъ Ипатычъ всталъ поздно, просидѣвъ долго наканунѣ съ отцомъ Еремѣемъ передъ графинчикомъ для рѣшенія какого-то экономическаго вопроса. Когда онъ проснулся и

крикнулъ, мальчикъ Карнюшка, состоящій въ должности его камердинера, схватилъ вчерашній графинчикъ довольно пузатенькій, въ которомъ послѣ троекратнаго вчерашняго восполненія, кое-что еще однако оставалось на донышкѣ, побѣжалъ на зовъ, и черезъ минуту воротился съ извѣстіемъ, что Ермилъ Ипатычѣ проснулся и ожидаетъ старосту. Не будучи пьяницей, Ермилъ Ипатычъ не вставалъ съ постели безъ того, чтобъ не выпить рюмочку травничку. Онъ находилъ, что это отличное предохранительное средство отъ холеры-морбусъ, болѣзни, о которой и въ писаніи написано, въ чемъ безусловно соглашался съ нимъ и отецъ Еремѣй, не дѣлавшей этого только потому, что «проклятые откупщики лупятъ за вино невѣдомо что, тогда какъ вино создано отъ Бога для увеселенія человѣка... о чемъ тоже написано въ писаніи.»

Когда староста вошелъ въ комнату, Ермилъ Ипатычъ лежалъ на постели вверхъ брюхомъ и пыхтѣлъ, какъ паровая машина. Лицо Ермила Игнатьича было красно, глаза опухли, и голосъ хриплый, какъ изъ пустой бочки.

— Ну что тамъ еще? закричалъ онъ, увидя вошедшаго старосту.

— Не хорошо, Ермилъ Ипатычъ! отвѣчалъ староста поклонившись.

— Что̀ тамъ не хорошо? набуянили небось пьяницы!... Пороть ихъ!... закричалъ онъ, метаясь на постелѣ.

— Не то, Ермилъ Ипатычъ, совсѣмъ не то... мертвое тѣло у насъ на землѣ нашли.

При этомъ словѣ опухлая фигура управляющаго быстро отдѣлилась отъ пуховика, и его тучная фигура представилась въ пріятномъ безпорядкѣ уже сидящею на постелѣ.

— Какое мертвое тѣло? чье мертвое тѣло? откуда? закричалъ онъ задыхающимся голосомъ, и руки его ловили пустой воздухъ, отыскивая нижнее платье, валявшееся на стулѣ.

— Не знаю, Ермилъ Ипатычъ! отвѣчалъ староста, видимо смущенный безпокойствомъ управляющаго.

— Да какъ же ты не узналъ... дур...р...акъ... а лѣзешь ко мнѣ! закричалъ управляющій грозно.

— Я хотѣлъ прежде доложить вашей милости... отвѣчалъ покорно старо́ста; — коли прикажете... я тотчасъ узнаю...

И съ этимъ словомъ шмыгнулъ изъ комнаты, какъ будто боясь, чтобъ надъ его головой не обвалился потолокъ; а въ сѣняхъ остановился, перекрестился, перевелъ духъ и сказалъ тихо:

— Ну, слава Богу!... прошло!... упаси Господи. Теперь пойдти узнать, что это за мертвое тѣло?

Оставимъ Ермила Ипатыча отыскивать свое нижнее, а старосту благодарить Бога за то, что «прошло» и возвратимся къ сотскому.

Собравши человѣкъ шесть караульныхъ, пошелъ онъ къ мертвому тѣлу. Оно лежало шагахъ въ десяти отъ дороги, лицомъ къ снѣгу, едва прикрытое грязными лохмотьями, безъ шапки. Ясно

было, что тѣло это привезено было откуда-нибудь, и подкинуто. Старое, морщиноватое лицо мертвеца было покойно; признаковъ насильственной смерти никакихъ; можно было подумать, что это какой-нибудь бѣдняга нищій, умершій гдѣ-нибудь подъ угломъ отъ старости, нищеты и лишеній всякаго рода, и вывезенный на чужую землю — для того, чтобы стряхнуть съ шеи хлопоты и расходы. Лицо нищаго не было знакомо никому, на трупѣ не было ничего такого, чтобы могло дать способы признать, кто онъ, и развѣдать, откуда и какъ попалъ сюда.

Посмотрѣвши на него довольно долго, мужики стали предлагать сотскому перетащить его за межу, отъ которой были недалеко. Иванъ Лукъянычъ и не прочь бы отъ этого: — онъ вполнѣ понималъ всю мудрость подобнаго предложенія, но боялся. Человѣкъ новый въ ремеслѣ сотскаго, онъ не зналъ еще, что опытный всегда поступаетъ такъ; что поступать иначе глупо; что самъ становой назоветъ его молодцомъ, ежели узнаетъ подобную продѣлку.

И навѣрное крестьяне уговорили бы Ивана Лукъяныча, ежели бы звонъ отдаленнаго колокольчика не поразилъ слухъ ихъ... Мысль, что кто-нибудь увидитъ эту продѣлку, такъ испугала малодушнаго, что онъ чуть не бросился плашмя на покойника и закричалъ благимъ матомъ:

— Оставьте! оставьте! нечего дѣлать! Видно ужь такъ Богу угодно.

Участь села Горокъ была рѣшена, мертвый

остался на своемъ мѣстѣ. Деньги, водка, куры яица—все теперь должно быть принесено въ жертву грозному слову «судъ».

II.

Такъ называемая контора села Горокъ была маленькая, полутемная, совершенно грязная комнатка, въ одномъ изъ флигелей на барскомъ дворѣ. Конторщикъ, золотушный парень лѣтъ девятнадцати, вялый, тупой и безсмысленный, съ огромными закрюченными висками, валялся въ ней между грудами исписанныхъ бумагъ, въ которыхъ самъ не сыскалъ бы никогда толку, ежели бы его заставили привести ихъ въ порядокъ, или вывести результатъ о количествѣ написаннаго тамъ хлѣба. Контора существовала *потому*, что надо же быть конторѣ въ имѣніи, гдѣ есть управляющій; въ этой конторѣ писалось что-то, потому что надо же записывать что-нибудь; — но чтобы изъ этой конторы и изъ этой записки можно было извлечь что-нибудь полезное, узнать, напримѣръ, сколько родилось овса или гречи третьяго года и сколько нынче, или добраться, сколько какого хлѣба перешло отъ года къ году, — этого ни конторщикъ, ни даже самъ Ермилъ Ипатычъ, никогда бы не добрались. Конторщикъ еще лежалъ среди своего хлама, выводя носомъ разныя штуки, къ которымъ прислушивался самъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда въ контору вступилъ извѣстный намъ

сотникъ, пришедшій сюда для того, чтобъ написать становому *лепортъ* о найденномъ мертвомъ тѣлѣ. Съ такимъ конторщикомъ, какъ Трофимъ Сысоичъ, это было дѣло не легкое. Много времени прошло прежде, нежели онъ всталъ, надѣлъ свой пестрядинный халатъ, причесалъ виски, которые холилъ, примасливалъ и приглаживалъ, поплевывая на руку, съ особенной любовью... много времени прошло, прежде нежели онъ нашелъ четвертку грязной и сѣрой, чуть не оберточной бумаги и принялся сочинять *лепортъ* начерно. Послѣ многихъ глубокомысленныхъ соображеній, поправокъ, помарокъ и передѣлокъ, онъ наконецъ прочелъ сотскому трудъ свой, слѣдующаго содержанія:

«Его Высокоблагородію!

«Господину становому приставу Александру Семеновичу Корзинкину, 1-го стана.

«*Лепортъ*!

«Отъ сотника Ивана Лукъяныча села Горокъ!

«Около нашей деревни Горокъ, не больно далеко, да и не то, чтобъ близко, нашелъ я ваше благородіе! лежало мертвое тѣло, мужчина, недалече отъ Грибоѣдовской межи, смотри привезъ кто нибудь! Старикъ, въ изорванной шубенкѣ, нищій что-ли, изъ нашей деревни не знаетъ никто. Я приставилъ караулъ и доношу вашему высокоблагородію!

«Сотникъ Иванъ Лукъяновъ села Горокъ.»

Золотушный конторщикъ прочелъ сочиненіе свое сотскому, и когда тотъ одобрилъ его, пожелавъ только прибавить фразу: «по отпускѣ сего *лепорта* все благополучно», тогда приступлено было къ перепискѣ *лепорта* набѣло. Золотушный конторщикъ, никогда не писавшій такого рода важныхъ бумагъ и сочинившій настоящую по памяти одной такого рода бумаги, которую онъ видѣлъ однажды, когда писарь становаго производилъ слѣдствіе о затравленіи пономаря борзыми и гончими собаками въ коноплях, былъ проникнутъ важностью той роли, которую игралъ въ настоящемъ дѣлѣ, пріосанился и какъ-то гордо поднялъ голову, начавши выводить свои каракули на бумагѣ. Грудь его была чѣмъ-то полна и руки не то, чтобъ тряслись, а какъ-то было имъ неловко. Когда лепортъ былъ написанъ и врученъ Ивану Лукъянычу, золотушный не могъ утерпѣть, чтобъ не сказать ухмыляясь:

— А вѣдь на водочку-то за трудъ, Иванъ Лукъянычъ, не грѣшно бы вѣдь было?

— Приходи бражки попить, Ермилъ Сысоичъ, отвѣчалъ сотскій ласково. Бабы варили нонеча... хвалятъ хороша. Ужь и забориста... о! о!...

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ и побѣжалъ запрягать лошадь, чтобъ ѣхать на станъ. Конторщикъ растопыривъ руки и глупо улыбаясь, повторялъ: «забориста! о!.. о!.. хорошо!..»

Староста съ своей стороны между тѣмъ не дремалъ. Ходко пошелъ онъпо порядку, постукивая по окну каждой избы узорчатой палочной своей и повторяя

вездѣ роковыя слова: «на сходъ!.. слышь... Эй, на сходъ!.. по казенному...» и вездѣ при словѣ «по казенному» мгновенно высовывались изъ полуразбитыхъ оконъ растрепанныя головы и заботливо смотрѣли вслѣдъ уходящему старостѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не подходилъ къ сосѣдней избѣ. Вскорѣ со всѣхъ дворовъ начали выходитъ мужики: они кланялись другъ другу, сходились группами, спрашивали взаимно, что такое случилось, тревожно переглядывались и почесывая затылки, тихо, какъ будто боясь наступить на раскаленное желѣзо, шли къ мѣсту сходки, то-есть къ избѣ старосты.

Когда толпа была уже велика, и сперва тихо, а потомъ очень шумно, стала заявлять свое присутствіе, къ ней подошелъ староста Ананій Петровичъ. Роковая новость была уже извѣстна всему міру. Сходъ начался предложеніями *предупредить* зло, то-есть, перетащить трупъ на чужую землю, — но когда подошедшій сотскій объявилъ, что этого сдѣлать нельзя, что за это ждетъ его сотскаго большое наказаніе, міръ, началъ думать о средствахъ отстранить зло, то-есть, сдѣлать его безвреднымъ. Для этого нужны были деньги, въ этомъ всѣ были согласны, но сколько? Этотъ вопросъ оставался неразрѣшимымъ для самыхъ опытныхъ, ибо подобнаго случая въ Горкахъ и старики не запомнятъ. Голоса раздѣлились. Молодые, вѣроятно либералы, — находили, что денегъ не надо, что убили старика не они — что судъ пріѣдетъ и уѣдетъ, и

что ежели нуженъ сборъ, такъ только на угощеніе, да и то, пусть угощаетъ ихъ Ермилъ Ипатычъ. Старики находили, что молодежь порѣтъ дичь, что надо дать прежде всего лѣкарю, потомъ исправнику, потомъ стряпчему, потомъ непремѣнному. Тутъ голоса опять раздѣлились. Одни находили, что слѣдуетъ собрать семьдесять пять рублей ассигнаціями и раздѣлить ихъ такъ: лекарю тридцать, исправнику двѣнадцать, стряпчему двѣнадцать, непремѣнному десять, остальные подлѣкарю и писарю; другіе находили, что этого мало — и что исправникъ и стряпчій обидятся, ежели имъ дадутъ по двѣнадцати рублей, да и подлѣкарь, который будетъ рѣзать, тоже не послѣднее лицо и обидится пятью рублями. Говорили, кричали много. То одно, то другое мнѣніе превозмогало, наконецъ рѣшили: дать лекарю двадцать пять, исправнику пятнадцать, стряпчему пятнадцать, подлѣкарю четыре и писарю шесть, — всего семьдесятъ пять рублей и велѣли по расчету тяголъ приносить деньги.

Замѣчательно то, что не смотря на шумъ господствовавшій на мірскомъ сходѣ, не смотря на то, что на немъ говорили и кричали только тѣ, у которыхъ горла были посильнѣе да легкія попросторнѣе, — всѣ, даже тѣ, которые не говорили ни слова, и не только не кричали, но даже боялись пикнуть, — были довольны, и расходились съ необыкновенно пріятной улыбкой, какъ будто рѣшили дѣло великой важности и *ко взаимному удовольствію всѣхъ*.

Кто кричалъ больше всѣхъ, рѣшить трудно; догадывались только, что кричалъ больше всѣхъ и доказывалъ сотскій. И не мудрено. Чѣмъ больше была сумма, даваемая исправнику, непремѣнному и стряпчему, тѣмъ крѣпче сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ; тѣмъ исправнѣе онъ былъ по своей должности; тѣмъ менѣе могъ надѣяться получить зашинъ, оплеухъ и тычковъ всякаго рода, сопряженныхъ съ исправленіемъ его не столько многотрудной, сколько «многопобойной» должности.

III.

Былъ уже вечеръ, когда по направленію къ городу послышались бубенчики и колокольчики, возвѣщавшіе, что ѣдетъ «судъ». У всѣхъ почти тряслось подъ жилками при этихъ звукахъ; много бабъ пролили горкія слезы, разставаясь съ молодой курицей, вынянчанной ими на рубленыхъ яйцахъ съ съ необыкновенною заботливостью; много ребятъ, рыдая въ углу гдѣ нибудь, подъ лохмотьями шубъ, заснули съ горькою мыслію, что пеструшку поросенка, съ которымъ они такъ привыкли играть, завтра зарѣжутъ для «суда». Вообще говоря, судъ былъ какимъ-то пугаломъ, котораго боялись всѣ, а ожидали съ нетерпѣніемъ немногіе, какъ на примѣръ, Ермилъ Ипатычъ, освѣтившій весь домъ a giorno и расхаживавшій по немъ въ наибѣлѣйшемъ галстухѣ и таковомъ же жилетѣ, — не смотря на

то, что онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, заѣдетъ ли къ нему «судъ», — ибо зналъ всю дипломатическую точность суда въ дѣлахъ такого рода. Не будучи приказной строкой, Ермилъ Ипатычъ понималъ, что такъ какъ мертвое тѣло найдено на его замлѣ, то остановиться у него суду не ловко; что судъ поищетъ средняго пути (terme moyen) и остановится у какого нибудь мужика другой барщины, чтобъ не показать вида въ пристрастіи, — хотя эта изба будетъ и грязна и гадка, и полна таракановъ и сверчковъ. Не смотря однако на это, онъ послалъ старосту дожидаться у околицы (сотскій уже былъ тамъ, не смотря на пятнадцати градусный морозъ), «просить гостей на перепутье».

Гости бы и не прочь на перепутье, да политика... нельзя!... проѣхали мимо и по указанію сотскаго остановились у Овечкина. Не думайте, чтобъ выборъ Овечкина былъ чѣмъ нибудь случайнымъ — нѣтъ! Въ деревнѣ есть своего рода дипломатія, которая очень хорошо умѣетъ разчесть, что нужно, что прилично, что можно. Овечкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не имѣютъ мнѣнія, которые пристаютъ всегда къ тѣмъ, кто кричитъ больше, или которыхъ больше количествомъ и которые, вслѣдствіе этого, считаются во всѣхъ классахъ «самыми благонамѣренными.» Останавливаясь у него, судъ очень хорошо зналъ, что его съ этой стороны не будетъ никто подозрѣвать въ пристрастіи или предпочтеніи... Овечкинъ былъ *всѣ*, а всѣхъ подозрѣвать нельзя.

Когда судъ въѣхалъ на дворъ, изба была пуста: семейные Овечкина выбрались, кто куда могъ — къ сватьямъ, зятьямъ, шуреньямъ, кумовьямъ и проч. Самъ хозяинъ ожидалъ дорогихъ гостей у дверей съ низкими поклонами, въ праздничномъ кафтанѣ, подпоясанный кушакомъ — что у мужика есть признакъ большаго парада. Столъ былъ накрытъ скатертью, которая была сальнѣе самаго стола, ею покрываемаго.

Когда судъ, состоящій изъ шести человѣкъ ввалился въ избу и отъ него по всей избѣ разлился мгновенно запахъ самаго сквернаго курительнаго табаку, сѣни тоже наполнились десяткомъ сотскихъ и разсыльныхъ, на морозѣ ожидавшихъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ какихъ нибудь приказаній. Сотскій села Горокъ какъ тутошній, стоялъ въ избѣ у дверей, вмѣстѣ съ разсыльнымъ, отставнымъ солдатомъ, замѣнявшимъ, смотря по надобности: и слѣдователя, и экзекутора, и повара, и камердинера и даже горничную, ежели исправникъ ѣхалъ куда-нибудь съ женою. Разсыльный, какъ по всему было видно, былъ въ своей сферѣ; онъ распоряжался въ избѣ Овечкина, какъ въ своей собственной, ставилъ самоваръ, который догадливый управляющій уже успѣлъ прислать съ довольнымъ запасомъ чаю, сахару и даже рома, и надъ которымъ Овечкинъ только суетился, не зная какъ взяться за дѣло; затапливалъ печь для разогрѣванія запасовъ, тоже присланныхъ управляющимъ, и о которыхъ онъ мимоходомъ уже шепнулъ испра-

внику, не смотря на то, что сотскій уже неоднократно шепталъ разсыльному на ухо: «Все приготовлено, Акулъ Авдѣичъ!... баранина, куры, яица; все батюшка... есть всего, слава Богу, въ волю!...» За что разсыльный, въ припадкѣ балагурства, погладилъ его по головѣ и съ пріятною улыбкою сказалъ: «умница, настоящій сотскій!»

Я сказалъ выше, что «судъ» состоялъ изъ шести человѣкъ: исправника, непремѣннаго, стряпчаго, становаго, лѣкаря и писаря земскаго суда. Всѣ они не имѣли между собою никакого сходства, хотя у всѣхъ у нихъ было что-то общее, выражавшееся отсутствіемъ всякаго этикета и отзывавшееся трактиромъ, хотя собственно въ трактиръ изъ нихъ не ходилъ никто, кромѣ писаря или приказнаго, какъ ихъ называютъ обыкновенно въ уѣздахъ; иначе стракулиста, когда хотятъ выразиться съ презрѣніемъ и бранью.

Исправникъ былъ человѣкъ высокаго роста, съ большимъ брюхомъ, лѣтъ тридцати пяти или сорока. Его полное, красное, съ отвислыми щеками лицо выражало нѣкоторое тупоуміе и довольство самимъ собою. Онъ говорилъ хриплымъ басомъ, сильно махалъ руками и безпрестанно обращался къ разсыльному, съ которымъ замѣтно состоялъ, не только на короткой, но даже на пріятельской ногѣ.

Бывши до сего времени писцомъ въ земскомъ судѣ и употреблявшійся болѣе для разсылокъ по уѣзду съ разными повѣстками, избраніемъ своимъ

въ исправники онъ былъ обязанъ своему брату, дослужившемуся какъ то до полковниковъ и поселившемуся въ томъ уѣздѣ. Этотъ новоьыпеченный исправникъ, владѣлецъ десяти или двѣнадцати душъ, взятыхъ въ приданство за женою, едва умѣлъ писать, и безусловно подписывалъ все, что ему ни давали, строго наблюдая только одно: «за всякую свою подпись получить что нибудь,» не гнушаясь даже и рублемъ серебрянымъ, за который онъ, впрочемъ, надо сказать къ его чести, точно такъ же благодарилъ, какъ и за красненькую бумажку. Отличительная черта его была та, что онъ говорилъ кочетъ вмѣсто пѣтухъ, пыхтѣлъ страшно на яву и еще страшнѣе храпѣлъ во время сна, и ѣлъ не за четверыхъ, а за шестерыхъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ не злой; драться не любилъ, но точно съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ курилъ зловонный табакъ свой, поролъ сотскихъ и мужиковъ, когда его о томъ просили, особенно тѣ, которые къ празднику не забывали его присылочками.

Непремѣнный засѣдатель представлялъ совершенный контрастъ исправнику. Это былъ человѣкъ молодой и высокій, отличавшійся особенно тѣмъ, что всѣ его движенія были постоянно не кстати, ни къ положенію его, ни къ мѣсту. Вообще онъ былъ молчаливъ, тогда какъ, наоборотъ, исправникъ болталъ безъ умолку. Непремѣнный засѣдатель часто поправлялъ свои волосы, вдругъ вставалъ, когда всѣ сидѣли, и, прошедши до стѣны, садился

когда всѣ стояли; уходилъ безъ всякой нужды въ другую комнату и точно также безъ нужды возвращался, самъ не зная для чего. По всему было видно, что духовная сторона его была въ разладѣ съ физической. Можно было бы подумать, что онъ занятъ чѣмъ-то серьезнымъ, ежели бъ тупое лицо и немногія слова, которыя онъ произносилъ, и то не кстати, не изобличали въ немъ всякаго отсутствія мысли. Что-то тяжелое и лѣнивое лежало на всѣхъ его движеніяхъ; онъ имѣлъ постоянно видъ человѣка уставшаго. Вѣрнѣе сказать: это была душа непробудившаяся, заглохшая среди грубости и крайняго невѣжества среды, окружавшей ее съ дѣтства. И непремѣнный засѣдатель, подобно исправнику, былъ обязанъ избраніемъ своимъ тому обстоятельству, что какому-то помѣщику, приходившемуся ему нѣсколько сродни, предводитель былъ долженъ тысчонки три рублей.

Становой былъ атлетъ въ полномъ смыслѣ слова Огромнаго роста, необыкновенной толщины, онъ утиралъ потъ постоянно, сколько бы градусовъ морозу ни было на дворѣ, а лѣто проводилъ или въ прудѣ, или въ погребу, гдѣ сидѣлъ въ одной рубашкѣ, подпоясанный тесемкой, на которой была выткана какая-то назидательная надпись. Лицо его открытое и добродушное, съ чертами хотя крупными, но привлекательными, изобличало въ немъ добраго малаго, гуляку, не имѣвшаго никогда задней мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣтливаго и лукаваго, который всегда очень хорошо зналъ,

что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ, и для чего онъ такъ говорилъ и дѣлалъ. Человѣкъ отъ природы не глупый, онъ управлялъ исправникомъ и непремѣннымъ, на сколько было ему выгодно, и ежели побаивался нѣсколько кого, такъ развѣ стряпчаго... не потому, чтобъ чувствовалъ его превосходство передъ собой, — этого не было, — но потому, что съ нимъ надобно было дѣлиться грѣховнымъ при временныхъ отдѣленіяхъ, чего становой шибко не любилъ, твердо держась правила: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Становой этотъ былъ въ служебномъ отношеніи замѣчателенъ тѣмъ, что помѣщики его любили, не смотря на то, что очень аккуратто платили ему по двадцати копѣекъ ассигнаціями съ души за то, чтобъ онъ не бралъ для разъѣздовъ ихъ лошадей; сотскіе боялись потому, что онъ поролъ ихъ, съ разными веселыми прибаутками, ежели они забывали приносить ему къ новому году по десяти рублей ассигнаціями; а мужики боялись и любили вмѣстѣ, потому, что онъ того, кто попадался ему въ лапы, жалъ до послѣдняго вздоха, то есть, до послѣдней копѣйки, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно шутилъ и балагурилъ съ каждымъ. Другая отличительная черта его состояла въ томъ, что, въ продолженіе восьми лѣтъ, считаясь однимъ изъ самыхъ исправныхъ становыхъ по губерніи, онъ не бывалъ на стану и пяти разъ въ годъ, а ежели и ѣздилъ когда, то для того только, чтобъ плясать съ горничными того помѣщика, въ имѣніи котораго находился станъ. Дѣвки уходили изъ барскаго дома послѣ ужина

уложивъ господъ, въ становую избу, гдѣ ожидало ихъ сантуринское, пряники, хоръ вольнопрактикующихся пѣсенниковъ изъ крестьянъ, для удовольствія становаго; чай и водка для всѣхъ.

Стряпчій былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, толстый, одутловатый, подслѣповатый, отецъ многочисленнаго семейства и супругъ наитолстѣйшей супруги, которой боялся какъ огня, ибо она отличалась замѣчательною силою и энергіею. Человѣкъ простой и добрый, знающій хорошо приказное дѣло, онъ смотрѣлъ простосердечно на службу, какъ на средство кормиться, и не отвергалъ никакого приношенія, объясняя очень вразумительно и доказательно всѣмъ и каждому, кто только его слушалъ, что на шестьсотъ рублей ассигнаціями нельзя прокормить восемнадцати человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ за шестерыхъ надо платить въ гимназію; содержать толстую жену и тощую лошаденку, возившую по городу его дряблое тѣло; имѣть шитый мундиръ и мундирный фракъ, и нанимать кухарку, которая хотя и не дорога̀, а все-таки получаетъ два рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ. Это правда, что стряпчій имѣлъ въ уѣздѣ своихъ благодѣтелей, постоянно снабжавшихъ его домашнимъ деревенскимъ снадобьемъ, какъ-то: мукой, крупой, и частію овсомъ, а зимою свининой, и за это онъ служилъ имъ вѣрой и правдой, исправляя имъ всѣ дѣла по судамъ, и бѣгая добросовѣстно по лѣстницамъ, на сколько то ему позволялъ его животъ и подслѣповатые глазки.

Лѣкарь былъ длинный нѣмецъ на тонкихъ журавлиныхъ ногахъ, съ физіономіей, похожей на скрипку, съ руками длинными и тощими, которыми онъ дѣйствовалъ при разговорѣ, точно какъ пловецъ, державшійся на водѣ, чтобы не утонуть. Это было самое добродушное, самое незлобивое существо въ мірѣ, несмотря на огромные зеленые очки, на крючковатомъ носу, придававшіе ему видъ совы; — существо, которое надували всѣ его служебные товарищи, бравшіе на его имя, гдѣ только можно, и не дававшіе ему почти ничего, такъ что бѣдный нѣмецъ умеръ бы съ голоду при дешевизнѣ съѣстныхъ запасовъ тамошней мѣстности, если бъ аптекарь, такой же нѣмецъ, какъ и онъ, не платилъ ему аккуратно каждый мѣсяцъ двадцать пять рублей ассигнаціями за то, чтобы онъ прописывалъ больнымъ самыя дорогія лѣкарства, изъ сахарнаго роба и неизмѣнной мятной эссенціи домашняго приготовленія съ разными латинскими прибаутками, въ которыхъ истиннаго было одно названіе.

О писарѣ земскаго суда много говорить нечего: это было соединеніе грубости, невѣжества, пьянства, взяточничества и лицемѣрства.

Когда судъ пріѣхалъ въ село Горки, наступили уже сумерки. Въ избѣ Овечкина горѣло въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ съ полдюжины сальныхъ свѣчъ, страшно оплывавшихъ и издававшихъ нестерпимый запахъ — признакъ того, что онѣ домашняго производства и принесены съ барскаго двора вмѣстѣ съ подсвѣчниками. Отъ русской печи

жаръ былъ удушливый. Становой пыхтѣлъ и метался, какъ бѣлый медвѣдь въ топленый горницѣ, и черезъ минуту, испросивъ для формы позволеніе исправника и стряпчаго, явился въ своемъ неизмѣнномъ костюмѣ: рубашкѣ сверхъ нижняго, подпоясанной назидательнымъ поясомъ. Исправникъ, тоже очень любившій комфортъ, страшно обрадовался, что могъ спустить съ плечъ форменный сюртукъ, снялъ его, и нарядился въ какую-то кацавейку, перешитую изъ женскаго платья; стряпчій облекся въ узенькій халатецъ, смѣшно обнаруживавшій его тучныя формы, халатецъ, полученный имъ при описи имущества покойнаго подвальнаго при питейной конторѣ, который, на несчастіе стряпчаго, былъ роста маленькаго и щедушный.

Непремѣнный засѣдатель долго чесалъ свой затылокъ и тихо мычалъ, прежде нежели рѣшился на перемѣну костюма. Видя однако, что всѣ надѣваютъ халаты, онъ молча досталъ изъ своего узелочка плисовый тисненый халатъ съ огромными кистями, купленный имъ болѣе для пріема просителей, нежели для собственнаго употребленія, потому что дома, одинъ, онъ носитъ большею частію бурбоновый бумажный на ватѣ халатъ, изъ котораго вата висѣла клочьями и служила ему для закуренія трубки, когда въ этомъ требовалась надобность. Облекшись молча, онъ принялся то чесать затылокъ, то подымать и ставить стойкомъ волосы свои напереди, съ особымъ тщаніемъ, какъ бы приготовляясь вступить въ какую-нибудь гостиную. Занятіе это онъ прерывалъ только набиваніемъ

трубки, съ такою охотою и поспѣшностью, съ какою медвѣдь исполняетъ приказанія своего хозяина, и отыскиваніемъ въ печи между кирпичами скважинки, куда бы можно было всунуть зажженную спичку, чтобы закурить трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ, который онъ внесъ саморучно въ избу, вмѣстѣ съ прочимъ своимъ скарбомъ.

Когда всѣ надѣли халаты, становой предложилъ заняться слѣдствіемъ. Исправникъ отвѣчалъ односложнымъ и равнодушнымъ: «да! хорошо! пожалуй.» Стряпчій съ своей стороны былъ радехонекъ провести нѣсколько дней внѣ дома, въ отсутствіи своей грозной, дражайшей половины и готовъ былъ даже подать голосъ отложить дѣло до завтра, но долговязый медикъ, до сихъ поръ молчавшій, вдругъ выступилъ на средину избы и, растопыривши руки, какъ будто сбираясь плыть черезъ рѣку, вдругъ заговорилъ:

— Та, нушно, очень нушно! Мнѣ въ горотъ нушно!.. Прошу, милостивые косудари!..

Непремѣнный поднялъ на него свои сонные, неподвижные глаза и остановилъ ихъ на лѣкарѣ.

Стряпчій уже лежавшій гдѣ-то въ углу, на шубахъ, хотѣлъ было что-то возражать, но въ эту минуту исправникъ хриплымъ голосомъ своимъ, вдругъ обратившись къ разсыльному, сказалъ:

— Смотри, Пеклеванный, чтобъ эдакъ... на счетъ того... по закусочной части... и на счетъ выпивки... знаешь?..

— Будетъ все въ исправности, ваше благородіе!

* *
*

отвѣчалъ Пеклеванный шмыгая по избѣ, какъ вьюнъ, между грудами узловъ и скамеекъ, и, къ великому удовольствію исправника, загремѣвъ ложками. Въ сѣняхъ уже пыхтѣлъ самоваръ, раздуваемый поочередно сотскими.

Тогда становой, видя, что отъ этихъ господъ ожидать нечего, съ тою поспѣшностью, какую позволяло ему толстое его тѣло, подбѣжалъ къ приказному земскаго суда и шепнулъ ему что-то на ухо: приказный съ видимою неохотою началъ отыскивать чернильницу и оттаивать въ ней у печки чернила, доставать бумагу и потребовать себѣ маленькій столикъ, который ему принесли изъ холодной избы; однимъ словомъ собирался приступить къ слѣдствію.

— Прежде всего вѣдѣніе къ священнику напиши! началъ становой, о приводѣ къ присягѣ... а ты, козья борода, закричалъ онъ обращаясь къ сотскому: — понятыхъ приготовилъ... а?

— Никакъ нѣтъ еще, ваше благородіе!.. коли прикажете... я...

— Прикажете! дуракъ, олухъ!.. какъ же не приказать-то? развѣ безъ понятыхъ можно, комунистъ ты эдакой?

Становой слыхалъ, что начальникъ губерніи, бывши на ревизіи, съ гнѣвомъ повторялъ это слово, по поводу одного помѣщика, котораго сильно не жаловалъ, за то, что тотъ возставалъ противъ взятокъ, — и любилъ часто самъ повторять это слово.

Сотскій шмыгнулъ изъ избы, какъ будто его укусилъ тарантулъ, а становой кричалъ ему вслѣдъ:

— Чтобъ завтра до свѣту понятые были, слышишь?.. хоть околѣй въ дорогѣ...

Долговязый медикъ, прочистивши свою глотку неоднократнымъ откашливаніемъ, началъ было·

— Невозмошно... Александръ Семенычъ... къ утру... фидите... снѣгъ шелъ... человѣкъ замерзаитъ мошно.

— Э! не ваше дѣло, Богданъ Богданычъ, знайте свою латынскую кухню, а въ этомъ вы ничего не понимаете. Позаботьтесь-ка лучше о своей пилѣ... вы прошлый разъ измучили насъ, какъ черепъ пилили у Алешки цыгана... помните?..

— Та! инструментъ весьма очень не карошъ. Я писалъ врачебной управа; много разъ писалъ... просилъ инспекторъ таше...

— Да много добьетесь вы отъ вашего инспектора; нужно ему! Вы тамъ себѣ хоть матушку рѣпку пойте, ему-то что за дѣло?.. Чѣмъ писать во врачебную управу, да приставать даромъ къ инспектору,— послали бы лучше деньжонокъ въ Питеръ... какъ бишь его магазинъ-то тамъ... Къ вѣдомостямъ объявленіе все прилагаетъ... и прислали бы вамъ пилу добрую, такъ что и у живаго пожалуй голову отхватила бы.

— А гдѣ взять теньжонокъ? весьма очень мало теньшонки.

— Ну полно лазаря-то пѣть, Богданъ Богданычъ! закричалъ исправникъ. Что прикидываешься?

Все тебѣ мало. Ненасытный какой! А къ удавленику-то ѣздилъ... забылъ? Двадцать цѣлкачей за щеку спряталъ, а? думаешь, не знаю?..

— Это все, Антипъ Андреянычъ, все клевета одинъ! Двадцать рублей сребро! Мейнъ готъ!

И умилившись при мысли о двадцати рубляхъ серебромъ, онъ такъ неожиданно и отчаянно всплеснулъ длинными своими руками, что чуть не задѣлъ по носу непремѣннаго, который, вдругъ отшатнувшись, потерялъ на лавкѣ балансъ и грянулся объ земь. Всѣ захохотали. Одинъ Нѣмецъ подскочилъ къ нему, поднялъ и принялся ощупывать со всѣхъ сторонъ, какъ мясникъ ощупываетъ корову при покупкѣ на бойню, то есть, тыча ему въ разныхъ мѣстахъ тѣла указательнымъ пальцемъ.

Писарь между тѣмъ приготовилъ все нужное для письма и принялся чертить по бумагѣ. Какъ разъ отхваталъ онъ вѣдѣніе къ священнику, на память настрочилъ присяжный листъ, — заготовилъ даже показанія мужиковъ окрестныхъ селеній, что нищій никому неизвѣстенъ; написалъ медицинскій осмотръ, по формочкѣ, которую онъ привезъ съ собою, и въ которой, по всѣмъ правиламъ науки, доказано было, что нищій умеръ отъ кр722оваваго апоплексическаго удара, вслѣдствіе напора крови на легкія. Формочку эту онъ списалъ съ одного производства и употреблялъ ее во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о мертвыхъ тѣлахъ. Оказывалось, какъ это ни странно, что формочка какъ разъ приходилась кстати почти ко всѣмъ скоропостижно и не-

вѣдомо умершимъ въ уѣздѣ, что̀ чрезвычайно облегчало судопроизводство. Всѣ были довольны — и земскій судъ, потому что могъ дѣла о скоропостижно умершихъ слѣдовать, почти не выходя изъ комнаты; и уѣздный судъ, потому что судить было нечего и писать мало; и начальникъ губерніи, потому что убійствъ въ уѣздѣ почти не случалось; и уголовная палата, потому что въ нее дѣла такого рода вовсе и не поступаютъ, а производить такія дѣла, по которымъ «нѣтъ хожденія», очень скучно. Это вы сами знаете.

Становой, одинъ изъ всѣхъ лицъ временнаго отдѣленія принимавшій кое-како̀е участіе въ этихъ писаніяхъ, руководилъ приказнаго совѣтами и наставленіями. Оказалось, что пока другіе члены пили чай съ ромкомъ, слѣдствіе почти было уже готово, оставалось вставить имена, да подписаться. Даже вѣдѣніе священнику о томъ, чтобы похоронить покойнаго, было уже написано, и становой готовился уже отдохнуть на лаврахъ, то-есть за огромной миской пуншу, — какъ вдругъ неотвязчивый новичокъ въ своемъ дѣлѣ, сотскій села Горокъ, нарушилъ отдохновеніе членовъ временнаго отдѣленія слѣдующимъ вопросомъ:

— Ваше благородіе, прикажете поднять мертваго-то? Завтра рѣзать надо, — а вѣдь онъ мерзлый, надо оттаять...

Становой вмѣсто отвѣта обратился къ лѣкарю и сказалъ:

— Ну вотъ Богданъ Богданычъ, это теперь по вашей части. Оттаить нужно вѣдь... а?

— Очень нушно, Александръ Семенычъ!.. въ изба внести нушно...

— Въ избу-то внести нужно... отвѣчалъ сотскій съ разстановкой и почесывая голову и спину: — да куда внести-то?..

— Какъ куда? закричалъ становой. Въ избу, говорятъ тебѣ! Развѣ на дворѣ оттаишь?

— Слышу, что въ избу, ваше благородіе, да къ кому въ избу?.. мужички-то никто не пускаютъ... кому охота домъ поганить... такъ на міру просить хотѣли... кабы милость сдѣлали... не потрошить бы... а похоронить такъ...

Становой отвернулся, какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ и подмигнулъ сотскому на лѣкаря. Лукьянычъ обратился съ этою же просьбой къ Богдану Богданычу.

— Ай! какъ мошно! закричалъ тотъ, когда наконецъ понялъ, въ чемъ дѣло. Анатомія нушно! Необходимо нушно анатомія!.. Какъ мошно!.. И онъ размахивалъ своими длинными руками.

Становой между тѣмъ перешепнулся съ исправникомъ, толкнулъ подъ бокъ стряпчаго и, пока добродушный Богданъ Богданычъ твердилъ: «ай! какъ мошно!.. Инспекторъ врачебной управа!» — совѣщаніе ихъ, продолжавшееся меньше, нежели одно мгновеніе, почти безъ помощи словъ, а такъ, какими-то намеками и знаками, не понятными для

непосвященнаго,—уже кончилось, и исправникъ первый открылъ огонь.

— Послушай-ка ты, нѣмецъ! началъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ: — полно махать-то руками! давай поговоримъ дѣломъ. Слушай-ка: мужики не хотятъ, чтобъ у нихъ мертваго рѣзали — понимаешь?.. а чтобъ не рѣзать, они пожалуй...

Становой при этомъ словѣ толкнулъ исправника ногой, но тотъ, не смутившись этимъ, продолжалъ:

— Полноте, Александръ Семенычъ, у насъ здѣсь своя семья, вынести некому. Не хотятъ мужики, такъ чтожъ съ этимъ дѣлать? Хоть законъ и велитъ, положимъ, — да какая въ этомъ бѣда? Вѣдь подозрѣнья въ убійствѣ нѣтъ? Человѣкъ незнакомый же! ну, умеръ отъ апоплексическаго удара, да и концы въ воду; искать, что ли, кто будетъ?

— Оно вотъ что, прервалъ его стряпчій, — Богданъ Богданычу только сумнительно, а то, кажется, по моему, отъ чего бы мужикамъ и удовольствіе не сдѣлать? Вѣдь будетъ за это? спросилъ онъ вдругъ, обратившись къ сотскому.

Сотскій съежился, какъ будто его хотѣли бросить въ огонь или въ воду, и, заикаясь, проговорилъ:

— Да на міру положили... кабы милость ваша была... десятковъ семь собрали...

— А десятковъ семь собрали, прервалъ его стряпчій: — такъ по моему и толковать много нечего. Умеръ отъ апоплексическаго удара, да и все тутъ. Послушайте-ка, Богданъ Богданычъ, вѣдь человѣкъ

неизвѣстный, никто не ищетъ, чего вамъ еще нужно? Александръ Семенычъ, у васъ готово?

— Готово все... и осмотръ и мѣстное постановленіе...

— Ну, а готово, такъ и съ Богомъ... подписывайтесь-ка перекрестясь... Богданъ Богданычъ, съ легкой руки...

— Послушайте, Иванъ Егорычъ, какъ же мошно это? Я трупъ не видалъ... мошетъ знаки есть...

— Какіе тутъ вамъ знаки? нѣтъ никакихъ. Что, сотскій, есть знаки?

— Никакихъ нѣтъ, ваше благородіе, умеръ себѣ старикъ отъ старости, такъ лядащій и былъ-то... синенькій, худенькій такой... Помилосердуйте, ваше благородіе... больно міръ проситъ.

— Ну, что тутъ много толковать! Поди-ка неси сюда деньги, а тамъ посмотримъ, что и какъ сдѣлать! сказалъ стряпчій, обращаясь къ становому. Александръ Семенычъ, а! какъ вы думаете?

— Я думаю, Иванъ Егорычъ, что можно; пустякъ все это. Пусть и понятыхъ соберутъ... и то не бѣда. Вѣдь въ законахъ есть статья: коли сомнѣнія, по слѣдстію, въ насильственной смерти нѣтъ, и боевыхъ знаковъ на тѣлѣ не оказалось, то хоронить безъ вскрытія. Завтра по утру посмотримъ тѣло, отберемъ отъ понятыхъ, что человѣкъ имъ неизвѣстенъ; спросимъ для обряда, есть ли признаки насильственной смерти, — разумѣется они скажутъ, что нѣтъ, чтобъ только ихъ поскорѣе отпустили... мы и напишемъ постановленіе, что дескать: «нѣтъ

никакого сомнѣнія; смерть натуральная.» Богданъ Богданычъ подпишетъ — а не подпишетъ, прибавилъ онъ: — такъ и безъ него обойдемся. Дѣло пойдетъ къ губернатору, онъ пропуститъ, а не пропуститъ, перешлетъ въ уголовную, а тамъ извѣстно что: предать суду и волѣ Божіей! а если и замѣтитъ, такъ что жь: ну, выговоръ, да и все тутъ.

— Золотой вы человѣкъ, Александръ Семенычъ! съ умиленіемъ и сложа крестомъ руки, сказалъ стряпчій.

— Ну, да, право! продолжалъ становой: — отъ чего людямъ добра не сдѣлать? Ужь еслибъ убійство явное было, ну, тогда разумѣется, подумать надо...

— Да вѣдь вы мертваго-то не видали? сказалъ тихо и смѣясь стряпчій.

— Не видали, такъ и слава Богу... Да къ чему и доискиваться-то? кому отъ этого польза есть?.. Намараемъ, намараемъ бумаги, а кончится все тѣмъ же: предать суду и волѣ Божіей.

Исправникъ между тѣмъ пыхтѣлъ молча. Видно было, что онъ что-то обдумывалъ, — но такъ какъ процессъ мышленія совершался у него вообще не быстро, то и надо было прибѣгнуть къ обыкновенному средству: требовать разрѣшенія разсыльнаго. Маніемъ огромной ручищи своей онъ подозвалъ его къ себѣ и долго что-то шепталъ ему на ухо. Потомъ началъ считать по пальцамъ. Не помогло и это. Совѣтъ разсыльнаго какъ будто поставилъ его еще въ большее затрудненіе, — онъ обратился къ стряп-

чему, зная, что въ занимавшемъ его дѣлѣ становаго спрашивать невыгодно.

Когда стряпчій подошелъ, и по знаку исправника, нагнулся чуть не къ самому его лицу, — тотъ спросилъ шепотомъ:

— Ну, а дѣлежка какъ будетъ?

— Ужь это какъ вамъ угодно, Платонъ Андреянычъ, вы здѣсь старшій; какъ разсудите, такъ тому дѣлу и быть! отвѣчалъ стряпчій тоже шопотомъ.

— По мнѣ бы вотъ какъ: намъ съ вами поровну, а Александру Семенычу по ровну съ нѣмцемъ, рублями пятью по меньше нашего; долгогривому-то (показывая бородой на Непремѣннаго) дать цѣлкача три — довольно съ него будетъ; да Пеклеванному, что-нибудь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ стряпчій; — эдакъ не годится. Въ Богданъ Богданычѣ тутъ большая сила. Онъ въ этомъ дѣлѣ всему голова. Ему надо дать больше всѣхъ.

— Э, вздоръ какой, Иванъ Егорычъ! воскликнулъ исправникъ даже съ какимъ-то негодованіемъ. Этому нѣмчуркѣ проклятому да деньги давать! за что? Экая невидаль какая!.. и такъ сойдетъ.

— Сойдти-то оно можетъ и сойдетъ, да все какъ-то боязно... По моему, надо дѣло дѣлать такъ, чтобъ иголочки подпустить нельзя было. Курочка по зернышку клюетъ, да сыта живетъ; ныньче не послалъ Богъ, пошлетъ завтра; и красненькую бумажку въ карманъ положимъ, право не дурно. Вѣдь не за

дѣло, Платонъ Андреянычъ, такъ, зря деньги даютъ. Слава тебѣ Господи и за это!.. съ этимъ словомъ стряпчій перекрестился.

Исправникъ былъ недоволенъ консультаціей. Какъ ни не хотѣлось ему обращаться къ становому, однако дѣлать было нечего.

— Александръ Семенычъ, подьте-ка сюда!

Становой подошелъ, за нимъ стряпчій, и начали шептаться... Богданъ Богданычъ между тѣмъ, растопыря длинные свои ноги, стоялъ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу, озабоченный и разстроенный, и повторялъ: нѣтъ, какъ мошно! Погибаитъ мошно. Инспекторъ врачебной управа...

Непремѣнный засѣдатель лежалъ въ углу на шубахъ, изрѣдка почесывая затылокъ и мутными глазами обводя комнату. Послѣ просьбы сотскаго невскрывать тѣла и отвѣта его, что собрано десятковъ семь, — онъ какъ будто ожилъ: оловянные глаза его оживились и какъ будто бы освѣтились какою-то мыслію. Видя, что трое товарищей его шепчутся и такъ заняты разговоромъ, что не могутъ видѣть его, онъ потянулъ потихоньку лѣкаря за фалду и знакомъ показалъ ему, чтобы онъ легъ подлѣ него. Богдану Богданычу съ его длинными ногами, это было не легко: однако, онъ кое-какъ улегся. Непремѣнный сказалъ ему на ухо:

— Не поддавайтесь, Богданъ Богданычъ! они васъ надуть хотятъ... слышите — не поддавайтесь...

«Надуть», и «не поддавайтесь», были два слова, непонятныя для Богдана Богданыча. Со свойствен-

ной всему саксонскому племени наклонностью къ мышленію, онъ погрузился въ усвоеніе себѣ смысла этихъ двухъ словъ, и скорѣе умомъ, чѣмъ знаніемъ русскаго языка, добрался кое-какъ до ихъ значенія. Тогда онъ сжалъ руку Непремѣнному такъ больно, что тотъ едва не крикнулъ, и съ весьма таинственнымъ видомъ, принявъ всевозможныя предосторожности, чтобъ не слыхали, сказалъ ему на ухо:

— Ich danke, mein theuerster Freund!

Совѣщаніе между тѣмъ окончилось; уговорить Богдана Богданыча предоставлено было становому, при чемъ исправникъ поручилъ ему не очень церемониться съ нѣмчурой, а стряпчій — склонить обѣщаніемъ двадцати рублей, при мысли о которыхъ онъ такъ умилился. При этомъ, стряпчій предложилъ потребовать отъ мужиковъ надбавки за то, что не будутъ вскрывать мертваго тѣла, а слѣдственно не опоганятъ ничьей избы. Нѣтъ надобности говорить, что всѣ согласились тотчасъ.

Какъ опытный боецъ, становой не пошелъ прямо съ этими порученіями къ Богдану Богданычу. Онъ зналъ, что есть въ человѣческомъ сердцѣ струны, которыя никогда очень натягивать не надобно, и потому нашелъ лучшимъ, по русскому выраженію, подпустить ему сперва турусы на колесахъ. Заложивши руки назадъ, какъ человѣкъ, которому дѣлать нечего, и насвистывая русскую пѣсню, принялся онъ ходить по избѣ, обращаясь съ разными прибаутками къ Пеклеванному, который все хлопоталъ объ ужинѣ.

Когда такимъ образомъ, по его мнѣнію, отводъ былъ сдѣланъ, онъ, какъ будто случайно подошелъ къ группѣ непремѣннаго и лѣкаря, и принялся подтрунивать надъ взъерошенной головой перваго и надъ длинными ногами послѣдняго. По несчастію, это была чувствительная струна нѣмца. Онъ даже обидѣлся. Тогда становой очень искусно перешелъ къ тому, что онъ худъ отъ того, что мало спитъ и ѣстъ, и совѣтовалъ ему ѣсть и спать какъ можно больше. Нѣмецъ поддался на штуку. Онъ очень наивно сталъ доказывать: чтобъ ѣсть больше, надобно имѣть, primo, побольше всякаго съѣстнаго харчу — и, secundo, запастись хорошимъ поваромъ, который бы съумѣлъ изготовить этотъ харчъ. Отъ этого очень натурально разговоръ перешелъ на недостаточность содержанія чиновниковъ вообще, и кончилось тѣмъ, что лѣкарь признался о себѣ въ особенности, что подъ часъ, за неимѣніемъ «гроша въ карманѣ» и практики, ему иногда перекусить нечего. Этого только и ждалъ становой. Онъ ловко замѣтилъ ему на это, что «сытый голоднаго не разумѣетъ», что тѣ, которые составляютъ штаты для чиновниковъ, не знаютъ, каково честному человѣку жить на свѣтѣ, когда у него пить, ѣсть нечего и истопить нечѣмъ, и нѣтъ пяти копѣекъ, чтобъ купить сальную свѣчку, и что ежели высшіе не думаютъ объ этомъ, то низшимъ нѣтъ возможности существовать, и что имъ надо поневолѣ самимъ заботиться о поддержаніи своего существованія. Нѣмецъ согласился съ этимъ. Тогда становой ска-

залъ ему напрямикъ, что честность въ дѣлахъ такого рода есть одна глупость и ничего больше, что бѣдному человѣку нельзя не брать и что голодъ извиняетъ все. Нѣмецъ, подъ вліяніемъ разговора, согласился и съ этимъ. Тогда становой предложилъ ему двадцать пять рублей серебромъ за то, чтобъ не вскрывать мертваго, и главнымъ основаніемъ такого предложенія приводилъ то, что невскрытія тѣла желаютъ сотни крестьянъ; что по ихъ предразсудкамъ и недостаточности образованія, они сочтутъ это милостію, и кончилъ тѣмъ, что логически убѣдилъ нѣмца, любившаго логику и искренно желавшаго добра всему человѣческому роду, не вскрывать тѣла и подписать осмотръ, не выходя изъ избы. При этомъ, становой, замѣтя, что у непремѣннаго глаза блистали какъ-то не натурально, нагнулся къ нему какъ будто случайно, и шопотомъ сказалъ:

— Десять рублей, молчите только.

Молчать непремѣнному было не учиться стать. Онъ промолчалъ.

Когда все такимъ образомъ было порѣшено, становой занялся самъ приготовленіемъ осмотра. При той подготовкѣ, какая была сдѣлана приказнымъ, это не много заняло времени. Осмотръ гласилъ, что: «такого-то года и числа, временное отдѣленіе такого-то земскаго суда, прибывъ на мѣсто, въ село Горки, дѣлали осмотръ тѣлу найденнаго въ полѣ неизвѣстнаго человѣка, по которому оказалось, что умершій мужеска пола, одѣтъ такъ то, лежитъ такъ-то; отъ роду имѣетъ, по видимо-

му, шестьдесятъ лѣтъ, тѣлосложенія слабаго; по снятіи одежды на тѣлѣ никакихъ знаковъ не оказалось, цвѣтъ тѣла натуральный; признаковъ, по которымъ бы можно было заключить, что смерть ему послѣдовала какъ-нибудь насильственно, не имѣется; понятые окольные люди, спрошенные подъ присягою, отозвались, что умершаго не знаютъ, подозрѣнія въ причиненіи смерти насильственно ни на кого не имѣютъ, а думаютъ, что онъ умеръ отъ старости. Вслѣдствіе чего, временное отдѣленіе, при бытности уѣзднаго врача, полагаетъ, что смерть неизвѣстному человѣку послѣдовала натуральная, при слабомъ его тѣлосложеніи, отъ усиленной ходьбы по глубокому снѣгу и недостаточной одежды въ бывшее холодное время, почему и заключило: не приступая по вышеизложеннымъ причинамъ къ вскрытію мертваго тѣла, огласить это особымъ постановленіемъ, которое и приложить къ дѣлу, а копію съ онаго за надлежащимъ удостовѣреніемъ, дать г. уѣздному врачу для представленія во врачебную управу.»

Осмотръ этотъ былъ переписанъ на-бѣло, и подъ нимъ подписались всѣ, неисключая и непремѣннаго, который не за былъ, однако, мимоходомъ шепнуть становому: «Смотрите же, какъ сказано!» на что этотъ отвѣчалъ движеніемъ головы. Нельзя было безъ смѣха видѣть, какъ приступалъ Богданъ Богданычъ къ подписанію осмотра, какія телеграфическія кривлянья руками дѣлалъ онъ въ борьбѣ внутренняго человѣка со внѣшнимъ, какъ со вдохомъ восклицалъ:

«Инспекторъ врачебной управа!» какъ будто всѣ углы избы были населены инспекторами врачебной управы, грозившими ему смертію и ссылкою.

Слѣдствіе было окончено. Написали вѣдѣніе священнику похоронить умершаго; другое постановленіе написали о томъ: что временное отдѣленіе, дабы не тратить напрасно времени для занятій служебныхъ, заключило, отправиться туда-то и туда-то; однимъ словомъ обезпечели себя такъ, что можно было послѣ труда и насладиться жизнію, и пожить для себя. Исправникъ предложилъ, вмѣсто того, чтобъ ночевать въ избѣ, отправиться къ Ермилу Ипатычу — и тамъ поужинатъ. Мнѣніе было принято единогласно, но стряпчій замѣтилъ при этомъ, что, окончивъ судебныя занятія, надобно заняться и существенною оныхъ частію, и просилъ позволенія остаться. Всѣ согласились и условились такъ, что пятеро поѣдутъ къ управляющему, а стряпчій останется за полученіемъ денегъ и вообще окончитъ это дѣло во всѣхъ отношеніяхъ и ко взаимному удовольствію всѣхъ.

Оставшись наединѣ съ разсыльнымъ, стряпчій прежде всего поручилъ ему разузнать: сколько было собрано на міру баранины, масла, яицъ и куръ на ихъ угощеніе. Пеклеванный бросился въ сѣни и чрезъ минуту возвратился съ подробнымъ извѣстіемъ, что приготовлено два барана, полпуда масла, сотня яицъ, десять куръ и два поросенка. Записавъ это на особой бумажкѣ, стряпчій велѣлъ позвать сотскаго и приказалъ ему принять это все отъ

старосты и доставить въ городъ къ нему на квартиру.

— Ты, любезнѣйшій, говорилъ намъ, началъ онъ, обращаясь къ сотскому, — что у васъ собрано десятковъ семь рублей. Чтобъ не тревожить васъ лишними хлопотами, мы съ общаго согласія рѣшили принять отъ васъ эти деньги. Вы знаете сами, сколько хлопотъ вамъ можно надѣлать, по случаю этого мертваго тѣла; мы не захотѣли этого. Мы пожелали лучше не исполнить обязанности своей, нежели отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Вы должны понять и оцѣнить это. Семьдесятъ рублей, которые вы собрали, мы принимаемъ, какъ изъявленіе вашей благодарности за то, что мы окончили слѣдствіе въ одинъ вечеръ; за то же, что господинъ лекарь не вскрывалъ тѣла, то есть, не рѣзалъ его, вы должны благодарить его особенно. Вы знаете, онъ нѣмецъ, человѣкъ слѣдственно несговорчивый: надо было много хлопотъ и старанія съ нашей стороны, чтобъ уговорить его. Мы однако, успѣли въ этомъ, обѣщая ему, что его снисхожденіе будетъ понято вами. Надобно бы было ему дать сорокъ или пятьдесятъ рублей, но снисходя къ тому, что село Горки намъ давно извѣстно, что управляющій человѣкъ хорошій и гостепріимный, и ты, сотскій, замѣченъ уже земскою полиціею, какъ человѣкъ особенно исправный и внимательный къ исправленію обязанности своей, рѣшили, что вы дадите ему двадцать пять рублей особо отъ тѣхъ семидесяти, которые вы собрали. Для насъ это все

равно, мы тутъ не корыстуемся ничѣмъ, — но медику, который въ этомъ дѣлѣ главное лицо, — противствовать не надо. Поди, скажи это міру, и приноси деньги.

И полнымъ величія и достоинства движеніемъ руки, онъ отпустилъ сотскаго, который побѣжалъ за деньгами.

Черезъ полчаса послѣ рѣчи стряпчаго, сто рублей были принесены и вручены ему; а какую рѣчь долженъ былъ держать сотскій, чтобъ получить съ міра эти лишнихъ двадцать пять рублей — я предоставляю на догадку читателя.

Невозможно описать радости и торжества, какое блистало на всѣхъ лицахъ въ комнатѣ Ермила Ипатыча, когда вошелъ туда стряпчій. Комната была освѣщена такъ ярко, что даже самъ хозяинъ находилъ, что свѣчъ уже зажжено слишкомъ много, ибо ему пришло невольно на память, что свѣчи прибыли въ цѣнѣ (тридцать пять, вмѣсто тридцати копѣекъ ассигнаціями). Онъ однако не показалъ этаго. Въ своемъ неизмѣнно бѣломъ жилетѣ пике и бѣломъ галстухѣ, важно и величаво расхаживалъ онъ по комнатамъ, думая про себя: «А каково угощеніе? Знай нашихъ!» Гости были очень довольны. Исправникъ хриплымъ голосомъ старался наладить какую-то пѣсню, которая ему постояно не удавалась; становой, въ своей обыкновенной легкой одеждѣ, гоголемъ и молодцомъ расхаживалъ по комнатамъ, вѣроятно отыскивая, съ кѣмъ бы отдернуть въ присядку, или трепака; непремѣнный тянулся въ вы-

шину, ерошилъ волосы, а незлобивый Богданъ Богданычъ, противъ обыкновенія выпивъ лишнее, все толковалъ про себя, что и: «инспекторъ врачебной управа» и проч. и «все это невозмошно и погибаитъ мошно»; а кончилъ тѣмъ, что запѣлъ: «Lieber Augustine!» умилившись при мысли, что Лотхенъ ждетъ его въ Ганноверѣ, когда онъ наживетъ много денегъ, несмотря на то, что ему было уже за 40 и денегъ у него не доставало на дневное пропитаніе. . . .

Сотскій и староста прибѣжали на празднество,— первый потому, что тутъ было его земское начальство; второй потому, что — сельское начальство, и оба могли отдать какія-нибудь приказанія. Приказаній однако не послѣдовало. Всякій былъ слишкотъ занятъ самимъ собою, чтобъ думать о службѣ. Однако становой, увидя сотскаго, который стоялъ у дверей зала и выжидалъ случая, чтобъ какъ-нибудь ловче поклониться исправнику и становому, не могъ пройдти мимо безъ того, чтобъ не потрепать его по плечу и не сказать: «славный сотскій! отличный сотскій! мы объ тебѣ не забудемъ! . . смотри же ты, все убери завтра.» Ермилъ Ипатычъ не дозволилъ себѣ со старостою подобной короткости. Онъ только подошелъ къ нему, гордо на него посмотрѣлъ и сказалъ: «Ступай, хорошо. До завтра.»

На другой день временное отдѣленіе еще почивало, а уже трупъ былъ похороненъ, понятые распущены и все вошло въ обыкновенную колею, кромѣ головъ членовъ временнаго отдѣленія, которые, несмотря на то, что *не теряя времени для занятій служебныхъ*, должны были отправиться туда-то и туда-то, потребовали завтрака, потомъ обѣда, а потомъ и еще ночлега. . .

ПЕРЕВОЗЪ.

I.

До города П. дошли слухи, что при слѣдованіи туда гурта изъ одной южной губерніи, взяли на гребенскомъ перевозѣ рѣки Шальной по 2 рубля ассигнаціями съ головы. По крайней мѣрѣ на это жаловались гуртовщики, когда, при возвысившейся вдругъ цѣнѣ на мясо, захотѣли узнать тому причину.

Не далѣе, какъ на четвертый день послѣ того, начальникъ губерніи получилъ предписаніе строжайше изслѣдовать это дѣло и тотчасъ же донести; а виновныхъ предать законному суду.

Это строжайшее предписаніе начальникъ губерніи, тоже при строжайшемъ предписаніи, передалъ своему чиновнику особыхъ порученій, котораго для этого стащили чуть не съ постели, ибо дѣло было ночью. Бѣдняга, проведшій вечеръ свой за полночь гдѣ-то за картами, и съ наслажденіемъ мечтавшій о томъ, какъ будетъ тянуться подъ атласнымъ одѣ-

яломъ своимъ, — долженъ былъ, крехтя и охая, посылать за лошадьми и въ перекладпой телѣжкѣ, (ибо это былъ конецъ апрѣля и проѣзду не было ни въ какомъ экипажѣ) скакать за 30 верстъ на перевозъ.

Грязь была страшная. Мѣлкій дождь сѣялся изъ сѣрыхъ тучъ какъ изъ сита; передъ утренній вѣтерокъ рѣзко прохватывалъ молодаго человѣка, котораго черезъ минуту нельзя было узнать подъ толстымъ слоемъ грязи, облѣпившей его отъ головы до пятокъ, отъ колесъ нашего родимаго, но отмѣнно не покойнаго и неуклюжаго экипажа.

Съ ненавистью къ притѣсненію и съ жаркою любовью къ правдѣ, мчался нашъ юноша по липкой грязи, время отъ времени вдругъ смѣнявшей неконченное шоссе дороги. Томимый желаніемъ быть полезнымъ дѣятелемъ въ кругу, въ который поставила его судьба, — онъ неутомимо погонялъ ямщика своего, чтобъ до восхожденія солнца доѣхать до перевоза, ибо ему было извѣстно, что большею частью гурты перевозятся черезъ рѣки рано утромъ. По времени года и дурной погодѣ, проѣзжихъ на дорогѣ почти не было. Закутанный въ камлотовую шинель, молодой человѣкъ переваливался съ боку на бокъ на мокромъ сѣнѣ, замѣнявшемъ ему сидѣнье, на которомъ онъ предпочиталъ лежать, чтобъ не чувствовать колотья въ боку отъ тряски, не смотря на туго перетянутый платкомъ животъ и на безпрестанную перемѣну положенія и мѣста. Но телѣга была не умолима. Она подбрасывала его

и подхватывала на лету; била голову, когда онъ хотѣлъ прилечь на забрызганную грязью подушку; била колѣна, когда онъ хотѣлъ протянуть ноги; встряхивала такъ, что у него захватывало духъ...

Рѣка начинала уже входить въ берега, неся на волнахъ своихъ все, что удалось ей подцѣпить на пути: стога сѣна, лѣсъ, дрова, мѣлкіе куски льда и все, что̀ не успѣла она украсть прежде, или что по какимъ либо причинамъ уцѣлѣло до сихъ поръ отъ ея жаднаго могущества.

Полуразрушенная лачуга, извѣстная всѣмъ изба съ елкою, да какой-то плетневый сарай безъ крыши означали мѣсто казеннаго перевоза. Тутъ же подлѣ лежалъ на боку столбъ съ надписью, по скольку брать за перевозъ съ проѣзжихъ и прохожихъ. Надпись эта хотя и должна была гласить, что съ коляски четверней надобно брать столько-то, а съ телѣги столько-то, съ пѣшехода столько-то; но цѣнъ выставлено нигдѣ не было, такъ что расчитывающій на эту доску, очень бы затруднился посредствомъ ея доказать перевозчикамъ свое право.

Это мнѣ напоминаетъ одну губернію, гдѣ на протяженіи двухъ сотъ почти верстъ, верстовые столбы, отлично выкрашенные, гордо̀ стояли безъ цифръ, и проѣзжій могъ восхищаться только искусствомъ, съ которымъ они выкрашены, но относительно разстоянія своего отъ станціи, оставался въ совершенной неизвѣстности.

Остановившись у избы съ елкой, молодой чело-

*
* *

вѣкъ, въ той мысли, что слѣдователь долженъ быть дипломатомъ, оставилъ шинель въ телѣгѣ и въ одномъ дубленомъ полушубкѣ вошелъ въ «заведеніе»— для того, чтобъ узнать, кто содержитъ перевозъ, кто управляетъ имъ и кто перевозчики. Узнать это было не долго. Пьяный посѣтитель, сидѣвшій на крылечкѣ и оказавшійся сосѣднимъ крестьяниномъ, разсказалъ ему не только что̀ знать ему было нужно, но даже и то что вовсе не нужно.

Благодаря этой неожиданной помощи, молодой человѣкъ узналъ, что перевозъ содержитъ чиновникъ Иванъ Семенычъ Ребенковъ, что у него нѣтъ носа; что на перевозѣ приказчикомъ мѣщанинъ Ситниковъ — страшная бестія; что перевозчиковъ зовутъ Иванъ Семеновъ, Карпъ Ивановъ, Иванъ Никитинъ и проч. и проч.; что всѣ они ребята славные, только испить любятъ; что безъ этого ужь нельзя перевозчику; что у Карпа Иванова жена гуляетъ; что мошенникъ сидѣлецъ въ кабакѣ воду подливаетъ въ вино и что напиться даже за пятиалтыный нельзя; что на перевозѣ живетъ засѣдатель съ казакомъ для порядку, да очень пьянствуютъ, и проч. и проч.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, юноша пошелъ къ парому. На берегу стояло десятка съ три телѣгъ и кибитокъ, у которыхъ лошади были отложены и привязаны, какъ говорятъ къ корму, — то-есть, къ куску холста, растянутаго между оглоблями, на которомъ даютъ лошадямъ овесъ и называемому «хребтукъ.» Удивленный тѣмъ, что люди такъ покойно расположились на берегу въ грязи по колѣно, не

переѣзжаютъ черезъ рѣку и не выбираютъ другаго, лучшаго мѣста, ежели ужъ хотятъ непремѣнно стоять здѣсь, онъ подошелъ къ одной кибиткѣ, въ которой подъ лоскуткомъ черной, но уже порыжѣлой отъ дождя кожи, лежала на брюхѣ какая-то лысая голова, ноги которой торчкомъ высовавались съ другой стороны кибитки, и спросилъ: отъ чего же онъ не переѣзжаетъ?...

— Радъ бы переѣхать, да не везутъ! отвѣчала лысая голова. Вотъ третій день стою, дожидаюсь, чтобъ перевезли... не везутъ. Кто дастъ мошенникамъ цѣлковой или два, того перевезутъ; а не дастъ, такъ сиди на берегу...

Пока лысая голова говорила, къ кибиткѣ подошли человѣкъ пять-шесть мужиковъ, бродившихъ между телѣгами и мѣсившихъ грязь по колѣно своими огромными сапожнищами. Видя, что молодой человѣкъ «новичокъ», они по свойственной человѣку наклонности повѣрять горе свое всякому, кто не слыхахъ о немъ, принялись разсказывать ему, что стоятъ здѣсь, кто день, кто два, кто три; что многіе, разсчитавъ воротиться домой на другой день по выѣздѣ съ мѣста, не имѣя при себѣ денегъ, или имѣя ихъ очень мало, — сидятъ голодные по цѣлымъ суткамъ; а лошади ихъ, съѣвши то, что̀ было сѣнца въ телѣгахъ, стоятъ тоже безъ корму; что на всѣ просьбы ихъ о бѣдственномъ положеніи, перевозчики отвѣчаютъ ругательствомъ, или насмѣшками: что они ходили жаловаться сельскому засѣдателю, командируемому сюда «для по-

рядка» земскимъ судомъ и избравшему резиденцію свою въ домѣ съ елкою, — но что этотъ засѣдатель вполовину пьяный, прогналъ ихъ, сказавъ: «дожидайтесь очереди!» тогда какъ эта очередь существуетъ только для тѣхъ, кто заплатитъ; что козакъ, присланный тоже «для порядка», пьянъ съ утра до вечера и вмѣстѣ съ солдатомъ инженернаго вѣдомства, изъ евреевъ, постоянно живущимъ на перевозѣ, выходятъ изъ караулки только для того, чтобъ драться, или получить свою часть денегъ съ проѣзжихъ или болѣе догадливыхъ, или болѣе достаточныхъ, чѣмъ другіе.

При этихъ разсказахъ сердце молодаго человѣка сжалось. Имъ овладѣло благородное негодованіе. Позабывъ, что онъ посланъ на слѣдствіе о гуртахъ, и видя эту толпу людей, человѣкъ почти сорокъ, предоставленныхъ произволу невѣжественной и грубой корысти, слыша крикъ голодныхъ и иззябшихъ дѣтей, — онъ бросился къ перевозу.

Свѣтать только что начинало. Сердито шумѣла рѣка въ берегахъ своихъ, но движенія на ней не было. Паромъ стоялъ у берега, мѣрно качаясь подъ напоромъ бѣгучей волны. Густой туманъ лежалъ надъ противуположнымъ берегомъ и о крестностями, и изъ него, въ формѣ косматой и исполинской шапки, торчалъ курганъ, поросшій кустарникомъ. Ржаніе лошадей, одинокій вой и лай собаки, привязанной къ одной изъ телѣгъ и осужденной голодать вмѣстѣ съ хозяевами и лошадьми; унылый крикъ ребятъ, убаюкиванье матерей, всплески волнъ,

отдаленный говоръ, близкія ругательства — все это сливалось въ одинъ концертъ, нестройный и дикій.

Различать предметы было уже можно, но перевозчики не торопились: ни одного изъ нихъ не было еще у парома. Взбѣшенный этимъ равнодушіемъ, молодой человѣкъ бросился къ караулкѣ. Тамъ на соломѣ, сѣнѣ, рогожкахъ, войлокахъ, валялось человѣкъ шесть перевозчиковъ. Нѣкоторые еще спали, нѣкоторые поднялись и лѣниво будили товарищей, говоря, что «пора»! на что̀ другіе отвѣчали ругательствами, или словами: «пора тебѣ, такъ ступай»!... Это равнодушіе къ своей обязанности взбѣсило молодаго человѣка еще болѣе. Быстро вбѣжалъ онъ въ избу и закричалъ грозно:

— Что жь вы нейдете къ перевозу мошенники?

Лежавшіе подняли лѣниво головы, еще лѣнивѣе посмотрѣли на молодаго человѣка, потомъ улеглись еще покойнѣе и закрыли глаза какъ люди, до которыхъ это не касается вовсе; стоявшіе оглянулись, молча посмотрѣли на кричавшаго и потомъ продолжали каждый прежнее свое занятіе, не отвѣчая ни слова, какъ будто вопросъ относился не къ нимъ и они были люди совершенно посторонніе.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ себя.

— Не вамъ, что ли, говорятъ, подлецы? закричалъ онъ еще грознѣе.

Тогда одинъ, постарше, стоявшій къ двери спиною, не обернувшись и не оборотивъ даже головы, спросилъ его очень равнодушно:

— А ты по казенному, што ли?

— Тебѣ какое дѣло, по казенному, или нѣтъ? Ваше дѣло перевозить всякаго. Живо — къ парому!

— Не по казенному, такъ жди. Экой прыткой! Видишь, што народу стоитъ на берегу? Не хуже тебя, да ждутъ.

— Какъ же вы смѣете держать ихъ?

— Кто ихъ держитъ! пусть ѣдутъ.

— Куда жь они поѣдутъ, когда вы не перевозите?

— Куда хотятъ, туда пусть и ѣдутъ. Намъ-то какое дѣло!

— Какъ же не дѣло, когда вы перевозчики, когда вы по контракту взялись за это?

— Да развѣ мы брались? — брался хозяинъ.

— А гдѣ вашъ хозяинъ?

— Да кто его знаетъ? — Должно быть въ городѣ.

— Кто жь у васъ старшій здѣсь? Приказчикъ, или кто другой?

— Всѣ старшіе здѣсь! А хочешь найдти старшаго, — ищи!

При этихъ словахъ онъ замолчалъ и никакой крикъ, никакія угрозы не могли вывести его изъ его равнодушнаго молчанія. Сильно хотѣлось молодому человѣку ударить его; но мысль, что этимъ онъ окажетъ себя и повредитъ слѣдствію, остановила его. Видя, что тутъ ничего не добьешся и, напротивъ того замѣтя, что послѣ его крика пере-

возчики стали собираться еще медленнѣе, онъ пошелъ отыскивать замскаго засѣдателя, командированнаго сюда «для порядка».

Онъ нашелъ его въ избѣ съ елкой, опохмѣляющагося изъ стоявшей передъ нимъ косушки, на лавкѣ, замѣнявшей ему постель, — въ ситцевой рубашкѣ съ засученными рукавами, сверхъ нанковыхъ русскихъ штановъ съ гашникомъ, — въ сладкой бесѣдѣ съ цѣловальникомъ, занятымъ сливаніемъ изъ штофовъ, полуштофовъ и косушекъ по нѣскольку вина, а сверху накрывающимъ ихъ пробкою изъ жеваной бумаги, на которой неприкосновенно покоилась печать откупа, такъ что тому, кто бы усумнился въ должномъ количествѣ вина въ косушкѣ, съ торжествомъ показали бы печать не сломанною, и тѣмъ удостовѣрили бы самаго невѣрующаго, что ошибается онъ, а не откупъ.

Думая, что молодой человѣкъ вошелъ для того, чтобъ выпить, цѣловальникъ оставилъ свое занятіе и приготовлялся снять съ полки маленькій четвероугольный штофчикъ, называемый шкаликомъ. Но молодой человѣкъ, еще не совсѣмъ проникнувшійся своей ролью, довольно грубо спросилъ его:

— Гдѣ здѣсь засѣдатель земскаго суда?

Цѣловальникъ молча показалъ ему на сидѣвшаго въ ситцевой рубашкѣ.

Надобно думать, что молодой человѣкъ былъ еще очень неопытенъ, ежели отступилъ на два шага, пораженный мыслію, что эта опухшая и лоснящаяся отъ пьянства рожа, съ рѣдкою и безобразною боро-

дою, принадлежитъ засѣдателю «присланному для порядка.»

— Я проѣзжій, г. засѣдатель, началъ онъ, — и желалъ бы знать, почему ни меня, ни тѣхъ, которые стоятъ на берегу, не перевозятъ черезъ рѣку?

— А позвольте узнать, кто вы такой и изъ какихъ? Изъ благородныхъ?

— Я полагаю, что для васъ это все равно, ктобы я ни былъ. Довольно того, что я проѣзжій, и что, по закону, здѣсь должны перевозить всѣхъ безостановочно.

— Нѣтъ, позвольте. Ежели вы благородный, такъ я сейчасъ велю перевезти: а не благородный, такъ придется подождать. Вы по подорожной, что ли, али такъ?

— Нѣтъ-съ, я безъ подорожной.

— Служащій-съ?

— Нѣтъ, я изъ дворовыхъ людей.

— Такъ что жь ты лѣзешь-то, братецъ? Видишь, что народу на берегу стоитъ? Должо̀нъ ждать?...

— До которыхъ же поръ ждать мнѣ?

— До которыхъ!... ну, до тѣхъ, какъ перевезутъ.

— Да здѣсь есть такіе, что по три дня стоятъ.

— Да тебѣ-то какое дѣло, что они стоятъ? Ты когда пріѣхалъ? Небось сейчасъ только! такъ жди. Не велика птица.

— Однако позвольте...

— Молчать холуй! А поговоришь еще, такъ въ земскій судъ отправлю. Что буянишь-то?

— Да чѣмъ же я буяню — помилуйте? Я только

спрашиваю, почему ни меня, ни другихъ не перевозятъ?

— А не перевозятъ потому, что я не велѣлъ! А не велѣлъ потому, что опасность есть!

— Какая же опасность, коли и вчера нѣкоторыхъ перевозили, и нынче ночью; а другихъ...

— Молчать, я говорю тебѣ! не то вѣдь я... такъ угощу... пожалуй!...

— Я жаловаться буду.

— Кому ты тамъ будешь жаловаться? Исправникъ съ подрядчикомъ въ половинѣ. Чорта съ два возьмешь, какъ пойдешь жаловаться...

— Да помилуйте, у меня надобность есть!

— Плевать я хотѣлъ на твою надобность! Много здѣсь надобностей... слушай только! Пошелъ къ чорту, говорятъ тебѣ!

— Велите же меня перевезти.

— Придетъ твоя очередь, такъ и перевезутъ!...

И съ этимъ словомъ сталъ шарить подъ лавкой, отыскивая смазные сапоги свои.

Много надо было терпѣнья молодому человѣку, чтобъ сносить равнодушно ругательства этого полупьянаго члена земской полиціи. Много разъ порывался онъ показать ему свою подорожную «по казенной надобности», свое «открытое предписаніе»; но къ чести его надо сказать, онъ перенесъ все для того, чтобы узнать въ подробности всю гадость притѣсняющихъ, все страданіе и долготерпѣніе притѣсненныхъ.

Пока онъ находился въ раздумьѣ, что ему дѣлать,

въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ тридцати, съ бородкой, остриженной клинышкомъ, въ тепломъ ваточномъ кафтанчикѣ, извѣстномъ подъ именемъ пальто-сакъ; размашисто поклонился засѣдателю, кивнулъ головой цѣловальнику, искоса посмотрѣлъ на молодаго человѣка и сказалъ:

— Наше почтеніе-съ, Аверьянъ Никитичъ-съ. Какъ, примѣрно сказать-съ, ночь проводить изволили-съ?

— Покорнѣйше благодаримъ-съ, Панфилъ Андреичъ! Оченно голова побаливаетъ что-то-съ...

— Можетъ съ вѣтру-съ. А это что за человѣкъ? къ вамъ, Аверьянъ Никитичъ, али такъ, проѣзжій какой-съ?

— Проѣзжій, чтобъ чортъ его побралъ! Присталъ, какъ банный листъ...

— А вамъ что, молодецъ, примѣрно сказать, нужно-съ?... спросила вдругъ бородка клинышкомъ дрожавшаго отъ нетерпѣнія молодаго человѣка.

— Мнѣ нужно, чтобъ меня перевезли.

— За этимъ остановки не будетъ. Вы какъ, по подорожной проѣзжать изволите-съ?

— Нѣтъ, безъ подорожной.

— Какая-те, братецъ, Панфилъ Андреичъ, подорожная! перебилъ засѣдатель, зѣвая и потягиваясь.—Ты думаешь, и Богъ знаетъ, какая штука!... Алексѣй Алексѣичъ *); ничего больше.

*) Алексѣями Алексѣичами называютъ всѣхъ дворовыхъ людей, за что они очень сердятся.

— Три цѣлковенькихъ-съ... такъ перевеземъ... сказала бородка клиномъ, обращаясь къ молодому человѣку.

— Гдѣ жь мнѣ взять три цѣлковенькихъ? Я барскій человѣкъ и посланъ...

— А нѣтъ, братецъ, трехъ цѣлковыхъ, такъ сиди, да жди очереди!... мало тутъ мужичья вашего брата-то; упрямятся заплатить, такъ пусть и сидятъ.

— Иной бы и радъ заплатить, да нечѣмъ.

— А мы что, подрядились что ли даромъ возить васъ?

— Да вѣдь вы изъ казны деньги на то получаете, чтобъ возить даромъ.

— Языкъ больно дологъ у тебя — вотъ что! Много ли мы получаемъ-то, знаешь ли ты?

— Знаю.

— А знаешь, такъ не твое дѣло. Сказано: хочешь, чтобы перевезли, неси три цѣлковыхъ, да и шабашъ.

Въ эту минуту вбѣжалъ молодой купчикъ въ синей чуйкѣ, обстриженный въ скобку, очень примасленный, въ фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ, и наскоро проговорилъ·

— Хозяинъ-съ! прикажите перевести-съ. Оченно нужносъ-съ. Тятенька приказалъ просить-съ...

— А вы чьи будете-съ? спросилъ приказчикъ.

— Съ Москвы-съ... на ярманку-съ.

— Вамъ извѣстно, молодецъ-съ...

— Знаемъ, хозяинъ-съ, знаемъ! только не за-

держите пожалуйте. Тятенька очень просить приказалъ-съ... и деньги прислалъ.

И съ этимъ словомъ подалъ ему красненькую ассигнацію.

Приказчикъ взялъ, поднесъ ее къ окну, пристально посмотрѣлъ нумеръ, подпись кассира, положилъ ее въ карманъ и сказалъ:

— Сейчасъ-съ! и самъ вышелъ изъ избы. Молодой купчикъ послѣдовалъ за нимъ, а чиновникъ за купчикомъ, желая знать, что будетъ дальше.

Выйдя изъ кабака, приказчикъ направился къ рыбачьей караулкѣ; крикнулъ Ивана Савельева, и когда тотъ вышелъ, сказалъ:

— Сейчасъ перевези тройку, съ Москвы, слышишь!... да пѣшковые есть, такъ тоже перевезти можно... возьмешь по пятачку серебряному съ брата, а больно ломаться будутъ, такъ по десяти копѣечекъ... слышь, ты!

— Слышу...

— А захотятъ кто изъ проѣзжихъ, такъ поставьте пожалуй. Возьми рубликъ серебряной съ тройки, да и съ Богомъ.

— Ну, а давать не будутъ?...

— Давать не будутъ, такъ и перевозить не надоть. Развѣ ужь больно кричать, да озорничать кто станетъ...

Перевозчики между тѣмъ вышли и поплелись къ парому. Было часовъ шесть утра. Разцвѣло, и

солнце начинало показываться изъ-за высокаго противоположнаго берега. Темныя тучи укладывались на одной сторонѣ горизонта безобразными кучами; — на другой, на синевѣ неба блестѣли еще не успѣвшіе померкнуть звѣзды; полный мѣсяцъ начиналъ прятаться за темный боръ, черною лентою охватившій полгоризонта.

Когда повозка молодаго купчика съ его тятенькой въѣхала на паромъ, могущій еще вмѣстить десятка полтора повозокъ и телѣгъ, — несчастныя жертвы притѣсненія Ребенкова и бородки клинышкомъ, тронулись было гурьбою къ парому, надѣясь, что время ихъ страданій окончилось. Они очень ошиблись. Ихъ стали останавливать, — тѣ не хотѣли слушаться, произошла свалка, въ которой, вѣроятно, перевозчики были бы побѣждены, а перевозимые остались побѣдителями, ежели бъ бородка клинышкомъ, вѣроятно опытная въ дѣлахъ такого рода, не послала за засѣдателемъ и казакомъ. Первый хотя и прибѣжалъ «для сохраненія порядка», но быть главнымъ лицомъ ему не удалось; честь эта досталась на долю послѣдняго. Казакъ такъ усердно напалъ на осаждающихъ паромъ, что они принуждены были отступить. Тогда, подъ личнымъ наблюденіемъ самого засѣдателя, начали пускать на паромъ пѣшковыхъ гуськомъ, по одному, взимая съ каждаго по пяти копѣекъ серебромъ; тѣ же, которые не могли заплатить этого «добровольнаго приношенія за хлопоты», допускаемы были только послѣ долговременныхъ руга-

тельствъ и то не иначе, какъ съ тычкомъ въ шею. Оказалось, что всѣ, или большая часть заплатили; вѣроятно они были изъ сосѣднихъ деревень и знали, что гребенской перевозъ славится неизмѣнной справедливостью: «безъ денегъ никого не перевозитъ.» Однѣ старушонки, шедшіе на богомолье, съ туёзками, висѣвшими спереди и сзади, оказались счастливѣе всѣхъ: ихъ посадили даромъ. Хотя бородка клинышкомъ и подговаривалась получить съ нихъ по грошику, но онѣ храбро выдержали натискъ и остались побѣдительницами.

Когда пѣшковые были посажены, тѣ, которые были въ повозкахъ и телѣгахъ или кому очень надоѣло дожидаться, стали предлагать, смотря по достатку, кто по гривеннику, кто по пяти-алтынному съ лошади; но эти предложенія были отвергаемы бородкою клинышкомъ, какъ унизительныя для достоинства гребенскаго перевоза. Онъ импровизировалъ таксу: по четвертаку съ лошади, и то потому, что на паромѣ оставалось свободное мѣсто. Съ ругательствами, многіе согласились, зная, что ждать помощи неоткуда; они уже простояли сутки, все поджидая, не подъѣдетъ ли какой *генералъ*, который *велитъ перевезти*. Деньги были взяты тотчасъ же, и, въ силу этого, получено дозволеніе становиться на паромъ. Большею частію это были троичники и на пáрахъ, — остались бѣдняки одноошадные, большею частію жители сосѣднихъ деревень, бывшіе на базарѣ и пропившіе тамъ выручку, а вслѣдствіе того не имѣвшіе, чѣмъ запла-

тить. Такъ какъ на паромѣ осталось еще мѣсто, и бородкѣ клинышкомъ казалось жаль оставлять это мѣсто впустѣ, то онъ объявилъ, чтобы съ сосѣднихъ брать только по гривеннику, а если у нихъ денегъ нѣтъ, то принимать въ обезпеченіе «что окажется пригоже», мѣшокъ — такъ мѣшокъ, кожу — такъ кожу, овчину — такъ овчину; а у кого нѣтъ даже и такихъ цѣнныхъ вещей, должны представить хоть рогожу, хоть рукавицы, если имъ ѣхать недалеко, причемъ какъ тѣ, такъ и другіе получили увѣреніе, что на перевозѣ у нихъ «на чести», и что тотъ, кто привезетъ деньги, получитъ въ цѣлости вещь свою.

Берегъ очистился — и тамъ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ слышались ругательства, шумъ, крики, слезы,— водворилась совершенная тишина и осталось только нѣсколько разбросаннаго сѣна, да мѣстами зерна овса, на которыя тотчасъ налетѣли голуби, — и нашъ герой, никакъ не хотѣвшій заплатить четвертака съ лошади, по очень простой причинѣ, что ему не для чего было переѣзжать на другую сторону.

Когда паромъ отчалилъ, молодой человѣкъ не захотѣлъ болѣе скрывать себя. Для виду попрося еще разъ бородку клинышкомъ перевезти его даромъ, на что тотъ отвѣчалъ, пославъ его ко всѣмъ чертямъ, и, потомъ, обратясь объ этомъ съ жалобою къ засѣдателю, на что и этотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же, — онъ вдругъ вышелъ изъ роли просителя и закричалъ:

— Такъ я вамъ приказываю перевезти меня — и сейчасъ же!

Бородка клинышкомъ и засѣдатель сначала оробѣли было, но потомъ, сами спохватясь своей «глупости», только засмѣялись, и махнувъ рукой сказали:

— Хорошо, хорошо! только не твоя недѣля нынче приказывать-то!

И хотѣли уже уйдти, когда молодой человѣкъ сунулъ въ носъ засѣдателю открытое свое предписаніе и тѣмъ заставилъ его остановиться. Прочитавъ по складамъ содержаніе его, онъ принялся чесать голову молча, видимо не зная, что дѣлать. Долго бы, можетъ быть, продолжалъ онъ полезное занятіе свое, еслибъ бородка клинышкомъ не подоспѣла къ нему на помощь. Видя смущеніе засѣдателя, онъ обратился къ нему съ просьбою, передать ему открытое предписаніе. Разсмотрывъ его, онъ вдругъ спросилъ молодаго человѣка:

— А позвольте узнать-съ: вы, то-есть, у какого, примѣрно, губернатора служить изволите-съ?

— У здѣшняго — развѣ не видите?

— Текъ-съ! Такъ чего жь вамъ угодно-съ?

— Мнѣ угодно, чтобы вы мнѣ отвѣчали, какъ вы смѣете удерживать людей на перевозѣ по нѣскольку дней?

— Такъ вотъ чего угодно-съ! А мы думали, можетъ, перевезти-съ, — такъ сейчасъ.

— Мнѣ не нужно вашего перевоза... я требую отвѣта на то, что спрашиваю.

— Отвѣта-съ!... А на что отвѣта?

— На то, какъ вы смѣете удерживать здѣсь проѣзжихъ?

— Удерживать-съ... Кто жь ихъ удерживаетъ-съ?

— Вы.

— Мы-съ... ни когда-съ.

— Да развѣ не засталъ я здѣсь людей, которые стояли по два, и даже по три дня?

— Да кто жь имъ велитъ стоять-съ? Можетъ быть, такая надобность имъ была-съ.

— Какая надобность, когда ихъ не перевозятъ?

— У насъ задержки нѣтъ-съ... Мы перевозимъ всѣхъ-съ... Прощенья просимъ-съ.

И съ этимъ словомъ бородка клинышкомъ слегка поклонилась и хотѣла уйдти; но молодой человѣкъ, раздосадованный наглостью его, дернулъ его и закричалъ:

— Какъ ты смѣешь уходить, когда я говорю съ тобой? Развѣ ты не читалъ, кто я?

— Позвольте-съ!... Вы драться, то-есть, не извольте-съ. Этого, примѣромъ сказать, вамъ не позволено-съ. Я мѣщанинъ... и безъ депутата, вы, то-есть, спрашивать меня не можете-съ.

— Какъ же вы смѣете здѣсь грабить?

— Грабятъ-съ въ лѣсу, да на большой дорогѣ, а здѣсь перевозъ... грабить нельзя-съ. Къ тому-жъ, здѣсь земская полиція есть-съ... и наблюденіе имѣетъ...

— Вы знаете ли, что по контракту вы обязаны перевозить всѣхъ даромъ?

— Контрака̀ у насъ нѣтъ-съ... и мы не знаемъ, что̀ тамъ написано-съ... Знаемъ только, что отъ хозяина приказано четыре человѣка содержать-съ, а мы содержимъ двѣнадцать-съ.

— Зачѣмъ же четыре, когда двѣнадцать нужно?

— Мы это не можемъ знать-съ. Должно-быть такъ въ контракѣ сказано-съ.

— Что здѣсь четверымъ человѣкамъ дѣлать, когда и двѣнадцать-то только, только что сладятъ съ паромомъ?

— Это ужь дѣло хозяйское... Просимъ прощенія-съ.

Что̀ было дѣлать? Кровь у молодаго человѣка кипѣла; онъ дрожалъ отъ негодованія, но видѣлъ, что сдѣлать ничего не можетъ. Бородка клинышкомъ безъ депутата отвѣчать ему не будетъ; требовать депутата и начать слѣдствіе — онъ безъ особаго предписанія не можетъ; а просить предписанія и дожидаться его — значитъ, жить три или четыре дня на берегу, въ грязи, въ кабакѣ, безъ ѣды и питья, въ сообществѣ пьянаго засѣдателя и мошенника перевозчика. А къ чему поведетъ и слѣдствіе, еслибъ даже и начать его? Гдѣ обвинители, гдѣ свидѣтели? Никого нѣтъ. Все это ужь на другомъ берегу, и когда придетъ предписаніе, они будутъ кто за пятьдесятъ, кто за сто верстъ. Да и кто они? Онъ не знаетъ никого по имени, не знаетъ ни мѣста ихъ жительства, не знаетъ даже, захотятъ ли они быть свидѣтелями противъ перевозчика, захотятъ ли быть привлечены къ слѣдствію? къ тому же,

ежели они изъ окрестныхъ, имъ ссориться съ перевозчикомъ не выгодно, ибо они постоянно у него въ рукахъ. Слѣдствіе начнутъ и кончатъ, чиновникъ уѣдетъ, а перевозчикъ останется. Но такъ какъ гнѣву его непремѣнно надо было вылиться наружу, то онъ всею тягостью своей обрушился на засѣдателя.

— Что жь вы смотрѣли?... закричалъ онъ — и не остановили подобныхъ притѣсненій?

— Мы... ваше благо... ваше высокородіе-съ!... мы... отъ земскаго суда-съ... господинъ... исправникъ-съ не приказалъ-съ...

— Чего не приказалъ?...

— Не приказалъ-съ... притѣсненія-съ перевозчикамъ дѣлать... Они, говорятъ-съ, и начальнику губерніи люди извѣстные... и компанію съ ними водятъ-съ... такъ... я-съ... тово-съ.

— Вретъ вашъ господинъ исправникъ. Никогда намъ губернаторъ не позволитъ себѣ сдѣлать такую несправедливость!

— Мы этого не можемъ знать-съ... Наше дѣло подчиненное-съ.

— Вы знаете-ли, чему вы подвергаетесь, если будетъ доказано, что вы потворствовали притѣсненіямъ?

— Помилуйте-съ... ваше высокородіе-съ... не погубите-съ... Жена... дѣти... малъ-мала меньше. Невиненъ состою-съ... Волю начальства исполняю-съ.

И онъ съ-пьяна готовъ быть заплакать; готовъ былъ даже опуститься среди грязи на колѣни,

еслибы гнѣвъ молодаго человѣка не смѣнился презрѣніемъ, и онъ не остановилъ его.

— Стыдно вамъ, господинъ засѣдатель, сказалъ онъ съ силою; — очень стыдно!...

— Помилосердуйте, ваше высокородіе... Жалованья не получаю... долженъ проживаться здѣсь!... разсудите милостиво... Что̀ получу отъ перевозчика, то только и есть... не погубите-съ! А насчетъ доказательствъ не извольте безпокоиться; ихъ не будетъ-съ — всѣ разъѣхались: спросить некого-съ; а ежели...

Молодой человѣкъ не слушалъ его; онъ уже сидѣлъ въ телѣгѣ и ѣхалъ къ деревнѣ, гдѣ перевозили гуртъ и взяли по два рубля ассигнаціями съ головы.

II.

Было воскресенье, когда Ветлинъ (фамилія молодаго человѣка) пріѣхалъ въ деревню Заозерье. Группы дѣвокъ, въ шубкахъ изъ нанки яркихъ цвѣтовъ, съ таліями на плечахъ, сверхъ ситцевыхъ сарафановъ, обнявшись ходили по грязной улицѣ, на которой протоптаны были тропинки для пѣшеходовъ. Толпы молодыхъ парней, въ суконныхъ кафтанахъ и халатахъ изъ синей китайки, стояли подъ навѣсами воротъ, а одинъ изъ нихъ отхватывалъ на гармоникѣ какую-то удивительную музыку, въ родѣ камаринской или трепака. Видно было, что вся эта

толпа провожала дѣвокъ глазами, но не подходила къ нимъ, дожидаясь сумерекъ. Днемъ водятъ только хороводы. Игра эта чрезвычайно монотонна: схватятся руками человѣкъ двадцать-тридцать мужчинъ и женщинъ, сдѣлаютъ кругъ, ходятъ кругомъ, поютъ что-то очень скучное, одинъ кривляется по срединѣ — и это называется: «водить хороводы». Вообще видно, что эти хороводы есть только средство убить время *прилично,* — а для настоящихъ игръ, то есть, горѣлокъ, пѣсней, хохота и проч., дожидаются сумерекъ. Многіе отцы ходятъ «на улицу» прогнать оттуда дочерей съ игрища, потому что часто полночь застаетъ ихъ тамъ; другія, которыхъ отцы или поравнодушнѣе, или погулливѣе, ворочаются только передъ свѣтомъ, когда отцы уже «готовы» (то есть, пьянехоньки) и храпятъ молодецки, или сидятъ у питейнаго, взаимно угощая другъ друга до тѣхъ поръ, пока есть деньги, или пока одинъ другому «по пріятельскому» не разобьетъ въ кровь носа, и другіе не разойдутся, чтобъ не попасть «подъ слѣдствіе».

Таково, или почти таково было состояніе дѣлъ въ Заозерьѣ, когда пріѣхалъ туда Ветлинъ, приказавшій везти себя къ дому старосты, сотника, или какой бы то «власти» ни было. Его привезли къ дому десятника, который, какъ только узналъ, что это губернскій чиновникъ, тотчасъ побѣжалъ отводить ему квартиру. Такъ какъ имѣніе было удѣльное, то это сдѣлалось довольно скоро; въ другихъ ему пришлось бы, можетъ быть, продежурить на улицѣ часа полтора, или даже и больше. Домъ, въ которомъ

ему отвели квартиру, былъ двухъ-этажный, состоялъ изъ многихъ комнатъ, съ воротами посрединѣ. Каждый ставень окна пестрѣлъ различными, самыми затѣйливыми фигурами и цвѣтами; между оконъ, гдѣ было обшито тесомъ, тогда какъ и низъ и верхъ были бревенчатые, красовались грубо нарисованные солдаты и деревья въ горшкахъ одного съ ними роста, также что-то такое въ родѣ львовъ съ надписями «се люты звѣрь!», или «Архепъ Исаевъ сей домъ мастеромъ былъ». Комнаты были свѣтлы и чисты, но на окнахъ валялись крошки хлѣба, а на изразцовой, съ разными птицами лежанкѣ, брошена была засаленая ситцевая подушка. По несчастію комната оказалась не топленою, и Ветлину предстояло или дрожать въ холодной комнатѣ, или идти въ «общую», т. е. туда, гдѣ останавливаются проѣзжіе.

Ветлинъ предпочелъ послѣднее. Онъ вошелъ туда въ то время, какъ извозчики, проѣзжавшіе проселкомъ, чтобы избѣжать казеннаго перевоза, обѣдали. Ихъ было четверо Въ ситцевыхъ, красныхъ и клѣтчатыхъ рубашкахъ, сидѣли они за столомъ, покрытымъ грязною скатертью, и въ эту минуту «хлебали» щи. Послѣ щей подали имъ вареный горохъ, лапшу съ медомъ, потомъ гречневую кашу съ конопляннымъ масломъ, которую они послѣ каждой ложки запивали квасомъ; потомъ, когда на требованіе ими меда, меду не оказалось, подали имъ вмѣсто меду конопляное масло, налитое въ деревянную чашку. Въ масло это они макали «ситникъ», то есть

бѣлый пшеничный хлѣбъ, нарѣзанный ломтями чуть ли не въ два фунта величиною. Завершилось все это гороховымъ киселемъ, который они брали тоненькими лучинками, замѣнявшими вилки; кисель былъ предварительно крѣпко посоленъ и облитъ масломъ.

Никогда не видавъ подобнаго зрѣлища, Ветлинъ обезумѣлъ, глядя на нихъ, и не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Никогда не ожидалъ онъ, чтобъ человѣкъ могъ вмѣстить въ себя такое огромное количество разнородныхъ съѣдомыхъ, и чтобы человѣческій желудокъ могъ переварить безнаказанно соединенія масла и кваса, лапши и меда, кислой капусты и киселя. Хоть онъ и слыхалъ иногда, что русскій человѣкъ можетъ ѣсть невѣроятно много; хоть онъ на Невскомъ и на Кузнецкомъ мосту видѣлъ каррикатурныя картинки, гдѣ «стараются» смѣятся надъ русскимъ аппетитомъ отмѣнно тонко и умно, — хоть онъ и вѣрилъ наконецъ, что русской желудокъ переваривает чуть не камни, — но всетаки онъ не могъ думать, чтобъ одинъ и тотъ же желудокъ могъ вмѣстить и такое количество и такое разнородіе яствъ и питій.

Русскій человѣкъ вообще когда ѣстъ, торопиться не любитъ. Онъ предварительно сниметъ кафтанъ, поддевку и останется въ одной рубахѣ; потомъ сниметъ кушакъ и поясъ, ежели имъ подвязанъ и наконецъ не только самъ сходитъ посмотрѣть лошадей, но еще пошлетъ за тѣмъ же товарища, когда воротится. Всѣ эти операціи дѣлаются не послѣ, но во время обѣда, и поэтому обѣдъ изъ пяти перемѣнъ

продолжается часъ и болкше, тѣмъ болѣе, что ложка не держится въ рукѣ, послѣ того, какъ содержащееся въ ней было положено въ ротъ, — но непремѣнно всякой разъ кладется на столъ, такъ что всякій глотокъ ѣды дѣлаетъ скатерти вкладу: каплю щей, ежели ѣли щи; каплю гороху и лапши, ежели ѣли горохъ и лапшу — однимъ словомъ всякаго кушанья, какъ бы масляно оно ни было. Это и бываетъ причиною того, что послѣ обѣда чистая скатерть превращается въ мокрое, гадкое, сальное полотно, которое, по уваженію того, что оно «нынче было чистое», не отдается въ мытье, а подается и завтра и послѣ завтра, до того времени, пока выслужитъ свой недѣльный срокъ и не превратится въ проклеенную разными съѣстными веществами клеенку, которая можетъ стоять коломъ, ежели ее не постелешь, а поставишь на столъ стоймя.

Время ѣды у Русскаго есть время самыхъ интимныхъ бесѣдъ. Тутъ вы узнаете, не только что̀ съ каждымъ обѣдающимъ случилось въ тотъ день и въ продолженіе всей его жизни, но и характеръ его барина и барыни, ежели онъ помѣщичій; какъ зовутъ и каковъ окружной начальникъ, ежели онъ государственный; всѣ мошенничества и всѣ плутни мѣлкаго торговаго міра, ежели онъ мѣщанинъ. Для наблюдателя нравовъ это лучшее время для того, чтобы узнать характеръ народа, его наклонности, его страсти, его понятія.

— Ты, Ванюха, никакъ на казенной хотѣлъ ѣхать?.. спросилъ одинъ ямщикъ другаго.

— На казенной, Титъ Савельичъ! Проселкомъ-то добре грязно, такъ съ шоссе сворачивать-то не хотѣлось.

— Ну такъ что жь не поѣхалъ?

— Какой не поѣхалъ, — поѣхалъ, да воротился; только крюку даромъ далъ.

— Что жь, не перевезли штоль?

— Чортъ ихъ, прости Господи, разберетъ! Перевозчикъ залупилъ полтора цѣлковыхъ; я сунулся къ старшому, — приказчикъ што ли онъ тамъ какой... думалъ, толкъ какой будетъ, — куда-те!.. и подъ ладъ не дался. Дай два цѣлковыхъ, да и кончено. Подумалъ, подумалъ, да и поѣхалъ сюда.

— Тамъ еще никакъ засѣдатель живетъ...

— Живетъ, чтобъ ему пусто стало... Ругатель, больше ничего. Пьяная харя!.. Вишь ты, онъ живетъ-то въ питейномъ, — я и пришолъ туда. Сидитъ у нихъ какой-то въ синей чуйкѣ — купецъ ли, мѣщанинъ, ужь не знаю, — и переговоры ведутъ... Вы дескать, купецъ-то говоритъ, какъ я подъѣду съ телѣгой къ перевозу и велите поставить; да какъ-нибудь, какъ будто невзначай, телѣгу-то и столкните въ воду, что бъ все, что въ ней есть уплыло... али потонуло.

— Зачѣмъ же это?

— А кто жь его знаетъ? должно быть нужно. Вишь ты — у него бумаги какія-то требуютъ... бумаги-то у него, положимъ, и есть, да въ нихъ, вишь, фальшь какая-то... Такъ ихъ показать-то

ему и нельзя... А тутъ, чего лучше, — утонули, дескать, да и все тутъ.

— Хитро, малой, подумаешь! замѣтилъ третій.

— Извѣстное дѣло — лавошники! На томъ стоятъ. Мошенникъ на мошенники сидитъ, мошенникомъ погоняетъ... Придетъ случай нашего брата расчитывать, какихъ колесъ не подпускаетъ. Наровитъ тебѣ арапчика втереть безногова, или изорванную бумажку... а станешь говорить — куда-те!.. Разсерчаетъ такъ, что и Господи упаси. Я намесь кладь привезъ къ Ивану Прохорычу, знаешь, Кололиловскому; надо было съ него получить сто рублевъ слишкомъ за извозъ. Ужь какой же дряни онъ мнѣ набралъ!.. рублевъ на двадцать никакъ мелочи — одна одной хуже! Стертыя, съ дырочками; — пуговицы, да и только. Я ему и заикнулся: Иванъ, дескать, Прохорычъ! деньги-то больно плохи даешь; а онъ какъ крикнетъ... да и пошелъ... и пошелъ... Я послушалъ, послушалъ — думаю: семъ къ городничему пойду. Не все же въ самомъ дѣлѣ нашего брата обижать станутъ. Прихожу: солдатъ у городничаго такой бравый стоитъ. Говоритъ: дѣдушка, чего нужно? — Такъ и такъ, говорю, господинъ кавалеръ, къ городничему пришелъ... Иванъ Прохорычъ больно обижаетъ, такой мелочи далъ, что ни въ одномъ кабакѣ не возьмутъ. Хотѣлъ его благородію пожалиться. «Эхъ, старикъ! сказалъ унтеръ; — давно на свѣтѣ живешь, а ума не набрался, ну промѣняетъ, что ли, на тебя городничій Ивана Прохорыча? у нихъ дружба дав-

нишная, — хлѣбъ-соль водятъ. Какъ ни поѣдетъ Иванъ Прохорычъ въ Москву, али въ Питеръ... смотришь, то женѣ городнической на платье привезъ, то ему на мундиръ сукна... А ты тутъ суешься. Что̀ ты ему? ни братъ, ни сватъ! Какіе съ тебя барыши! поди-ка, братъ, лучше, откуда пришелъ... а то, пожалуй, разсерчаетъ, такъ еще велитъ тебя же въ трубную посадить. Право слово!» Подумалъ, подумалъ я... махнулъ рукой, да и пошолъ отъ грѣха подальше... Взаправду велитъ посадить... что̀ возмешь? пропадай они и съ деньгами-то. Еще унтеру далъ десять копѣекъ на добромъ словѣ...

Поданная работницею перемѣна остановила на минуту нить разговора; послѣ чего старикъ опять началъ:

— А когда жь это мѣщанинъ-то на перевозъ хотѣлъ пріѣхать?

— Завтра на разсвѣтѣ, отвѣчалъ Ванюха. Такъ у нихъ и согласіе было, чтобы онъ пріѣхалъ пораньше и побольше бы шумѣлъ: очень-дескать нужно; судъ бумаги требуетъ.

— А что они съ него взяли?

— Этого тебѣ, дядя Титъ, хвастать не буду; настоящее не слыхалъ... кажись какъ будто полсотни рублей онъ имъ сулилъ, а они просили больше. Ну, а начемъ сошлись, не знаю. Только больно поджигалъ засѣдатель: ты, дескать, не мирись на полсотнѣ — больше дастъ.

— Эко зелье, подумаешь! проговорилъ старикъ,

пережевывая кашу и запивая ее квасомъ: — такъ и норовятъ только, чтобъ обобрать человѣка.

Ветлинъ не пропустилъ ни слова изъ этого разговора. Онъ побѣжалъ къ себѣ, написалъ отношеніе къ депутату, который былъ въ губернскомъ городѣ, чтобъ онъ прибылъ къ слѣдствію; распорядился отсылкою этого пакета и, обезпечивъ себя такимъ образомъ дни на два, ибо прежде этого срока ожидать депутата было нельзя, — рѣшился на другой день ѣхать опять на казенный перевозъ смотрѣть, какъ будутъ топить бумаги, которыя «судъ требуетъ», и узнать, съ какою цѣлью это дѣлается.

III.

Свѣтало, когда Ветлинъ пріѣхалъ снова на казенный перевозъ въ дубленомъ своемъ полушубкѣ, густо забрызганномъ грязью, которой онъ нарочно измазалъ себѣ даже лицо, чтобъ меньше быть узнаннымъ. Такъ какъ день былъ не базарный, то у перевоза собралось не много, — три, четыре одноконныя телѣги, одна тройка съ господиномъ, спавшимъ въ огромныхъ ситцевыхъ подушкахъ, и наконецъ городская телѣжка, на которой сидѣла толстая мѣщанка въ розовомъ платочкѣ, едва прилѣпленномъ на вершинѣ головы, нарумяненная и набѣленная, не смотря на раннее утро. Сидѣла она неподвижно, уставивши тупые глаза свои на одну точку. Мущины съ ней въ телѣжкѣ не было; за то

около перевоза кричалъ и ругался какой-то приземистой и плотной господинъ съ бородкой, въ синей чуйкѣ, одна пола которой была заткнута за шелковый кушакъ, обхватившій его неуклюжее и пухлое тѣло. Онъ кричалъ изъ всѣхъ силъ, и всякому встрѣчному и поперечному объяснялъ, что ему «необходимо нужно; что его требуетъ магистратъ для представленія торговыхъ книгъ; что онъ везетъ эти книги со всѣми документами и долженъ всенепремѣнно прежде полудня представить ихъ въ магистратъ; иначе бѣда будетъ.» Сквозь начинающій подыматься туманъ, Ветлинъ замѣтилъ, что на бугоркѣ стоялъ засѣдатель, бородка клинышкомъ и цѣловальникъ, которые наблюдали, какъ удастся операція топленія бумагъ. Ветлинъ подошелъ къ телѣгѣ мѣщанина или купца, требуемаго магистратомъ, и заглянулъ въ нее. Дѣйствительно въ ней лежалъ большой чемоданъ съ книгами и бумагами. Чемоданъ не былъ запертъ, а только связанъ веревкой и то не плотно, и изъ него торчали графленыя бумаги, усѣянныя цыфрами. Кромѣ того, въ телѣгѣ лежалъ узелокъ съ платьемъ, который нарумяненная женщина, съ розовымъ платочкомъ на макушкѣ, придерживала рукою.

Ветлинъ, оставивъ лошадей своихъ за старымъ плетнемъ, самъ спустился прямо къ водѣ, такъ что ни засѣдатель, ни бородка клинышкомъ, при густомъ туманѣ, не могли разсмотрѣть его въ лицо, — и обратился прямо къ пухлому лицу въ чуйкѣ.

— Позвольте узнать, куда вы ѣдете?

— Я-съ? — въ Колотиловъ! Оченно тороплюсь.

Изволите видѣть-съ!.. мы по торговой части... лавочку мелочную содержали-съ... и позапутались маленечко-съ... года плохіе, сами знать изволите!.. Торговцевъ очень много развелось... поодолжались кой-кому... такъ несостоятельными-съ, изволите видѣть, и объявились-съ. Кредиторы, знаете, народъ грубый, не полированный-съ... такъ сумнѣнье возымѣли, что мы, то есть, злостные банкроты-съ... Подали, сударь, доносъ. Колотиловскій магистратъ и требуетъ къ разсмотрѣнію книги и документы-съ... Вотъ я ихъ везу теперь... Конечно, книги у насъ чистота-съ... какъ стеклышко-съ; а все знаете обидно-съ... такую мораль заслужить.

— Такъ вы думаете поспѣть нынче въ Колотиловъ?

— Всенепремѣнно нужно-съ... Хоть лошадь на смерть загоню-съ, а пріѣхать постараюсь. Эй вы, господа перевозчики! Что же, долго ли держать проѣзжихъ будете? Не по указу дѣвствуете! закричалъ онъ перевозчикамъ, ставившимъ телѣги на паромъ.

— Прикажите-съ, господинъ засѣдатель! продолжалъ онъ, обращаясь къ бугорку, на которомъ въ густомъ туманѣ чуть виднѣлось лоснящееся лицо чиновника земской полиціи «присланнаго для порядка.»

— Ребята, живѣе! закричалъ повелительно хриплый голосъ изъ тумана.

— Живѣе! хорошо тебѣ; ты ужь нынче хлѣбнулъ, пробормоталъ себѣ подъ носъ старый пере-

возчикъ; а мы ныньче еще хлѣба крошки не видали во рту! Житье проклятое! они себѣ гуляютъ, да набиваютъ карманы, а мы работай хуже собакъ!

Телѣги и тройки были уже поставлены на паромъ и пришла очередь городской телѣжкѣ. Дряблый купчикъ засуетился изо всѣхъ силъ. Подбѣжавъ сперва къ одному, потомъ къ другому перевозчику, онъ пошептался съ ними и потомъ звонко закричалъ:

— Лимпіада Сергѣвна-съ! Троньте возжи-съ!

Толстая купчиха тронула возжами, телѣжка двинулась, но у самаго парома купчикъ остановилъ лошадь и сказалъ:

— Вылѣзьте Лимпіада Сергѣвна-съ. Всяко бываетъ. Не равенъ часъ... Шутя бѣда стряхнется.

Лишь только раздался звонкій голосъ дряблаго купчика, понуждающій перевозчиковъ, изъ тумана вдругъ выступила высокая фигура казака, который вдругъ ни съ того ни съ сего, принялся распоряжаться перевозчиками.

— Эй вы, мужичье! закричалъ онъ: — скорѣй поворачивайся! Что проѣзжихъ-то держите? Живо!

Купчикъ между тѣмъ, проводивши по доскамъ свою Лимпіаду Сергѣвну на паромъ, самъ воротился къ лошади, и, взявъ ее подъ уздцы, пустилъ на мостки одну и крикнулъ: — ну, сивка, съ Богомъ.

Въ то самое мгновеніе, когда лошадь входила

передними ногами на паромъ, а заднія ноги ея и телѣга оставались еще на мосткахъ, раздался вдругъ, неизвѣстно откуда, свистокъ; казакъ крикнулъ еще разъ: живѣй! паромъ затрясся и тронулся съ мѣста. Бѣдная лошадь уцѣпилась было передними ногами за паромъ; но какъ онъ все отдалялся, то телѣга глухо рухнулась съ мостковъ въ воду и стащила за собою лошадь. Дряблый купчикъ, неизвѣстно для чего остававшійся на берегу, закричалъ, какъ сумасшедшій: «помогите, помогите!» А супруга его вдругъ взвизгнула, какъ будто пырнули ее ножемъ, и начала выть, приговаривая на всѣ тоны: «Архипъ Антонычъ!.. Кор...милецъ... ба...тюшка!.. на кого... ты меня... покинулъ...»

Перевозчики, между тѣмъ, бросились къ лошади, подцѣпили ее канатами, подтянули къ мостикамъ, обрѣзали супонь и возжи, и вывели на берегъ. Все это совершилось почти въ одно мгновеніе. Перевозчики кричали и бранились, кто какъ умѣлъ; лоснящійся засѣдатель, бородка клинышкомъ и цѣловальникъ сбѣжали внизъ съ бугорка и кругомъ изо всѣхъ силъ суетились; дряблый купчикъ кричалъ, вылъ, плакалъ, стоналъ, повторяя на всѣ лады:

— Батюшки, батюшки! помогите! Документы мои, батюшки, спасите... ради Бога спасите!... и метался изъ угла въ уголъ, какъ будто его хотѣли рѣзать.

Побѣжали за баграми, стали вытаскивать телѣгу, но она отъ чего-то опрокинулась вверхъ дномъ.

Картончикъ поплылъ прыгая и кружась по волнамъ. Чемоданъ съ бумагами канулъ на дно. Сколько ни искали его баграми, крючьями и кошками, сколько ни шарили подлѣ парома и вдали отъ него, найти не могли. Не знаю почему, Ветлинъ вспомнилъ нечаянно объ узелкѣ съ платьемъ, лежавшемъ въ телѣгѣ. Онъ взглянулъ на паромъ и увидѣлъ, что воющая Лимпіада Сергѣвна держала его въ своихъ рукахъ. Ветлинъ не могъ не улыбнуться подобной предусмотрительности.

Когда наконецъ телѣга была вытащена и все пришло въ прежній порядокъ, дряблый купчикъ началъ вопить, что онъ погибъ, что Колотиловскій магистратъ засудитъ его; что чѣмъ же онъ виноватъ; что на все воля Божія, и что безъ нея «власъ съ головы человѣческой не спадетъ.» Всхлипывая и рыдая, сталъ онъ сперва просить, потомъ убѣждать, а наконецъ требовать свидѣтельства о томъ, что «документы потонули.»

Этого, кажется, не ожидалъ лоснящійся засѣдатель. Онъ было окрысился на него; но увидя, что тутъ есть посторонніе, тотчасъ замолчалъ и только знакомъ показалъ ему на домъ съ елкою, какъ бы приглашая туда для объясненій.

Ветлинъ, любопытствуя видѣть окончаніе этой сцены, послѣдовалъ за ними и присѣлъ на крылечкѣ увеселительнаго зданія. Съ полчаса продолжался тамъ крикъ и ругательства, потомъ все смолкло, — а минутъ черезъ десять дряблый купчикъ вышелъ оттуда весь въ поту, складывая ка-

кую-то бумагу и гнѣвно повторяя: «Іуды проклятые! чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ ни дна, ни покрышки... Мало еще взяли!.. Совсѣмъ ограбить захотѣлось, разбойники!»

И долго продолжался бы, можетъ-быть, этотъ монологъ, еслибъ Ветлинъ не подошелъ къ нему и не спросилъ:

— А что, получили свидѣтельство?

— Получилъ, чтобъ имъ пусто стало; пятьдесятъ рублей сдули, мошенники эдакіе! Видятъ, что нужда человѣку, ради не то что одежду, шкуру-то всю снять. Околѣть бы вамъ безъ покаянія, душегубцы!

— А можно видѣть свидѣтельство?

— Можно, пожалуй!

И онъ вынулъ гербовый пятнадцати-копѣечный листъ, исписанный каракулями, подъ которыми виднѣлась черная печать засѣдателя земскаго суда!

Въ другой разъ Ветлину пришлось подивиться предусмотрительности купчика и чиновника, приготовившихъ не только драму, но даже и развязку.

Свидѣтельство гласило:

«18.. года апрѣля « » дня, на Гребенскомъ перевозѣ свидѣтельство сіе далъ засѣдатель Колотиловскаго земскаго суда Гонотѣевъ Котиловскому купецкому племяннику Архипу Антонову сыну Криворотову, книги и документы утонули въ рѣкѣ

Шальной отъ полой воды. Помащь подавали всякую съ опасностію жизни, и самъ Криворотовъ еле не потонулъ спасалъ бумаги. У сего свидѣтельства за неумѣніемъ грамоти засѣдатель печать приложилъ.»

Прочитавъ эту бумагу, Ветлинъ махнулъ рукой, грустно потупилъ голову и молча поѣхалъ на слѣдствіе о гуртахъ.

ТЕТЕРНИКОВЪ.

ТЕТЕРНИКОВЪ.

На одномъ изъ листочковъ, составляющихъ воспоминанія чудака, написано было слѣдующее:

«Вчера вечеркомъ былъ я у учителя народнаго училища N; много тамъ любопытныхъ анекдотовъ и разсказовъ слышалъ. Одинъ изъ нихъ особенно остался у меня въ памяти. Разсказывалъ ихъ толстой помѣщикъ, изъ выслужившихся чиновниковъ, сѣдой старичекъ, говоря что сосѣдъ его, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ разсказахъ, давно уже и померъ. Да и слава Богу! Сохрани Богъ, ежели такіе люди долго жить станутъ. Пришедши домой, я записалъ слышанное, какъ могъ упомнить; — дурно ли, хорошо — ужь не взыщите. Дѣло кажется было между 1795 и 1800 годами.

—

«Давно, господа, живу я въ Картолюбскомъ уѣздѣ и много на своемъ виду видовъ видалъ, особенно между помѣщиками, но нигдѣ и никогда, изъ всего того

что̀ видѣлъ, не знавалъ курьезнѣе моего сосѣда Семена Андреевича Тетерникова. Врядъ ли онъ не любопытнѣе всего того, что мнѣ случалось встрѣчать на бѣломъ свѣтѣ. Это ужь не то что нашъ братъ чиновникъ, али другой какой помѣщикъ — нѣтъ, подымай выше! Это что̀ называется птица высшаго полета: ловокъ, уменъ, хорошъ; въ Парижѣ жилъ нѣсколько лѣтъ; по-французски такъ и рѣжетъ, а начнетъ по-руски говорить, такъ все какъ будто картавитъ; родней, да знакомствомъ станетъ считаться, — такъ кажется и чортъ то ему не братъ. Тысячи двѣ душъ крестьянъ имѣлъ, въ домѣ штофы, да бархаты, а позоветъ бывало кого, такъ обольетъ шампанскимъ; лакейства тьма тмущая — одѣта какъ! Господи Боже мой! гдѣ нашему брату чиновнику одежу такую имѣть! Фракъ не фракъ; жилетка, такъ одна кажется рублей пять стоитъ. А важные-то какіе подумаешь! Ужь не жди, чтобъ этакъ съ чиновникомъ покалякать остановились . . . нѣѣтъ! . . это ужь шалишь! . . . А къ мужикамъ такъ бѣгаютъ, да такъ-то бражку деревенскую потягиваютъ, что любо дорого. А брага это, фу ты Господи! какъ это кажется такимъ людямъ да пить такую мерзость: горько, кисло, пьяно . . . голой хмѣль, да и кончено. А вѣдь пьютъ, да еще какъ! . . . надо думать, что хмѣль-то и заставляетъ уважать ее такъ! . . Тетерниковъ помѣщикъ не изъ обыкновенныхъ. У него все не такъ, какъ у другихъ. Застольщины у него нѣтъ; фи! какая гадость! Кормить людей вонючей солониной, да грешневой кашей, какъ это

обыкновенно у другихъ ведется, — развѣ это можно? Развѣ человѣкъ скотина, чтобъ вести его такъ? Нѣтъ — деньги дать ему на его продовольствіе; онъ человѣкъ мыслящій, существо разумное: пусть самъ добываетъ себѣ средства къ пропитанію! . . И далъ онъ всей своей дворнѣ, кромѣ одной муки, которая отпускалась изъ барскаго амбара, всѣмъ, по 10 руб. въ мѣсяцъ на человѣка. Дворня большая, денегъ вволю поступаетъ въ раздачу, а кого ни спросишь: каково поживаютъ Тетерниковскіе дворовые? такъ только рукой махнутъ, да что-то промычатъ, такъ что и не поймешъ: хорошо, али дурно имъ.

Я сказалъ уже, что дворня у Тетерникова, а особенно лакейство, важны такъ что изъ рукъ вонъ. Всѣ во фракахъ; жилеты на нихъ шелковые; дежурный непремѣнно въ красномъ камзолѣ съ галунами, почему и можно завсегда узнать, что онъ дежурной. Жабо бѣлое, накрахмаленное какъ лубокъ; манишка съ запонками, къ столу всѣ въ перчаткахъ . . . а случилось однажды Тетерникову разсердиться, да вздумалось одного изъ лакейчиковъ повесть въ конюшню, чистить ли лошадь или ради другой причины, такъ оказалось, что на лакейчикѣ и рубашки то вовсе нѣтъ. — Какъ нѣтъ? — Да такъ, нѣтъ и не было. Да и зачѣмъ она? манишка съ запонками, развѣ не таже рубашка? — а для другихъ частей тѣла есть фракъ, брюки съ лампасами, шелковой жилетъ и модный галстукъ, такъ за чѣмъ прочее остальное. Развѣ видно? Однако это заставило Тетерникова задуматься. Онъ сдѣлалъ смотръ — и оказалось, что у

холостежи — а ихъ и было большая часть, потому что Семенъ Андреевичъ женатыхъ вообще не любилъ и жениться не позволялъ — ни у кого почти самонужной одежды не оказалось, а былъ за то полный комплектъ манишекъ съ запонками, воротничковъ стоячихъ и откладныхъ, бѣлое какъ снѣгъ жабо и вмѣсто дюжины фуляровыхъ платковъ, какъ-то послѣ хорошаго выигрыша подаренныхъ Тетерниковымъ всѣмъ своимъ лакеямъ, — только по три фуляра, а остальные прикрывали дѣвственные плечи горничныхъ и крестьянскихъ дѣвокъ; головы дьячихъ и пономарихъ, да цѣловальницы съ дочерьми.

Случилось мнѣ однажды слышать какъ уѣздный чиновникъ жаловался, что съ тѣхъ поръ какъ Тетерниковъ началъ жить въ этой деревнѣ, въ окрестныхъ селеніяхъ вѣроятно проявились волки, потому что стала пропадать скотинка: то барашка недосчитаются, то теленочка не отыщутъ, и хоть волковъ не видятъ, а пропажи случаются частые. За то у Тетерниковыхъ дворовыхъ въ это время разливанное море, чего хочешь, того просишь: телятина, баранина, куры — ѣшь не хочу! на базаръ, кажется, не ѣздятъ и ничего не покупаютъ, а всего у нихъ вволю. Догадались мужики, стали мелкую скотинку больше дома придерживать, — ну и у Тетерниковыхъ дворовыхъ какъ-то меньше харча стало, за то вдругъ ни съ того, ни съ сего, у Ивана Сысоича, богатаго мужика, корова пропала безъ вѣсти — а корова-то какая была! . . ста два стоитъ . . любоваться не налюбуешься. . . И съ тѣхъ поръ какъ пропала коро-

ва — у дворовыхъ говядины вволю оказалось. Удивительное дѣло, подумаешь!

Хорошо было жить и цѣловальнику около Тетерниковской деревни. Въ кабакѣ у него только развѣ птичьяго молока не было. Какъ первое число, — тамъ по ночамъ у него такой балъ идетъ, что люли. Деньги ни почемъ! музыка, пляски, топотня, хохотъ.... а передъ свѣтомъ, пожалуй,—тумаки и подзатыльники. . . За то въ послѣдующія числа, денегъ ужь нѣтъ,—гульба тоже, но уже не общая, а частная— а у цѣловальницы и дочерей, начинаютъ показываться новые фуляры; или вдругъ ни съ того, ни съ сего явится серебряная ложка, телячья шкура, дюжина пустыхъ шампанскихъ бутыкокъ, или голландскаго полотна рубашка съ такимъ затѣйливымъ шитьемъ, что цѣловальница съ дочерьми глядятъ не наглядятся и ума не приложатъ, какъ кажется и работать такую мѣлочь.

Что вы тамъ ни говорите, а Тетерниковъ право замѣчательный человѣкъ. Служилъ онъ когда-то въ гвардіи, подбился къ какой-то богатой барынѣ, понагрѣлъ около нея руки, обольстилъ старшую дочь, женился на второй, и жилъ такъ со всѣми тремя въ любви и мірѣ, припѣваючи и деньги со всѣхъ получаючи... Но такъ какъ жена его маленечко мѣшала ему, то онъ и отправилъ ее на подножный кормъ, въ степную деревню, на дешевые хлѣба,— хозяйничать. Барыня она была добрая, тихая, — водились у ней кой-какія замашечки барственныя; ну да вѣдь не всякое лыко въ строку. И прожила она такъ, бѣд-

няга, десять лѣтъ сряду въ деревнѣ безвыѣздно, — а Тетерниковъ межь тѣмъ, выдалъ за мужъ старшую сестру жены своей, — подхватилъ ее, да и маршъ за границу. Въ Парижѣ, знаете, съ деньгами раздолье. Кутилъ онъ себѣ тамъ на славу, а жена пока жила въ деревнѣ, несмотря на то, что имѣніе все ея было, а у него, у сокола, ни впереди, ни назади — ничего. Ну вотъ покутивши, и вздумалъ онъ, что не все коту будетъ масляница, можетъ съ женою и то и другое случиться, и что онъ тогда останется бобыль. Такому молодцу, какъ онъ, вздумать все равно, что сдѣлать. Разъ сидѣла его жена въ диванной, и шила въ пяльцахъ, а маленькая дочка болтала съ гувернанткой, на какомъ-то заморскомъ нарѣчіи, потому что по-русски говорить ей строго было запрещено, — какъ вдругъ четвероместная коляска, вся осыпанная важами, сундуками и чемоданами, вкатилась ухарски на дворъ. Барыня моя вскочила, засуетилась, закричала дѣвку, стала метаться изъ угла въ уголъ, отыскивая и чепчикъ и мантилью, не находя въ суетахъ ни того, ни другаго, и отчасти удивляясь такому раннему посѣщенію. Вдругъ въ комнату вбѣжалъ мужъ ея, Тетерниковъ, съ усами, съ бородкой, раздушенный, распомаженный, изящный и чопорный, какъ модная картинка или цырульная вывѣска, и бросился къ ней съ распростертыми объятіями. Объятіямъ этимъ не было конца, потому что Тетерниковъ воротился кающимся грѣшникомъ; ежеминутно просилъ прощенія; удивлялся самъ заблужденію и слѣпотѣ своей, что такой драгоцѣнный

алмазъ, какова жена его, оставилъ въ глуши деревенской, а самъ могъ заглядываться на другихъ женщинъ; расплакался даже; — однимъ словомъ подпустилъ такіе турусы на колесахъ, что бѣдная женщина растаяла, растерялась и повѣрила ему на слово. Быть любимымъ вообще отрадно, — и Елена Дмитріевна, повѣривши Тетерникову, поступила такъ, какъ поступила бы всякая женщина на ея мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самолюбіе въ жизни женщины играетъ таки не маловажную роль. Нѣтъ еще на свѣтѣ такой безобразной дамы или дѣвицы, которая бы не думала, что она все-таки еще не дурна, можетъ нравиться и ужь конечно имѣетъ все, чтобы быть любимой преимущественно предъ другими женщинами. Елена же Дмитріевна сохранилась довольно хорошо, и очень хорошо это знала, а съ этой увѣренностью, какой лести не повѣритъ женщина? особливо, когда и утромъ и вечеромъ, и въ полдень и въ полночь, твердятъ вслухъ, наединѣ, и шепчутъ нѣжно при людяхъ, что ее обожаютъ, что просятъ прощенія и при томъ такимъ страстнымъ, такимъ увлекающимъ голосомъ, что повѣришь поневолѣ, и по неволѣ простишь всему, чтòбы ни было прежде. Такъ или не такъ, только Елена Дмитріевна разнѣжилась, и поддалась искусителю. Этого только онъ и ждалъ. Пробывши въ деревнѣ недѣльки двѣ и начиная уже скучать этими семейными нѣжностями, онъ, какъ будто случайно, предложилъ съѣздить для разсѣянія въ городъ, — а въ городѣ тоже совершенно случайно, даже мимоходомъ, пред-

ложено было укрѣпить за нимъ половину имѣнія, на томъ основаніи, что: «мало ли что случиться можетъ», и что онъ: «хочетъ посвятить себя вполнѣ устройству хозяйства и деревенской жизни». Сперва это сказано было, какъ выше объяснено, мимоходомъ, потомъ пояснѣе, потомъ съ просьбою и увѣреніями. Такъ какъ судья и секретарь были уже на мази, то въ одинъ прекрасный день добрая барыня подмахнула дарственную запись: «Отдаю дескать мужу «моему такому-то Тетерникову, 1200 душъ съ че«тырьмя тысячами десятинъ земли, въ вѣчное и по«томственное владѣніе.» Секретарю было не учиться стать закрѣпить дѣло такъ, что и топоромъ не разрубишь. Взяли показаніе, сняли допросъ, свидѣтелей нашли какъ разъ... и не больше какъ чрезъ полчаса, село Оглоблино съ деревнями, перемѣнило помѣщика, и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнились отношенія новаго помѣщика къ прежней помѣщицѣ. Чуть ли не въ тотъ же ли день появилась въ ногѣ у Тетерникова сильная ревматическая боль. Позвали уѣзднаго медика, большаго балагура и весьма плохаго знатока своего дѣла; начались втиранія, сухія припарки, появилась въ ногѣ такая лихая болѣсть, что по пословицѣ: «на тощахъ и не выговоришь». Дня чрезъ три кончилось тѣмъ, что медикъ, первый, хотя Тетерниковъ и руками и ногами былъ противъ этого, предложилъ ему ѣхать въ Петербургъ для совѣта съ столичными медиками, а что онъ, Иванъ Петровъ, признаетъ себя недостаточно свѣдущимъ для такой серьезной болѣзни. Тетерни-

ковъ ахалъ при мысли такъ скоро разстаться съ обожаемою женою; долго толковалъ съ медикомъ, умолялъ его всѣми святыми продолжать лѣченіе, обѣщая и суля золотыя горы—медикъ былъ неумолимъ и заключилъ консультацію свою объявленіемъ, что ежели Тетерниковъ не поѣдетъ тотчасъ же въ Петербургъ, онъ, Иванъ Петровъ, не ручается, чтобы онъ не лишился употребленія ноги вовсе. Разумѣется противъ такого аргумента, отвѣчать было нечего; надо было покориться необходимости. Возникъ было вопросъ,—ѣхать женѣ Тетерникова вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, но по зрѣломъ обсужденіи, это оказалось неудобоисполнимымъ, потому что лѣтомъ въ Петербургѣ «климатъ ужасно вреденъ», и «изъ канавъ вонь страшная», что по словамъ медика, могло имѣть большое вліяніе и на ея здоровье, а главное на здоровье дочери. Да и въ деревнѣ рабочая пора приближается: надобно присмотрѣть за хозяйствомъ, а зимою они ужь поѣдутъ въ Петербургъ вмѣстѣ. Онъ, Тетерниковъ, горитъ нетерпѣніемъ показать Петербургскому beau monde, какое сокровище послалъ ему Богъ въ женѣ, и публично сознаться, какъ много виноватъ онъ передъ нею и передъ обществомъ, лишая его лучшаго его украшенія.

Всѣ эти громкія слова, которыя Тетерникову говорить было не учиться стать, успокоили затворницу, отвыкшую уже отъ нихъ среди простоты и безцеремонности провинціальнаго захолустья, особенно при тѣхъ нескончаемыхъ сожалѣніяхъ оставить ее такъ

скоро, которыя разсыпалъ передъ нею Тетерниковъ вмѣстѣ съ цвѣтами заученнаго краснорѣчія, за которыми ему, по пословицѣ, тоже не въ люди было ходить. Онъ такъ умаслилъ ее, въ такомъ обворожительномъ видѣ представилъ ей, какъ хороша будетъ гостиная, въ которой она будетъ принимать гостей въ Петербургѣ слѣдующею зимою; какъ сама будетъ хороша въ этой гостинной, полной звѣздъ, дипломатическихъ бородъ и гвардейскихъ талій въ рюмочку, что у доброй Елены Дмитріевны закружилась голова. Она согласилась на его отъѣздъ, даже съ радостью, на томъ основаніи, что онъ къ первому зимнему пути, по которому она пріѣдетъ въ Петербургъ, приготовитъ эту гостиную съ бронзами, бархатомъ, штофомъ и зеркалами, въ такомъ видѣ, что она будетъ одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Противу такого искушенія можетъ ли устоять хоть одна женщина? Она разнѣжилась, позабыла десятилѣтнее затворье, даже, войдя въ одинокую спальну свою, съ чувствомъ благоговѣйной благодарности взглянула на образъ Богоматери, пославшей ей такого примѣрнаго и заботливаго мужа.

Когда все такимъ образомъ было устроено, Тетерникову оставалось только сѣсть въ коляску и уѣхать съ покойною совѣстью человѣка, оставляющаго позади себя благодарность и благословенія, еслибъ неожиданный эпизодъ, «изъ деревенской жизни», не говорю отсрочилъ, не омрачилъ ясность душевнаго настроенія его; не испортилъ эффекта:

«господина, напутствуемаго при отъѣздѣ благосло-
«веніями семейныхъ и подвластныхъ.»

Крестьяне, управляемые прикащикомъ нѣмцемъ, несмотря на всю доброту Елены Дмитріевны, рѣдко имѣли случай приходить къ ней со своими надобностями, на томъ основаніи, что отъ нѣмца строго было запрещено: «безпокоить барыню, какими-то ни было просьбами»; виновные въ этомъ, неминуемо подвергались строгому взысканію. Поэтому, несмотря на все искреннее желаніе Елены Дмитріевны, быть полезною своимъ «мужичкамъ», какъ она называла ихъ очень поэтически, ей не дано было знать, что «мужички» ея въ эту весну умирали съ голоду, по причинѣ той, что предшествовавшій годъ былъ неурожайный, и что они приставали къ нѣмцу довести объ этомъ до свѣдѣнія барыни или позволить имъ самимъ идти къ ней поклониться міромъ и просить хлѣба взаймы. Нѣмецъ, въ разсчеты котораго не входило, чтобы крестьяне были близки къ господамъ, водилъ ихъ разными пустыми обѣщаніями, стращалъ всѣхъ вообще гнѣвомъ господскимъ, ежели они придутъ міромъ, что будетъ имѣть видъ возмущенія; а каждаго въ особенности стращалъ березовыми вѣтвями, лишними днями на барщину, рытьемъ канавъ и чисткою колодца. Такъ какъ всѣми и давно признано, что голодъ дурной совѣтникъ, то крестьяне на пріѣздъ Тетерникова смотрѣли какъ на особую милость Божію, и собирались, нынче да завтра, поздравить его съ благополучнымъ пріѣздомъ и принести на поклонъ, что̀ у кого есть: кто гуся подъ мышкою, кто куръ въ рѣшетѣ, кто

блюдцо яицъ, а пчелинцы — чашки меда. Пока они думали и сбирались, случилась уже извѣстная читателю боль въ ногѣ, заставляющая Тетерникова сломя голову скакать въ Петербургъ. Думать было нечего. Схватя, что̀ ни попало, молодку вмѣсто старой насѣдки, или гусыню вмѣсто гусака, простаго меда вмѣсто сотовъ, прежде предполагаемыхъ, гурьба крестьянъ ввалилась на барскій дворъ, уже явно не слушая нѣмца управителя, изо всѣхъ силъ старающагося не пускать ихъ къ барскому крыльцу, для чего даже приказано было запереть ворота. Но такъ какъ гурьба состояла слишкомъ изъ ста человѣкъ, а сто человѣкъ тихо идти не могутъ, то и оказалось, что несмотря на всѣ злонамѣренныя козни нѣмца, Тетерниковъ, окна кабинета котораго были какъ нарочно на дворъ,— великолѣпно скучающій за чищеніемъ щеточкой ногтей, длиною въ три четверти вершка, увидѣлъ эту гурьбу и спросилъ камердинера, что̀ это значитъ. Камердинеръ былъ золъ на нѣмца за то, что тотъ не признавалъ его камердинерскаго и Петербургскаго достоинства и смѣлъ однажды, очень, впрочемъ, вѣжливо, напомнить, что съ дѣвушками балагурить такъ нельзя, потому что барыня этого не любитъ, а потому тотчасъ доложилъ барину о продѣлкахъ нѣмца. Тетерниковъ, такъ часто съ жаромъ толковавшій о благѣ представительнаго правленія, видя, что у нѣкоторыхъ подъ мышками гуси и поросята, а у другихъ чашки съ медомъ, представилъ себѣ, что они идутъ благодарить его за кроткое правленіе жены. Будучи не

прочь позировать даже и передъ мужиками, и тѣмъ еще болѣе дешевымъ образомъ прослыть «благодѣтельнымъ помѣщикомъ», при видѣ котораго такъ часто зѣвалъ въ Александринскомъ театрѣ, онъ тотчасъ приказалъ ввести ихъ въ залъ, внутренно посылая къ чорту, и только утѣшая себя мыслію, что не далѣе какъ завтра онъ избавится отъ всей этой «грязи». Толпа вошла, внеся съ собою какой-то особенной запахъ дыма, который долго оставался въ комнатѣ, несмотря на растворенныя окна и частое куренье; поздравила барина съ благополучнымъ пріѣздомъ, при чемъ гуси и куры прокричали какъ слѣдуетъ, и ни съ того, ни съ сего, прямо приступила къ дѣлу, т. е. къ изложенію бѣдственнаго положенія своего. Пашенные просили помочь имъ хлѣбомъ, а оброчные — сложить часть оброка. Этого Тетерниковъ ожидалъ меньше всего. Брови его нахмурились, онъ готовъ былъ даже разсердиться, но разсудивши, что это ни къ чему не поведетъ и что зло искоренять надо радикально, а не паліативно, т. е. одинъ разъ навсегда отучить отъ замашки безпокоить барина подобными не дѣльными просьбами, движеніемъ головы подозвалъ къ себѣ казачка, неизмѣнно торчавшаго у двери гостиной, и тихо велѣлъ позвать управителя нѣмца, забавляя пока мужиковъ разными разспросами о ихъ житьѣ-бытьѣ и даже какъ будто сочувствуя ихъ бѣдственному положенію.

Когда нѣмецъ пришелъ, Тетерниковъ, подъ предлогомъ жара и тѣсноты, вызвалъ всѣхъ изъ ком-

натъ, и въ сѣняхъ, уставленныхъ дубовыми, рѣзными подъ лакъ, скамейками, принялся спрашивать что каждому нужно, тѣмъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какимъ говорилъ всегда. Первый на этотъ вопросъ выступилъ Антипычъ, мужикъ не богатый, но трезвый и работящій, и объяснилъ, что унего работникъ одинъ, самъ онъ старъ, семья большая, всего душъ 12 будетъ, и что по плохому урожаю, ему прокормиться до новаго хлѣба нечѣмъ,— вслѣдствіе чего и билъ челомъ: помочь ему малую-толику и дать взаймы хлѣбца.

Тетерниковъ выслушалъ Антипыча терпѣливо и когда тотъ кончилъ, спросилъ его:

— А много ли тебѣ нужно?

— Кабы милость твоя была, четверти три мнѣ хватило бы до новаго... отвѣчалъ мужикъ. А какъ Господь Богъ зародитъ, то я тебѣ тотчасъ же представлю...

— Хорошо, дать ему три четверти! сказалъ Тетерниковъ и при этомъ прибавилъ нѣмцу что-то по-нѣмецки.

Нѣмецъ махнулъ Антипычу рукою и повелъ его на дворъ. На это не обратилъ никто вниманія, полагая, что нѣмецъ начнетъ тотчасъ раздачу. Разспросъ между тѣмъ продолжался. Слѣдующій пожелалъ получить двѣ четверти, которыя ему тотчасъ же и обѣщаны, при чемъ онъ тоже отосланъ къ нѣмцу. Третій, четвертый уже объявили просьбу свою, и уже доходила очередь до пятаго, когда онъ замѣтилъ, что отсылаемые къ нѣмцу на-

правляемы были не къ анбару, а къ конюшнѣ. Это заставило его и другихъ, замѣтившихъ тоже самое, остановиться.

Видя это, Тетерниковъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы видите, что я не лѣнивъ на раздачу. Первый просилъ 24 мѣры, — ему и отсчитали 24; второму нужно было 16 — ему и отпущено 16, — самая строгая справедливость наблюдается при этомъ. Кому что еще нужно?

Толпа молчала.

— Говорите, что кому еще нужно! закричалъ Тетерниковъ, у котораго началъ пробиваться на щекахъ легкій румянецъ. — Никому ни чего? прибавилъ онъ такъ громко, что лежавшая около него лягавка, въ ошейникѣ, вышитомъ золотомъ и жемчугомъ, съ пряжкою изъ окисленнаго серебра, вдругъ вскочила и замурчала; такъ вонъ! Первому, кто осмѣлится придти за хлѣбомъ, будетъ отсчитано... И повернувшись на каблукѣ и поправляя усики, — такъ изящно и живописно торчавшіе у него подъ носомъ, онъ пошелъ въ комнату, напѣвая самонѣжнѣйшій французскій романсъ...

Вошедъ въ переднюю, онъ тотчасъ потребовалъ содовой воды съ шампанскимъ, — питье, которое обыкновенно употреблялъ лѣтомъ во время жаровъ, находя, что это прохлаждаетъ лучше всего... потомъ, направился на половину жены, съ запасомъ самыхъ утонченныхъ любезностей, такъ какъ коляска его уже стояла на дворѣ и на ней

красовался весь запасъ важъ, ящиковъ, чемодановъ, которыми она была облѣплена при пріѣздѣ. Онъ долженъ былъ выѣхать завтра.

Полюбезничавъ съ женою, Тетерниковъ самымъ натуральнымъ образомъ замѣтилъ ей, что нѣмецъ-управляющій, слабъ и что, по его мнѣнію, его слѣдовало бы отпустить, а на его мѣсто назначить дворецкаго Антона Исаева, котораго онъ давно замѣтилъ, какъ человѣка не глупаго, расторопнаго и усерднаго. Елена Дмитріевна, привыкшая безпрекословно исполнять приказанія мужа, дала ему слово тотчасъ по его отъѣздѣ отпустить нѣмца, хотя въ душѣ и жалѣла его.

Назначеніе Антона Исаева было дѣломъ не слуслучайнымъ. Въ числѣ горничныхъ Елены Дмитріевны, была у него сестра, черноглазая и смазливая дѣвушка, лѣтъ 18, которая въ продолженіи двухъ-недѣльнаго пребыванія Тетерникова въ деревнѣ, успѣла какъ-то очень угодить ему. Выборъ Антона Исаева былъ слѣдствіемъ этаго угожденія...

На другой день Тетерниковъ уѣхалъ, провожаемый женою до первой станціи.

Когда Тетерниковъ уѣхалъ и нѣмецъ былъ отпущенъ, Антонъ Исаевъ вступилъ въ управленіе имѣніемъ. Съ его вступленіемъ начались совершенно новые порядки. Этотъ не ходилъ къ барынѣ, какъ ходилъ бывало нѣмецъ, спрашиваться о томъ или о другомъ... нѣтъ! находя это излишнимъ, такъ какъ имѣніе принадлежало уже Тетерникову, онъ прямо сносился съ бариномъ въ Петербургѣ, и прямо отъ

него получалъ приказанія, сколько продавать хлѣба и куда высылать деньги. Объ остальномъ Тетерниковъ думалъ мало или не думалъ вовсе, предоставляя это разсужденію Исаева. Исаичъ умѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, наизусть зная, какъ угождаютъ господамъ, не живущимъ въ деревняхъ. Неболѣе какъ въ два или три мѣсяца оброки съ оброчныхъ увеличились 5 руб. сер. съ тягла; къ барщинскимъ днямъ прибавился еще день, натомъ основаніи, что «воскресенье тоже принадлежитъ крестьянамъ». Принявши точкою отправленія слова Тererникова, что «онъ знать не хочетъ, откуда берутъ крестьяне оброкъ, только бы платили,« онъ въ интимномъ разговорѣ съ крестьянами, возникшемъ по поводу недостатка у нихъ лошади на тягло, чтобы обрабатывать господскую землю, очень кстати привелъ слова Тетерникова, сказавшаго ему въ числѣ прочихъ наставленій, какъ управлять имѣніемъ, слѣдующія достопамятныя слова: «а развѣ у сосѣдей мало лошадей!...»

Для Исаева слова эти не пропали даромъ, потому что онъ зналъ ихъ значеніе. Одаренный съ преизбыткомъ, какъ вообще русскій человѣкъ, природной логикой, онъ изъ посылки къ посылкѣ, дошелъ до заключенія, что ежели нѣтъ денегъ, всего выгоднѣе пріобрѣтать нужное даромъ,—доктрина какъ видимъ, чрезвычайно сходная съ примитивною невинностію и простотою первоначальныхъ обществъ. Доктрину эту, развиваемую его господиномъ en gros, онъ какъ человѣкъ смышленый,

перевелъ мужикамъ en détail, и они съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея непреложности, приняли ее за основанія своихъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что и примѣръ и поученія дворовыхъ, явно и убѣдительно говорили въ ея пользу. Конецъ концовъ былъ тотъ, что не болѣе какъ черезъ годъ, оброчные мужики внесли исправно по 100 руб. ассиг. съ тягла, несмотря на то, что унихъ было только по одной десятинѣ земли въ полѣ, а лѣсу и лугу ни клока, а барщинскіе, отслуживши усердно четыре дня въ недѣлю, имѣли не то что по одной, а даже по двѣ и по три лошади на тягло, пріобрѣтя ихъ очень дешево.... такъ дешево, что дешевле даже и купить нельзя. Это правда, что у дворовыхъ Тетерникова съ этихъ поръ часто стало не доставать мяса на обѣдъ, ибо пришлось ходить за нимъ далеко; за то у крестьянъ Тетерникова скотина перестала пропадать вовсе и по очень простой причинѣ: воронъ ворону не выклюетъ глаза. За то у сосѣдей пошли пропадать чуть не каждой день — то лошадь, то корова, то теленокъ, то овца; больше всего лошади, и въ той же пропорціи мужики Тетерниковы начали носить сапоги вмѣсто лаптей, синіе кафтаны вмѣсто сѣраго домашняго понитка.

Очень натурально, что Исаичъ такому улучшенію крестьянскаго быта радовался какъ нельзя болѣе, и не упускалъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать объ этомъ барину, за что неоднократно удостоивался получать, сверхъ письменныхъ бла-

годарностей, вещественныя доказательства барскаго благоволенія. Даже Елена Дмитріевна замѣтила это улучшеніе въ жизни бывшихъ крестьянъ своихъ. Очень разсудительно приписывая это мудрымъ мѣрамъ правленіе Исаича, стала къ нему замѣтно благоволить, смѣня гнѣвъ на милость; — гнѣвъ, возникшій было вслѣдствіе нѣкоторыхъ темныхъ слуховъ о безсонныхъ ночахъ своего мужа. Попавши въ милость къ барынѣ, Исаичъ доказалъ ей какъ дважды два, что слухи о сестрѣ его выдуманы злонамѣренными людьми, и что ежели положеніе крестьянъ значительно улучшилось, то это происходитъ отъ правильности и послѣдовательности распоряженій, чего при нѣмцѣ не было «и быть не могло», такъ какъ онъ нѣмецъ и «русскаго обычая не знаетъ».

Въ той пропорціи, въ какой улучшался бытъ крестьянъ Тетерникова, становился хуже бытъ крестьянъ его сосѣдей. Засѣдатель объѣзжавшій прежде имѣніе Тетерникова окольными дорогами, сталъ посѣщать его чаще и даже часто; явились по деревнѣ знакомства съ татарами, чего прежде не было; стали доходить какіе то странные слухи, о которыхъ тоже не было и въ поминѣ. Такъ какъ Елена Дмитріевна, не смотря на всѣ фантазіи и прелесть мечтаній, въ эту зиму въ Петербургъ не поѣхала, то ей и пришлось быть свидѣтельницей разныхъ продѣлокъ, которыя, какъ ни старался Исаичъ скрыть отъ нея, дошли однако извѣстнымъ путемъ,—путемъ первой горничной, враждебной сестрѣ Исаича, за то,

что матери той, дворовой женщинѣ, дали особую клѣть, а этой не дали, и собина одной увеличилась не соразмѣрно противъ собины другой, — несмотря на то, что и та и другая служили одному дѣлу: были птчиницами, и у той и у другой индѣйки колѣли сотнями, а утки и гуси оставались невредимыми. Слухи эти, по рѣшительно непрактическому взгляду Елены Дмитріевны на вещи, остались для нея слухами; она не вѣрила имъ, хотя сосѣди и стали ей поговаривать, сперва обинякками, а потомъ и прямо, что Исаичъ: «человѣкъ не добросовѣстный», и что управленіе его вредно, чему разумѣется Елена Дмитріевна не вѣрила, видя сама «какъ онъ усерденъ къ своему дѣлу и какъ при его управленіи мужичками стало замѣтно лучше.»

На несчастіе Тетерникова и Исаича, въ уѣздный судъ выбрали человѣка новаго, пріѣзжаго изъ Москвы. Незнакомый съ преданіями уѣзда, или лучше не дорожащій ими, онъ, какъ всякая новая метла, принялся мести чисто, — т. е. не обращать вниманія: Тетерникова ли мужикъ попался или чей другой, и осуждать по мѣрѣ вины, безъ разбора. Разумѣется, что съ его стороны это была неловкость, отсутствіе служебнаго такта,—всякой благомыслящій человѣкъ это скажетъ, — но это было, и было такъ. Онъ помелъ — и въ числѣ пометеннаго, крестьяне Тетерникова заняли первое мѣсто. Нашлось, какъ ни старался скрыть это земскій судъ, что деревня Тетерникова, расположенная на границѣ уѣзда, прилежащаго къ лѣсной губерніи, была

этапомъ, чрезъ которой краденыя лошади сбывались въ другую губернію, для того, чтобъ прекратить преслѣдованіе чиновника, не имѣющаго права переѣзжать въ другую губернію безъ содѣйствія тамошней мѣстной полиціи. Когда это открытіе было сдѣлано, Тетерниковскіе крестьяне стали попадаться часто, а еще чаще стали быть обвиняемы. Исаичу это было шибко не понутру: — это разстроивало экономію его хозяйственнаго управленія и грозило въ будущемъ невозможностью выставлять оброкъ въ полномъ количествѣ, — случай, котораго Исаичъ боялся больше всего на свѣтѣ. Чтобы предупредить подобное зло, онъ началъ писать къ барину, что судья у нихъ взяточникъ и притязатель, что двухъ ихъ мужиковъ высѣкли по суду розгами, двухъ посадили въ острогъ и одного сослали, — и все напрасно; что имъ житья нѣтъ отъ этого судьи. Въ этомъ же письмѣ Исаичъ слезно просилъ Тетерникова защитить свое имѣніе отъ конечнаго раззоренія. Тетерниковъ взбѣленился по полученіи этого письма, не столько тому, что крестьяне его сдѣлались воришками и подвергались наказанію и ссылкѣ, сколько тому, что его, Тетерникова, крестьянъ смѣютъ трогать и еще «такая дрянь, какъ какой нибудь уѣздный судьишка, котораго онъ и въ переднюю-то къ себѣ бы не пустилъ». Вслѣдствіе этого Тетерниковъ написалъ тотчасъ къ главному начальнику, который отчасти ухаживалъ за нимъ, зная его карточныя и довольно большія связи въ Петербургѣ, самое любезное письмо и просилъ его усмирить

судью. Главный начальникъ, видѣвшій, что и у судьи есть кой-какія связишки и опасавшійся попасть въ неловкое положеніе, защищая конокрадовъ, а между тѣмъ не зная что дѣлать, хотѣлъ было по совѣту своего совѣтника, вызвать судью въ губернскій городъ, намылить ему голову и прочесть приличную рацею, но побоялся болтливости молодаго человѣка, который, чего добраго, разблаговѣститъ эту рацею и тѣмъ откроетъ его искреннія отношенія съ Тетерниковымъ, короткаго знакомства съ которымъ, онъ не хотѣлъ показать явно. Онъ медлилъ, поджидая не подъѣдетъ ли въ губернскій городъ судья, выведенный изъ терпѣнія безпрестанными выговорами и замѣчаніями, которыя велѣно было ему дѣлать какъ можно чаще и придираясь ко всему, съ другой стороны Тетерниковъ озлобленный, что судья смѣетъ рѣшать дѣла не по немъ, и что главный начальникъ не тотчасъ выполнилъ его желаніе отрѣшить судью, рѣшился самъ ѣхать въ Малиновскую губернію и «оборвать уши этому мальчишкѣ», какъ онъ называлъ судью.

Съ неудовольствіемъ оставляя Петербургъ, гдѣ у него, какъ нарочно, завелись новые шуры и муры, онъ все еще сбирался, какъ вдругъ получилъ отъ Исаича самое отчаянное письмо, которымъ этотъ Христа-ради просилъ его пріѣхать. Управитель, заключилъ это письмо слезнымъ извѣщеніемъ, что ежели баринъ не пріѣдетъ тотчасъ, то его, Исаича, самаго посадятъ въ тюрьму, «по наговоркамъ злонамѣренныхъ людей» за его усердную службу господину и

защиту ввѣренныхъ его управленію крестьянъ, притѣсняемыхъ беззаконно уѣзднымъ судомъ. Мысль, что его управителя осмѣлились только подумать посадить въ тюрьму, вывела Тетерникова изъ себя; онъ бросилъ все и сломя голову поскакалъ въ деревню. Одинъ изъ мужиковъ Тетерникова, уже успѣвшій прославиться «художествомъ» по части конокрадства, верстахъ въ тридцати отъ своей деревни, стянулъ пару лошадей. Тотъ, у котораго они были украдены по слѣдамъ дошелъ до похитителя и зная, что ежели онъ нагрянетъ къ нему силой, не найдетъ ничего, а ежели и найдетъ, то не возьметъ ничего, расчелъ, что лучше придти поклониться добромъ и просьбой, и такимъ образомъ скорѣе добиться отдачи покраденаго. Для этого онъ пріѣхалъ къ вору вечеркомъ, какъ будто случайно, остановившись ночевать въ видѣ проѣзжаго; разсказалъ свое горе и просилъ помочь. Воръ, не очень стѣснявшійся почетнымъ названіемъ конокрада, согласился отыскать его лошадей, ежели онъ дастъ ему двѣ русскихъ золотушки, кадку рубленой капусты и пудъ меду. Условіе было заключено, и хозяинъ лошадей, заявивъ предварительно о немъ засѣдателю, повезъ вечеркомъ условленное, и сдалъ вору, который объявилъ ему, что завтра поутру лошади будутъ пастись на выгонѣ, гдѣ онъ и можетъ ихъ взять. Увѣренный, что теперь воръ не можетъ ускользнуть отъ преслѣдованія закона, хозяинъ украденныхъ лошадей, обнадеженный еще утромъ засѣдателемъ, обѣщавшимъ въ тотъ же вечеръ пріѣхать въ де-

ревню Тетерникова, бросился въ контору къ Исаичу, и заявивъ ему о томъ, что далъ ихъ мужику выкупъ, требовалъ обыска, какъ доказательства справедливости словъ своихъ. Положеніе Исаича было затруднительно. Выдать своего мужика, всегда очень исправно платившаго оброкъ, ему не хотѣлось. Это былъ бы дурной примѣръ для другихъ, которые, видя преслѣдованіе воровства, отказались бы отъ уплаты оброка, такъ какъ они только этимъ путемъ и добывали его и были такъ исправны, — а съ другой стороны скрыть подобную штуку Исаичу казалось опасно. Онъ зналъ, что на ихъ мужиковъ и на него, сосѣди давно грызутъ зубы и ждутъ только случая выместить за всѣ тѣ пакости, которыя отъ нихъ терпѣли. Вытолкавъ предварительно изъ конторы мужика, просящаго обыска, Исаичъ остановился въ раздумьѣ и долго простоялъ бы можетъ быть на одномъ мѣстѣ, не зная, что дѣлать, ежелибъ внезапный пріѣздъ барина, не вывелъ его изъ этого неловкаго положенія. Тетерниковъ, хоть и усталый отъ дороги, не потерялъ своего обычнаго присутствія духа и тотчасъ сдѣлалъ приличное распоряженіе. Просящаго обыскъ прогнали со срамомъ и въ три шеи изъ деревни; лошадей спрятали, и все вошло въ обычную колею. Можетъ-быть эта продѣлка сошла бы и такъ, ежелибъ засѣдатель земскаго суда, человѣкъ новый и недавно пріѣхавшій въ Картолюбскій уѣздъ, слѣдственно еще не проникнувшійся чувствомъ важности Тетерникова, — не пріѣхалъ по обѣщанію

своему въ Оглоблино и не встрѣтилъ на дорогѣ окраденнаго, который объяснилъ ему все дѣло и просилъ и требовалъ немедленнаго обыска. Засѣдатель, съ которымъ было человѣка три сотскихъ изъ сосѣднихъ деревень, оцѣпилъ дворъ вора, собралъ понятыхъ, произвелъ обыскъ и въ подпольѣ нашелъ выкупъ, точка въ точку: воръ не успѣлъ еще убрать его куда-нибудь подальше, обнадеженный Исаичемъ, что «все это пустякомъ кончится», за что и была обѣщана ему «малая-толика.» Когда такимъ образомъ поличное было найдено, приступили къ допросамъ. Запираться было плохо. Туда сюда, а надо было говорить правду. Воръ показалъ, что дѣйствительно онъ получилъ деньги, медъ и капусту, — но получилъ за то, чтобъ отыскать лошадей, и что онъ незнаетъ ни кто ихъ укралъ, ни гдѣ они находятся. Это было уже передъ свѣтомъ. Засѣдатель не зная, что Тетерниковъ въ деревнѣ, дѣйствовалъ рѣшительнѣе обыкновеннаго. Онъ тотчасъ приступилъ къ обыску; пересмотрѣлъ всѣ дворы и не найдя нигдѣ лошадей, осмѣлился заглянуть на барскій дворъ и гумно. Здѣсь онъ нашелъ ихъ подъ цѣлымъ омётомъ соломы, куда они были спрятаны по распоряженію самаго Тетерникова, приказавшаго Исаичу убрать ихъ до утра, а утромъ выпроводить изъ деревни. Исаичъ, никогда не ожидавшій, чтобъ засѣдатель осмѣлился дѣлать обыскъ на барскомъ гумнѣ, спряталъ ихъ, какъ выше сказано, въ соломѣ и нарядивъ мужика съ вечеру чтобъ завтра пораньше поутру увести лошадей куда-

нибудь въ лѣсъ, легъ себѣ спать и проспалъ бы покойно до утра, съ чистой совѣстью человѣка, исполнившаго безупречно обязанность свою, ежелибъ не былъ разбуженъ внезапно вѣстію, что лошади найдены на барскомъ гумнѣ. Онъ бросился было тотчасъ съ непріятною новостію къ Тетерникову, но встрѣченный въ передней вѣстію, что баринъ почиваетъ и что его будить нельзя, — совсѣмъ растерялся и по требованію засѣдателя, явился къ нему для снятія допроса и очной ставки съ окраденнымъ.

Все это, вопреки обыкновенію, сдѣлано было очень скоро, на томъ основаніи, что засѣдатель торопился въ городъ, на имянины свояченицы исправника, на которую онъ давно уже усердно поглядывалъ. Когда Тетерниковъ всталъ а это было уже послѣ полуденъ, слѣдствіе было окончено и засѣдатель уѣхалъ. Можете себѣ представить, какъ онъ взбѣсился!... Онъ бросился въ городъ, разругалъ исправника, чуть не сдѣлалъ того жь съ стряпчимъ, осмѣлившимся не совсѣмъ раздѣлять его негодованія на засѣдателя, и тотчасъ написалъ главному начальнику озлоупотребленіяхъ засѣдателя. Отвѣтъ не заставилъ ждать себя. Не далѣе какъ чрезъ недѣлю, засѣдатель былъ переведенъ въ другой уѣздъ, а на его мѣсто назначенъ частный приставъ Картолюбова, «человѣкъ сходной», какъ о немъ выражались въ городѣ, и извѣстный только слѣдующимъ достопамятнымъ событіемъ: однажды исправляя должность городничаго, въ присутствіи городническаго правленія, допрашивалъ онъ свинью, пойманную на

улицѣ, убѣжденный, что это оборотень, принявшій только форму свиньи, для того, чтобы скрыться отъ преслѣдованія закона. Каково было отчаяніе допросчика! свинья не вышла изъ своей роли и «на всѣ вопросы отвѣчала упорнымъ молчаніемъ.» Такъ по крайней мѣрѣ было сказано въ рапортѣ главному начальнику о случившемся происшествіи.

Сходный засѣдатель, повелъ дѣло какъ слѣдуетъ, т. е. его постоянно не было тамъ, куда приносили объявленія о украденныхъ тетерниковскими мужиками лошадяхъ, — или онъ постоянно былъ на другомъ концѣ уѣзда по «нетерпящимъ отлагательства дѣламъ», когда настояла надобность дѣлать обыскъ въ тетерниковской деревнѣ или по горячимъ слѣдамъ преслѣдовать тетерниковскаго вора. Такъ какъ исправникъ и стряпчій были на сторонѣ Тетерникова — первый потому, что это было ему выгодно, а второй потому, что, за связь его съ главнымъ начальникомъ и прокуроромъ, «онъ его боялся», то и оставался одинъ судья, нарушавшій общую гармонію. — «Надобно его сверзить», говорили уѣздныя власти, можетъ-быть вопреки грамматикѣ, и имѣли на то тысячу причинъ, одна важнѣе другой. Первая и самая главная была та, что онъ не игралъ въ карты; вторая — ходилъ рано въ судъ, и третья — не якшался съ ними никогда и ни въ чемъ. Этого было достаточно для того, чтобы его ненавидѣли всѣ уѣздныя власти, которыя рады были, когда Тетерниковъ ополчился на него вмѣстѣ со всѣми. Дѣло, можетъ быть, потя-

нулось бы еще годъ, другой, ежелибъ на несчастіе судьи, не пришло въ уѣздной судъ слѣдствіе объ украденныхъ лошадяхъ, за которыя выкупъ былъ взятъ деньгами, капустой и медомъ. По этому дѣлу судья осудилъ не только вора лошадей, но даже и Исаича приговорилъ къ мѣсячному тюремному заключенію за потворство ворамъ и за слабое смотрѣніе за вотчиной.

Этого Тетерниковъ уже не могъ перенести. Онъ поскакалъ въ губернію, т. е. губернской городъ, и все дѣло кончилось тѣмъ, что судьѣ, разумѣется чрезъ десятки рукъ, для того, чтобъ нельзя было добраться до источника, былъ присланъ ultimatum: или убираться вонъ, или не дозволять себѣ подобныхъ выходокъ. Судья остался служить, но черезъ 5, 6 лѣтъ, вынужденный оставить службу, подпалъ горькой невзгодѣ за то, что имѣлъ смѣлостъ сказать въ какомъ-то дворянскомъ кругу, что дома одного значительнаго лица въ губерніи, которое получало деньги на дрова отъ казны, отапливать дворянскими деньгами не слѣдуетъ.

Кончилось тѣмъ, что Исаичъ остался владычествовать въ деревнѣ Тетерникова къ великому ущербу его доходовъ, за которые онъ ему платилъ явнымъ низкопоклонничествомъ и тайнымъ угожденіемъ его прихоти къ прекрасному полу деревни и дворни.

КАМЕНЬ.

КАМЕНЬ.

Въ О—ой губерніи, въ дачахъ села Зыбкова, лежалъ въ полѣ большой камень. Выросъ ли онъ тутъ, или попалъ сюда какъ-нибудь случайно, этого никто не зналъ, потому что самые дряхлые старики говорили, что камень лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, такъ что и дѣды, и прадѣды ихъ застали его въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ теперь; а старухи увѣряли, что чортъ бросилъ его сюда, съ досады, за свое изгнаніе съ неба. Такъ или не такъ, только камень лежалъ, никого не обижая, тихохонько и смирнехонько до тѣхъ поръ, пока наконецъ не нашлись люди, которые, пользуясь его смиренствомъ, вздумали употребить это его смиренство для своей пользы.

Ежели хотите узнать, какъ это было, прочтите прилагаемый здѣсь разсказъ.

Наступала Пасха, и жена исправника Картолюбскаго уѣзда приступала къ нему, что у нея къ

празднику нѣтъ ни новой шляпки, ни новаго бурнуса; кучеръ говорилъ, что карета плоха и, пожалуй, не отъѣздитъ лѣта; (а тогда отъ жены ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься: исправникъ это зналъ очень твердо) староста же писалъ изъ деревни, что нужно безпремѣнно перемѣнить сѣмена овса, ибо: «свои добре плохи, да и маловато ихъ будетъ.» При такихъ разнородныхъ требованіяхъ задумается и не исправникъ. Ужь онъ бѣдный ломалъ, ломалъ себѣ голову, откуда бы выжать копѣйку; перешарилъ мысленно весь уѣздъ отъ одного конца до другаго, тщетно отыскивая, къ чему бы придраться и взять: оказывалось, что̀ все, съ чего бы можно было взять, уже взято; государственныхъ крестьянъ трогать опасно, потому что окружной начальникъ самъ собаку съѣлъ по этой части и уже поочистилъ все, что̀ только можно было очистить; становые пристава оброки свои внесли еще къ новому году; за лошадей при земскомъ судѣ взято было еще впередъ; откупщикъ исполнилъ свою обязанность аккуратно при началѣ трети; однимъ словомъ, бѣдный исправникъ сталъ втупикъ и не зналъ куда сунуться для отысканія денегъ, какъ сами видите, необходимыхъ для того, чтобъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ дражайшей его половины, которая, чего добраго! башмакъ съ ноги, да и по щекѣ, ибо она шутить не любитъ; а притомъ дѣйствительно нужно было поправить карету, перемѣнить и прикупить сѣмянъ овса. Конечно, послѣднее обстоятельство не важное;

овесъ перемѣнитъ всякій изъ помѣщиковъ, особливо изъ тѣхъ, у кого имѣніе назначено къ описи, чтобъ потянуть этою описью мѣсяцъ, другой, третій; прикупать тоже не потребуется, потому что можно будетъ взять взаймы (разумѣется безъ отдачи) тоже у любаго помѣщика, котораго надобно будетъ вводить во владѣніе или отказывать имѣніе; карету тоже, въ какомъ нибудь опекунскомъ имѣніи, починятъ и поправятъ за дешевую цѣну, а ежели немножко понажать, такъ пожалуй и задаромъ, что̀ еще выгоднѣе... Но шляпка и бурнусъ?... Это ужь точка съ запятой! этого въ уѣздѣ не сдѣлаютъ! этого не выжмешь ни изъ помѣщика, ни изъ мужика: тутъ денежки надо платить, чистыя денежки, хоть откуда хочешь возьми. Къ тому жь исправничиха проговаривала, что бурнусъ ей нужно непремѣнно бархатный, — говоритъ, у предводительши бархатной, а я развѣ хуже ея? я еще дочь коллежскаго ассессора, а она — штабсъ-капитана; да и мужъ-то ея, всего поручикъ, и знаковъ отличія у него никакихъ нѣтъ; а мой такъ титулярный совѣтникъ, пряжку за безпорочную службу имѣетъ и притомъ станиславскій кавалеръ. Ну, а бархатный бурнусъ, сами знаете, это не то, что какая-нибудь бумажная тармалама; тутъ десятки серебряныхъ рубликовъ припасай, а со шляпкой-то, пожалуй, и за всю сотню заѣдетъ. Задумаешься поневолѣ!

Сколько ни пускалъ исправникъ изо рту табачныхъ колецъ, всѣхъ возможныхъ величинъ и очертаній; сколько ни перебиралъ въ умѣ всѣхъ коно-

крадовъ, съ которыми имѣлъ кой-какіе счетишки; сколько ни заѣзжалъ мысленно даже въ острогъ, думая тамъ заварить какую-нибудь кашу, подучивши арестанта показать на богатаго мужика или купца потяжеловѣснѣе, что тотъ фальшивыя деньги дѣлаетъ, или пристань ворамъ открылъ, или ограбилъ кого-нибудь на дорогѣ, — но и тутъ и тамъ оказывалось какъ-то неудобно, неловко, некстати. Ужь онъ хотѣлъ отказаться отъ труда думать больше объ этомъ предметѣ на этотъ день, какъ вдругъ внезапное вдохновеніе осѣнило мозгъ его, и онъ, какъ извѣстный городничій, не догадавшійся поджечь своего города, чтобы при дѣйствіи пожарной команды, показать свою расторопность и дѣятельность, и услыхавшій, что это сдѣлалъ другой въ сосѣднемъ городкѣ, и получилъ за это награду, воскликнулъ: ахъ, я телятина!

Когда эта вдохновенная мысль снизошла въ мозгъ исправника, онъ даже улыбнулся отъ удовольствія, потрепалъ себя по щекѣ, свиснулъ и вошедшему на этотъ свистокъ.разсыльному земскаго суда, верзилѣ въ косую сажень ростомъ, исправлявшему должность слуги, сказалъ съ необыкновенною пріятностію:

— Завтра, Андреичъ, мы ѣдемъ въ уѣздъ. Пошли десятника съ открытымъ предписаніемъ, заготовить мнѣ лошадей по тракту на Зыбково, по самонужнѣйшей экстренной надобности.

Утро слѣдующаго дня застало исправника уже въ тарантасѣ, въ форменномъ сюртукѣ, съ пряжкой

безпорочной службы и станиславомъ на груди, и верзилой разсыльнымъ на козлахъ.

Это было въ апрѣлѣ. По голубому небу бѣгали прозрачныя облачка; теплый воздухъ вѣялъ чѣмъ-то нѣжащимъ; по дорогамъ бѣжали мутные ручейки; въ полѣ надъ изумрудными всходами ржи заливался жаворонокъ; рѣка, освободившись отъ ледяныхъ оковъ, широко разметалась по лугамъ и полямъ, и рѣзвыя струи ея, то серебрились на солнцѣ полосатою рябью, то блестѣли сверкающими искрами, или вдругъ вся она одѣвалась серебрянымъ необъятнымъ покрываломъ. Что-то праздничное лежало на землѣ и висѣло на небѣ. Лѣсъ начиналъ одѣваться въ праздничную свою одежду, и отъ едва-развертывающихся листьевъ березы и черемухи разливался смолистый, ароматическій запахъ; что-то мягкое, томительное, отрадное разлито было въ природѣ, которая, какъ красавица, просыпающаяся отъ долгаго сна, нѣжилась въ своей обаятельной красотѣ.

Исправникъ не видалъ ни прелести утра, ни красоты пробуждающейся природы, ибо спалъ, разметавшись на ситцевыхъ подушкахъ, съ покойною совѣстью человѣка, исполняющаго долгъ свой. Подъ вліяніемъ весенней теплоты, верзила тоже дремалъ на козлахъ, то покачиваясь изъ стороны въ сторону, то тыкаясь носомъ себѣ въ колѣни, то ложась головою на плечо мужику, исправляющему должность ямщика, такъ какъ исправникъ ѣхалъ на обывательскихъ. Лошаденки, не видавшія цѣлую зиму ничего кромѣ

ржаной соломы, едва-едва тащили тарантасъ, сдѣланный на тройку почтовыхъ и «повальяжнѣе», для того, чтобъ меньше ломался, поминутно останавливались въ грязи, несмотря на то, что мужикъ, стараясь выказать свое усердіе, не забывалъ, по мѣрѣ силъ своихъ, оскорблять ихъ ударами кнута, — не поспинѣ, потому что это уже не помогало, а по ляшкамъ и брюху, отъ чего каждый онѣ разъ виляли хвостомъ, какъ будто желая согнать неотвязчивую муху.

Когда исправникъ воспрянулъ ото сна, то пробужденіе свое ознаменовалъ онъ хриплымъ: *пошелъ!* сказаннымъ скорѣе по привычкѣ, нежели сознательно. Мужикъ, ожидавшій съ трепетомъ его пробужденіе, принялся снова за кнутъ, которымъ и началъ полосовать лошаденокъ своихъ изо всѣхъ силъ; но онѣ бѣдныя, истомленныя и безкормицей, и дурною дорогою, останавливались чуть не на каждомъ шагу. Зыбково, цѣль поѣздки, было еще не близко, а солнце уже высоконько стояло на небѣ, и кругленькое брюшко исправника начинало чувствовать нѣкоторую пустоту, что̀ еще болѣе прибавляло къ досадѣ, порожденной медленною ѣздой и безпрестанными остановками. И досталось бы и кляченкамъ и возницѣ, — вѣроятно досталось бы и больно,— ежелибъ верзила-разсыльный, привыкшій къ подобнаго рода экспедиціямъ и отчасти прикидавшійся къ привычкамъ исправника, не напомнилъ ему, что у него въ тарантасѣ есть запасъ яицъ запеченныхъ въ булки, чтобъ не бились дорогой; кусокъ пирога съ визигой, порядоч-

ный ломоть ветчины и фляга съ настойкой. Исправникъ съ жадностію, достойною Фальстафа или русскаго приказнаго, спеціялиста въ этомъ дѣлѣ, накинулся сперва на печенья яйца, потомъ на ветчину и наконецъ на пирогъ, завершивъ все это хорошимъ глоткомъ водки. Насытившись, онъ бережно собралъ крошки, упавшія на сюртукъ и подушки, въ салфетку; вытряхнулъ ихъ за тарантасъ, сложилъ аккуратно пустую салфетку по тѣмъ складкамъ, по которымъ она была сложена, и запряталъ ее подъ подушку; потомъ снялъ картузъ, набожко перекрестился, осмотрѣвшись предварительно: не видать ли на горизонтѣ какой-нибудь сельской церкви, куда бы могъ направить крестъ свой. Но какъ таковой не оказалось, то онъ возвелъ очи свои горѣ, то-есть на голубое, прозрачное небо, красоты котораго не только не видалъ, но даже и не подозрѣвалъ, потомъ зѣвнулъ, ругнулъ отъ нечего-дѣлать ямщика, обѣщая ему по пріѣздѣ въ деревню, полсотню розогъ, на что тотъ вмѣсто отвѣта снялъ свою поярковую грешневикомъ шляпу, и что-то промычалъ, вѣроятно заранѣе изъявляя свое удовольствіе, потомъ снова принялся бичевать своихъ клячонокъ. Исправивши такимъ образомъ все, что честному человѣку въ подобномъ случаѣ предстояло сдѣлать, исправникъ снова началъ готовиться: «съѣздить къ храповицкому». Эта ѣзда къ храповицкому была его спеціяльностію. Онъ могъ ѣздить къ нему не только ночью или въ указное время, какъ напримѣръ послѣ обѣда, но и во всякое время дня, даже сейчасъ только

вставши, и такъ былъ увѣренъ въ этой своей способности, что прибѣгалъ къ ней всегда, когда ему нечего было дѣлать, а это бывало часто, потому что «дѣломъ» онъ называлъ только то, что̀ могло принести ему какой-нибудь доходъ, все же остальное считалось пустяками и предоставлено было секретарю, который имѣлъ талантъ изъ исправникова недѣла дѣлать себѣ дѣло и жить припѣваючи. Такимъ образомъ оба были довольны, и ежели бывали иногда случаи, что секретарь, принадлежавшій, по выраженію исправника, «къ крапивному сѣмени», протягивалъ лапу къ исправникову дѣлу, за что̀ тотъ сердился не на шутку и каждый разъ грозилъ его выгнать,— то это бывало рѣдко и не возобновлялось съ тѣхъ поръ, когда исправникъ, въ припадкѣ великодушія, уступилъ ему, *пополамъ* съ непремѣннымъ засѣдателемъ и съ тѣмъ, чтобъ они ужь не мѣшались въ конокрадовъ, контрамарки на подводы, что̀ въ годъ все-таки составляло сотъ пять или шесть серебряныхъ рублевиковъ.

Вы конечно не знаете, что такое контрамарки на подводы; постараюсь объяснить вамъ это.

Когда идетъ полкъ, везутъ казенныя тягости, или идетъ партія арестантовъ, солдатъ или рекрутъ, то для облегченія разсчетовъ за взятыя у обывателей подводы, велѣно выдавать за нихъ не деньги, а контрамарки, которыя, при взносѣ подушныхъ, можно представлять къ зачету въ казначейство вмѣсто денегъ. Мѣра отличная и въ высшей степени разумная, ибо удовлетворяетъ въ одно время двумъ по-

требностямъ: вопервыхъ избѣжанію разсчетовъ при недостаткѣ мелочи, въ деревняхъ весьма ощутительномъ, тѣмъ еще болѣе при стертой мелочи, которую начальники партій умѣли всегда навязывать волей-неволей мужикамъ, и которую въ казну не принимаютъ; вовторыхъ предохраненію подушныхъ отъ растраты, гдѣ на домашній обиходъ, гдѣ на другія какія-нибудь надобности. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ контрамарку нельзя никуда представить и нигдѣ размѣнять, кромѣ какъ при подушныхъ, то мужикъ поневолѣ бережетъ ее для этого случая, и какъ придетъ время вносить ихъ, не мечется какъ угорѣлый, или отыскивая денегъ, которыя не дальше какъ вчера пропилъ «загулявши», или размѣнивая серебряныя или золотыя деньги на кредитные билеты, за промѣнъ которыхъ платитъ $1^{1}/_{2}$ и даже 2 копѣйки съ рубля.

Жаль очень, что контрамарки не введены въ почтовомъ вѣдомствѣ, для уплаты прогоновъ. Сколько споровъ, затрудненій, даже обидъ, причиняется на большихъ дорогахъ ямщикамъ, со стороны проѣзжихъ, не имѣющихъ возможности, особливо при недостаткѣ мелочи въ обращеніи, запастись мелочью на всю дорогу. Да и наконецъ возможно ли это, при нашихъ безконечныхъ разстояніяхъ? Сколько разъ случалось мнѣ самому намѣнивать цѣлыя горы мелочи, платя за промѣнъ довольно дорого, чтобъ только не слыхать жалобъ ямщиковъ, съ которыхъ требуютъ сдачи, и которой у нихъ нѣтъ и видѣть съ прискорбіемъ, что мелочи, вопреки ожиданіямъ,

достаетъ только на половину пути! А сколько хлопотъ съ мѣдными деньгами! Намѣняешь, кажется, страшный мѣшокъ, а какъ начнется: смотрителю на чай, за подмазку, ямщику на водку, старостѣ, нищимъ, такъ и увидишь, что толстопузенькій мѣшокъ страшно похудѣетъ скорехонько и наконецъ получитъ видъ чахоточнаго. А не возьми мѣдныхъ денегъ, — на все, про все, надо будетъ давать серебряныя, и тогда Богъ знаетъ что̀ станетъ дорога.

Разсчитывать на сдачу нечего,—ея не получишь никогда, потому, можетъ-быть, что ея и дѣйствительно нѣтъ, а ежелибъ и была, такъ нс дадутъ. Да и кому охота давать — сами разсудите? Дали вы напримѣръ двугривенный съ тѣмъ, чтобы староста получилъ себѣ пятачокъ, а вамъ сдалъ пятиалтынный. Староста пошаритъ, пошаритъ у себя въ кошелькѣ и объявитъ, что у него пятиалтыннаго здѣсь нѣтъ, а вотъ онъ сходитъ посмотрѣть у себя дома. Вамъ между тѣмъ закладываютъ лошадей. Для успокоенія совѣсти, вы закричите ему вслѣдъ: смотри же поскорѣй! а онъ пойдетъ, да и пропадетъ. Вамъ лошадей между тѣмъ запрягли, вамъ дожидаться скучно, а можетъ-быть и некогда; вы отправляете за старостою пословъ, но послы или не находятъ старосту дѣйствительно, потому что онъ гдѣ-нибудь спрятался, или спрячутся съ нимъ вмѣстѣ, и гдѣ-нибудь за угломъ будутъ выжидать вашего отъѣзда. Иной прижимистый проѣзжій покричитъ, покричитъ; побѣсится, побѣсится; отпуститъ десятокъ или пожалуй два «крѣпкихъ словецъ», а потомъ и уѣдетъ,

проклиная станцію, ямщиковъ, почтовую ѣзду и tutti quanti. А русскій человѣкъ, вы знаете, «за тычкомъ не гонится», тѣмъ болѣе, что онъ очень хорошо знаетъ, что «брань на вороту не виснетъ»—и только что проѣзжій отъ крыльца, староста и посланные являются, какъ ни въ чемъ не бывало изъ-за перваго угла, получивши вмѣсто пятачка, двугривенный, хоть и вопреки желанію давшаго.

Болѣе совѣстливые поступаютъ иначе. Они возьмутъ вашъ двугривенный, сдадутъ вамъ гривенникъ и начнутъ шарить въ кошелькѣ, не находя достаточно мѣдныхъ, и кончатъ тѣмъ, что вмѣсто остальныхъ пяти копѣекъ, сдадутъ вамъ только двѣ, три и даже одну копѣйку, говоря, что «нѣтъ больше» и низко поклонившись. Волей-неволей махнете рукой и развѣ скажете такому, болѣе для собственнаго удовольствія, нежели для его неудовольствія, что онъ мошенникъ, а это онъ выслушаетъ, ухмыляясь и кланяясь.

Контрамарки устранили бы это неудобство, которое, вмѣстѣ съ другими непріятностями дороги, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что многіе на ѣзду на почтовыхъ смотрятъ не иначе, какъ на пытку. Контрамарки въ 50, 30, 20, 10 и 5 коп. могли бы продаваться въ казначействахъ вмѣстѣ съ подорожными и были бы благодѣяніемъ и для ямщиковъ, и для проѣзжихъ.

Вотъ такія-то контрамарки исправникъ уступилъ секретарю съ непремѣннымъ, то-есть положилъ имъ въ карманъ отъ двухъ сотъ до двухъ сотъ-пятидесяти руб.

серебромъ каждому въ годъ. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ не раздавать контрамарокъ за подводы, какъ это обыкновенно и дѣлается, а просто продавать ихъ желающимъ за половину или за двѣ трети цѣны, къ подушнымъ. Не отдавать контрамарокъ за подводы можно очень просто: мужики большею частію не знаютъ этого благодѣянія, и по приказу становаго даютъ подводы натурою, да и рады, рады еще, ежели воротившись домой, шеи у нихъ цѣлы. Мужику развѣ стать спорить съ становымъ, а еще пуще — съ исправникомъ? Дастъ подводу, дастъ пять, а о контрамаркѣ не только что не заикнется, даже не подумаетъ; за то какъ придутъ подушныя, самъ же поѣдетъ выручать эти контрамарки, потому-что, какъ хотите, заплатить семьдесятъ пять копѣекъ, а пожалуй и полтину за рубль, пріятно; — да и мѣнять денегъ не надобно. И въ казначействѣ придраться къ контромаркѣ нельзя; дѣло чистое. А земской полиціи, что за семьдесятъ пять копѣекъ, что за полтину продать, вмѣсто рубля — все выгодно. Даромъ деньги приходятъ... безъ шуму, безъ ссоры, а еще съ поклономъ, да на добромъ словѣ.

Исправникъ въѣхалъ въ Зыбково часовъ въ одиннадцать утра, и такъ какъ нарочный извѣстилъ уже о его пріѣздѣ всѣхъ кого нужно, то изба была приготовлена къ его принятію. Накрыли столъ, собрали сотню яицъ и двѣ курицы, на столъ поставили солонку и ситникъ, изъ избы всѣхъ выгнали вонъ; сотники въ медаляхъ и съ палочками дежурили у

воротъ — однимъ словомъ, все было готово. Не обративъ вниманія на эти приготовленія, исправникъ только-что пріѣхалъ, тотчасъ велѣлъ собрать сходъ, говоря, что это по высочайшему повелѣнію и слѣдственнно мѣшкать нельзя.

Вѣсть эта распространилась съ быстротою молніи. Не прошло часа, какъ вся деревня, состоящая слишкомъ изъ трехъ тысячъ душъ, была на ногахъ, отъ мала до велика. Таинственный видъ, принятый исправникомъ, усиливалъ интересъ. Мужики, старые и молодые, тщетно ломали голову, чтобъ узнать причину такого внезапнаго пріѣзда самого исправника, — тогда какъ онъ могъ прислать непремѣннаго, становаго, даже приказнаго, а не безпокоиться самому.

— Видно, малый, такая штука есть, что самому надо! говорили они другъ другу, стараясь казаться равнодушными. Но въ душѣ каждаго было что-то тревожное. Они знали, что даромъ исправникъ не тронется съ мѣста; надобно, чтобъ что-нибудь серіозное вынудило его къ этому. Всякій ждалъ непокойно развязки.

Когда сходъ былъ собранъ и помѣстился полукругомъ передъ избой, въ которой остановился исправникъ, — сотскіе пришли доложить ему о томъ. Онъ взялъ картузъ и вышелъ. Съ его выходомъ, шапки и шляпы полетѣли съ головъ, — толпа сжалась плотнѣе, изъ полукружія сдѣлался кругъ; всѣ норовили быть къ нему какъ можно ближе, чтобъ не проронить ни слова изъ того, что̀ онъ будетъ

говоритъ. Исправникъ тоже снялъ картузъ, поклонился на всѣ четыре стороны и началъ:

— Ребята! я пріѣхалъ къ вамъ по нужному дѣлу. Давно ужь идетъ у меня объ немъ переписка. Я всячески старался отстоять васъ, — но видно этого нельзя. Сила солому ломитъ. Не пеняйте на меня, я сдѣлалъ все, что могъ...

Въ толпѣ, у многихъ зачесалось въ головѣ. Подобное вступленіе не предвѣщало ничего добраго. Тѣ, которые стояли къ исправнику ближе, проговорили скороговоркой: «Спасибо, ваше благородіе, что стараетесь за насъ!» тѣ, которые были подальше, начали перешептываться. У всѣхъ на лицахъ было какое-то тоскливое, тревожное ожиданіе.

— Я вамъ говорилъ, ребята, продолжалъ исправникъ, что еще съ осени приказано мнѣ было, и не отъ губернатора только, а изъ Питера, — доставить туда камень, который лежитъ на вашемъ полѣ. Вы вѣрно слышали, что въ Питерѣ ставятъ большой памятникъ: камень вашъ понадобился подъ этотъ памятникъ. Какъ дошелъ до Питера слухъ о вашемъ камнѣ, не знаю, — можетъ и губернаторъ донесъ объ немъ, чтобъ выслужиться. Еще по осени спрашивали меня, какой величины этотъ камень и годится ли для этого дѣла; я, жалѣючи васъ, отвѣчалъ, что камень небольшой, весь въ трещинахъ, разсыпается на воздухѣ и никуда не годится, но мнѣ не повѣрили. Присылали сюда изъ Питера нарочнаго чиновника, посмотрѣть камень... Чиновникъ пріѣзжалъ подъ страшнымъ секретомъ, былъ у васъ

въ селѣ и осмотрѣлъ его. Посыкался было я вамъ дать объ этомъ вѣсточку, съ тѣмъ, чтобы вы сами попросили чиновника, нельзя ли какъ отстоять васъ, но онъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ, что ежели я это сдѣлаю, такъ меня въ сибирь сошлютъ. Не посерчайте, ребята — я человѣкъ семейный, жена, маленькія дѣти, — испужался сибири: промолчалъ, не послалъ къ вамъ. Христомъ-Богомъ просилъ его, какъ онъ воротился въ городъ, чтобъ написалъ, что камень не годится; подарокъ давалъ ему — не взялъ, видно, мало показалось, и уѣхалъ съ тѣмъ въ Питеръ...

— Эхъ, ваше благородіе! сказалъ голосъ изъ толпы: — намъ не повѣстили... мы бы скинулись, представили бы сколько нужно...

— То-то и есть, что испужался! продолжалъ исправникъ. Денегъ у меня втупору не было; давалъ я ему тысячу рублей, — не взялъ; да такъ фыркнулъ, что я и съ деньгами-то едва изъ комнаты ноги унесъ. Мало ли ему показалось, али ужь такой человѣкъ попался — только и слушать меня не сталъ. Теперь опять приказываютъ изъ Питера камень безпремѣнно туда привезти.

— Эка бѣда, подумаешь! замѣтилъ одинъ старикъ; — а кто жь повезетъ-то его, ваше благородіе?

— Кому жь везти кромѣ васъ? На вашей угодѣ лежитъ, такъ вамъ и везти! отвѣчалъ исправникъ.

— Какъ же его поднять-то? сами разсудите, ваше благородіе!

— Экая ты голова! развѣ я не знаю, что это и Богъ вѣсть какъ трудно. Да развѣ противъ начальства спорить станешь? Велѣно, да и все тутъ.

— Вы бы, ваше благородіе, сдѣлали милость, написали, что его никакими силами поднять нельзя; что эдакой страшнѣющій камень не то что отвезти, съ мѣста-то своротить никакими способами не можно...

— Говорятъ тебѣ, что писалъ. Все писалъ, что только можно было, чтобъ отстоять васъ. Старался такъ, кажется, какъ для отца роднаго. Да что жь станешь дѣлать! Вѣдь это не свой братъ. Имъ въ Питерѣ-то хорошо — развѣ они знаютъ мужицкую нужду. Велѣли — да и все тутъ; а ты тутъ отдувайся какъ знаешь. Ужь думалъ было и такъ: не послать ли деньжонокъ тому, кто этимъ дѣломъ заправляетъ — авось взмилостивится...

— Намъ ходоковъ не послать ли, ваше благородіе? замѣтилъ одинъ старикъ. Можетъ и выплачутъ. А то бѣда, ежели не отмѣнятъ. Въ разоръ насъ разорятъ этимъ!

— Ходоковъ посылать не совѣтую, отвѣчалъ торопливо исправникъ, — только-что хуже осерчаютъ. Еще бѣды, пожалуй, наживешь. Ужь нельзя ли лучше какъ-нибудь отвезти камень-то! а? Подумайте-ка, ребята? Можетъ и можно!

— Никакъ не можно это! отвѣчалъ Савельичъ, старикъ извѣстный своимъ умомъ и посаженый отецъ на всѣхъ свадьбахъ; — камень страшенный, съ цѣлую избу будетъ; въ немъ и Богъ знаетъ

какія тысячи пудовъ есть. Да и снасти-то гдѣ мы возьмемъ для этого? У насъ у мужиковъ извѣстно какая снасть: роспуски что дрова возятъ. Развѣ на этихъ увезешь?

— Роспуски!... Какіе тутъ те роспуски? перебилъ его третій старикъ. Тутъ развѣ тѣмъ пахнетъ? Ты помнишь, Савельичъ, какъ колоколъ-то намъ везли; въ немъ и всего-то семьдесятъ пудовъ было, — а какъ маялись? А это развѣ съ колоколомъ сравнять? Тутъ колесы-то знаешь какія надо? Нашему кузнецу пожалуй и не сковать такихъ...

Пока вблизи исправника происходили эти разсужденія, вдали начался шепотъ, превратившійся потомъ въ говоръ, наконецъ въ крикъ. Всѣ говорили, спорили, шумѣли; никто не слушалъ. Тысячу разныхъ мнѣній было подано; ни одно изъ нихъ не было принято. Исправнику надоѣлъ этотъ хаосъ. Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, сотники подхватили и закричали: ссъ! молчать!... и черезъ минуту все дѣйствительно смолкло, потому что всѣ, отъ мало до велика, кричали въ свою очередь: ссъ! и это сыканье продолжалось нѣсколько минутъ.

Наступила торжественная тишина.

— Не лучше ли будетъ, ребята, началъ исправникъ, — ежели вы выберете человѣчковъ десятокъ, потолковать собща объ этомъ дѣлѣ, да померекать: какъ бы лучше бѣду эту стряхнуть съ шеи. Я съ своей стороны радъ-радостью помочь вамъ на сколько силы хватитъ. Выберите-ка кого поумнѣй, да присылайте ко мнѣ въ избу.

Съ этимъ словомъ исправникъ ушелъ и тотчасъ распорядился поставить самоваръ; досталъ изъ погребца кизлярки и началъ ожидать выборныхъ.

Оставшись одни, крестьяне подняли такой шумъ, что кажется разбудили бы мертвыхъ въ могилахъ, ежелибъ тѣ могли ихъ слышать. Несмотря на безалаберный, повидимому, крикъ и толкъ, все жь выбрали, какъ слѣдуетъ, Савельича, потому что онъ слылъ по деревнѣ первымъ умникомъ; Андрона Власьича, потому что былъ мужикъ денежный, и въ деревнѣ не было почти ни одного, кто бы не состоялъ ему должнымъ; Ваньку Корноухова за то, что больно на словахъ гораздъ былъ, а Семена Потягайкина за его смиренство. Остальные были ни то, ни се, середка на половинѣ; ихъ выбрали потому, что одинъ былъ всѣмъ кумомъ; другой — что у него бабы больно брагу хорошо варили; а третій — что съ становымъ въ ямщикахъ всегда ѣзжалъ и умѣлъ передъ начальствомъ отвѣтъ держать.

Исправникъ сидѣлъ за самоваромъ, когда депутаты вошли въ избу, поклонились, встряхнули головами, кромѣ старика, у котораго голова была гладка какъ ладонь, и стали въ шеренгу. Исправникъ, физіономія котораго была сходна съ физіономіей кошки, облизывающейся послѣ лакомаго куска, оправдалъ это сходство; онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ депутатамъ, побалагурилъ съ Савельичемъ, потрепалъ Андрона Власьича по его толстому чреву, прибавя съ пріятною улыбкою: небось все ассигна-

ціями набито! Корноухова щипнулъ таки изряднехонько за ухо, прибавя: воръ, мужикъ!... за что они всѣ трое въ отвѣтъ ему улыбнулись самымъ привѣтливымъ образомъ, поклонились и пригладили волосы, — проводя рукою по головѣ нѣсколько разъ съ видимымъ желаніемъ сказать что-нибудь въ родѣ: *ради стараться!* но не сказали ничего, а только переглянулись и потоптались на своемъ мѣстѣ.

Когда такимъ образомъ аудиторія исправника была достаточно подготовлена, — онъ, какъ опытный дипломатъ, приступилъ къ дѣлу не съ бухту-барахту, какъ сдѣлалъ бы это можетъ-быть иной новичокъ, а исподоволь и постепенно; въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ представилъ имъ всѣ усилія, какія онъ дѣлалъ для того, чтобъ отвлечь вниманіе правительства отъ этого камня; повторилъ со всѣми подробностями, какъ упрашивалъ чиновника и давалъ ему деньги, и кончилъ тѣмъ, что предложилъ, какъ единственное средство: послать въ Петербургъ деньжонокъ и послать побольше, чтобъ разомъ покончить дѣло. Но для того, чтобъ лучше скрыть то, къ чему онъ хотѣлъ привести ихъ, онъ снова завелъ разговоръ: нельзя ли поднять камень и отвезти его въ Питеръ. Разумѣется, мужики были и руками и ногами противъ этого. Они очень хорошо понимали, что съ ихъ средствами поднять и везти камень вышиною аршинъ шесть или семь, да длиною и шириною аршинъ по пяти, — нѣтъ возможности, и ужасались при одной мысли объ этомъ отвозѣ, видя въ немъ, по ихъ словамъ, «свое конечное разореніе.»

А потому, чѣмъ болѣе опытный исправникъ настаивалъ на предложеніи отвезти камень, чтобъ не харчиться даромъ, въ случаѣ, ежели посланныя деньги не помогутъ, тѣмъ упорнѣе мужики доказывали ему, что это невозможно, и тѣмъ убѣдительнѣе просили его помочь имъ, говоря, что за деньгами не постоятъ.

— Я помогать готовъ, ребята, только вы меня не осрамите. Посылать, такъ надо посылать побольше, а то и рукъ марать нечего. Я вамъ говорилъ ужь: тысячу рублей изъ своихъ денегъ давалъ, такъ и не взглянулъ даже... надулся — и рыло прочь отворотилъ. Такъ теперь съ тысячью рублями и соваться нечего. Потолкуйте на міру, что бы вамъ въ охоту было дать, а я послѣ скажу, довольно или нѣтъ будетъ. Мнѣ тутъ корысти нѣтъ — сами знаете, только не хочется же передъ начальствомъ и марать себя: лѣзетъ-де, скажутъ, съ какою-нибудь тысченкой, когда тутъ о государственномъ дѣлѣ толкуютъ. Памятникъ! шутка! Нѣтъ, братъ! тутъ подымай выше; тутъ десятками тысячъ пахнетъ, такъ о какой-нибудь тысченкѣ и толковать нечего.

— Намъ на міру спрашивать неча, ваше благородіе, отвѣчалъ Корноухой, — отъ міра намъ такой наказъ данъ: кончить съ твоимъ благородіемъ. Что̀ ты велишь, такъ тому дѣлу и быть. Міръ еще велѣлъ и твоему благородію поклониться, за твои хлопоты, да за старанье, сколько самъ положишь.

— Дуракъ ты, Корноухой! сказалъ исправникъ весело, — дуракъ, и ничего больше. Развѣ мнѣ

нужно что-нибудь? Заповѣдь Христову помню, такъ поэтому и стараюсь за васъ, — вотъ что. А то ты деньгами хотѣлъ меня ублаготворить? Не на того, братъ, напалъ. Помню совѣсть и присягу, и служить вамъ хочу: не изъ корысти или лихоимства, а ради добраго слова. Можетъ когда-нибудь меня и помянете. Я человѣкъ не молодой. Нынче живъ, а завтра пожалуй и ноги протянешь, такъ чтобы добрые люди помнили, да когда грошикъ за упокой души подали,— вотъ что! А ты думалъ, деньгами?... Э... эхъ, братъ! а еще умникомъ считаешься?

Корноухій такъ и сгорѣлъ на мѣстѣ, слыша такія умныя исправниковы рѣчи, тѣмъ болѣе, что и товарищи стали на него посматривать съ упрекомъ. Онъ переминался и наконецъ сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, на меня не серчайте. Это я такъ съ глупости только молвилъ. Извѣстно, мужикъ глупъ; развѣ мы грамотные что ли?.. Это такъ только, отъ нашего усердія.

— Ну, да полно говорить объ этомъ! перебилъ исправникъ. Лучше потолкуемъ о дѣлѣ. Я знаю, что вы меня любите; да и я, чай, всегда старался мужичку этакъ службу всякую...

— Много довольны вашею милостью; вѣкъ будемъ помнить ваши благодѣянія! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ и кланяясь.

За что̀ они благодарили — не зналъ нѝкто; бо́льшая половина ихъ и въ глаза не видала его, а ежели и знали его по слухамъ, то единственно благодаря

поборамъ, которые дѣлались на него становымъ и сотниками, чтобъ съ праздникомъ поздравить.

— Не о благодарности вашей толкъ ребята; я всегда готовъ помочь каждому изъ васъ; давайте лучше рѣчь вести о камнѣ-то! Ну, ты лысая голова, какъ думаешь? сказалъ онъ, обращаясь къ Савельичу.

— Да что̀ тутъ думать-то, батюшка, ваше благородье? Камня поднять нельзя, объ этомъ и калякать нечего! хоть всю волость выгони, его и съ мѣста не тронешь. Развѣ какія машины подведутъ, такъ можетъ и сволокутъ съ мѣста, а намъ нечего и хвастаться. Это дѣло не нашихъ рукъ. Только на тебя, родимый, и надежда. Коли ты въ наше сиротство не вступишься, пропадать намъ вовсе. Хоть въ гробъ ложись, да умирай...

— Ну, а какъ же бы ты думалъ?

— Да какъ думалъ! собралъ деньги, да все тутъ. Видимое дѣло, что безъ подарка тутъ ничего не сдѣлаешь. Ублаготворилъ хорошенько, такъ можетъ и смилостивятся.

— Ну, а сколько бы ты эдакъ мерекалъ послать-то нужно?

— Это тебѣ виднѣй, ваше благородіе; ты съ этимъ народомъ обращался. Вѣстимо дѣло, что ежели тысячи рублевъ отъ тебя не принялъ, такъ надо посылать больше. А ужь сколько, это ты самъ разсуди. Мы вѣчно за тебя богомольцы будемъ.

Исправникъ призадумался.

— По-моему, началъ онъ, помолчавши, — по слать, такъ послать тысячки три надо. А меньше — какъ бы все дѣло не испортить. Пожалуй, какъ пошлешь мало, такъ осерчаютъ, что послѣ и десять тысячъ радъ бы дать, да не поправишь. А? какъ ты думаешь, Власъ Андроновъ?

— Я думаю, что умныя ваши рѣчи, ваше благородіе. Три тысячи, такъ три тысячи. И то сказать: съ міру по ниткѣ, голому рубаха. Гдѣ имъ въ Петербургѣ взять-то? Прикажите, ваше благородіе, деньги сбирать, да и концы въ воду.

— Смотрите, ребята, чтобъ послѣ на міру жаловаться не стали, что много собрали. Какъ бы и мнѣ съ вами нареканья какого не принять.

— Э, ваше благородіе! перебилъ Корноухой, желая загладить прежнюю неловкую свою выходку, — кому жалиться-то? Что жь самъ не шелъ, да не говорилъ, коли кому нужно. Намъ всякаго слушать нельзя. Міръ наказалъ намъ собща съ твоимъ благородіемъ порѣшить дѣло — ну мы и порѣшили... Сказано три тысячи — такъ такъ тому дѣлу и быть. Прикажешь повѣстить что ли о сборѣ?

— Приказать для чего не приказать, коли вы ужь такъ рѣшаетесь! Ступай, Корноухой, ты помоложе всѣхъ, — вели сборщику сбирать деньги. А поскольку сбирать надо, ребята? а? какъ думаете?

— Да поскольку придется! отвѣчалъ Савельичъ. Сколько у кого душъ, тотъ столько пущай и пла-

титъ. У насъ 500 домовъ; есть пять душъ въ дому, такъ съ пяти душъ и давай.

— Вѣдь это неправильно, Савельичъ! замѣтилъ исправникъ. Развѣ одиночка какой-нибудь виноватъ, что у него десять душъ въ дому — а работникъ-то онъ одинъ, и землю только на одно тягло получаетъ?

— А какъ же бы по-твоему, родимый?

— По моему, надо разложить по тягламъ; по равной части. Сколько тяголъ, столько и паевъ. У васъ сколько здѣсь тяголъ?

— Унасъ здѣсь 1300 тяголъ, а душъ 3221, ревизскихъ то-есть. Этакъ, по-твоему, что съ тягла-то придетъ?

— По два рубля съ тягла, это двѣ тысячи шестьсотъ, остается четыреста; да по тридцати копѣекъ — триста девяносто, всего безъ десяти рублей три тысячи. Значитъ по два рубля по тридцати копѣекъ съ тягла. Такъ бы и взять.

— Оно бы хорошо, родимый, да не заведено у насъ.

— Ну такъ заведите.

— Нельзя, батюшка, ваше благородіе; отцы и дѣды наши такъ не дѣлали, такъ намъ противу ихъ разуму начинать нечего. Не глупѣй они нашего были. Неча и толковать объ этомъ. Ты вотъ, родимый, смекни-ка, почемъ съ души-то придетъ?

— По девяносто копѣекъ — это будетъ двѣ тысячи семьсотъ, да съ двухъ сотъ — сто восемьде-

сятъ, да съ двадцати — восемнадцать, да одна, всего двѣ тысячи девятьсотъ восемнадцать рублей восемдесятъ копѣекъ.

— Такъ мало будетъ?

— Мало. Копѣекъ по пяти видно еще съ брата взять придется.

— По пяти, такъ по пяти. Значитъ всего съ души по девяносто по пяти копѣекъ. Ну, не Богъ знаетъ какая тягота! Такъ бѣги, Корноухой, командуй, чтобъ сбирали. Скажи Антону Емельянычу — онъ на это больно ужь ловокъ.

Корноухой былъ ужь въ дверяхъ, когда исправникъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Смотри жь, приходи чай пить, Корноухой. Скорѣй поворачивайся.

— Я сейчасъ взадъ буду, ваше благородіе. Только добѣжать до Антона Емельяныча.

И выскочилъ изъ избы.

Міръ между тѣмъ стоялъ, ожидая рѣшенія исправника съ выборными. Когда Корноухой объявилъ имъ, что рѣшено собрать по девяноста по пяти копѣекъ съ души, всѣ смолкли, нѣкоторые даже перекрестились; вообще всѣ были довольны, что немного, кромѣ самыхъ горюновъ, которые заботливо и уныло чесали въ затылкахъ и остались поджидать Андрона Власьича, чтобъ «покучиться ему» и попросить у него взаймы: кто подъ залогъ будущаго урожая, кто подъ залогъ конопли и поскони, а кто и такъ —

съ «прокатомъ» [1]) десяти копѣекъ на рубль въ мѣсяцъ.

Исправникъ межь тѣмъ бражничалъ съ выборными, къ которымъ Корноухой воротился благимъ матомъ, чутьемъ слыша запахъ кизлярки. Разказамъ не было конца. Старики распустили лясы, обрадованные и польщенные тѣмъ, что капитанъ-исправникъ не брезгаетъ пить чаекъ вмѣстѣ съ ними, и дали бы ему не то, что по девяносто пяти копѣекъ, а пожалуй по полтора рубля съ души. За то исправникъ былъ не скупъ ни на слова, ни на кизлярку. Онъ угощалъ ихъ и тѣмъ и другимъ, съ тѣмъ искусственнымъ простодушіемъ, къ какому способенъ почти всякій Русскій, когда идетъ дѣло о томъ, чтобъ «обойдти», прикинуться простачкомъ, для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли. Мужики мои были внѣ себя. Они пошли бы кажется подъ топоръ за исправника, ежелибъ кто сказалъ, что онъ ихъ «надуваетъ».

— Мнѣ жаль будетъ, ребята, сказалъ между прочимъ исправникъ, — ежели собранныя вами теперь деньги не избавятъ васъ отъ этого камня, — чтобъ его нелегкая взяла! Я буду стараться изо всѣхъ силъ и повѣщу вамъ, какой получу отвѣтъ на мое письмо. Чего добраго, пожалуй и трехъ тысячъ мало покажется — тогда ужь я право не знаю, что̀ и дѣлать. Молитесь, ребята, хорошенько, вотъ все, что могу вамъ посовѣтовать.

1) То-есть съ процентами.

Потягайкинъ, выбранный въ депутаты «за смиренство», нѣсколько развеселившись отъ кизлярки, рѣшился наконецъ сказать свое слово. Онъ былъ мужикъ не глупый и смирный по природѣ; но смиренство его состояло вовсе не въ смиренствѣ, онъ только чрезвычайно хорошо вытвердилъ пословицу: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись», и изъ этой пословицы извлекъ правило для всей своей жизни. Какъ вообще всѣ люди низшихъ сословій у насъ въ Россіи, онъ, дѣлая видъ, что ничего не слышитъ и не видитъ, очень хорошо слышалъ и принималъ къ свѣдѣнію все, что̀ около него говорилось и дѣлалось; никогда ни съ кѣмъ не спорилъ; давалъ каждому высказать свое мнѣніе прежде, чѣмъ выскажетъ свое, которое по большей части всегда было одинаково съ мнѣніемъ того, кто съ нимъ говорилъ, или лучше сказать: онъ никогда, и никому не высказывалъ своихъ мнѣній, дѣйствуя всегда въ одиночку и подъ шумокъ. Онъ былъ богатъ, но никто не зналъ навѣрное, есть ли у него деньги, или нѣтъ; даже исправникъ, который зналъ наперечетъ всѣхъ богатыхъ мужиковъ своего уѣзда, потому что съ кошелькомъ каждаго былъ знакомъ больше или меньше, — не рѣшилъ этого вопроса, хоть и всячески добивался того, съ искреннимъ желаніемъ познакомиться и съ его кошелькомъ и тѣмъ расширить кругъ своей практической дѣятельности. Потягайкинъ былъ молчаливъ не по природѣ, а по разсчету; вслѣдствіе этого всякое его слово имѣло значеніе.

Слово Потягайкина было такое:

— А что̀, сударь, ваше высокоблагородіе, ежелибъ намъ этотъ камень да извести какъ-нибудь? Тогда бы вѣдь къ намъ приставать больше не стали.

— Да какъ же ты изведешь-то его, Семенъ, какъ бишь тебя по отчеству-то? возразилъ исправникъ, въ разсчеты котораго не входило, чтобъ камень былъ уничтоженъ, ибо онъ приберегалъ его и на будущее время, зная, что деньги понадобятся не къ одной Пасхѣ, но и къ Спасу, и къ Рождеству, и къ Новому году.

— Да извести какъ не извести, сударь, ваше высокоблагородіе, коли, примѣрно, захотѣть этого? Ужь коли кремлевскія стѣны Французъ на воздухъ поднялъ, такъ ужь съ эдакимъ камнемъ какъ не сладить? Подкатилъ подъ него, примѣрно, бочонокъ-другой пороху, такъ и слѣда не попахнетъ. У насъ намедни антилеристы стояли, такъ тамъ одинъ старшо̀й какой-то, — мудреное такое ему прозваніе, бамбиръ что ли, али бабадиръ, — такъ разказывалъ: какой ни есть страшнѣющій домъ будь, али колокольня, примѣромъ сказать, — подкати только пороху, такъ вотъ такъ въ щепки и разнесетъ...

— И... и... и! сдѣлали другіе крестьяне. — Такъ-таки и разнесетъ?

— Да такъ-то разнесетъ, что слѣда не найдешь послѣ. Этотъ бамбиръ — мужикъ знатной такой! калякалъ у насъ цѣлый вечеръ, да такихъ-то диковинокъ разказалъ, что мы всѣ уши поразвѣсили.

Говоритъ, подъ Аршавой такъ-то пороху подкатили подъ эдакое, говоритъ, большущее строеніе, крѣпость что ли, да какъ зажгли, да какъ тарарахнуло, такъ не то что строеніе, и люди-то всѣ, какіе тутъ были, такъ всѣ вверхъ и полетѣли. Ни одного не нашли послѣ.

— Экія страсти, подумаешь! замѣтилъ Корноухой.

— Я и мѣкаю, продолжалъ Потягайкинъ, — что ужь ежели такое большущее строеніе да въ щепки разнесло, такъ отчего жь бы и намъ нашъ камень не разбить такимъ же побытомъ?

— А что̀, впрямь, ребята! сказалъ Корноухой; — Семенъ Иванычъ-то дѣло говоритъ.

Исправнику, которому, какъ я сказалъ ваше, вовсе невыгодно было предложеніе Потягайкина, поторопился остановить его и сказалъ:

— А ты знаешь ли, что за это дѣло тебя въ сибирь сошлютъ? а? какъ ты думаешь?

— Да за что̀ жь въ сибирь-то сослать, ваше благородіе? Камень развалился, развѣ мы причинны этому? Самъ развалился, да и все тутъ.

— Да развѣ не велятъ слѣдствіе произвести? Ты думаешь, такъ тѣмъ и кончится? Конечно! Узнаютъ о порохѣ, такъ тебя, дурака, плетьми отшлепаютъ, да пошлютъ туда, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ. Хочется что ль?

— Какой хочется, ваше благородіе! Только камень-то ужь бо̀льно опротивѣлъ. Кажется такъ и съѣлъ бы его, кабы сила была.

*
* *

— То-то съѣлъ! началъ исправникъ. А меня небось не жалко бы было?

— А что̀, ваше благородіе?

— А то, что ежели бъ вы камень-то уничтожили, такъ я и ступай со всей семьей въ сибирь.

— А для чего жь?

— А для того, что камень въ Питеръ нуженъ. Ты, я чай, знаешь, Питеръ вѣдь это не Картолюбовъ какой-нибудь. Туда всѣ чужеземные короли изъ-за моря сбираются, такъ нельзя жь имъ сказать: былъ камень, да пропалъ! Никто, пожалуй, и не повѣритъ. А тогда исправнику что̀? извѣстно, въ сибирь.

— Ну, это не ладно, ваше благородіе. Да и пороху-то взять не гдѣ. Вѣдь небось бочку надо?

— Бочку не бочку, замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, — а все боченокъ надыть. Такъ, кажись, и бамбиръ говорилъ, Семенъ Иванычъ?

— Да и боченка-то взять не гдѣ! замѣтилъ всеобщій кумъ.

— Боченокъ пускай набрать можно, сказалъ Савельичъ. Гарнизонные солдаты много продаютъ. Только дорого, шельмовское!

— А что̀?

— Да по два рубля за фунтъ лупятъ. У насъ мужичокъ за утвой ходитъ, такъ сказывалъ, что у гарнизонныхъ-то покупалъ — такъ по два рублика за фунтикъ, и то плохенькой. Имъ даютъ на стрѣльбу, а они стрѣлять-то не стрѣляютъ, да и продаютъ кому потреба есть.

— Нѣтъ, ребята, сказалъ исправникъ, — не могите этого дѣлать. Бѣда большая будетъ и вамъ, и мнѣ. Пришлютъ изъ Питера, такъ не то что три тысячи — головы свои рады будете въ закладъ положить, да не расплатитесь. Это ты, Потягайкинъ, вздоръ выдумалъ. Смута одна. Перепорютъ васъ плетьми, да въ сибирь сошлютъ, и меня съ вами, а отъ камня все-таки не отвертитесь. Хоть на мостовую въ Питерѣ, да годится. И не совѣтую начинать такого дѣла!

— Ужь коли ваше благородіе совѣту не даете, такъ нечего и соваться. Это такъ только я...

Сборщикъ съ деньгами прервалъ этотъ разговоръ. Онъ принесъ ихъ въ клѣтчатомъ бумажномъ платкѣ, и высыпалъ на столъ. Какихъ денегъ тутъ не было! И бумажки, и золото, и серебро, и мѣдь, — всякихъ лѣтъ, всякаго чекана, всякой цѣны, всякихъ націй, измаранныя, изорванныя, засаленныя, въ рамкахъ, безъ угловъ, испиленныя; съ дырочками — въ доказательство, что Мордовки носили ихъ на шеѣ; обрѣзанные — въ доказательство, что побывали они въ рукахъ у Евреевъ, и до такой степени стертыя, что скорѣе походили на пуговицы, нежели на монеты. Исправникъ, какъ старый воробей, котораго, по пословицѣ, «на мякинѣ не обманешь», не гнушался засаленностію бумажекъ, стертостію мелочи, обрѣзанностію золота. Съ терпѣніемъ, достойнымъ стоиковъ древности, онъ принялся считать деньги, и только остановился на одномъ голландскомъ червонцѣ — «арапчикѣ», какъ

называютъ ихъ въ простанародьи, — и то только потому, чту у рыцаря, на немъ изображеннаго, не доставало ногъ чуть ли не до колѣна. Но и этотъ онъ взялъ въ счетъ, зная, что при первой расплатѣ съ какимъ-нибудь мужикомъ, онъ вотретъ ему не только арапчика, но и всю стертую мелочь, и тотъ непосмѣетъ пикнуть; а не возьметъ мужикъ, въ случаѣ ежели будетъ не его уѣзда, такъ пошлетъ въ питейную контору, и тамъ *ему* размѣняютъ все, что захочетъ, не мѣшалъ бы только торговать по кабакамъ въ воскресенье до обѣдни, да не больно строго наблюдалъ законъ о выставкахъ.

Когда деньги были сочтены и приняты, онъ поднесъ выборнымъ по стаканчику кизлярки ужь гольемъ, и простился съ ними, твердо рѣшившись мѣсяца черезъ два или черезъ три пріѣхать за новымъ оброкомъ и съ вѣстію, что посланныхъ въ Питерѣ денегъ оказалъ мало, и что надо дослать еще хоть половинку того, что было теперь собрано. Разсчетъ у него былъ тотъ, что черезъ три мѣсяца подойдутъ проценты въ опекунскій совѣтъ за имѣнье, и деньги слѣдственно ему будутъ нужны.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, жена исправника красовалась въ новомъ бархатномъ бурнусѣ, самаго лучшаго масаковаго цвѣта, съ кружевами, и въ атласной пунцовой шляпкѣ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ и огромнымъ бѣлымъ перомъ, въ которыхъ разъ десять въ день проѣзжала, въ отдѣланной заново каретѣ, мимо оконъ предводительской квартиры, для того чтобы затоптать въ грязь

предводительшу, у которой бурнусъ былъ хоть и бархатный, да безъ кружевъ, а шляпка только съ цвѣточками, а безъ пера, и показать, что «она ничѣмъ не хуже». Бархатный бурнусъ этотъ былъ родоначальникомъ тысячей бурнусовъ, сшитыхъ въ Картолюбскомъ уѣздѣ въ это и послѣдующее за тѣмъ лѣто изъ плиса, жидовскаго бархата, бурбона, фланели, сатенъ-лена и даже ситца; «фасончики» съ него стоили многихъ слезъ и многихъ подзатыльниковъ и косотрепаній горничнымъ дѣвушкамъ въ уѣздѣ, владѣлицы которыхъ, во что бы то ни стало, хотѣли метаморфозировать ихъ въ портнихъ.

Постскриптумъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, исправникъ вновь ѣздилъ въ Зыбково и объявилъ, что посланныхъ денегъ оказалось мало. Сколько онъ собралъ, я узнать не могъ; знаю только, что Корноухой, большой либералъ, какъ это вы, вѣроятно, и сами замѣтили изъ этого разказа, подговорилъ молодежь привести въ исполненіе то, что предлагалъ Андронъ Власьичъ, то-есть подорвать камень порохомъ. Мѣра эта удалась какъ нельзя лучше, и камень разсыпался; но за то, когда, мѣсяцевъ черезъ семь, кажется передъ Рождествомъ, исправникъ пріѣхалъ въ Зыбково въ третій разъ, съ извѣстіемъ, что надо бы еще послать маленечко денегъ, и узналъ, что камень разсыпался, онъ до-того взбѣсился, что велѣлъ Корноухова заковать въ цѣпи и отправить въ острогъ, а съ Потягайкина, подавшаго первую о томъ мысль, сдернулъ чуть ли не тысячу рублей. Савельичъ остался не тронутымъ

только потому, что ему было семьдесят лѣтъ отъ роду и съ него взять было нечего; Корноухой же преданъ уголовному суду «за дерзость и ослушаніе противъ начальства», и, можетъ-быть, ушелъ бы по владимiркѣ, не спаси его милостивый манифестъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ.

I.

Это было въ тысяча восемь сотъ двадцатыхъ годахъ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ *** губерніи, и случилось въ то время, когда секретари земскихъ судовъ носили не шелковые жилеты, а суконные; нанимали квартиры въ домикахъ о трехъ окошечкахъ, а не о пяти или семи, какъ нынче, и играли въ горку, а не въ преферансъ или ералашъ, какъ нынче... или, лучше сказать, въ то время, когда они довольствовались отъ просителей рублемъ серебрянымъ и не смотрѣли съ пренебреженіемъ на зеленый трехрублевый кредитный билетъ, какъ нынче, ожидая по крайней мѣрѣ красненькаго или трехъ синихъ.

Доброе старое время это было, какъ говорятъ Французы.

Такъ вотъ въ это-то время, и въ этомъ-то уѣздномъ городкѣ, жилъ-былъ секретарь земскаго суда Тулубинъ. Человѣкъ онъ былъ добрый, что доказы-

вается тѣмъ, что могъ чувствовать привязанность къ женщинѣ, ниже его состояніемъ; человѣкъ простой, что доказывается тѣмъ, что носилъ калмыцкій черный тулупъ зимою вмѣсто шубы; человѣкъ порядочный, ибо былъ доволенъ своимъ состояніемъ. Произведенный въ секретари изъ столоначальниковъ, и слѣдственно не лишенный здраваго смысла, онъ, съ перемѣной званія, не перемѣнилъ привычекъ и оставался попрежнему съ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ къ одной мѣщаночкѣ, молодой, красивой дѣвушкѣ лѣтъ девятнадцати, которую любилъ истинно, ибо хотѣлъ на ней жениться. Дворянинъ по происхожденію, хоть и изъ однодворцевъ, обыкновенно очень надутыхъ своимъ дворянскимъ званіемъ, что однако не мѣшаетъ имъ воровать и дѣлать всякія другія мерзости, онъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе этому браку въ матери своей, вышедшей въ однодворки изъ крѣпостныхъ дворовыхъ женщинъ и поэтому болѣе, нежели любая графиня, презиравшей все то, что было недворянской крови. Мѣщанская дѣвушка, назовемъ ее хоть Катей, любила Тулубина, насколько могла любить эта неразвитая, но добрая и простая натура, отдавшаяся связи своей съ тою полнотой, какую внесла бы во всякія другія отношенія, ежелибы была побольше развита и побольше образована.

Катя была не дурна собой. Высока ростомъ, стройна, съ яркимъ и живымъ румянцемъ, съ игрою и блескомъ глазъ и подвижностію лица, она привлекала невольно всякаго, кто встрѣчалъ ее на ули-

цѣ, въ некрасивой шубкѣ мѣщанокъ нашихъ, столько скрывающей прирожденное изящество стана и грацію движеній. Всякій засматривался на нее невольно, когда съ кувшиномъ или съ водоносомъ и двумя ведрами на плечахъ, шла она на крутую гору съ рѣки, близь которой расположенъ былъ городъ.

Хороша была Катя, но много лучше ея была сестра ея Лизавета, жившая съ нею вмѣстѣ. Онѣ жили однѣ, вдвоемъ, въ своемъ собственномъ домѣ, не имѣя родныхъ никого, кромѣ отставнаго служиваго, крестнаго отца ихъ, изрѣдка ихъ посѣщавшаго. Лизавета была красавицей въ полномъ смыслѣ слова, и конечно, ежелибъ родилась въ высшемъ кругу, о ней прокричали бы на всѣхъ балахъ и раутахъ, воспѣли бы въ стихахъ риѳмованныхъ и безъ риѳмы, обожали бы тайно и явно; но для мѣщанки, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, красота есть «даръ напрасный, даръ случайный», котораго никто не пойметъ и не оцѣнитъ; которымъ никто даже любоваться не будетъ, а ежели и взглянетъ семинаристъ изъ канцеляріи уѣзднаго суда, или небритый и нечесаный бухгалтеръ казначейства, то взглянетъ не какъ на прекрасное созданіе Божіе, но какъ на самку, которую хорошо было бы взять къ себѣ въ кухарки, и вслѣдствіе этого колотить подъ пьяную руку.

Длинные, черные, шелковистые волосы ея, спускавшіеся сзади длинною косой, были такъ мягки и нѣжны, какъ самый лучшій шелкъ; соболиныя

брови рѣзко оттѣняли бѣлизну лица и шеи; глаза большіе, открытые, полные необыкновеннаго блеска и жизни, полны были такой страстной влаги, что отъ нихъ нельзя было оторваться никому, а тѣмъ еще болѣе тому, на кого смотрѣли бы они участнѣе обыкновеннаго. Гордый взглядъ смотрѣлъ повелительно, какъ бы ожидая поклоненія; высокій станъ необыкновенно прямой и стройный, какъ будто изобличалъ непреклонную волю, неспособную согнуться ни передъ какими ударами судьбы; движенія ея, полныя граціи, смягчали нѣсколько жесткость увѣренности, разлитой во всей ея особѣ; розовыя, маленькія губы, на которыхъ покоилась постоянно улыбка, нѣсколько презрительная, но привлекательная, и нѣсколько сухія и истрескавшіяся, подъ страстностію ощущеній и рѣчи губы, показывали, какой большой запасъ страсти таился въ ея сердцѣ.

Съ перваго раза могло показаться страннымъ, какимъ образомъ Тулубинъ, попавшій случайно въ это семейство, предпочелъ Катю, добрую, любящую Катю, этой гордой, страстной красотѣ. Но тотъ, кто вглядѣлся бы ближе въ кажущуюся случайность этой встрѣчи, понялъ бы, что для Тулубина, человѣка простаго и добраго, и даже наперекоръ занимаемой должности, честнаго, Лизавета должна была скорѣе быть предметомъ страха, нежели чувства мягкаго, тихаго и нѣжнаго, къ какому, по своей природѣ былъ онъ способенъ.

Я сказалъ выше, что Тулубинъ любилъ Катю, почти разошелся съ матерью за несогласіе ея на

бракъ съ нею, и обнадеживши дѣвушку, начинавшую исподоволь готовиться къ перемѣнѣ жизни, при недостаточности тогдашнихъ секретарскихъ способовъ, сбиралъ понемногу то то, то другое, къ будущей семейной жизни. Наступала зима, и послѣ новаго года былъ срокъ, который онъ назначилъ для свадьбы, рѣшившись даже отказаться отъ материнскаго наслѣдства, ежелибъ она вздумала долѣе противиться его желанію.

Тѣ, которые знакомы были съ обѣими сестрами, знали, что онѣ дружны, но знали также, что Лизавета, какъ старшая, и слѣдовательно замѣнявшая Катѣ мать, пользовалась своимъ правомъ деспотически. Катя въ этомъ отношеніи была покорною и любящею дочерью, поставлявшею свою славу въ томъ, чтобъ угождать старшей сестрѣ во всѣхъ ея прихотяхъ и служить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Какъ замѣтно, это не удовлетворяло Лизаветы. Властолюбивый характеръ ея подчасъ былъ нестерпимъ; особливо съ нѣкотораго времени она сдѣлалась мрачнѣе обыкновеннаго; въ огнѣ, горѣвшемъ въ глазахъ ея, свѣтилось что-то дикое и странное; часто по цѣлымъ часамъ сидѣла она молча, любила быть одна, и сердилась, когда къ ней приходили. Тщетно Катя, любившая ее искренно, хотѣла ее утѣшить; тщетно ласкалась къ ней, какъ ласкается ребенокъ къ матери, когда видитъ, что она не весела, — Лизавета уходила отъ ея ласкъ, уходила изъ дому, даже иногда на цѣлый день, и на всѣ вопросы Кати и крестнаго, который одинъ лишь

имѣлъ право спросить объ этомъ у ней, отвѣчала, что это не ихъ дѣло. За то въ другое время ласкамъ ея Катѣ не было конца; она ласкала ее и лелѣяла, какъ мать ласкаетъ первенца своего, со всѣмъ жаромъ и страстью, свойственными ея натурѣ; заботливо и тревожно убирала ее къ вечеру, — время, въ которое обыкновенно приходилъ Тулубинъ; сама заплетала косу, сама застегивала платье, надѣвала шубку; бранила ее, ежели та не обращала достаточно вниманія на туалетъ свой; убирала комнату и потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинала браниться ядовито и злобно, какъ-то дико смѣясь, — и опять уходила неизвѣстно куда, въ какое бы то время дня и даже вечера ни было.

— Должно-быть, дѣвичья немочь напала! говорилъ старикъ «крестный», когда Катя жаловалась со слезами на такую неровность характера сестры и просила его объяснить этому причину.

Сказано выше, что сестры жили однѣ въ домикѣ о трехъ окошечкахъ, раздѣляемомъ, какъ это обыкновенно дѣлается, сѣнями на двѣ половины: *горницу* или ту часть, гдѣ живутъ обыкновенно, и состоящую почти всегда изъ одной десяти-аршинной избы, раздѣленной тесовою перегородкой на двѣ половины съ голландскою, а чаще русскою печью по срединѣ; — и *холодную*, гдѣ обыкновенно хранится весь скарбъ домашній, замѣняющую кладовую зимой и спальню лѣтомъ. Холодная эта, называемая часто *свѣтелкой*, есть то, что слыветъ кабинетомъ въ большихъ домахъ: туда принимаютъ гостей, ко-

торыхъ не хотятъ показать другимъ; тамъ воздвигаютъ молодымъ брачное ложе на ржаныхъ снопахъ для богатства и счастія; тамъ въ вывороченной шубѣ, мѣхомъ наружу, сваха брызгаетъ щами въ лицо приходящимъ поздравлять молодыхъ; тамъ хранятся всѣ богатства и таинства; туда уходитъ плакать горе и ревность, досада и побои; туда уходила спать Лизавета, когда Тулубинъ засиживался у Кати.

Домикъ двухъ сестеръ стоялъ на берегу рѣки, отъ которой городокъ получилъ свое прозванье. Видъ изъ свѣтелки его былъ восхитительный. Зеленою крутизной сбѣгалъ берегъ къ прозрачнымъ волнамъ, весело отражавшимъ высокія колокольни, золотыя главы, высокое зданіе присутственныхъ мѣстъ, смиренные домики обывателей... а за рѣкою, какъ необозримое зеленое покрывало, разстилались луга, оживленные лентами и прихотливыми узорами озеръ и заливовъ; бѣлѣли стада, чернѣлись кустарники, и все это замыкалось темною полосой бора, охватившаго полгоризонта.

Была уже глубокая осень, но Лизавета часто сидѣла на завалинѣ свѣтелки, и казалось, смотрѣла въ сѣдую даль, висѣвшую надъ пожелтѣвшими лугами. Густыя сумерки заставали ее часто на этомъ мѣстѣ, какъ будто она хотѣла заучить поэзію нашей осенней природы, прислушаться къ свисту и завыванію вѣтра между сучьями вишенъ и яблонь, растущихъ на огородѣ; усвоить и понять краски и звуки мертвѣющей природы, прекрасной и великой

въ самой суровости своей. Видно было, что темное, ядовитое горе налегло ей на душу, и она находила сходство въ уныніи природы съ состояніемъ души своей.

Наступившая зима прекратила отчасти ея невѣдомыя отлучки, но не принесла покоя, какъ было замѣтно, больной душѣ ея. Только прихотливѣе она стала, только тревожнѣе и раздражительнѣе сдѣлалась любовь ея къ Катѣ, на которую, забывши работу, смотрѣла она иногда по цѣлымъ часамъ, какъ бы любуясь свѣжестію этого милаго личика, отъ котораго не отказался бы и Грезъ для своихъ полотенъ. Но когда Катя начинала пѣть надъ своимъ убогимъ приданымъ; когда звонкій голосъ ея сливался съ рѣзкою пѣснію одинокой канарейки, висѣвшей надъ окномъ и подаренной Тулубинымъ, тогда бѣдная дѣвушка не могла владѣть собою! Она бросалась къ Катѣ и цѣловала ее съ неистовствомъ любовника, цѣловала и ласкала волосы, глаза, всю ее, до тѣхъ поръ пока слезы, горячія и обильныя, не утѣшали этого страстнаго, горячечно-болѣзненнаго восторга.

24 ноября былъ день имянинъ Кати, и Тулубинъ, идя въ судъ, забѣжалъ къ ней поутру поздравить ее, сказать, что проведетъ вечеръ съ нею, и принесъ кой-какія закуски, чтобъ достойно провести этотъ вечеръ. Для бѣднаго чиновника уѣзднаго городка тогдашняго времени, было уже много, ежели онъ истратилъ на это десять рублей ассигнаціями.

Катя была весела, какъ Божія птичка, распола-

гая угощеніе свое, накрывая на столъ, ставя самоваръ. Она порхала изъ сѣней въ горницу, изъ горницы въ свѣтелку, довольная и счастливая, и не разъ останавливалась на мысли, приводившэй ее въ восторгъ, — быть женою Тулубина, котораго она любила со всѣмъ жаромъ первой любви. Но когда онъ пришелъ, и она бросилась къ нему на шею, а онъ, обнявъ ее, назвалъ шопотомъ «своею милою женкой», восторгъ бѣдной дѣвушки дошелъ до изступленія. Она бросилась цѣловать «крестнаго», какъ будто онъ былъ причиною ея счастія; бросилась цѣловать сестру; готова бы, кажется, была разцѣловать цѣлый городъ, ежелибъ онъ попался ей въ эту минуту подъ руку.

Чѣмъ веселѣе была Катя, тѣмъ мрачнѣе была Лизавета. Сурово и угрюмо смотрѣла она на радость сестры, и ни ласки ея, ни ласки Тулубина, ни эта простая, откровенная болтовня этихъ безхитростныхъ сердецъ, собравшихся сюда во имя взаимной любви, — ничто не могло вывести ее изъ тревожнаго состоянія. Недовольна ли она была окружающею ихъ нищетой; завидовала ли сестрѣ, готовой изъ мѣщанки сдѣлаться чиновницею; боялась ли этой перемѣны состоянія сестры своей, въ томъ предположеніи, что жена секретаря земскаго суда будетъ чуждаться сестры мѣщанки, и она останется одна въ мірѣ — это неизвѣстно. Или можетъ-быть припоминала она прошедшее, въ которомъ, по словамъ скандалезной хроники, было что-то въ родѣ увлеченія; — прошедшее, о которомъ она го-

ворила не охотно, даже сердилась, когда о немъ спрашивали ее.

Вечеръ прошелъ «въ обираніи около себя», какъ говорятъ по-русски, то-есть, въ невинномъ злословіи такого и такой-то; въ мечтахъ и предположеніяхъ будущаго семейнаго счастія, и кончился, по обыкновенію, тѣмъ, что «крестный», не осиливши полуштофа сладкой водки и сантуринскаго, такъ расходился, что Тулубинъ посовѣтовалъ ему идти домой, самъ оставшись ночевать у сестеръ. Лизавета, тоже нѣсколько выпившая, по обыкновенію, отправилась спать въ свѣтелку.

II.

Дня черезъ два послѣ этого праздника въ домикѣ о трехъ окошечкахъ, подано было крестнымъ объявленіе въ полицію, что: «мѣщанская дѣвушка, Катерина Иванова, девятнадцати лѣтъ, одѣтая такъ-то, съ такими-то примѣтами, пропала безъ вѣсти». Объявленіе было написано рукою Тулубина. По этому объявленію тотчасъ сдѣлали приличное распоряженіе, то-есть, написали въ земскій судъ, а земскій судъ предписалъ становымъ приставамъ «для публикованія по уѣзду». Все это публикованіе, какъ обыкновенно бываетъ, состояло въ томъ, что предписаніе земскаго суда полежало недѣлю на столѣ ста-

новаго, а черезъ недѣлю онъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе его товарищи по уѣзду, очень аккуратно донесли, что «мѣщанской дѣвушки Катерины Ивано-«вой, девятнадцати лѣтъ, одѣтой такъ-то, съ такими-«то примѣтами, по тщательнымъ розыскамъ, въ та-«комъ-то станѣ, не оказалось», хотя объ этомъ тщательномъ розыскѣ не только кто-нибудь въ стану, даже самъ становой не зналъ, а зналъ только его писарь, получившій бумагу, написавшій на нее отвѣтъ и давшій подписать этотъ отвѣтъ становому, въ числѣ прочихъ бумагъ, содержаніе которыхъ было становому столько же извѣстно, сколько вамъ, читатель. Земскій судъ, получивши рапорты становыхъ, увѣдомилъ о содержаніи ихъ полицію, вшилъ рапорты въ дѣло, на дѣлѣ столоначальникъ надписалъ крупными буквами: дѣло о пропажѣ «мѣщанки Ивановой», положилъ его въ шкафъ, для того, чтобъ черезъ три года сдать въ архивъ, и тѣмъ все кончилось. Катя исчезла съ лица земли, исчезла, какъ видите, легально, по всѣмъ правиламъ судопроизводства, и къ довершенію горькой насмѣшки судьбы надъ участію бѣдной дѣвушки, бумаги по ея дѣлу скрѣпилъ Тулубинъ, какъ секретарь земскаго суда.

Куда дѣлась Катя,— долго оставалось тайной, и осталось бы можетъ-быть и до сихъ поръ, ежелибъ волны рѣки, всегда нескромныя въ подобныхъ случаяхъ, не принесли слѣдующею весной, во время водополи, къ плотамъ, на которыхъ моютъ бѣлье, двухъ холщевыхъ мѣшковъ плотно завязанныхъ, изъ которыхъ въ одномъ оказались человѣческая голова

и двѣ руки, а въ другомъ туловище и двѣ ноги. При недостаткѣ внѣшнихъ интересовъ, подобная находка въ уѣздномъ городѣ есть явное благодѣяніе судьбы, ибо даетъ матеріялъ для разговора, чуть ли не на нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ, отъ мала до велика, бросились смотрѣть мѣшки и содержащееся въ нихъ, даже чиновники бѣжали для этого изъ судовъ, а купцы изъ лавокъ, и прежде нежели полиція распорядилась взять эти мѣшки и о содержащемся въ нихъ «сдѣлать должное распоряженіе», — болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, то-есть весь городокъ зналъ, что голова и торсъ принадлежали той, которая въ жизни называлась «Катериной Ивановой, мѣщанкой, девятнадцати лѣтъ отъ роду». Городничій, опредѣленный не отъ комитета, а по какой-то протекціи, губернскій секретарь чиномъ, всполошился, услышавъ это; растерялся и бухъ губернатору рапортъ, что пропавшая тогда-то «мѣщанка Катерина Иванова, девятнадцати лѣтъ» и проч., и проч., повторяемое во всѣхъ другихъ бумагахъ безъ исключенія, «найдена изувѣченною въ волнахъ рѣки Шуки, неутомимою ревностію частнаго пристава Грабилкина». «Въ волнахъ рѣки» было прибавлено для красоты слога, а «неутомимая ревность» для меркантильныхъ соображеній. Грабилкинъ далъ недавно взаймы городничему денегъ и требовалъ «вещественныхъ» доказательствъ его расположенія.

Губернаторъ нашелъ нужнымъ командировать чиновника особыхъ порученій для изслѣдованія дѣла

на мѣстѣ и поручилъ добраться до истины во что бы то ни стало. Въ слѣдствіе этого, чиновникъ особыхъ порученій принялся за дѣло горячо. Онъ изолировалъ Лизу отъ Тулубина, Тулубина отъ крестнаго, крестнаго отъ всѣхъ подругъ Кати, и не довѣряя никому, въ присутствіи только стряпчаго, который былъ нѣмъ или лучше, выражаясь по восточному, «былъ меньше собаки» передъ губернскимъ чиновникомъ, сталъ самъ писать допросы, давать очныя ставки, приводить подсудимыхъ къ мертвому тѣлу, и проч.

Послѣдняя мѣра дала положительные результаты: Тулубинъ, при всякомъ приводѣ къ тѣлу Кати, былъ одержимъ нервическимъ припадкомъ,— рыдалъ и плакалъ такъ, что на него нельзя было смотрѣть равнодушно. И такъ какъ онъ на всѣ вопросы слѣдователя: имѣлъ ли съ нею близкое знакомство? упорно отвѣчалъ отрицаніемъ, наперекоръ общей молвѣ, то слѣдователь и заключилъ, что тутъ что-нибудь да кроется, и сталъ смотрѣть на Тулубина подозрительно.

Послѣ многихъ попытокъ, не успѣвъ однако ни въ чемъ съ Тулубинымъ, слѣдователь обратился къ Лизаветѣ. При первыхъ допросахъ, она отвѣчала обыкновенными: не знаю, не видала и не слыхала,— потомъ стала какъ будто подаваться и наконецъ однажды, вытребовавъ слѣдователя къ себѣ въ острогъ, съ обильными слезами, объявила, что сестру ея убилъ Тулубинъ, и вошла въ слѣдующія подробности:

— Вамъ уже извѣстно, ваше благородіе, что покойная сестра моя имѣла близкое знакомство съ г. Тулубинымъ. Я не скрываю этого, потому что это зналъ весь городъ, иначе я не сказала бы этого и теперь. Вамъ тоже должно быть извѣстно, что онъ хотѣлъ на ней жениться и только дожидался секретарскаго мѣста, для того, чтобъ сыграть свадьбу...

— Тулубинъ однако не сознается въ этомъ, замѣтилъ слѣдователь: — не имѣешь ли ты возможности доказать это болѣе положительнымъ образомъ?

— Имѣю и могу. Когда онъ былъ въ губернскомъ городѣ и тамъ хлопоталъ объ утвержденіи своемъ въ секретари, онъ писалъ къ Катѣ письмо, и въ письмѣ этомъ божился, что сыграетъ свадьбу въ первый мясоѣдъ, хоть матушка его и не позволяетъ ему этого. Письмо это цѣло.

— Гдѣ же оно?

— Оно лежитъ у меня дома, въ свѣтелкѣ, въ лубочной коробочкѣ, въ шелковомъ мѣшечкѣ. Коробка стоитъ подъ кроватью.

По приказанію слѣдователя, коробка была принесена, и письмо найдено. Тамъ дѣйствительно говорилось и объ отношеніяхъ Тулубина къ Катѣ, и о предстоящей свадьбѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Лизавета, между тѣмъ, продолжала:

— Въ Катерининъ день онъ пришелъ, по обыкновенію, къ намъ, ужиналъ и остался ночевать. Крестный ушелъ домой. Около полуночи меня раз-

будилъ какой-то странный крикъ. Не знаю, чего я испугалась — только я вскочила съ постели и бросилась въ горницу. Она была заперта на крюкъ. Я стала толкаться, но мнѣ было такъ страшно, что я себя не помнила. Только долго спустя, отворилъ мнѣ дверь Тулубинъ: онъ стоялъ съ топоромъ, весь въ крови; я закричала, увидавъ его, хотѣла бѣжать, но онъ втащилъ меня въ горницу, заперъ опять дверь на крюкъ и грозился, ежели я еще закричу, отрубить мнѣ голову. Въ горницѣ у насъ всегда горѣла лампадка передъ иконою, поэтому я могла видѣть, что изъ другой комнатки текла кровь; я бросилась туда и увидѣла, что бѣдная моя Катя лежала съ отрубленною головой, и свѣжая кровь капала съ постели на полъ. Онъ заставилъ меня подтереть кровь на полу, вымыть простыню и одѣяло, самъ выстрогалъ полъ и стружки бросилъ въ печь, которую велѣлъ мнѣ затопить. Я дѣлала все, что̀ онъ ни приказывалъ, не смѣя ему поперечить. Онъ велѣлъ мнѣ найдти два мѣшка, отрубилъ у Кати руки и ноги, потому что вся она не входила въ мѣшки, — и въ одинъ изъ нихъ положилъ голову съ руками, а въ другой ноги и туловище. Потомъ взялъ одинъ мѣшокъ самъ, а другой отдалъ мнѣ, и мы пошли съ нимъ подъ гору къ рѣкѣ и тамъ бросили оба мѣшка въ прорубь.

— Въ какомъ платьѣ былъ тогда Тулубинъ?

— Въ калмыцкомъ тулупѣ, крытомъ синимъ сукномъ.

— Въ какой рукѣ несъ онъ мѣшокъ?

— Въ правой.

— Текла ли изъ мѣшковъ кровь, и могли ли вы оба замараться въ крови?

— Изъ моего мѣшка, въ которомъ лежали голова и руки, текло меньше; изъ мѣшка же Тулубина крови текло очень много, и должно быть платье его было замарано, потому что кровь капала всю дорогу, и мы принуждены были, передъ свѣтомъ, зарывать снѣгомъ слѣды крови.

Окончивши допросъ Лизаветы, слѣдователь потребовалъ Тулубина.

Онъ пришелъ шатаясь: блѣдное лицо его показывало, какъ много страдалъ онъ; глаза потухли и глубоко ввалились. Слѣдователь началъ допросъ его тѣмъ: имѣлъ ли онъ съ Катериной связь и хотѣлъ ли на ней жениться?

Тулубинъ сознался, что хотѣлъ на ней жениться, но о связи объявилъ, что это клевета.

Тогда слѣдователь показалъ ему письмо его руки, о которомъ говорено выше. Молодой человѣкъ не ожидалъ этого. Онъ смѣшался, замолчалъ, но слезы полились у него ручьемъ изъ глазъ вмѣсто отвѣта.

Слѣдователь спросилъ его потомъ, не знаетъ ли онъ, кто убилъ Катерину?

Тулубинъ отвѣчалъ отрицательно. Тогда слѣдователь сказалъ:

— Есть подозрѣніе, что убили ее вы.

— Я! вскрикнулъ съ ужасомъ молодой человѣкъ: — я, который такъ любилъ ее!.. Нѣтъ! нѣтъ! это неправда! этого никто не могъ сказать вамъ!

И онъ рыдалъ такъ страшно, что его невозможно было слышать безъ содроганія.

— Повторяю, васъ подозрѣваютъ въ этомъ убійствѣ. Есть даже свидѣтели.

— Это клевета, слышите ли? клевета!.. Я не могъ убить ее... я любилъ ее; я хотѣлъ на ней жениться.

— Что̀ побудило васъ къ этому убійству?

— Я говорю вамъ, что это вздоръ, что это неправда, что этого не было и не могло быть.

— Вы сами служащій, г. Тулубинъ; вы знаете законы: знаете, что добровольное и откровенное признаніе облегчаетъ участь осужденнаго. Воспользуйтесь милосердіемъ закона... прежде нежели я поставлю васъ лицомъ къ лицу съ вашими сообщниками, которые открыли мнѣ всю правду, всѣ подробности преступленія.

— Повторяю вамъ, что я невиненъ! говорилъ Тулубинъ какъ-то ожесточенно.

— Ежели вы упорствуете, то, извините, я долженъ принять роль слѣдователя. Извольте отвѣчать на мои вопросы: когда вы видѣли въ послѣдній разъ убитую вами дѣвушку?

— Я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ ночь на 24-е ноября. Теперь таить отъ васъ нечего, вамъ извѣстна моя связь съ нею, но ежели бъ не это письмо, я не сказалъ бы вамъ этого ни за что̀ на свѣтѣ. Я пробылъ у ней часу до третьяго утра, потомъ пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ я ея не видалъ.

*
* *

— Это не правдоподобно. Зачѣмъ вамъ уходить отъ нея такъ рано?

— Я дѣлалъ это всегда для того, чтобъ сосѣди не видали, что ухожу отъ нее ночью. Я берегъ честное имя дѣвушекъ, жившихъ въ сиротствѣ, тѣмъ болѣе, что на одной изъ нихъ хотѣлъ жениться.

— Мнѣ извѣстно, что весь городъ зналъ о вашей связи, слѣдственно вамъ таиться было нечего. Вѣрно была какая-нибудь другая причина, что вы ушли отъ нея въ такой часъ ночи, когда на улицахъ и темно, и пусто, и даже нѣсколько опасно, особливо въ такомъ захолустьѣ.

— Другой причины нѣтъ.

— Въ какомъ платьѣ были вы въ ту ночь?

— Я не помню. Мнѣ кажется, на мнѣ былъ сюртукъ черный демикотоновый и шуба.

— Какая шуба?

— Калмыцкій тулупъ.

— Покрытъ ли этотъ тулупъ, и чѣмъ именно?

— Онъ покрытъ сѣрымъ казинетомъ.

— Во время убійства, тѣмъ ли же казинетомъ онъ былъ покрытъ?

— Нѣтъ, онъ былъ покрытъ сукномъ.

— Какого цвѣта?

— Синимъ.

— Такъ. Когда же это сукно перемѣнено на казинетъ?

— Какъ-то зимою.

— Говорите опредѣленнѣе, когда именно?

— Я не помню.

— По крайней-мѣрѣ, прежде или послѣ Катеринина дня?

— Въ точности не помню, но, кажется, послѣ.

— Хорошо. Кто перемѣнялъ покрышку на вашемъ тулупѣ?

— Портной Исаичъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Здѣсь въ городѣ, въ слободкѣ, въ домѣ Нитченковой.

— Довольно-съ. Эй солдаты! Отведите г. Тулубина.

Солдаты отвели Тулубина, а слѣдователь бросился къ портному Исаичу.

— Перекрывалъ ли ты шубу секретарю земскаго суда, Тулубину, и когда?

Исаичъ задрожалъ, увидя передъ собой нежданнаго гостя.

— Я-съ... точно-съ... Право, ваше благ... ваше высокоблагородіе... Я-съ...

— Не бойся, говори только правду...

— Я-съ... правду... право, ей Богу... правду!.. скажу всю правду... ей Богу-съ, ваше высокоблагородіе.

— Ну такъ говори же: перекрывалъ ты шубу Тулубина?

— Перекрывалъ-съ.

— Чѣмъ она была прежде покрыта, и чѣмъ ты покрывалъ ее?

— Тулупъ былъ-съ... ей Богу правда-съ... синимъ сукномъ-съ покрытъ былъ.

— Такъ. А чѣмъ ты покрылъ его вновь?

— Помнится-съ... кабы не ошибиться только... Вы не извольте серчать, ваше высокородіе, ей Богу, правда... кажется, что казинетомъ сѣрымъ-съ.

— Такъ. Въ какое время это было?

— Утромъ, кажется-съ.

— Я не объ этомъ спрашиваю. Въ какомъ мѣсяцѣ это было?

— Это было-съ... дай Богъ памяти... это было передъ Рожествомъ. Я еще не хотѣлъ брать-съ... а онъ такъ упрашивалъ... что я-съ... виноватъ-съ... я согласился-съ...

— Тутъ вины нѣтъ. Мнѣ бы хотѣлось знать опредѣлительнѣе, когда именно это было.

— Позвольте-съ! Тутъ бываетъ священномученика Стефана, такъ у насъ городничій именинникъ. Я еще помню, я ходилъ къ городничему съ именинами поздравлять, да отнесъ его дѣтямъ къ празднику по жилеточкѣ... такъ это было на другой день послѣ этого... Г. Тулубинъ мнѣ еще попался на дорогѣ и всячески меня упрашивалъ... ей Богу-съ!

Слѣдователь послалъ за календаремъ: память священномученика Стефана приходилась 15-го декабря, то-есть съ небольшимъ три недѣли послѣ преступленія.

— Не замѣтилъ ли ты на шубѣ чего-нибудь необыкновеннаго?

— Какъ же-съ. Я еще говорилъ объ этомъ г. Тулубину. На немъ были какія-то пятна.

— Какого рода?

— Какія-то темныя-съ! Похожи какъ будто на кровь.

— Въ какомъ мѣстѣ шубы были эти пятна?

— На полѣ́.

— На которой полѣ́?

— Помнится на правой.

— Ты такъ и оставилъ эти пятна?

— Нѣтъ-съ, я ихъ зачистилъ мѣломъ, для того чтобъ сдѣлалось помягче. Извѣстно, что куда попадетъ мочежинка, мѣхъ всегда немножко закаленѣетъ.

— Можно будетъ видѣть теперь эти пятна?

— Можно-съ... мѣлъ какъ-то плохо присталъ.

Послали за шубой Тулубина, вспороли казинетъ, — пятна затертой мѣломъ крови и на правой полѣ́ были явственно замѣтны. Слѣдователь вырѣзалъ изъ тулупа это мѣсто, приложилъ свою печать и пріобщилъ къ дѣлу, для удостовѣренія черезъ врачебную управу, что это кровь, а не другое что̀. Предварительно это было показано Тулубину. Вотъ допросъ ему:

— У васъ на шубѣ оказались слѣды крови. Отчего она?

— Къ розговѣнью я купилъ барашка; кухарка за нѣсколько дней передъ праздникомъ хотѣла заколоть его, но не сумѣла съ перваго раза. Барашекъ вырвался у ней съ недорѣзаннымъ горломъ и бѣгалъ по избѣ. Такъ какъ она поймать его не могла, то я помогалъ ей ловить его, и когда поймалъ, то

онъ бился у меня въ рукахъ. Тутъ, должно-быть, онъ и выпачкалъ мнѣ шубу.

— Гдѣ это было?

— У меня въ кухнѣ.

— Да развѣ въ кухню къ себѣ вы ходите въ шубѣ? Развѣ она холодная?

— Нѣтъ-съ, теплая; но я только-что пришелъ со двора и не успѣлъ еще снять ее.

— Такъ вы не отвергаете того, что на вашей шубѣ были кровавыя пятна?

— Я не отвергаю и не не отвергаю. Я самъ не видалъ ихъ; мнѣ только сказывалъ объ эттмъ портной Исаичъ, когда перекрывалъ шубу.

— А гдѣ ваше другое платье?

— Оно было такъ старо, что я подарилъ его нищимъ, сдѣлавши себѣ къ свадьбѣ новое платье.

— Вы были очень великодушны, г. Тулубинъ, замѣтилъ слѣдователь, — когда дѣло шло о сокрытіи слѣдовъ преступленія. Видите, что Богъ не оставилъ его сокрытымъ. Покайтесь лучше и сознайтесь.

— Мнѣ каяться и сознаваться не въ чемъ.

— Гдѣ кухарка эта, которая рѣзала барашка?

— Не знаю-съ. Она отошла отъ меня послѣ Новаго года.

— Откуда она была родомъ?

— Изъ казеннаго селенія Треушковъ.

Слѣдователь распорядился послать за кухаркой. Оказалось, что она умерла.

На очныхъ ставкахъ портной Исаичъ повторилъ передъ Тулубинымъ все, что̀ говорилъ прежде. Тулубинъ согласился, что все это была правда. Тогда приступлено было къ главнѣйшему: очной ставкѣ Тулубина съ Лизаветой.

Очная ставка эта была одною изъ тѣхъ страшныхъ драмъ, которыя такъ часто, невѣдомыя міру, разыгрываются передъ слѣдователями и уголовными судьями. Такъ какъ Тулубинъ не зналъ, кто его обвинитель, то, увидѣвши Лизавету, бросился было обнимать ее и зарыдалъ какъ ребенокъ, но она оттолкнула его. Глаза ея горѣли горячечнымъ огнемъ, ноздри широко раздувались; блѣдное доселѣ лицо покрылось багровыми пятными: лучшей натурщицы для Лукреціи Борджіи, отравляющей гостей своихъ, нельзя было бы найдти. Голосомъ сперва дрожавшимъ, а потомъ твердымъ, но звучавшимъ какъ-то дико, какъ-то металлически, повторила она свое обвиненіе, подробно разказавъ страшную драму, со всѣми мельчайшими ея оттѣнками; — она подробно изобразила свой ужасъ, и вслѣдствіе этого свою покорность убійцѣ, угрозы Тулубина, равнодушіе, съ какимъ онъ разсѣкалъ на части прежнюю любовницу свою. Тулубинъ слушалъ это, какъ ошеломленный ударомъ грома. Ни одного слова не выговорилъ онъ въ свое оправданіе. Блѣдный какъ мертвецъ, стоялъ онъ передъ дѣвушкой, подавленный тягостью возводимаго на него преступленія, и когда она кончила и снова закричала: «ты, ты убилъ сестру мою!» онъ смѣшался, хотѣлъ говорить, но не могъ.

Слѣдователь снова сталъ уговаривать его сознаться. Позвали священника для увѣщанія; но Тулубинъ повторялъ одно: «я невиненъ, невиненъ!.. я ничего не знаю; все это клевета.»

III.

Хотя преступленіе Тулубина было явно, — уголовная палата не признала однако возможнымъ, основавшись на однѣхъ уликахъ, обвинить его, какъ убійцу. Многіе осуждали за это уголовную палату, видя въ дѣйствіяхъ ея потворство преступнику, тѣмъ болѣе, что упорство, съ какимъ Лизавета обвиняла Тулубина, не позволяло сомнѣваться въ его преступленіи. Оно было слишкомъ явно. Въ этомъ соглашались и всѣ члены палаты; но и обвинить, по духу нашего законодательства, тоже было невозможно. Палата постановила слѣдующее заключеніе: «Тулубина, принимая въ соображеніе всѣ обвиняющія его улики, оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи; Лизавету Иванову, какъ сознавшуюся въ способствованіи къ убійству и помогавшую скрыть слѣды онаго, сослать въ сибирь на поселеніе.»

Рѣшеніе это было утверждено гражданскимъ губернаторомъ, и должно было быть объявлено подсудимымъ.

Когда ихъ привели для этого въ палату и прочитали приговоръ, Тулубинъ выслушалъ его равнодушно. Казалось, онъ не слыхалъ ничего, — это была горесть во всемъ страшномъ проявленіи своемъ, погруженная вполнѣ въ созерцаніе самой себя. Онъ стоялъ потупившись во все время чтенія, и когда рѣшеніе прочли и потребовали подписки въ томъ, что онъ его слышалъ, онъ пошелъ, куда его повели, подписалъ молча, какъ бы позабывъ гдѣ онъ, что̀ съ нимъ дѣлается и для чего сюда приведенъ. Не такова была Лизавета. Она задрожала, увидавъ Тулубина; глаза ея вспыхнули худо скрытою радостію; какое-то зловѣщее торжество изобразилось во всѣхъ чертахъ лица; она впилась глазами въ Тулубина, какъ вампиръ въ свою жертву, и ни на минуту не отвела отъ него своего взгляда. Когда приговоръ былъ прочтенъ и предсѣдатель сдѣлалъ обычный вопросъ: знаешь ли ты грамотѣ? (для того чтобъ взять подписку въ слушаніи рѣшенія) она перевела глаза съ Тулубина на предсѣдателя и смотрѣла на него вопросительно, какъ бы не понимая вопроса. Замѣтивъ это, предсѣдатель спросилъ ее:

— Слышала ли ты, къ чему ты приговорена?

— Нѣтъ! отвѣчала она рѣзко и отрывисто.

— Господинъ столоначальникъ! прочтите ей приговоръ въ другой разъ.

— Читать не нужно, — скажите на словахъ. Я не понимаю, когда читаютъ.

— Ты приговорена къ ссылкѣ въ сибирь! отвѣчалъ столоначальникъ.

— А онъ? почти вскрикнула Лизавета указывая на Тулубина.

— Онъ оставленъ въ подозрѣніи.

— Гдѣ же онъ будетъ? закричала она какъ-то дико и злобно.

— Здѣсь, гдѣ захочетъ! отвѣчалъ столоначальникъ, нѣсколько сконфуженный.

— Такъ его не сошлютъ со мною въ сибирь? закричала она дрожащимъ, отчаяннымъ голосомъ, огласившимъ своды палаты.

— Нѣтъ! отвѣчали ей.

Тогда она схватила себя за волосы, рванула ихъ съ тою неестественною силою, какую даетъ отчаяніе, ударила себя въ грудь и начала терзать ее, какъ безумная. Сопровождавшіе ихъ солдаты хотѣли остановить ее, но она оттолкнула ихъ и закричала съ необыкновенною силой:

— Я, я убійца... слышите ли... я убила сестру мою!.. Тулубинъ не виноватъ. Судите меня одну... я одна убила Катю.

Потомъ бросилась она къ Тулубину, смотрѣвшему на нее съ нѣмою горестью, припала къ его ногамъ и начала цѣловать ихъ. Слезы впервые хлынули у ней изъ глазъ, и съ этимъ раздирающимъ воплемъ, какой даетъ только одно затаенное, безсильное горе, говорила:

— Прости, прости меня! желанный мой! ненаглядный!... я хотѣла погубить тебя напрасно, чтобъ только быть съ тобою. Я любила такъ, какъ никогда Катя не могла тебя любить. Я не могла видѣть тебя съ нею... Я думала хоть въ сибири быть съ тобою вмѣстѣ, ежели нельзя здѣсь!... Рыданія не дали ей говорить.

Предсѣдатель велѣлъ ввести ее въ присутствіе и затворить двери; послали за прокуроромъ; дали ей стаканъ воды, и старались успокоить. Это было не легко. Страстная, сильная натура эта, сдерживавшая столь долго страшную тайну, теперь просилась наружу. Она дико осматривалась, безпрестанно повторяя:

— Тулубинъ! Тулубинъ!... Солнышко мое! радость моя!... гдѣ ты? Неужели опять розно?...

На всѣ вопросы она отвѣчала безъ связи, безпрестанно оглядываясь и безумно поводя кругомъ глазами. Надо было позвать Тулубина, имя котораго, безпрестанно вздрагивая, она повторяла ежеминутно.

Когда его поставили подлѣ нея, она нѣсколько успокоилась. Мысли ея приняли правильный ходъ; она могла говорить. Но только не прежде, какъ она взяла его за руку, судорожныя движенія ея прекратились, и она могла разказать слѣдующее:

— Я люблю Тулубина болѣе трехъ лѣтъ. Какъ мы познакомились, я не помню; только съ перваго разу

предпочтеніе его Катѣ оскорбило меня. Онъ сталъ ходить къ намъ, явно показывая, что Катя ему нравится. Меня это терзало. Я мучила бѣдную дѣвушку всячески. Я красивѣе сестры изъ лица; мнѣ казалось не понятнымъ, почему Катя нравится ему больше. Но когда онъ свелъ связь съ нею, я увидѣла, что мнѣ надобно молчать и скрывать любовь свою. Когда онъ приходилъ, я старалась не быть дома; меня мучило видѣть ихъ вмѣстѣ. Иногда напротивъ, я находила какое-то злое удовольствіе заставлять ихъ цѣловаться. Я толкала Катю къ нему на шею, и когда онъ былъ счастливъ, я скрыпѣла зубами отъ злости и ревности. Сколько разъ ножъ былъ спрятанъ у меня подъ платьемъ, чтобъ убить и его, и Катю, и себя самое, но я перемогла себя. Тутъ начала я пить. Пьяная, я била Катю, чѣмъ ни попало и безъ всякой причины: бѣдная переносила все съ ангельскою кротостью. Сколько разъ старалась я дать понять Тулубину, что я красивѣе сестры, что я готова отдаться ему — онъ не понималъ ничего, онъ очень любилъ Катю. Такъ, можетъ-быть, протянулось бы долго, ежелибъ онъ не вздумалъ на ней женится. Этого ужь я никакъ не могла перенести. Видѣть Катю женой Тулубина было выше силъ моихъ. Я дѣлала все, чтобы разстроить эту свадьбу; занятые другъ другомъ, они, бѣдные, ничего не подозрѣвали. Я писала безыменное письмо къ его матери, говорила въ немъ, что Катя потаскушка, что она заѣстъ жизнь Тулубина, что онъ дворянинъ, и что ему низко же-

ниться на мѣщанкѣ. Мать его запрещала ему жениться; онъ не слушалъ, онъ очень любилъ Катю. Мнѣ было больше дѣлать нечего; я видѣла, что я погибла... Мысль убить ее одну съ тѣмъ, чтобъ оговорить Тулубина и идти съ нимъ вмѣстѣ въ сибирь, гдѣ онъ непремѣнно ужь будетъ моимъ, мелькнула у меня въ головѣ. Я разсудила, что и пойдемъ-то мы до сибири вмѣстѣ; что я буду ухаживать за нимъ дорогой, поддерживать его, когда онъ устанетъ; отдавать ему ѣду свою, ежели онъ будетъ голоденъ; нести его сумку, ежели ему покажется тяжело. Я была увѣрена, что когда Кати не будетъ, и когда я буду подлѣ него безпрестанно, онъ меня полюбитъ... можетъ, даже женится на мнѣ въ сибири. А мнѣ развѣ не все равно, въ сибири ли, здѣсь ли, только бы его видѣть, только бы слышать его голосъ; чувствовать, что онъ, какъ теперь, подлѣ меня...

Она остановилась, глядя на Тулубина, и столько страсти было въ ея взглядѣ, что бѣдный молодой человѣкъ потупился. Ему стало стыдно быть такъ любимымъ.

— Я сказала, продолжала Лизавета,— что мысль убійства овладѣла мною. Она не давала мнѣ спать покойно. Нечистый толкалъ меня; и днемъ и ночью мнѣ все мерещился Тулубинъ, что онъ мужъ мнѣ, что онъ меня любитъ. Сестра сдѣлалась мнѣ ненавистна. Я стала выжидать случая, но Тулубинъ, занятый, какъ онъ говорилъ, дѣлами къ новому году,

ночевать приходилъ рѣдко, — слѣдственно, мнѣ нельзя было свалить на него дѣло такъ, чтобъ это было похоже на правду. Въ Катины именины представился удобный случай. Я приготовила топоръ, спрятала его подъ кроватью и ждала только, какъ Тулубинъ уйдетъ. По обыкновенію, онъ ушелъ въ третьемъ часу ночи. Я выждала, какъ Катя заснула, и для смѣлости пила водку, которая осталась отъ угощенія крестнаго. Когда я подошла къ сестрѣ съ топоромъ, она спала, разметавшись на подушкѣ... Мнѣ стало страшно и стыдно... Можетъ-быть, я и не убила бы ея въ эту ночь, ежели бъ она не повернулась во снѣ и не проговорила тихо: «Тулубинъ... жена твоя!..» Тутъ у меня какъ будто что-то оторвалось отъ сердца. Я ударила ее топоромъ по шеѣ; она только взвизгнула, но уже не кричала; другимъ ударомъ я отрубила у ней голову вовсе Что со мной было послѣ, я не могу разсказать теперь. Помню, что я еще рубила ее даже и тогда, когда голова ея уже откатилась отъ туловища. Мнѣ мало было этой крови... мнѣ хотѣлось бы, кажется, убить всѣхъ на свѣтѣ, чтобъ на землѣ остаться только одной съ Тулубинымъ. Потомъ, когда это нѣсколько прошло, я испугалась и стала думать, какъ бы скрыть убійство. Принесла мѣшокъ, который былъ у насъ съ мукою, положила туда Катю и хотѣла нести, но силы у меня не достало. Между тѣмъ заря начала заниматься. Чтобъ спрятать все поскорѣе до свѣту, я изрубила тѣло на части и въ два раза снесла въ прорубь, потомъ вымыла и сож-

гла все, по чему можно бы было догадаться объ этомъ убійствѣ. На слѣдующій день я просидѣла дома и никому ничего не говорила о Катѣ, а на третій день пошла къ крестному и объявила, что Катя пропала безъ вѣсти. По моему совѣту, онъ пошелъ къ Тулубину просить написать объявленіе. Его и подали. Мнѣ казалось, что ежели Тулубинъ напишетъ объявленіе, такъ его перваго и начнутъ подозрѣвать въ убійствѣ. Теперь каюсь въ грѣхѣ; дѣлайте со мной, что̀ хотите.

— Ну, а вы, господинъ Тулубинъ, — исторія съ барашкомъ, отъ котораго у васъ была кровь на шубѣ, справедлива? спросилъ его предсѣдатель.

— Совершенно справедлива, ваше превосходительство.

Окончаніе, я думаю, угадаетъ всякій. Лизавета была сослана, Тулубинъ оправданъ и возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ. Бывши въ *** губерніи въ 182. году, я еще засталъ его секретаремъ. Онъ былъ постоянно угрюмъ и мраченъ; никто не видалъ, чтобъ онъ когда-нибудь хоть улыбнулся. Это не мѣшало ему однако быть постоянно кроткимъ и добрымъ съ подчиненными и просителями. Время отъ времени его какъ-то подергивало. День 24-го

ноября онъ обыкновенно пропадалъ куда-то, и никто не зналъ, гдѣ онъ проводилъ его. За то на другой день, приходя въ судъ, былъ блѣденъ какъ полотно, едва держался на ногахъ и замѣтно не понималъ, что̀ ему говорили; писать жа не могъ вовсе. Онъ умеръ въ 184. году.

ВОЛЧЬЯ ДОЛИНА.

I.

На углу одной изъ улицъ города К.**** въ нижнемъ этажѣ большаго двухъ-этажнаго дома, въ одно изъ воскресеньевъ первыхъ годовъ нашего столѣтія, часовъ въ 9 вечера, начиналась оргія. Десятка полтора мужчинъ и женщинъ, пьяные, и въ высшей степени грязные въ этомъ пьянствѣ, были тутъ какъ дома, и кутили на славу. Чтобъ не заставлять догадываться, что это былъ за домъ и что за мѣсто, — я скажу, что это полпивная лавка съ обыкновенными посѣтителями своими; — лавка, гдѣ лучше всякаго начальника полиціи знаютъ, гдѣ что украдено, кѣмъ, куда сбыто, надобно ли воротить, или нѣтъ, рискуетъ ли воръ подвергнуться наказанію, или сыщики пройдутъ мимо его и не найдутъ виноватаго; — однимъ словомъ, лавка, гдѣ принимается и пропивается ворованное и соглашаются на новыя воровства.

Грязны и гнусны кабаки, извѣстные подъ именемъ: тычковъ, татьянокъ, теплыхъ, ровушекъ, мар-

футокъ, агашекъ, сиротинокъ, — но въ нихъ не дѣлается и сотой доли того, что совершается въ полпивныхъ. Только въ деревняхъ кабаки еще сохранили монополію быть сборнымъ мѣстомъ мошенниковъ; въ большихъ городахъ честь этой монополіи принадлежитъ полпивнымъ, и они владѣютъ ею съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства. Чего не дѣлали, чтобъ уничтожить это? Запретили имѣть двери изъ комнаты въ комнату, ограничили число помѣщенія количествомъ комнатъ, запретили имѣть нутряные ставни... но всѣ этѣ мѣры оказались ничтожными и не повели ни къ чему. Есть тысячи возможностей обойти законъ, когда исполнители закона видятъ въ этомъ неисполненіи свою выгоду. Запрещено, напримѣръ, имѣть музыку въ трактирахъ — органы, машины, часы съ курантами преслѣдуются строго; но къ чему повело это? Меньше ли отъ этого народа въ трактирахъ? Нравственнѣе ли онъ? Меньше ли воровства въ городѣ? Меньше ли разврата? Нѣтъ — не меньше, отвѣчаемъ мы утвердительно и жалѣемъ, что музыка запрещена, на томъ основаніи, что музыка умягчаетъ нравы, — и въ трактирахъ, единственныхъ мѣстахъ, гдѣ проводитъ низшій классъ народа свое, и по несчастію, лучшее свободное время, за недостаткомъ другихъ, болѣе человѣческихъ увеселеній, — могла бы имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Въ ожиданіи этого вожделѣннаго времени въ полпивной лавкѣ былъ, что называется, пиръ горой. Пять, шесть женщинъ, еще молодыхъ и не дурныхъ

собою, составляли центръ этой оргіи. Удушливый, отвратительный запахъ табаку наполнялъ комнаты, освѣщенныя сальными, оплывшими огарками и лампой, купленной на толкучемъ рынкѣ, съ полуразбитыми кусочками зеркалъ для ревербаціи. Стѣны съ обоями, висѣвшими клочьями по стѣнамъ; потолокъ растрескавшійся и закоптѣлый; грязные куски ситцу, замѣнявшіе занавѣски у оконъ и висѣвшіе на грязномъ снуркѣ; рѣзкій и непріятный звукъ гармоники, старавшейся подладиться подъ извѣстный мотивъ — называемой обыкновенно, хоть и вопреки грамматикѣ, Ванька - Танька; хриплые голоса полупьяныхъ гостей, старающихся подладиться подъ эту музыку и тянувшихъ какую-то пѣсню дикую, нескладную, перерываемую хохотомъ, восклицаніями, ругательствами, — вотъ обстановка этой оргіи, которую надобно видѣть для того, чтобъ имѣть о ней понятіе.

Было уже около одиннадцати часовъ и разгулъ распахнулся настежъ, на томъ основаніи, что двери съ улицы были заперты, а окна тщательно заставлены досками для того, чтобъ нельзя было видѣть въ «заведеніи» огня, запрещеннаго въ это время, — когда въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, съ большими усами, въ костюмѣ, чѣмъ-то среднимъ между одеждою мѣщанина и двороваго человѣка и бросилъ большой узелъ на полъ. Громкое восклицаніе служило ему отвѣтомъ. Женщины бросились къ узлу и начали тащить изъ него что попало, кто платокъ на шею, кто шелковый

фартукъ, кто шитые золотомъ туфли; мужчины обступили новопришедшаго, и распрашивали его о добычѣ. Тѣ же, которые были уже такъ пьяны, что не могли подняться съ мѣста, только одобрительно мычали, безсмысленно улыбаясь и продолжая ногами выбивать тактъ пѣснѣ, слышанной ими за минуту.

Господинъ съ усами, сдѣлавшійся на эту минуту героемъ мѣста, хотѣлъ было начинать разсказъ свой, когда полпивщикъ, толстая, примасленная фигура, въ синей сибиркѣ, съ ситцевымъ пестрымъ фартукомъ, громко закричалъ: Тсъ!

Всѣ бросились по мѣстамъ; узелъ мгновенно исчезъ; женщины — каждая запрятала пріобрѣтенную ею вещь какъ можно дальше. Когда все такимъ образомъ было приведено въ порядокъ—полпивщикъ отворилъ заднія двери и въ нее сперва высунулась и осмотрѣлась, а потомъ уже вступила, небольшая, съ черными плутовскими глазами, личность, въ сѣромъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и высокой сѣрой фуражкой на головѣ. Когда эта личность вступила—всѣ встали и поклонились. Изъ числа десяти, можетъ только трое не сдѣлали этого, потому что были не изъ этой части; остальные же знали, что унтеръ офицеръ Василій Алексѣевъ есть лицо серьезное въ части, и что и милость и кара заключены въ его десницѣ, на томъ основаніи, что онъ можетъ сказать частному приставу о злоупотребленіи закона и не сказать, тоесть подвергнуть наказанію и не подвергнуть.

— Что за безпорядки, Трофимъ Сидорычъ? сказалъ онъ тихо, и съ чувствомъ достоинства полпивщику... Одиннадцать часовъ, а у тебя заведеніе не заперто.

— Да такъ, Василій Алексѣичъ! Знакомые люди все сошлись... такъ просили помирволить маленечко.

— То-то знакомые... гвалтъ больно великъ подняли. На всесь фарталъ орутъ. Прошлое воскресенье начальникъ полиціи мимо проѣхалъ, — такъ замѣтилъ, что поздно, — а пивныя лавки не заперты. И частному замѣчаніе сдѣлалъ. Такъ знаешь, тово...

— Торгуемъ-то плохо, Василій Алексѣичъ! Такъ знаете радъ, какъ народъ набѣжитъ... Смотришь въ вечеръ-то ведерочку и продалъ...

— Это, любезный, твои счеты, — и до насъ не касаются. Знаешь правило: до одиннадцати часовъ позволяемъ — а послѣ баста...

— Знаемъ-то, знаемъ, Василій Алексѣичъ, только...

— Ну, что только?

— Да оно вотъ что... дѣло-то праздничное, такъ ужь бы намъ не грѣхъ и помирволить маленечко... Надо и насъ пожалѣть!

— Васъ пожалѣть... а вы насъ жалѣете что-ли? Третьяго для у частнаго супруга была имянинница — ты вспомнилъ — а?

— Да вить я отнесъ, Василій Алексѣичъ; помилуйте...

— А что ты отнесъ?.. голову сахару-то? Эка

невидаль, подумаешь... Мы братъ сами счеты-то знаемъ. Въ ней 20 фунтовъ, по 1 р. за фунтъ положимъ, такъ всего 20 рублей. Не тѣмъ, другъ пахнетъ... Тутъ не 20 рублей надо... подымай выше... слышишь...

— Помилосердуйте, Василій Алексѣичъ! завопилъ полпивщикъ жалобно; отъ какихъ доходовъ давать-то больше?.. Разсудите милостиво — то-ли теперь время? Квартиры дорогія... ужъ объ акцизѣ говорить нечего... Приказчики, сидѣльцы... ну и его высокоблагородіе тоже не забываемъ,— исполняемъ долгъ какъ надо. Надзирателю вносимъ; поручику...

— Та, та, та, та!.. На словахъ-то ты куда хорошъ... долгъ исполняемъ... еще какъ надо!.. А много ли ты частному даешь?.. Десять рублей въ мѣсяцъ?.. рыжая борода! хоть бы говорить-то постыдился... Мало для тебя частный дѣлаетъ? развѣ тебѣ не дозволено женщинъ сюда пускать... а? Али ты думаешь, что мы не знаемъ, что ты съ нихъ по гривенничку берешь за входъ въ заведенье и что та, которая выдетъ хоть на минуту на улицу, заплатитъ новый гривенникъ... Нѣтъ братъ, шалишъ!.. А надзиратель, спроси-ка, доволенъ? Намедни говорилъ мнѣ, что неисправно платишь; что съ праздниками не поздравляешь, какъ надо...

— Воля ваша, Василій Алексѣичъ! Я ужь право не знаю, какъ и служить вашей милости! Какъ первое число, такъ и несу назначенное: частному десять, надзирателю пять; поручику три; кажется,

чего больше?.. А тамъ святая, рожество, новый годъ, все справляю, какъ слѣдуетъ; съ ангеломъ поздравляю всегда, — супругѣ на имянины малую-толику доставляю — и все не въ угоду... А вѣдь доходы-то какіе у насъ... Иной день полувѣдерочки не продашь... на тепло не выручишь... а вѣдь вашей милости подавай все въ полнотѣ...

— Еще бы! прибевилъ унтеръ — грозно оглядывая группу посѣтителей... Это что за народъ у тебя — али не знаемъ думаешь?.. Спроси-ка: ни у одного паспорта нѣтъ, — а копнуть хорошенько, такъ пожалуй и тянутаго отыщешь... а?

Полпивщикъ видимо смутился и не желая продолжать подобный разговоръ, сказалъ вкрадчиво:

— Полно-те Василій Алексѣичъ! Я такъ только къ слову пришлось... А то мы всегда съ нашимъ почтеньемъ... и очень благодарственны.

— То-то-то благодарственны! А небось я имянинникъ былъ, такъ ничѣмъ не потѣшилъ; а кажется чего ближе. Я-ли тебѣ не слуга. Намедни попался у тебя съ фальшивымъ кредитнымъ билетомъ и человѣкъ подозрительный, — я вывелъ что ли? А купчика-то обобрали дѣвушки у тебя,— вѣдь онъ мнѣ божился, что пять сотъ вынули, да часы съ цѣпочкой, да перстень съ брилліантикомъ— и что какъ опохмѣлился и сталъ тебѣ жаловаться, такъ ты его же вытолкалъ въ шею изъ полпивной и двери подъ носомъ заперъ... а? не твое дѣло?.. Ты братъ не финти... И мы кое-что знаемъ... Да только не въ нашихъ правилахъ, чтобъ соръ изъ

избы выносить. Жалѣючи тебя молчимъ,—такъ ты это чувствуй...

— Я чувствую, Василій Алексѣичъ, очень чувствую! А что съ ангеломъ васъ не поздравилъ, такъ на томъ просимъ извиненья—не знали, право слово — не знали... Впрочемъ мы завсегда готовы... и...

Съ этимъ словомъ полпивщикъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и оттуда рубль серебромъ и подалъ его унтеру. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и сказалъ:

— Маловато, да на этотъ разъ ужь Богъ съ тобой. Смотри только первое число не забывай... а то бѣды наживешь...

— Много благодарны, Василій Алексѣичъ! Не оставьте вашей милостью... Мы ради стараться... Только ужь и вы за насъ подъ часъ заступитесь...

— Хорошо, хорошо! говорилъ уходя унтеръ. Только смотрите, не шумите больно, да окна хорошенько закутайте, чтобъ свѣту съ улицы не было видно.

— Можемъ, на дорожку, Василій Алексѣичъ! замѣтилъ лавочникъ, — стаканчикъ полпивца...

— Что жь, можно... почему не такъ! на сонъ грядущій это ничего!..

Когда стаканъ былъ ему поданъ и выпитъ и онъ сбирался уже выходить изъ лавки... въ двери постучался громко кто-то. По тому, какъ стучались, видно было, что это человѣкъ, имѣющій право стучаться. Полпивщикъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ поглядывалъ въ другую комнату, куда спрятанъ

былъ узелъ съ ворованнымъ платьемъ. Унтеръ, слѣдившій за его глазами и замѣтившій, что онъ смотрѣлъ какъ-то особенно въ другую комнату, — спросилъ его шопотомъ:

— Али есть что нибудь?..

— Есть Василій Алексѣичъ! Не погубите!.. отвѣчалъ онъ шопотомъ же, на ухо.

— Ничего!.. говорю ничего!.. отворяй дверь.

Стукъ между тѣмъ усилился и когда дверь наконецъ была растворена, въ комнату ввалилась толстая, высокая, неуклюжая, полупьяная фигура, въ полицейскомъ мундирѣ, рукава котораго были короче вершка на два рукъ; съ шибко потертымъ шитьемъ на воротникѣ и шпажонкой съ ощипаннымъ темлякомъ на боку. Ввалившись и пыхтя изо всѣхъ силъ, какъ кузнечной мѣхъ, фигура, оказавшаяся квартальнымъ поручикомъ, ни съ того, ни съ сего начала ругаться самымъ разнообразнымъ образомъ, — за чѣмъ не тотчасъ отворили дверь, зачѣмъ не закрыта лавка, зачѣмъ народъ такъ поздно, и проч. Полпивщикъ кланялся и извинился; но поручикъ пришелъ не за тѣмъ, чтобъ слушать его извиненія. Онъ не допилъ еще своей ежедневной порціи и хотѣлъ допить ее разумѣется на чужой счетъ. Было еще у него кое-что поважнѣе въ умѣ. Въ продолженіи нынѣшняго дня ему не удалось ничѣмъ поживиться; — домой же придти съ пустыми руками нельзя было, на томъ основаніи, что дома, ежели онъ не принесетъ ничего, жена встрѣтитъ его попреками и ругательствами: «Ка-

кой-де ты мужъ. кали о женѣ не думаешь!.. Вотъ Онуфрій Пантелеичъ давно ужь новую шляпку женѣ подарилъ, а я таскаю старую, — тебя жъ дурака, всѣ лавочники за носъ водятъ; и какой ты полицейскій чиновникъ, коли не умѣешь хорошенько прижать всю эту шваль» и проч. и проч. Да такихъ попрековъ нашъ поручикъ былъ большой неохотникъ, особливо послѣ треволненій и усталости дня и добраго возліянія водки, которую онъ волей или неволей, умѣлъ однако «сгладить» съ обывателей своего квартала. Особенно эти попреки не нравились ему на сонъ грядущій, когда ему страшно хотѣлось спать, а не слушать того, что онъ слышалъ каждый день и вытвердилъ чуть не наизусть.

Очень хорошо зная, что за народъ бываетъ въ полпивной и что слѣдственно это самая лучшая пожива, — онъ, не обращая вниманія на поклоны полпивщика, обратился прямо къ гостямъ.

— Что за народъ? вы? Есть ли пачпорты?..

Толпа молчала.

— Пачпорты подавай, говорю!.. и съ этимъ словомъ онъ подошелъ къ первому, кто стоялъ къ нему ближе; схватилъ его за воротъ и хриплымъ голосомъ, которому хотѣлъ придать какъ можно болѣе грознаго, закричалъ:

— Пачпортъ подавай, слышишь!

— Пашпорта со мной нѣтъ, ваше благородіе! отвѣчалъ этотъ, небритый, оборванный, приземистый человѣкъ лѣтъ тридцати, съ пьяной и под-

битой рожей, отъ котораго за версту пахло полпивной лавкой, имѣющей, какъ извѣстно, свою атмосферу; а доставлю черезъ полчаса — на квартиру только сходить.

— Такъ сходи, собачій сынъ, и сейчасъ принеси! Слышишь! иначе сгніешь у меня въ острогѣ. Маршъ...

Не бритая рожа не заставила повторять себѣ этого въ другой разъ. Съежившись такъ, что можно было сжать его въ кулакъ, юркнулъ онъ въ дверь такъ тихо, что предстоящіе даже и не замѣтили, какъ дверь отворилась и затворилась.

Василій Алексѣевъ, видя, что такимъ образомъ поручикъ разгонитъ всѣхъ за пачпортами, которыхъ не увидитъ никогда и не удружитъ полпивщику, лишивши его потребителя, который при случаѣ, когда добыча удается, бываетъ сильно выгоденъ, рѣшился вступиться въ это дѣло. Зная, чего добивается поручикъ, онъ толкнулъ полпивщика, бородою указалъ ему на поручика и сдѣлалъ извѣстное движеніе большимъ и указательнымъ пальцемъ, потеревъ одинъ о другой, — что значило: выручай скорѣе, иначе плохо.

Полпивщикъ началъ чесать затылокъ. Крѣпко не хотѣлось ему платиться за другихъ; но мысль, что въ другой комнатѣ лежитъ извѣстный узелъ, грозно напоминала ему о необходимости вступить въ переговоры, чтобъ скорѣе спровадить нежданнаго и не желаннаго гостя.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ подходя къ по-

ручику, кланяясь и извиваясь какъ піявка, на сколько позволялъ ему это приземистой ростъ; народъ этотъ все мнѣ извѣстный, москвичи природные и паспорты у всѣхъ есть; такъ позвольте лучше...

Василій Алексѣевъ подошелъ къ поручику съ другой стороны и сказалъ ему на ухо:

— Что вы глупости-то дѣлаете? Ежели всѣхъ будете посылать за паспортами, такъ черезъ пять минутъ не будетъ ни людей, ни паспортовъ. Али вы думаете, что они воротятся къ вамъ? Дураковъ нашли!... Прижмите лучше полпивщика... у этого коко съ сокомъ есть,

Поручикъ, зная высокое довѣріе, которымъ пользовался унтеръ у частнаго, и часто прибѣгавшій къ его протекціи, когда, выпивъ лишнее, набурлитъ самъ гдѣ нибудь,—и сверхъ того имѣя самое высокое понятіе о способностяхъ унтера, не захотѣлъ лишить себя коко съ сокомъ, такъ удачно вызваннаго унтеромъ на свѣтъ божій, и прямо обратился къ полпивщику:

— Ей ты, пьяная харя! Ты зачѣмъ весь этотъ народъ напускалъ сюда?... аль не знаешь, что позднѣе 10 часовъ отпертыми лавки держать запрещено. Напустилъ всякой сволочи, да и правъ!... А вы, разрядныя, что здѣсь такъ поздно?..: Задамъ я вамъ всѣмъ феферу, поганое племя... Обыскать, такъ небось такихъ грѣховъ найдется...

При словѣ: «обыскать,» всѣхъ предстоящихъ покоробило какъ-то странно, и полпивщикъ, видя, что вечеръ можетъ кончиться самымъ драматическимъ

образомъ, сперва въ сибиркѣ, а потомъ въ острогѣ, рѣшился наконецъ разстаться съ частію своего коко съ сокомъ и тѣмъ выручить и себя и людей, ему всегда нужныхъ и отъ которыхъ онъ можетъ еще и много и долго пользоваться, изъ явной бѣды, ежели поручику вздумается заглянуть въ другую комнату.

— Ваше благородіе! позвольте — дѣльцо есть!... сказалъ онъ, слегка потянувши поручика за рукавъ и указывая на другую комнату, освѣщенную вонючимъ сальникомъ и наполненную пустыми бутылками, между которыми богатырски храпѣлъ разливщикъ съ рѣденькой и сѣдой бородкой.

— Дѣльцо! какое тамъ дѣльцо? небось смошенничалъ что нибудь, такъ клянчить хочешь!... а?

Говоря эти слова, онъ шелъ въ другую комнату, повторяя въ полголоса про себя: бестіи эдакіе!... Небось пашпортовъ ни у кого нѣтъ!... Только съ частнымъ ссориться не хочется, а то показалъ бы я вамъ дружбу...

Вошедши въ вонючую комнату, извѣстную подъ именемъ каморки, — тогда какъ сама полпивная носила громкое названіе волчей долины, онъ сталъ въ позу и ожидалъ изложенія, «дѣльца». Дѣльцо это состояло въ томъ, что полпивщикъ подступилъ къ нему еще ближе и шопотомъ, хоть въ этомъ и не предстояло почти никакой надобности, сказалъ:

— Евграфъ Трофимычъ! Вы ужъ позвольте мнѣ нынѣшнюю ночь поторговать-съ. Иногородный пришолъ съ деньжонками, такъ наши ребята около него

лабзются что-то. Вамъ извѣстно, наше дѣло только и торговлишка есть, какъ свѣженькой навернется. Ужь сдѣлайте милость, Евграфъ Трофимычъ!

— Ну ктожъ даромъ проситъ, дурацкая ты харя? Али не снаешь, что сухая лошка ротъ деретъ.

— Это мы знаемъ, Евграфъ Трофимычъ, ваше благородіе, и съ нашимъ удовольствіемъ..

Съ этимъ словомъ подалъ ему красненькую десяти рублевую бумажку.

— Только-то! замѣтилъ поручикъ, кладя деньги въ карманъ. Стоило для этой дряни вызывать въ каморку. Столько-то всякій изъ этихъ бестій дастъ, чтобъ только паспорта не спрашивалъ. А ты, рыжая борода, не миндальничай, — я тебѣ не шутя говорю; не то быть тебѣ въ хлопушкѣ. Вспомнишь тогда Евграфа Трофимыча, да пособить нечѣмъ будетъ.

— Ей Богу право, ваше благородіе, выручки ни какой нѣтъ. Повремените маленечко; Богъ дастъ разживемся, ваше благородіе, не забудемъ; право слово, не забудемъ.

— Ну чортъ съ тобой! поднеси-ко водки. Голова что-то болитъ.

Полпивщикъ шмыгнулъ въ темный уголъ, гдѣ у него сохранялась водка, которой продажа въ полпивныхъ лавкахъ запрещена; досталъ оттуда полштофъ, задернулъ занавѣсочку, замѣнявшую дверь въ каморку, и налилъ поручику хорошій стаканъ. Тотъ выпилъ и потребовалъ закусить. Хлѣба не оказалось, но за то въ стойкѣ, въ уголкѣ, нашелся

остатокъ колбасы, у которой отъ лежанья соль прососалась сквозь кишку, служившую ей одеждой, отчего она сдѣлалась еще солонѣе. Это не помѣшало поручику заѣсть ею вонючій полугаръ; — но вслѣдъ за этимъ онъ досталъ изъ кармана фіалковый корень и, скорѣе попривычкѣ, нежели по необходимости, началъ жевать его: маневръ, обыкновенно употребляемый имъ, когда шелъ на дежурство къ начальнику, или даже съ дневнымъ рапортомъ.

Этимъ стаканомъ водки кончились его похожденія нынѣшняго дня. Довольный и угощеньемъ, и тѣмъ, что придетъ домой не съ пустыми руками, поручикъ, возвратясь къ нѣжной половинѣ своей, захрапѣлъ на постелѣ съ чистою совѣстью человѣка и гражданина, исполнившаго обязанности свои въ отношеніи къ обществу и къ семейству.

Василій Алексѣевъ послѣдовалъ за нимъ, еще разъ подтвердивши лавочнику, чтобъ не больно шумѣли, да чтобъ окна были плотнѣе закутаны для того, чтобъ съ улицы огня въ полпивной не было видно.

II.

Когда власти ушли, легализировавъ оргію, — она распахнулась во всю грязную ширину свою.

Лишь только дверь была заперта за Васильемъ Алексѣевымъ, все пришло мгновенно въ то поло-

женіе, въ какомъ было до ихъ прихода. Герой вечера, господинъ съ усами, потребовалъ четверть пива для угощенія предстоящихъ. Громкій крикъ одобренія былъ ему отвѣтомъ; за тѣмъ послѣдовала другая, третья и четвертая четверть, изчезнувшія такъ же скоро, какъ и первая. Головы разгорѣлись, на томъ основаніи, что пиво полпивныхъ лавокъ, густое и мутное, какъ вода коцита, пьяно, какъ нельзя болѣе, что и составляетъ для потребителей существенное его достоинство. Несмотря ни на какія напоминанія полпивщика, составился хоръ: пьяный не пѣть не можетъ, — потомъ пляска. Явилась потребность маскерада, — притащили изъ затворья узелъ съ краденымъ, и всякой нарядился во что-нибудь, что могли въ немъ найдти. Герой вечера облекся въ батистовую вышитую, съ кружевами кофту; кто надѣлъ на себя женскую голландскую рубушку доставашую ему до колѣнъ; кто мантилью съ блондами, стоющими не менѣе 50 рублей за аршинъ; а кто шитую до колѣнъ юпку, стоившую полгода труда и зрѣнія работницѣ, старавшейся сдѣлать паутинки какъ можно тонѣе и прозрачнѣе. Женщины съ своей стороны облеклись въ мужскіе пальто, засаленные и оборванные, и такъ пустились въ пляску.

Когда этотъ взрывъ пьянства и буйства нѣсколько попрошелъ, — когда плящущія ноги устали, румяны женщинъ потекли съ лица безобразными потоками, волосы растрепались и висѣли клочьями вмѣстѣ съ остатками платья, оборваннаго небри-

тыми и мохнатыми кавалерами въ порывахъ пляски, а полпивщикъ, видя, что пива больше не спрашиваютъ и за недостатокъ денегъ въ уплату за пиво, вознаградившій уже себя тайкомъ футлярчикомъ въ серьгами, стоющими всей его лавки съ придачей его самого, уже начиналъ гнать гостей своихъ; — тогда явилась потребность разсказа. Всѣ сдвинули лавки и стулья въ одно мѣсто, и герой вечера началъ:

— Вы дурачье и скоты, ежели прядаете здѣсь, а не знаете, что будете ѣсть завтра. Видите, что я принесъ, — за это на площади дадутъ по крайней мѣрѣ 300 рублей. А это сдѣлано мною меньше, нежели въ 10 минутъ. Язнаю, чтоэти піявки лавочники возьмутъ за это рублей 500, можетъ больше, — да мнѣ-то что за дѣло? Прогуляю 300 рублей, найду гдѣ-нибудь опять растворенныя ворота, толпу лакеевъ въ сосѣдней полпивной и пустыя комнаты... За этимъ дѣло не станетъ. За полтинникъ дворникъ разскажетъ тебѣ, когда господа съѣзжаютъ со двора, даже пожалуй, куда съѣзжаютъ; тутъ только не зѣвай. Кто хочетъ со мной? есть славная штука на примѣтѣ...

— Я, я, я, я! закричало разомъ нѣсколько голосовъ.

— Всѣмъ нельзя, отвѣчалъ герой вечера; — два, три человѣка довольно. Дѣло не въ томъ, чтобъ много было; — со множествомъ, пожалуй, попадешься скорѣе. Тебя, кривой, я не возьму — ты больно не суразенъ; тебя, Ѳомичъ тоже: ты начинаешь трястся

какъ только увидишь квартальнаго, или будочника. Такихъ намъ не надо, — изъ тебя никогда ничего путнаго не выйдетъ. Антонъ Силычъ! другъ мой— нѣтъ тебѣ равнаго; тебя я приглашаю съ собой. А ужь такое дѣльцо есть, что кажется весь городъ изойди, не найдешь лучше.

Антонъ Силычъ вышелъ и прохрипѣлъ:

— Съ тобой, Николай Иванычъ, и въ огонь и въ воду готовъ. Пойдемъ хоть сейчасъ.

— Нѣтъ, ты больно хмѣленъ теперь. Эдакъ не годится. Приходи сюда завтра въ вечерни и переговоримъ обо всемъ, какъ дѣлу быть. Приходи и ты, Антипка, слышишь, въ тебѣ тоже завтра нуждишка будетъ; да захвати съ собой все, что надо... слышь...

— Слышу! закричалъ Антипка, малой лѣтъ 17-ти, котораго по чернымъ рукамъ и закоптѣлому лицу можно было не ошибаясь назвать кузнецомъ. Буду безпремѣнно. Завтра жъ праздникъ; гуляй душа!...

— Ты! рыжая борода! полпивщикъ! закричалъ герой вечера... отбери у всѣхъ вещи, завяжи ихъ въ узелъ и спрячь до завтрева — слышишь! теперь спать пора... по домамъ!...

Слова эти, сказанныя съ видомъ приказанія, приняты были не всѣми одинаково. Нѣсколько голосовъ закричали было: что ты намъ за указъ; пойдемъ, когда захотимъ! Но эти восклицанія заглохли среди всеобщаго движенія. Толпа хлынула изъ заведенія и разбрелась въ разныя стороны, кто на ночлегъ, а кто на новый промыселъ, такъ какъ

начиналъ уже раздаваться утренній звонъ колоколовъ и слѣдственно городъ просыпался къ дѣятельности и жизни.

III.

Герой вечера сдержалъ слово: въ вечерни онъ былъ уже въ полпивной и величаво расхаживалъ между посѣтителями. Величаво — потому что добыча вчерашняго вечера была выгоднѣе, нежели какъ онъ ожидалъ. Тряпье, какъ онъ его называлъ, то-есть, батистовыя рубашки, шитыя кофты и юпки, принесенныя въ бабій рядъ, оцѣнены были очень дорого, и хотя онъ продалъ ихъ за треть цѣны, но все-таки находилъ, что это очень выгодно, и что подобною дрянью пренебрегать не надо. Въ бабьемъ ряду, вы знаете, продавать нельзя: сотни женскихъ устъ, этотъ рядъ населяющихъ, стоятъ газетъ, и потому къ нимъ можно пойдти для того только, чтобъ прицѣниться. Онъ такъ и сдѣлалъ. Настоящіе покупщики были у него на площади, въ темныхъ, непонятныхъ четырехъ-этажныхъ лавкахъ, которыя заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ всѣ таинства городскаго мошенничества. Чтобы ни было украдено въ городѣ нынѣшній день, идите смѣло на площадь завтра, и вы можете найдти тамъ свою покраденную вещь, хотя она уже перемѣнила форму, подкладку, прикладъ. Многоэтажныя лавки полны людей, перешивающихъ безпрестанно плоды воровства, для того, чтобъ владѣ-

лецъ покраденнаго, подавшій нынѣ объявленіе о пропажѣ, и пришедшій завтра для этого на площадь, нашелъ свою шинель, напримѣръ, съ другою подкладкою, другимъ бархатомъ, другою кистью, спороннюю съ шинели, тоже украденной вчера. А потому, когда, по его объявленію, приступятъ къ осмотру или обыску (чего впрочемъ у настоящихъ воровъ и настоящихъ пристанодержателей никогда не бываетъ), тогда, разумѣется, краденныхъ вещей не найдутъ и по очень простой причинѣ: они за ночь перемѣнили форму, подкладку, принадлежности, даже пожалуй, назначеніе, и изъ шинели превратились въ пальто, а изъ пальто въ венгерку. Какъ же тутъ узнать ее? И узнаешь, да отступишься, потому что недоказанное подозрѣніе есть клевета, — а клеветники подвергаются уплатѣ безчестья, а чего добраго, пожалуй еще тюрьмѣ или и другому, болѣе строгому наказанію. Выгодно ли послѣ этого отыскивать покраденное, предоставляю судить вамъ самимъ, мой любезный читатель.

Такъ какъ въ кражѣ вся выгода на сторонѣ крадущаго, то герой вечера и не стѣснялся своимъ величаньемъ. Онъ зналъ, что стоитъ только запереться, бѣда пройдетъ надъ его головой, не тронувши его, потому, что дать поймать себя — глупо изъ рукъ вонъ, а дать найдти у себя что-нибудь изъ краденнаго — еще глупѣе. Кто же будетъ держать у себя покраденное и дожидаться обыска, который бываетъ скоро-скоро на третій день, а по большей части черезъ недѣлю и болѣе. Герой вечера очень

хорошо зналъ, что обыска ужасаться не надобно точно такъ же, какъ не ужасаются укушенія комара, или мухи въ жаркій лѣтній день. Краденое прежде нежели даже дойдетъ до площади, три раза перемѣнитъ хозяина и чрезъ нѣсколько часовъ самому хозяину не узнать его, — не то чтобъ отыскать его судебнымъ порядкомъ, которому, въ объявленіи надо подробно объяснить: когда, гдѣ, какой формы, какого цвѣта и на какую цѣну была вещь. Что жь удивительнаго, что герой вечера, не одинъ разъ бывшій во всѣхъ мѣстахъ заключенія: въ части или въ сибиркѣ за пьянство и буянство; въ ямѣ за неплатежъ по документу; въ острогѣ за воровство и грабежъ, — зналъ всѣ эти тонкости, какія необходимо нужно знать всякому мошеннику для того, чтобъ несмотря на всю ловкость и добросовѣстность слѣдователя (что̀, мимоходомъ сказать тоже большая рѣдкость), — умѣть отвертѣться и быть по закону правымъ. Онъ зналъ это и потому-то пользовался такимъ огромнымъ авторитетомъ между своими сподвижниками. Бывали случаи, что онъ руководилъ дѣльцомъ, находясь самъ для отвода подозрѣнія верстъ за пять отъ происшествія, и буянилъ тамъ нарочно для того, чтобъ его взяли и засадили на одну ночь, — явное доказательство того, что онъ не былъ участникомъ воровства. Не было ловчѣе его зазвать трехполѣннаго лакея въ полпивную лавку и разспросить его, какъ богаты господа, какія значительныя вещи есть у нихъ въ домѣ, есть ли деньги, гдѣ лежатъ, въ какой комнатѣ,

каково расположеніе дома, поздно ли ночью ворочаются господа, каково спятъ люди, гдѣ, чутко ли, или крѣпко, — однимъ словомъ все, что нужно для того, чтобъ предпріятіе удалось, а ежелибъ и не удалось, то не имѣло бы горестныхъ для него послѣдствій, то есть острога и уголовной палаты. Не было вкрадчивѣе его, чтобъ уговорить дороваго, если онъ сходенъ, то-есть падокъ къ деньгамъ, участвовать съ ними въ воровствѣ, обѣщая ему за это третью часть, даже половину выручки; другому, который не тахъ падокъ на деньги, но вздыхаетъ по разгульной жизни, обѣщая составить фальшивый видъ, который въ такомъ-то уѣздѣ утвердятъ навѣрное и свидѣтелей къ которому найдетъ онъ, за что и берется. На горничныхъ дѣвокъ дѣйствовалъ онъ любовными шашнями, подкупалъ ихъ разнымъ тряпьемъ: косыночками, чепчиками и всею этой дрянью, на которую женщины такъ падки. Зная чрезъ людей и во всѣхъ частяхъ города почти весь образъ жизни, даже всѣ семейныя тайны богатыхъ, кто бы они нибыли, — онъ такъ сказать управлялъ воровствомъ въ городѣ. Всѣ частные пристава, кромѣ новичковъ, знали его въ лицо и, говоря между собою, иначе не называли его, какъ Николашкой, взаимно понимая другъ друга при этомъ имени. Сыщики обходились съ нимъ даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, потому что въ нужныхъ случаяхъ, то есть, гдѣ надо было непремѣнно найти украденное, они обращались къ нему и могли быть увѣрены, что краденное найдется ежели онъ того захочетъ.

Это правда, что съ сыщиками и онъ былъ запросто. Особенно съ главнымъ изъ нихъ, пользовавшимся особымъ вниманіемъ начальника, былъ онъ ближе всѣхъ, потому что взаимныя выгоды ихъ сближали. Главный сыщикъ этотъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые какъ будто нарочно родятся для подобныхъ должностей, былъ, не говорю полезный, но необходимый членъ современнаго общества, потому что могъ всегда найдти то, что̀ нужно, — и вмѣстѣ съ тѣмъ явный и отъявленный врагъ его, потому что не находилъ никогда того, что не нужно начальству. Николашку главный сыщикъ отличалъ отъ всѣхъ, ласкалъ всячески, потому что онъ ему былъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ начальство требовало непремѣнно найдти покраденное. Садъ сыщика съ бесѣдкою, герметически затворяющеюся, было то мѣсто, гдѣ происходили дебаты мошенниковъ, подъ предсѣдательствомъ хозяина. Въ комнатѣ безъ стульевъ, въ ситцевомъ пестромъ халатѣ съ цвѣтными разводами, сидя на полу, съ толпою мошенниковъ въ такой же позѣ, но только въ худшемъ одѣяніи, потому что многіе изъ гостей прикрыты были дырявыми нанковыми пальто лѣтомъ и фризовыми шинелями зимой, пировалъ онъ цѣлыя ночи, съ ведромъ пѣннаго по срединѣ, — съ хохотомъ слушая разсказы каждаго о томъ, что̀ удалось ему подцѣпить въ продолженіе вчерашняго дня. Тутъ становились извѣстны всѣ воровства, сдѣланныя въ тотъ день, и извѣстны безъ малѣйшей утайки, потому что

ежели бъ кто-нибудь вздумалъ утаить хоть волосъ изъ того, что̀ было имъ сдѣлано, онъ былъ бы битъ донельзя. Всѣ это знали и строго держались заведеннаго правила, хорошо понимая, какъ нуженъ имъ сыщикъ, и какъ невыгодно имъ будетъ, ежели онъ перестанетъ имъ вѣрить, а слѣдственно и покровительствовать. Разумѣется, мелкихъ воришекъ, вынимающихъ платки изъ кармановъ, въ это собраніе не допускалось; чтобъ имѣть честь попасть въ него, надо было сдѣлаться извѣстнымъ чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, серьознымъ, начиная съ дѣланія и перевода фальшивой монеты, проходя по грабежу во всѣхъ его видахъ; воровству со взломомъ, со всѣми выдумками и ухищреніями, и кончая обыкновеннымъ простымъ воровствомъ чрезъ окно, или растворенную дверь. Сыщикъ хвалилъ однихъ, дѣлалъ выговоръ другимъ, бралъ со всѣхъ извѣстный процентъ, и запрещалъ или разрѣшалъ имъ разные подвиги. Дѣлатели фальшивой монеты были имъ преслѣдуемы, но переводители этой монеты пользовались въ его собраніяхъ правомъ гражданства и не были имъ стѣсняемы нисколько.

Однажды у одной изъ аристократокъ города пропали бриллiанты на значительную сумму. Такъ-какъ кража произведена была безъ взлома, то разумѣется пало прежде всего подозрѣніе на своихъ людей. Ихъ перебрали всѣхъ отъ мала до велика, осмотрѣли имущество всѣхъ, — бриллiантовъ не нашлось: они какъ въ воду канули. Знатныя старухи, едва движущiяся, или только переходящiя отъ дивана къ кар-

точному столу, въ случаѣ неисполненія ихъ требованія, заварятъ въ городѣ такую кашу, что пожалуй и лицо повыше полицейскаго чина въ губерніи, напляшешся до сыта и будетъ готово заплатить изъ своихъ собственныхъ денегъ за всю покражу, только бы старуха молчала. Такъ случилось и теперь. О пропажѣ бриллiантовъ узналъ весь городъ въ тотъ же день. Барыни скакали изъ конца въ конецъ развозить эту новость; начальника полиціи даже въ потъ бросило, какъ ни былъ онъ привыченъ къ подобнымъ происшествіямъ, когда до него дошелъ слухъ о пропажѣ. Не успѣлъ онъ еще образумиться отъ этой вѣсти, какъ получаетъ самое экстренное приглашеніе пожаловать сейчасъ къ начальнику губерніи. Какъ мокрый пѣтухъ, поѣхалъ онъ на приглашеніе, замѣняющее приказъ, и тамъ получилъ строжайшее приказаніе не «отыскивать», но «отыскать» вещи. Это было сказано такъ рѣшительно и такимъ тономъ, на который на службѣ отвѣта не бываетъ. Приказаніе найдти, отданное такимъ тономъ, значило: или ты мнѣ принесешь бриліанты, или черезъ 24 часа ты больше не начальникъ полиціи. Начальникъ полиціи, дорожившій своимъ мѣстомъ, потому что, кромѣ почета, въ его карманъ падали каждогодно, гдѣ отъ виннаго откупщика, гдѣ отъ освѣщенія улицъ, а гдѣ отъ мощенія и метенія ихъ, такія крохи, что каждая изъ нихъ составила бы состояніе для человѣка не съ такимъ укладистымъ корманомъ, какъ у него, — вытянулся передъ начальникомъ губерніи

въ струнку и отвѣчалъ: слушаю-съ; брилліанты будутъ найдены!.. и бросился въ свою канцелярію писать такое же приглашеніе, равносильное приказу, какое получилъ самъ, главному сыщику явиться къ нему. Главному сыщику сдѣлать это было не такъ легко, какъ ему, потому что послѣ вчерашней попойки въ сообществѣ мошенниковъ, онъ лежалъ еще, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ. Но когда его наконецъ растолкали и кое-какъ объяснили, что его требуютъ тотчасъ и по самому экстренному дѣлу къ начальнику полиціи, его непосредственному начальнику, подъ высокимъ покровительствомъ котораго онъ нажилъ таки порядочный запасъ деньжонокъ; главный сыщикъ, впередъ зная, о чемъ идетъ дѣло, велѣлъ вылить ведро холодной воды себѣ на голову, пожевалъ фіалковаго корня, чтобъ отбить винный запахъ изо рта, — и какъ встрепанный, то-есть, опохмѣлившись, поѣхалъ къ начальнику полиціи.

— Знаете ли вы, что у княгини Нехлюдой украли брилліанты въ тридцать тысячъ рублей? спросилъ его начальникъ полиціи, не успѣлъ тотъ еще войти въ комнату.

— Знаю, ваше высокородіе! отвѣчалъ сыщикъ.

— Надобно найдти ихъ, слышите, найдти непремѣнно и во что бы то ни стало. Вы мнѣ отвѣчаете головою, ежели они не будутъ найдены.

— Слушаю, ваше высокородіе. Только ихъ въ городѣ нѣтъ.

— Гдѣ же они?

— Теперь, вѣроятно, верстъ за 300 отсюда. Они украдены не здѣшнимъ.

— Кѣмъ бы они ни были украдены, только ихъ надобно найдти, — понимаете?

— Понимать-то я понимаю, ваше высокородіе, только безъ нѣкотораго расхода этого сдѣлать нельзя... да и денька три четыре пройдетъ прежде, нежели я вамъ ихъ доставлю.

— Я даю вамъ четыре дня... но чтобъ къ этому времени они были вотъ на этомъ столѣ, — слышите?

— Слушаю-съ, будутъ-съ!

— А деньги вамъ на что?

— Послать за воромъ. Вы знаете, торопиться надо, пока не изломалъ ихъ и не распродалъ по частямъ.

— Хорошо, деньги получите отъ правителя моей канцеляріи, а чтобъ послать, можете взять квартальнаго порасторопнѣе.

— Не нужно, ваше высокородіе! отвѣчалъ сыщикъ, двусмысленно улыбаясь. Эти господа для такого дѣла негодятся. Я пошлю изъ своихъ.

— Много ли денегъ вамъ надо?

— Ста три нужно будетъ. Прогоны, расходы дорогой; тамъ, гдѣ догонятъ, надо будетъ дать, для того, чтобъ помогли.

— Хорошо-съ!.. и деньги и открытое предписаніе получите отъ правителя канцеляріи; но помните, что ежели бриллiанты не будутъ найдены,

вы будете отданы подъ судъ — и ужь конечно не отвертитесь, въ этомъ будьте увѣрены.

— Напрасно, ваше высокородіе, безпокоиться изволите. Я сказалъ, что бриллiанты будутъ найдены, — и они будутъ найдены; сомнѣваться неизвольте. Можете такъ и доложить начальнику губерніи.

— Я такъ и сдѣлаю, и даже сейчасъ. Но помните, что черезъ четыре дня бриллiанты должны лежать у меня въ кабинетѣ.

— Будутъ-съ!.. Записочку-то, ваше высокородіе, насчетъ денегъ.

Вмѣсто отвѣта, начальникъ позвонилъ, и на этотъ зовъ вбѣжалъ красивый юноша въ мундирномъ фракѣ, съ изящно-подвязаннымъ галстухомъ и неимовѣрно длинными ногтями, и какъ вкопанный сталъ передъ начальникомъ.

— Правителя канцеляріи! закричалъ этотъ.

Юноша обернулся и вышелъ съ поклономъ, а на его мѣсто черезъ минуту явился человѣкъ лѣтъ сорока, съ необыкновенно плутовской физіономіей и портфелемъ подъ мышкой.

— Теперь я дѣлами заниматься не буду! сказалъ начальникъ полиціи. Я велѣлъ васъ позвать только для того, чтобъ вы отпустили господину сыщику триста рублей ассигнаціями изъ тѣхъ денегъ... знаете..? Правитель канцеляріи кивнулъ головой въ знакъ того, что понимаетъ; начальникъ полиціи продолжалъ:

— И выдали ему открытое предписаніе для поимки вора.

— Слушаю-съ! На чье имя прикажете-съ?

Вмѣсто отвѣта главный начальникъ полиціи перевелъ глаза на сыщика.

— Имя не надо, отвѣчалъ этотъ. Потрудитесь оставить пробѣлъ. Я впишу, кого будетъ нужно, самъ.

— Хорошо!.. помните же! прибавилъ главный начальникъ полиціи, знаменательно обращаясь къ сыщику.

Сыщикъ низко поклонился, а начальникъ полиціи понесся съ гикомъ и крикомъ, обыкновенно сопровождавшимъ его ѣзду по улицамъ, къ начальнику губерніи, съ донесеніемъ, что черезъ четыре дни онъ будетъ имѣть честь представить брилліанты.

Начальникъ губерніи, получилъ это донесеніе не удивившись нисколько; это показывало глубокій практичсскій смыслъ, долголѣтнее служеніе и большую опытность. Новичку конечно могло бы показаться странно: какъ это даже назначаютъ время на доставленіе вещей, которыя украдены неизвѣстно кѣмъ, и дѣты неизвѣстно куда; но начальникъ губерніи, какъ человѣкъ опытный, зналъ, что воровства извѣстны полиціи болѣе или менѣе всѣ, и что ежели не находятъ чего, такъ это оттого, что въ этомъ для полиціи нѣтъ никакой выгоды. Тѣмъ не менѣе извѣстіе о томъ, что брилліанты найдутся, обрадовало его. Старуха аристократка уже успѣла написать и въ обѣ столицы и во всѣ города Россійской Имперіи,

что у ней покрали брилліанты; что полиція спитъ и не знаетъ, что̀ у ней дѣлается подъ носомъ, — и что даже начальникъ губерніи сова и ничего кромѣ. Такъ какъ эта старуха была въ связи или родствѣ со многими знатными домами, то и начальникъ губерніи, несмотря на свою силу, чувствовалъ нѣкоторую неловкость все то время, пока не принесли ему брилліантовъ; замѣтно дулся на начальника полиціи, заставившаго его дожидаться ихъ такъ долго, и несмотря на всѣ курбеты, на всѣ заискиванія начальника полиціи не только у него, но даже у его камердинера, имѣющаго также свой вѣсъ и свою силу, едва говорилъ съ нимъ, — отчего тотъ приходилъ въ совершенное отчаяніе и даже слегъ въ постель до тѣхъ поръ, пока сыщикъ не принесъ ему брилліантовъ.

Какъ же сдѣлалъ это сыщикъ? А вотъ какъ. Въ тотъ самый день, какъ онъ былъ позванъ къ начальнику полиціи, часовъ въ 11 вечера, на дворъ одного дома проходило десятка полтора или два оборванныхъ господъ, которыми до полудня наполнены питейные, а къ вечеру кипятъ полпивныя; люди съ подозрительными физіономіями, изъ которыхъ одни ходятъ въ туфляхъ вмѣсто сапогъ, а другіе вмѣсто всякой одежды, не изключая сорочки и нижняго, носятъ фризовую шинель. Всѣ эти господа, пропитанные вонючимъ табакомъ и тою особенною атмосферой, какая дохнетъ изъ полпивной и изъ харчевни, когда вы, читатель, проходите мимо ея по улицѣ, не спрашивали дворника, куда и какъ

идти. Они прямо проходили дворъ и черезъ калитку направлялись въ садъ, а черезъ садъ въ бесѣдку, завѣшенныя окна которой и плотно затворенныя двери показывали, что находящіеся въ ней не хотятъ быть видимыми; слышанными же быть не могутъ, потому что бесѣдка стоитъ въ серединѣ сада и отъ сосѣдей отдѣлена прудомъ и закрыта чащею деревъ. Подходя, пропахшіе господа дѣлали въ дверь ударъ кулакомъ, и эта дверь растворялась тотчасъ, для того чтобъ впустить прошедшаго и тотчасъ затвориться снова, до новаго удара кулакомъ. Вошедши туда, вы бы увидали толпу такихъ же господъ, какъ и новопришедшіе, сидящую кружкомъ на полу, и въ числѣ ихъ одного въ бѣлой голландской рубашкѣ съ растегнутымъ воротникомъ, бывшаго какъ бы президентомъ собранія. Это знакомый намъ сыщикъ съ «своими», какъ онъ ихъ называлъ, то есть, мошенниками. Въ серединѣ этого грязнаго и вонючаго кружка, стоитъ ведро, окрашенное зеленой краской, а въ ведрѣ пѣнное, на которомъ плаваетъ жестяной ковшикъ. Не удивляйтесь такой простотѣ въ угощеніи. Сыщикъ человѣкъ смышленый и знаетъ очень хорошо, что ежели его публику посадить на стулья, за столы, и дать стаканы, или рюмки, то къ концу оргіи стулья и столы будутъ поломаны, стаканы и рюмки перебиты, а еще чего, добраго, и унесены подъ лохмотьями. А тутъ при такой нехитрой обстановнѣ ни разбить, ни изломать, ни унести нечего.

Оргія была въ полустолѣ, какъ выражаются наши

народныя сказки, когда взошелъ туда послѣдній изъ гостей — герой вечера — Николай Ивановъ, извѣстный и полиціи и товарищамъ подъ именемъ Николашки Голована. Замѣшкавшись немного въ одной изъ экспедицій, гдѣ онъ таки хватилъ порядочный кушъ, онъ пришелъ веселъ, хоть и не пьянъ; молча и равнодушно раздвинулъ двухъ полупьяныхъ господъ, потянулся къ ковшику, досталъ изъ ведра возбуждающей влаги и сталъ прислушиваться къ разговору. Разговоръ этотъ имѣлъ тотъ неопредѣленный характеръ, какой имѣетъ онъ всегда между пьяными, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету и переходя попеременно отъ діалога къ монологу, отъ лиризма къ драмѣ, — а иногда и къ оперѣ, потому что нѣкоторые, ублаготворившись ранѣе другихъ, начинали уже затягивать подъ носъ себѣ пѣсни, въ ожиданіи того времени, какъ вино поравняетъ всѣхъ и заставитъ слиться въ одинъ общій хоръ. Несмотря на то что Голованъ взошелъ, сѣлъ и началъ пить молча, и другіе ни однимъ восклицаніемъ, ни однимъ словомъ не привѣтствовали его прихода, видно было, что его появленіе произвело сенсацію, что это авторитетъ, и что въ нынѣшній вечеръ, послѣ Николая Иваныча, ждать ужь больше некого.

Сыщикъ очень хорошо понималъ все то, что чувствовалъ каждый изъ предсѣдящихъ, и зная, что въ присутствіи Голована ни одинъ не осмѣлится ни солгать, не утаить что бы то ни было, почелъ время самымъ удобнымъ и началъ:

— Ребята, молчать! Слышите!

Все смолкло, только въ одномъ углу раздавалось еще мурлыканье, да тихій говоръ. Тогда сыщикъ взглянулъ на Голована, Голованъ нахмурилъ брови и грозно поглядѣлъ на тотъ уголъ, гдѣ раздавалось мурлыканье и говоръ. Все смолкло мгновенно, — сдѣлалось такъ тихо, что можно было слышать, какъ скребла мышь между стѣной и обоями, да майскій жукъ бился объ стекла бесѣдки, желая прилетѣть къ огню.

— У княгини Нехлюдовой, продолжалъ сыщикъ, украли брилліанты; ихъ надо отдать — слышите? Надо непремѣнно. У кого они?

— Зачѣмъ же отдать? спросилъ Голованъ.

— А затѣмъ, что начальникъ губерніи этого требуетъ. Понимаешь?

— Понимать понимаю, Александръ Аверьянычъ, только такъ отдать нельзя; они стоютъ не мало! продолжалъ Голованъ.

— Чего бы они ни стоили, тольк о отдать надобно. Это я знаю такъ вѣрно, что ежели послѣ завтра они не будутъ лежать на столѣ у начальника полиціи, меня изъ сыщиковъ вонъ выгонятъ, и тогда, ребята, вамъ плохо.

У всѣхъ какъ-то случайно зачесалось въ головѣ.

— Вотъ что, Александръ Аверьянычъ! началъ Голованъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — вѣдь брилліанты-то больно хороши.

— Какъ бы они хороши ни были, а ихъ отдать надо. И не говори больше.

— Ужь ежели такъ надо, такъ нечего дѣлать. Только жалко. Мѣсяцъ цѣлой я къ нимъ подстраивался. Что денегъ испоилъ, такъ просто ужасть! Горничной такъ кажется цѣлую полсотню рублей отвалилъ, не говорю ужь о подаркахъ... Что этой дряни, кисеи, да кружевъ, да шитья всякаго къ ней перешло, такъ кажется полвоза навалить можно. Хорошо что не купленое — а то на сто цѣлковыхъ не отдѣлался бы... Такъ и жалко, Александръ Аверьянычъ! Изъ чего хлопотать-то послѣ этого?

— Слышишь ты, голова, надобно отдать безпремѣнно! отвѣчалъ сыщикъ. Я, положимъ, выговорилъ кое-что; сказалъ, что брилліантовъ въ городѣ ужь нѣтъ, что за ними нарочнаго послать надо — и потребовалъ на прогоны ста три рублей.

— Что ста три! отвѣчалъ Голованъ. Тутъ не тремя сотнями пахнетъ. Тутъ тысячи, а не сотни. Ну, да ужь ежели такъ нужно, нечего дѣлать.

— У кого жь они?

— У Силыча; мы съ нимъ вмѣстѣ ихъ спроворили. А ужь какъ жалко, Александръ Аверьянычъ, кабы вы знали; то-есть, кажется, мѣсяцъ цѣлой въ сибиркѣ просидѣлъ бы, а ужь не отдалъ. Добро бы такъ пришли, съ вѣтру, ну, и сердце бы не болѣло... А то готовилъ, готовилъ, — дѣвку одну совсѣмъ споилъ, другую улебезилъ такъ, что шелковая стала; что̀ пропоилъ лакеямъ, да кучерамъ, такъ инда страсть, — и это все ни во что пошло. Они мнѣ самому больше трехъ сотъ рублей сто̀ятъ, чтобъ чортъ ихъ побралъ и съ хозяйкой-то вмѣстѣ.

Кабы зналъ, рукъ-то марать не сталъ. До такого сраму дожить, что отдавать назадъ надо!.. Тьфу! прокляты вы будьте! Съ этимъ словомъ Голованъ презрительно плюнулъ.

— Такъ когда же ты мнѣ ихъ доставишь-то?

— Да когда прикажете. Развѣ только онъ не поломалъ ихъ.

— Ну, это дурно будетъ. Бѣги сейчасъ, отыщи Силыча, и чтобъ завтра утромъ брилліанты были у меня! Слышишь!

— Ну, а триста рублей-то, Александръ Аверьянычъ, когда можно получить?

— Сказано — получишь. Ты мнѣ брилліанты, а я тебѣ деньги. Понялъ? Ты знаешь мое слово.

Голованъ почесалъ въ затылкѣ, да въ полголоса прибавилъ:

— Еще недоимочка за вами есть, Александръ Аверьянычъ! Помните, какъ мы обобрали купчика въ Прасковьиной рощѣ, такъ вы часы себѣ взяли, больно вамъ по нраву пришли; обѣщали тогда, да такъ оно и осталось. Пора бы ужь... дѣло-то ужь давненько было. Пожалуй, и забудется.

— Экой ты памятливой, собачій сынъ, какъ до денегъ дойдетъ! А помнишь ли, какъ тебя слѣдователь въ острогъ посадить хотѣлъ по Краюшкинскому дѣлу, — помнишь? и какъ я тебя другимъ подмѣнилъ? А? забылъ? Сгнить бы тогда тебѣ въ острогѣ. Дѣло тянулось не то 7, не то 8 лѣтъ, — и ты все это время продежурилъ бы въ секретной; а ты знаешь, каково тамъ сладко!... Что — забылъ?

Тото-то! Чѣмъ объ часахъ-то помнить, лучше бы это себѣ на носу зарубилъ. Ну да на бобахъ-то разводить нечего. Сейчасъ за бриллiантами! слышишь! маршъ!

Голованъ не торопился исполнить приказанiе сыщика, потому что торопиться было не для чего: бриллiанты лежали у него въ карманѣ. Но такъ какъ отдать бриллiанты и не получить 300 рублей не было расчета, то онъ, отойдя нѣсколько въ сторону, сдѣлалъ извѣстное движенiе руками и ртомъ, и къ нему тотчасъ подошелъ одинъ изъ мошенниковъ.

— Гдѣ Силычъ? спросилъ онъ тихо.

— На работѣ.

— Что?

— Тряпье.

— Куды?

— Въ Волчью Долину.

— Теперь тамъ?

— Надо быть тамъ — скоро свѣтъ.

— Махни туды, скажи: Голованъ въ Тепломъ. Нужно.

— А мнѣ будетъ?

— Будетъ, только молчать.

— Шито и крыто.

Съ этимъ словомъ мошенникъ исчезъ такъ тихо, что неопытный даже и не замѣтилъ бы, какъ онъ юркнулъ въ дверь. Пока все это происходило, гости ужь понабрались. Шумъ начинался порядочной; въ нѣкоторыхъ углахъ возникали ссоры: одинъ по-

прекалъ другому, какъ онъ обманулъ его при раздѣлѣ, какъ затаилъ количество краденныхъ вещей, какъ, продавши за десять рублей, сказалъ, что продалъ только за два. Въ нѣкоторыхъ группахъ слушали разсказы о новыхъ продѣлкахъ; въ другихъ отъ словъ переходили къ тычкамъ; оргія получила тотъ грязный оттѣнокъ, какой бываетъ обыкновенно передъ концомъ. Сыщикъ, до сихъ поръ, противъ обыкновенія, не совсѣмъ еще пьяный, потому что брилліанты не лежали еще у него въ карманѣ, и онъ зналъ, что ему не сдобровать, ежели ихъ не доставитъ къ сроку, слѣдилъ за Голованомъ, видѣлъ, какъ онъ говорилъ тихо съ мошенникомъ, видѣлъ, какъ тотъ изчезъ. Все это было ему подозрительно. Привыкнувъ къ аллегоріямъ гостей своихъ, онъ понималъ, что Голованъ хитритъ, но въ чемъ хитритъ, — этого никакъ не могъ догадаться. Конечно онъ могъ бы погубить Голована однимъ словомъ, но тогда получить брилліанты нечего и думать. Да и отдавать 300 рублей тоже не хотѣлось. Такъ какъ на всякое дѣло, на всякой розыскъ, на всякой служебный трудъ онъ смотрѣлъ съ коммерческой точки зрѣнія, то ему и казалось несправедливымъ отдать брилліанты, выдать триста рублей и не получить самому ничего. Правда, онъ могъ бы изъ трехъ сотъ рублей оставить что-нибудь себѣ, или раздѣлить ихъ пополамъ, — но это еще вопросъ: согласится ли на это Голованъ, котораго онъ зналъ, какъ человѣка съ характеромъ, и какъ такого, которому извѣстно, что

онъ ему нуженъ, и какую жалкую роль будетъ играть сыщикъ, ежели у него подъ руками не будетъ такихъ людей какъ Голованъ, безъ которыхъ ему даже и сыщикомъ быть нельзя. Голованъ тоже, съ своей стороны, наблюдалъ сыщика и видя, что противъ обыкновенія онъ не пьянъ, рѣшилъ, что у него есть какое-нибудь, серьезное дѣло въ головѣ, о которомъ онъ въ пьяномъ видѣ боится проговориться. Наблюдая за нимъ еще далѣе, онъ подмѣтилъ, что сыщикъ нѣтъ, нѣтъ, да взглянетъ на него Голована и какъ будто слѣдитъ за тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, съ кѣмъ говоритъ и проч. Изъ этого наблюденія онъ вывелъ заключеніе, что дѣло занимающее сыщика дотого, что не даетъ ему вкушать нѣктара, касается его Голована. Такъ какъ въ настоящее время между ними нѣтъ другихъ дѣлъ, кромѣ дѣла о бриллiантахъ, то изъ вывода къ выводу онъ дошелъ до убѣжденія, что бриллiанты сыщику нужны до зарѣзу и что надобно подержаться отдавать ихъ, для того, чтобъ получить триста рублей неприкосновенными, а ежели можно, взять и больше, потому что онъ не вѣрилъ сыщику, что онъ получилъ самъ только триста рублей. Онъ очень хорошо зналъ, что сыщикъ, не оставивши себѣ чего-нибудь, не выдастъ ему ихъ вполнѣ, а ежели ужь выдастъ, такъ значитъ и у него прилипло что-нибудь къ рукамъ.

Такъ какъ сыщикъ не былъ пьянъ и слѣдственно не горланилъ пѣсни и проч., какъ всегда, то и гостямъ его было какъ-то не ловко. Они понимали,

что болтать всякой вздоръ, когда хозяинъ не пьянъ и не болтаетъ и самъ вздора, не ловко, да и опасно: можно проболтаться такъ, что послѣ жалѣть станешь, твердо зная пословицу: слово не воробей — выпустишь, не поймаешь. Это и было причиною, что они одинъ по одному начали убираться незамѣтно; — вечеръ, какъ видите, не удался, и всякой унесъ тяжелое впечатлѣніе, что сыщикъ себѣ на умѣ, что съ нимъ надо камень за пазухой держать, и сдуру неболтать зря всего, что въ голову придетъ, если что дѣлалъ передъ этимъ. Сыщикъ остался тоже недоволенъ вечеромъ. Хотя онъ и получилъ обѣщаніе, что бриллiанты будутъ возвращены и на слово Голована положиться можно, но тѣмъ не менѣе поведеніе Голована, въ отношеніи къ нему, было не таково, какимъ бы онъ хотѣлъ его. Голованъ мошенникъ и больше ничего; человѣкъ, котораго бы не то что въ острогъ, въ каторгу давно бы слѣдовало сослать за всѣ его продѣлки, — а тотъ все таки высокоблагородный, и человѣкъ извѣстный не только начальнику полиціи, но даже начальнику губерніи, и какъ пойдетъ по гостиному двору, такъ лавочники одинъ передъ однимъ шапки всѣ ему снимаютъ, да въ поясъ кланяются: сыщикъ-де человѣкъ нужный. Такъ Головану ли смѣть думать хитрить передъ нимъ? Конечно, онъ можетъ уничтожить его такъ, что и слѣда даже не попахнетъ, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; да что онъ тогда будетъ дѣлать безъ него самъ? Не черезъ Голована ли онъ открылъ шайку

лателей фальшивой монеты и получилъ за это почетную награду? Не черезъ Голована ли онъ отъ всякой почти кражи получаетъ малую-толику: гдѣ часы съ репетиціей, гдѣ золотую табакерку, гдѣ дюжину голландскихъ рубашекъ, али запонки бриліантовыя такія, что стоило ихъ только передѣлать на другой фасонъ, чтобъ хозяинъ не призналъ, такъ можно щегольнуть ими не то что въ гостиномъ дворѣ, трактирѣ или театрѣ, но даже и къ начальнику губерніи не стыдно пріѣхать. Конечно, мошенниковъ въ городѣ много; можно приспособить и другаго на мѣсто Головина, да развѣ найдешь скоро такого надежнаго? Этотъ хоть и плутъ первой руки, хоть и душа всѣхъ грабежей и всякаго воровства, какое бываетъ только въ городѣ, да за то онъ все знаетъ, а по этому-то и безцѣненъ. Что бы ни украли въ городѣ, стоитъ только спросить Голована: онъ не солжетъ, не схитритъ, а скажетъ просто: укралъ такой-то, тогда-то, съ такимъ-то; продали туда-то за столько-то. А ужь какъ онъ самъ узнаетъ все это, одинъ Богъ знаетъ. Должно быть своя особая полиція есть. Объ этомъ сыщикъ какъ его ни спрашивалъ, никогда путнаго отвѣта не получалъ; — знаю говоритъ, да и только, а какъ знаю, вамъ что до этаго. Пробовалъ было сыщикъ другихъ объ этомъ разспрашивать, — такъ говорятъ только одно и въ одинъ голосъ: какъ же Голована этаго не знать? А какъ ему знать, черезъ кого, какимъ секретомъ, никто сказать не можетъ. Результатомъ всѣхъ этихъ разсужденій сыщика было то, что Голована, хоть

и грубъ, беречь и держаться надо, а только по времени надо стараться подъискивать на его мѣсто другаго: «который бы только на деньги не такъ жаденъ былъ». Этимъ сыщикъ закончилъ свои размышленія.

Пока сыщикъ предавался имъ, гости его недовольные вечеромъ, потому что не набрались и не напились до нельзя, стали расходиться... такъ, что черезъ нѣсколько минутъ остался одинъ Голованъ съ сыщикомъ. — Первый помня, что въ тепломъ (кабакѣ) его дожидаются, сбирался тоже идти, когда сыщикъ остановилъ его:

— Николашка! сказалъ онъ: — ты большая бестія...

Мошенникъ поклонился.

— У меня руки чешутся запрятать тебя въ острогъ, а тамъ и подальше куда-нибудь.

— Это ваша воля, Александръ Аверьянычъ! Только съ оглядкой дѣлать-то надо.

— А что? Не хочешь ли ты ужь грозить мнѣ?

— Грозить не грозить, а все надо прежде оглянуться, Александръ Аверьянычъ...

— На кого жь мнѣ оглядываться-то? не на тебя ли?

— Мы что? мы люди маленькіе. Да вѣдь пословица не даромъ говоритъ: не плюй въ колодезь, придется водицы испить.

— И то не плюю, чтобъ черти твою душу побрали! Ты брилліанты-то мнѣ доставь.

— Я вамъ сказалъ, что доставлю. Вѣдь мы не

бабы, чтобъ объ одномъ и томъ же десять разъ языкъ чесать. Сказано доставлю, такъ и доставлю. Только и вы мнѣ, ваше благородіе три-то сотенки ужь приготовьте.

— Ну, а я, какъ ты думаешь? — даромъ языкъ чесать-то долженъ?

— Вы люди чиновные, ваше высокоблагородіе, люди на виду; а мы что? мошенникъ, бродяга, всякаго квартальнаго опасаться должны; всякій унтеръ и тотъ можетъ насъ въ острогъ посадить... и какъ вы сей часъ сказали — и подальше спустить можетъ. Такъ вамъ съ нами равняться нельзя. День нашъ — вѣкъ нашъ! Мы вотъ какъ живемъ-то. Богъ знаетъ, что всякой думаетъ около насъ. Можетъ, вотъ онъ нонче пріятель, — а смотришь тебя завтра же и продалъ. Вотъ и ваше высокоблагородіе, ужь я ли не служилъ вамъ, а нѣтъ-нѣтъ да помянете, что подальше спустить надо. Можетъ быть и впрямь тамъ что-нибудь такое затѣваете.

— Я-то не затѣваю, да ты-то передо мной хитришь.

— Чѣмъ я хитрю, ваше высокоблагородіе?.. что денегъ-то у васъ прошу? Да какъ же мнѣ не просить-то? Я вамъ сказалъ, что камни не у меня, ихъ выкупить надо. Дадите триста рублей, такъ пойду сейчасъ выкуплю; не дадите,— мнѣ взяться нечѣмъ; у меня гроша нѣтъ, — воля ваша.

— Не дамъ я тебѣ денегъ, — будь ты проклятъ.

Приноси сейчасъ; не принесешь, — сгніешь въ острогѣ.

— Воля ваша, дѣлайте что хотите: въ острогъ, такъ въ острогъ. И тамъ люди живутъ. Особенно зимнее время: и тепло и просторно и не скучно; а калачей, такъ и не переѣшь; дай Богъ здоровья купечеству.

— Тото-то набаловали васъ купцы-то. Не эдакъ съ вами надо. Тутъ нужны ежовыя рукавицы, а не голубчикъ, да милой... Это хорошо съ добрымъ человѣкомъ; а съ вашимъ братомъ этимъ не сговоришь. Знать не знаю, говоритъ — а какъ вспрыснулъ однажды, такъ и знаетъ все, и все тебѣ какъ по писанному раскажетъ. Вашъ братъ звѣрь, а съ звѣремъ по звѣриному и обращаться надо. Ты, братъ, лазаря-то мнѣ не пой; знаю я вашего брата; говоришь одно, а на умѣ другое. Васъ надобно вести такъ, чтобъ лимонный сокъ текъ; тогда можетъ что нибудь и сдѣлаешь. Вѣдь укралъ каналья, видимое дѣло, что укралъ, а смотришь — правъ. Отъ чего? Да отъ того, что заперся. Не правда что ли?

— Правда-то, правда! отвѣчалъ Голованъ неохотно.

— Такъ какъ же васъ жалѣть-то? Вѣдь вашъ братъ-то и наровитъ, чтобъ обмануть какъ-нибудь, да хвостомъ вильнуть. А тамъ ты отдѣлывайся, какъ знаешь. Вы думаете, мало за васъ нахлобучекъ-то съѣшь!.. Не нашелъ вора, ругаются, а подъ часъ и нашелъ, такъ ругаются. А отъ чего? Видишь, не такъ съ воромъ обращаешся. Не сознался, такъ и

дѣлать нечего, значитъ и воромъ признать нельзя. Разставь карманъ-то, сознаются,—жди! Тогда только и до правды доберешся, коли прижалъ такъ, что ни туды ни сюды. Вѣдь отъ воровства просто житья нѣтъ. А все отъ чего? Отъ того, что слишкомъ деликатны. Двадцать разъ оставленъ по суду въ подозрѣніи, — ну чего, кажется, жалѣть-то? Значитъ ужъ бестія и человѣкъ вредной. Нѣтъ, какъ можно? Постегаютъ маленько, да и отпустятъ. Смѣхъ только одинъ! Бумаги измараютъ пропасть, а все кончится тѣмъ, что оставятъ опять въ подозрѣніи. Ну, мошенникамъ и сполягоря. Отъ того-то и воровъ-то много. Неправду что ли я говорю?

Голованъ только промычалъ, но не отвѣчалъ ни слова, потому что признавалъ справедливость сыщиковыхъ словъ, а говорить противъ себя не выгодно. Онъ не могъ однако не улыбнуться. Видно было, что слова сыщика его тѣшили. Ежели бъ онъ былъ немного выпивши, такъ сталъ бы подтрунивать надъ его высокоблагородіемъ. Но такъ какъ разсужденія его продолжались слишкомъ долго, а Головану нужно еще было идти на свиданіе съ Силычемъ, да и сонъ начиналъ одолѣвать его, то онъ, улучивши минуту, когда словоохотливый сыщикъ остановился, сказалъ:

— Ужъ вы мнѣ позвольте, ваше высокоблагородіе, — мнѣ пора.

— Ступай, чортъ съ тобой, только брилліанты принеси, слышишь, а то такую небылицу на тебя взведу, что будешь локоть кусать, да поздно...

— Я ужъ сказалъ вамъ, что доставлю, только деньги выдайте, а иначе и достать мельзя.

— Доставь, а тамъ посмотримъ...

— Прежде, нежели деньги не получу и не отдамъ, кому слѣдуетъ, до тѣхъ поръ и доставить бриллiантовъ не могу. Воля милости вашей. Я не противникъ вашему высокоблагородiю; а ужъ чего нельзя, такъ нельзя, какъ угодно.

— Да на кой тебѣ чортъ такую пропастину денегъ! закричалъ сыщикъ, начинавшiй уже сердиться при такомъ упрямствѣ Голована. Триста рублей развѣ шутка? Неужели въ самомъ дѣлѣ ты хочешь меня увѣрить, что ты выкупу отдашь всѣ триста рублей за эти камни? Это ты разсказывай другимъ, а не мнѣ. Ежели они въ самомъ дѣлѣ въ чужихъ рукахъ, такъ ты дашь много-много полсотни, а остальныя себѣ въ карманъ наровишь. Знаю я вашего брата; на обухѣ рожь молотятъ.

— Это какъ вамъ угодно ваше высокоблагородiе, такъ и судите; а я вамъ, какъ прежде говорилъ, такъ и теперь говорю, что камни не у меня, а у товарища; что онъ ихъ заложилъ для того, чтобъ подготовить эту штуку, и что выкупать ихъ торопиться надо, потому что ежели завтра къ вечеру денегъ не внесемъ, пожалуй начнутъ камни выламывать, и тогда отыскивать ихъ поздно, какъ пойдутъ по рукамъ. Можетъ и теперь какiе камушки, получше, ужъ выломали, да все теперь можно добраться хоть по золоту, сколько ихъ было; а какъ

золото скомкаютъ, тогда ужь наше почтеніе,— ни камней, ни золота, — ничего не найдешь.

Сыщикъ, которому дано было на приносъ бриліантовъ три дни, чувствовалъ, что мошенникъ говоритъ правду, и хоть ему и очень хотѣлось не давать ему ни гроша, и самаго его запрятать куда нибудь похуже, однако разсудивши, что ежели запрячетъ его далеко, такъ не видать ему брилліантовъ, какъ своихъ ушей,—рѣшился смириться хоть на этотъ только разъ, а тамъ посмотрѣть что будетъ. Онъ зналъ, что ежели брилліанты не будутъ найдены, ему не только носу показать къ начальнику полиціи, но даже и служить нельзя... а то еще пожалуй и подъ судъ запрячутъ, потому что только захотѣть копнуть, такъ столько грѣховъ найдется, что пожалуй самому вмѣстѣ съ Голованомъ придется по владимиркѣ безъ прогоновъ прогуляться. Да и кромѣ страху, жаль мѣста. Какъ тамъ ни говори, а вѣдь выгодно, деньги съ обѣихъ сторонъ валются — и изъ казны и отъ мошенниковъ; такъ оно пренебрегать ни тѣмъ, ни другимъ ненадо. Богъ знаетъ что еще выгоднѣе-то. Принявши все это въ соображеніе, онъ началъ торговаться съ Голованомъ; давалъ сто, давалъ полтораста, надавалъ даже до двухъ сотъ; когда же мошенникъ не согласился даже и на это, выгналъ его отъ себя, въ надеждѣ, что Голованъ за ночь обдумается и согласится взять двѣсти рублей; а не согласится, такъ онъ его прижметъ такъ, что просить станетъ, чтобъ взяли; только бы душу на покаяніе отпустили.

III.

Оставивши сыщика, Голованъ отправился въ Теплой кабакъ, гдѣ его дожидался Силычъ. Несмотря на то, что было только три часа ночи, Силычъ, проведши вечеръ въ Волчьей долинѣ, гдѣ его нашелъ посланный Голована, уже успѣлъ опохмѣлиться и былъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, когда сильная головная боль отъ пьянства успокоилась отъ новаго пріема хмѣльнаго. Кабакъ, двери котораго тщательно были заперты съ улицы, для того, чтобъ не подать повода думать, что онъ отпертъ, — соединялся дверью съ полпивной лавкой, заднія двери которой были постоянно отворены день и ночь, для того чтобъ посѣтители кабака не могли встрѣтить затрудненія войти туда во всякое время. Такого рода лавочки существуютъ при кабакахъ, вопервыхъ для того, чтобъ тѣ, которые не имѣютъ права входить въ кабаки, какъ напримѣръ солдаты и женщины, не были лишены возможности согрѣвать себя зимой и прохлаждаться лѣтомъ зеленымъ виномъ; вовторыхъ для того, что кабаки должны запираться въ 9 часовъ, а полпивныя раскрыты до 10 часовъ, то-есть одинъ часъ лишній. А какъ этотъ часъ въ теченіе дня едва ли не самый выгодный, то и натурально, что содержатели кабаковъ должны были придумать эту штуку для того, чтобъ не лишиться прибыльной торговли. Иногда одна комнатка подъ полпивную лавку ря-

домъ съ кабакомъ и съ дверью въ него тайной или явной, платится 150 и даже 200 рублей сереб ромъ; и въ ней не столько выпивается пива, сколько пьется вина, и по очень уважительной причинѣ: въ кабакѣ ни столовъ, ни стульевъ имѣть не дозволено, а въ полпивной и столы и стулья въ изобиліи, и даже есть ситцевая занавѣсочка гдѣ-нибудь въ углу, куда можно уединяться, ежели человѣкъ, почему бы то ни было, не желаетъ публичности.

Такъ какъ Волчья долина была не при кабакѣ, и Голованъ берегъ сидѣльца ея, то онъ и назначилъ Силычу дожидаться его въ Тепломъ, зная, что въ кабакѣ меньше подозрѣнія, нежели въ полпивной лавкѣ, на томъ основаніи, что въ простую полпивную лавку полиція идетъ смѣло, а въ ту, которая при кабакѣ и, которая, разумѣется, содержится отъ откупщика, полиція, по нѣкоторымъ причинамъ, ходитъ весьма рѣдко, а ежели и идетъ, то очень неохотно, зная, что съ откупщикомъ связываться ей невыгодно.

Несмотря на раннее утро, Силычъ былъ не одинъ. Печники и штукатуры, шедшіе на работу; ночные живейные извозчики, ѣхавшіе на ночлегъ; извозчики троичные и возовые, ѣхавшіе мимо, зашедшіе и заѣхавшіе выпить, кто на сонъ грядущій, кто на наступившій день,—составляли уже многочисленное общество. Силычъ, по свойственной пьяному русскому человѣку откровенности, уже побратался со многими, и такъ какъ деньги у него велись, то и успѣлъ уже поднести за свой счетъ

тремъ, четыремъ человѣкамъ, физіономія которыхъ ему почему-то больше понравилась. А потому въ кабакѣ былъ уже пиръ горой, когда пришелъ туда Голованъ. Пьяный Силычъ конечно могъ разрушить всѣ комбинаціи, такъ разумно составленныя въ его головѣ; однако онъ, зная, что Силычъ человѣкъ надежной, не затруднился передать ему свои предположенія. Отведя его въ сторону и спрося для виду бутылку густаго мутнаго пива, какимъ подчиваютъ въ этихъ вертепахъ по 15 коп. за бутылку, состоящую больше, нежели на половину изъ стекла, замѣняющаго дно, и для пива остается мѣста только на два стакана, — онъ спросилъ его:

— Сильно ты хмѣленъ, али нѣтъ?

— Говори, Николай Иванычъ! Слушать могу, а работать нѣтъ!

— Кто жь тебя посылаетъ на работу. Развѣ днемъ работаютъ? Не объ работѣ толкъ. Сила въ томъ, чтобъ умѣть передъ сыщикомъ отвѣчать, коли спрашивать станетъ.

— За этимъ намъ не въ люди ходить Николай Иванычъ! Отвѣчать съумѣемъ, хоть онъ семи пядей будь во лбу. Это по нашей части. Чего другаго, а это ужь наше почтенье! Такъ дражайшаго уважимъ, что сколько ни будетъ жевать, а все не раскуситъ.

Силычъ замѣтно хвасталъ. Голованъ въ другое время привязалъ бы ему языкъ; но теперь онъ ему былъ нуженъ, да и не въ своемъ умѣ — хмѣленъ. А потому, не обративъ на это вниманія, продолжалъ:

— Раскрой уши на сколько можешь; слушай въ оба. А ежели глупости надѣлаешь, при первой штукѣ тебя выдамъ, слышишь; вотъ тебѣ свято слово. Ты знаешь, я божиться даромъ не люблю.

— Знаю, Николай Иванычъ, да ужь неужели я тово...

— Я знаю, что когда ты не пьянъ, такъ ты человѣкъ какъ быть должо̀нъ; а какъ только хватишь, такъ словно баба сдѣлаешься. Со всякой швалью готовъ пьянствовать, а главное, чего нѣтъ хуже, любишь языкъ чесать, да зубы скалить. Нашему брату это не годится. Пей, чортъ съ тобой, коли у тебя такая поганая натура, только зря не болтай,— не то быть тебѣ на каторгѣ. Такъ смотри жь, чуръ у меня не болтать. Прежде чѣмъ въ острогъ тебя запрячу, голову тебѣ расколю, чѣмъ ни попало...

— Да что ты больно сердитъ нынче?

— А сердитъ за то, что не успѣло разсвѣтать, а ты ужь нализался. Ну куда ты годенъ нынче на цѣлый день? Мнѣ бы тебя нужно было, а ты лыка не вяжешь. Слушай же: ступай сейчасъ въ Волчью долину и въ задней каморкѣ ложись спать. А какъ выспишься, маршъ къ сыщику и скажи ему, что бриллiанты были у тебя, но что ты ихъ заложилъ за четыреста рублей.

— Бриллiанты? какiе бриллiанты?

— Молчать же, чортовъ сынъ! какiе бриллiанты, про это я знаю. Такъ за 400 рублей, — слышишь, и что ты заложилъ ихъ въ мѣняльномъ ряду бога-

тому купцу, назови кого хочешь, только побогаче, и что срокъ назначенъ завтрашній день. Ежели, дискать, завтрашнимъ вечеромъ не принесу деньги, брилліантамъ капутъ. Слышишь! Сколько онъ тебѣ грозить ни будетъ, держись твердо и небось — ему брилліанты нужны до зарѣзу. Камардинъ его сказалъ мнѣ, что начальникъ губерніи велѣлъ ихъ привезти къ себѣ безпремѣнно послѣзавтра поутру; — такъ ему удавиться, а достать ихъ нужно. Будетъ онъ около тебя лебезить, да разными словами умасливать, — смотри не поддавайся, говори одно: нельзя безъ денегъ, воля ваша. И грозить онъ тебѣ будетъ, и сулить и то и другое, — говорю — небось, теперь онъ въ нашихъ рукахъ. А зартачится, не дастъ денегъ нынче, такъ завтра пятьсотъ рублей съ него слупимъ. Ежели же отдастъ 400 рублей, бѣги ко мнѣ, я буду тебя цѣлый день нынче ждать въ Волчьей долинѣ. Слышишь...

— А какъ онъ мнѣ денегъ-то не дастъ?..

— Денегъ не дастъ, такъ и камней ему не видать. Я тебѣ толкую, что не то, что 400 — своихъ 4000 отдастъ, чтобъ только эти камни были у него въ карманѣ. Самъ виноватъ, — пѣнять не на кого. Я просилъ у него вчера 300, не захотѣлъ дать, — такъ отдай теперь 400, а не заплатишь нынче 400, завтра отдавай 500. Это ужь такъ рѣшено. Ты только одно смотри, какъ можно упирай, что камни въ залогѣ у самаго богатаго мѣнялы, ну тамъ у кого хочешь: у Лисичкина, что ли... у Галунщикова, или у кого другаго, только побогаче... Пусть онъ

сунется къ нему, да съ него и сорветъ эти 400 рублей, чтобъ намъ отдать... Ну, теперь знаешь все... ступай; смотри же, не дай маху! Я бы и самъ пошелъ, да мнѣ шибко нужно съ однимъ человѣкомъ повидаться... Устроишь дѣло — 100 рублей тебѣ.

Силычь отправился... но въ этотъ день денегъ не получилъ. За то назавтра сыщикъ изъ взятыхъ съ Галунщикова 5000 рублей выдалъ ему 500 — и получилъ браллiанты, одинъ камушекъ которыхъ былъ вынутъ изъ оправы для большаго вѣроятiя.

IV.

Все, что мы расказывали доселѣ, происходило прежде происшествiя описаннаго въ первой главѣ и служило какъ бы предисловiемъ, для того, чтобъ хорошенько опредѣлить отношенiя мошенниковъ къ полицiи и наоборотъ, и познакомить читателя съ дѣйствующими лицами нашего разсказа.

Приступая теперь къ этому разсказу, мы просимъ читателей вспомнить, что мы остановились на свиданiи, которое Николай Ивановъ, по прозванью Голованъ, назначилъ Силычу и кузнецу Антипкѣ въ Волчей долинѣ въ вечерни воскресенья. Оба они оказались точными къ исполненiю приказанiя, тѣмъ болѣе, что Силычу кромѣ полпивной и дѣваться-то было некуда, а для работника кузнеца воскресенье былъ такой день, который онъ, какъ и всѣ работ-

ники всѣхъ возможныхъ мастерствъ, считаютъ обязанностью провести и кончить самымъ гнуснымъ образомъ, то-есть: или на тротуарѣ въ безчувственномъ положеніи, съ подбитой физіономіей; или въ сибиркѣ за пьянство, буйство и дебоширные поступки. Въ ожиданіи Голована и будущихъ благъ, они, т. е. Силычъ и кузнецъ, пропустили по маленькой, то-есть, находились въ томъ пріятномъ расположеніи, въ которомъ человѣкъ прощаетъ другимъ обиды, дѣлается добрѣе, общительнѣе, и самъ становится способнѣе и падче на всѣ гадости, какія только могутъ придти въ голову ему самому или его товарищамъ. Слѣдственно Голованову стоило только указать на дѣльцо, для того, чтобъ они приняли его съ величайшею охотою къ исполненію. Дѣльцо это состояло въ томъ, чтобъ влѣзть въ окно богатаго купеческаго дома и изъ кабинета хозяина, отстоящаго впрочемъ довольно высоко отъ земли, взять наличныя деньги, которыя онъ имѣлъ какую-то странную привычку оставлять на столѣ, въ увѣренности, что, по высотѣ отъ земли оконъ, въ окна войти нельзя, а дверь запирается на ключъ, чрезвычайно хитрый, заплаченный купчиною чуть ли не полсотни рублей серебромъ. Конечно, имѣя знакомство въ домѣ (а гдѣ Голованъ не имѣлъ знакомства, будучи постояннымъ членомъ кабаковъ и полпивныхъ лавокъ?), можно было снять слѣпокъ съ замка, какой онъ тамъ хитрый ни будь и войдти въ дверь просто; но этимъ пріобрѣтается свидѣтель, на скромность котораго положиться нельзя; а вѣдь вы

знаете, что свидѣтель есть самый величайшій врагъ подсудимаго, особливо ежели онъ на бѣду уважаетъ присягу. А потому Голованъ, какъ человѣкъ бывалый и опытный, разсудилъ, что идти въ дверь не выгодно, а лучше въ окно. Правда, въ окнахъ задвижки есть, — есть даже и рѣшетки; да вѣдь задвижки не останавливаютъ никого, а рѣшетки останавливаютъ только неопытныхъ. О стеклахъ и говорить не стòитъ! взялъ листъ бумаги, намазалъ его медомъ, приложилъ къ стеклу, стукнулъ кулакомъ, — стекло разбито въ дребезги безъ шуму, безъ огласки, тихохонько и смирнехонько, и тогда отодвигай задвижки, не торопясь ступай въ комнату, дѣлай тамъ, что хочешь, и бери, сколько душѣ угодно.

Обсудивши все хорошенько, Голованъ нашелъ, что въ настоящемъ случаѣ веревочная лѣстница лучше, потому что не занимаетъ никакого мѣста, и чуть ночь только хоть немножко темна, такъ ее даже и замѣтить нельзя, развѣ что руками ощупаешь. Потомъ надо было принять въ расчетъ разстояніе дома отъ будки, узнать о характерѣ будочниковъ, и проч., и проч. Онъ успокоился, когда дознаъ, что у будочниковъ у самихъ кто-то изъ досужихъ людей укралъ сундукъ изъ будки, — на что будочникъ очень жаловался почти всѣмъ проходящимъ, чуть ли не со слезами на глазахъ...

Такъ какъ это было воскресенье, то Голованъ разсудилъ, что вѣроятно хозяина или не будетъ дома, или будутъ у него гости, на томъ основаніи, что купцы только по воскресеньямъ и выѣзжаютъ,

или принимаютъ у себя. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобъ увѣриться въ этомъ и сообразно этому расположить планъ атаки, Силычъ получилъ приказаніе притвориться сильно пьянымъ; шатаясь добраться до воротъ дома и пріютиться на скамейкѣ въ калиткѣ, всегда сооружаемой дворовой челядью, для того, чтобъ глазѣть на проходящихъ. На этой скамеечкѣ вечеркомъ всегда сидятъ, или дворникъ или кучеръ, или оба вмѣстѣ, а когда господъ нѣтъ дома, то и горничная, съ лакеемъ, другомъ сердца, а иногда и кухарка въ пестромъ ситцевомъ сарафанѣ съ перетянутами къ низу грудями,—слѣдственно заговорить и узнать, дома ли баринъ и все остальное, при болтливости русскаго человѣка, нѣтъ ничего легче. Такъ было сдѣлано и теперь. Силычъ собралъ всѣ свѣдѣнія, какія нужно, меньше, нежели въ пять минутъ, и такъ какъ эти свѣдѣнія были благопріятны, то и положено нынѣшнюю же ночь приступить къ дѣлу. Кузнецъ долженъ былъ принести въ одиннадцать часовъ ломъ; доставить же лѣстницу Голованъ взялъ на себя. Волчья долина, какъ этого и можно было ожидать, снова назначена сборнымъ мѣстомъ; но подносчикъ въ ней получилъ отъ Голована секретный приказъ: не давать Силычу ни пива, ни вина въ долгъ; Антипкѣ кузнецу дозволено отпустить одну бутылку пива, пожалуй хоть и въ долгъ, но отнюдь не болѣе.

Фонарей еще не зажигали, несмотря на то, что на улицахъ была такая темень, что хоть глазъ выколи; пѣшеходы натыкались на тумбы, лошади на-

ѣзжали на бревна, положенныя при передѣлкѣ мостовыхъ, а тотъ, до кого это относилось, посмѣивался въ свою бороду на всѣ эти продѣлки, зная, что каждая такая ночь ему въ карманъ положитъ не одну тысячу. Нельзя не замѣтить при этомъ удивительнаго, невозмущаемаго равнодушія русскаго человѣка. Всѣ кричатъ въ одинъ голосъ, что воруютъ не на животъ, а на смерть, а ни у кого нѣтъ ни охоты, ни смѣлости, нѣтъ наконецъ чувства обязанности и долга, явно возстать противу этого злоупотребленія, изобличить воровство, даже указать на лица. Улицы темны осенью, какъ совѣсть ростовщика, а всѣ молчатъ и терпятъ, какъ будто такъ и должно быть. Завелся было одинъ градскій голова, дай Богъ ему здоровья, доброе слово и низкій поклонъ отъ всѣхъ честныхъ людей!.. который придумалъ, чтобъ нельзя было воровать масла, покупаемаго для городскихъ фонарей, — подливать туда терпентину; такъ же кончилось? Побылъ одинъ срокъ, а на другой ужь и не выбрали, хотя всѣ кричали, что это первый голова, который исполняетъ свою обязанность добросовѣстно и какъ слѣдуетъ. А спросите каждаго купца: отчего жь вы не выбрали Ивана Аксентьича, ежели онъ такой полезный человѣкъ? такъ купецъ только плечами пожметъ, бородку погладитъ, да скажетъ сквозь зубы: такъ общество̀, видно, вздумало-съ. А человѣкъ хорошій-съ, истинно доложу вамъ. Должно думать, — такъ нужно-съ!..

Ну вотъ, благодаря этимъ благоразумнымъ и въ

высшей степени полезнымъ для укладистыхъ кармановъ мѣрамъ, Голованъ могъ съ достовѣрностью предположить, что экспедиція, во мракѣ улицъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Домъ стоялъ ни противъ магазина, ни противъ трактира, ни противъ табачной лавки, взявшихъ на себя, какъ извѣстно обязанность освѣщать улицы, когда не зажигаютъ фонарей, и исполняющихъ это такъ усердно, что даже и въ тѣ ночи, когда фонари зажигаются, монополія свѣта остается за ними, и они только живѣе даютъ чувствовать, какъ ничтоженъ свѣтъ фонаря, гдѣ горятъ три рогульки, передъ однимъ пламечкомъ простой плохой лампы.

Благодаря этой выгодной темнотѣ, Голованъ распорядился отлично. Проходя мимо будки и понюхавши съ часовымъ будочникомъ табаку, который, не имѣя впрочемъ чести быть съ нимъ знакомымъ, онъ ему предложилъ, и отъ чего тотъ не нашелъ нужды отказываться, Голованъ убѣдился, что будочника опасаться нечего; что онъ ежели и услышитъ какой-нибудь шумъ, то, будучи миролюбиваго характера, не пойдетъ на этотъ шумъ, особливо, ежели шумъ происходитъ въ кромѣшной темнотѣ городскихъ улицъ, гдѣ ему самому можетъ достаться не одинъ тычокъ, а чего нѣтъ и больше. Прохожихъ тоже опасаться нечего: кому охота ходить по такимъ темнымъ улицамъ, что въ нихъ, по поговоркѣ, шею сломишь! А ежели и бѣжитъ какой-нибудь юноша, или что-нибудь такое, такъ вѣрно бѣжитъ на любовное свиданье, и ему право нѣтъ дѣла, чтобы

ни дѣлалось на улицѣ, только бы ему не мѣшали. Конечно, можетъ случиться и проѣзжій, — но этотъ ѣдетъ съ вечера, гдѣ онъ проигралъ, или выигралъ; ежели проигралъ, то онъ золъ на цѣлый міръ, и стоитъ только притвориться пьянымъ, да закричать какъ будто спьяну: здравія желаемъ ваше высокоблагородіе! — такъ онъ только отвернется, да плюнетъ, да скажетъ: скотина эдакая!.. А ежели выигралъ, то онъ готовъ всѣхъ людей заключить въ свои объятія... и проѣхать мимо, улыбаясь и смѣясь при мысли, какъ даже его семерка леве сдѣлала, и какъ будучи въ бубнахъ только самъ пятъ, онъ, не имѣя козырей, на однихъ мастяхъ записалъ роберъ, во сто слишкомъ.

Слѣдственно ни съ той, ни съ другой, ни съ третьей стороны опасаться нечего: Голованъ считалъ себя обеспеченнымъ, тѣмъ болѣе, что въ огромномъ трехъэтажномъ домѣ, у купца прислуги — лакей — развратнѣйшее животвое, съ большими претензіями на умѣнье сервировать и огромными закручеными висками, отъ которыхъ за версту пахнетъ помадой розе по пятаку серебра за полуфунтовую банку и сбивающуюся скорѣе на запахъ милотнаго пластыря; — кухарка съ перетянутыми къ низу грудями; — кучеръ, онъ же и дворникъ, живущій въ нижнемъ этажѣ; тощій приказчикъ, до того истомленный сидѣньемъ въ лавкѣ, что его, какъ онъ ляжетъ спать, пушками не разбудишь, и цѣпная собака, — да и та на столько получила воспитанья, что въ чужое вѣдомство, то-есть, на улицу, вмѣшиваться не счи-

таетъ себя въ правѣ. Самъ же купчина богатъ, какъ Крезъ; грамотѣ, а слѣдственно и счету не знаетъ, вѣруетъ въ замокъ больше нежели въ человѣка; молчитъ да деньги копитъ, и сверхъ того разъ въ мѣсяцъ пьетъ запоемъ недѣли съ полторы, что́ сдѣлалось такъ необходимо, какъ онъ самъ говоритъ, для его организаціи, что онъ даже и лѣчиться не желаетъ, хотя это ему предлагали неоднократно.

Къ великому счастью Голована и компаніи, часу въ десятомъ пошелъ мелкій дождь; ночь сдѣлалась чернѣе Мильтоновой ночи, — и какъ только кукушка прокуковала 11, Силычъ, который уже начиналъ приставать къ Головану идти, на томъ основаніи, что ни вина, ни пива въ долгъ не даютъ, а денегъ гроша нѣтъ, чтобъ выпить на свои, — собрался въ экспедицію, вмѣстѣ съ кузнецомъ, вооруженнымъ ломомъ и долотомъ на всякой случай. Голованъ, который въ этотъ вечеръ былъ воздержнѣе Катона, расположилъ планъ атаки: кузнецъ по жолобу долженъ былъ добраться до пояска изъ бѣлаго камня, проходящаго подъ окнами, заглянуть въ нихъ, и ежели не окажется ничего подозрительнаго, постараться прицѣпить къ чему-нибудь веревочную лѣстницу; а ежели не окажется ничего къ этому удобнаго, постараться подпустить подъ поясъ или въ швъ между кирпичами ломъ и къ нему прицѣпить лѣстницу. Малой, возбужденный честію «работать» вмѣстѣ съ Голованомъ и еще болѣе возбужденный бутылкою пива, какъ извѣстно, хмѣльнаго больше, нежели всякое вино, какъ орелъ взлетѣлъ на поясъ; съ неустраши-

мостью, достойною героевъ древности, пробрался по пояску до окна; ощупавъ рукою, нашелъ около окна скобу, въ которую укрѣпляется маркиза; слегка кашлянулъ, чтобъ, не говоря словами, дать знать, что желанное найдено, и получивъ отъ Голована лѣстницу, прицѣпилъ ее къ скобѣ. Главное, значитъ, было сдѣлано. Спустившись, малой далъ дорогу Силычу, который съ листомъ бумаги, намазаннымъ медомъ, взобрался на лѣстницу, и меньше, нежели въ три секунды, стекло разбито, задвижки отодвинуты, и окно растворено, такъ что даже стоящіе внизу не услыхали бы этого, ежелибъ кусочекъ стекла, нечаянно упавшій на тротуаръ, не показалъ имъ, что Силычъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Тогда Голованъ, поручивъ малому остаться на улицѣ и наблюдать чтобъ лѣстница была незамѣчена, ежелибъ какой прохожій и проходилъ по тротуару, передъ которымъ онъ долженъ разъигрывать роль дворника, охраняющаго домъ, отправился самъ въ комнату. Вошедши туда, онъ прежде всего нашелъ нужнымъ предупредить нечаянность нападенія, то есть, оградитъ входы и выходы. Ощупавъ дверь и не нашедъ крючка, которымъ бы могъ запереть ее, а запереть на ключъ опасался, зная, что нѣкоторые замки щелкаютъ, такъ что за тридевять земель слышно, онъ заставилъ ее стульями и всѣмъ что только могъ найти, — для того, что ежелибъ кто и вздумалъ взойти невзначай, они успѣли бы юркнуть въ окно. Послѣ этаго оба они съ Силычемъ принялись шарить по столу. Собранныя отъ развратнѣйшаго лакея свѣденія оказались

совершенно вѣрными: на столѣ серебряные рубли стояли большими столбиками. Силычъ до того обрадовался, что началъ наполнять карманы свои безъ счета.

Голованъ остановилъ его.

— Дуракъ! что ты дѣлаешь? сказалъ онъ ему на ухо; — развѣ не знаешь закона, что свыше 300 рублей — ссылка?

— Э! убирался Николай Ивановичъ, отвѣчалъ Силычъ нетерпѣливо; — дѣлай самъ, какъ знаешь, а мнѣ не мѣшай.

Голованъ, привыкшій дѣлать все методически, не сталъ брать безъ счета; онъ отсчиталъ 250 цѣлковыхъ, положилъ себѣ въ карманъ, отправился изъ окна, и слѣзши на улицу, послалъ въ окно кузнеца, чтобы и онъ могъ въ свою очередь попользоваться, предупредивши его, что надобно брать меньше 300 рублей, а еще лучше — меньше 30 рублей. Малой былъ юноша разсудительный; онъ взялъ 29 цѣлковыхъ и уже хотѣлъ выбираться вонъ, какъ вдругъ замокъ щелкнулъ и въ дверяхъ показалась толстая фигура купца, оканчивавшаго свою запойную недѣлю, и потому вслѣдствіе тоски бывающей обыкновеннымъ послѣдствіемъ запоя, не находившаго нигдѣ мѣста. Кузнецъ былъ молодъ и неопытенъ... онъ засуетился, бросившись къ окну зацѣпился за что-то, — и упалъ, Силычъ черезъ него; потомъ вскочивши, оба бросились къ окну, начали толкать другъ друга, чтобъ поскорѣе сойти первому, въ торопяхъ нечаянно сдвинули лѣстницу со

скобы, и она упала на тротуаръ. Голованъ, видя бѣду неминучую, подхватилъ лѣстницу подъ мышку и начиналъ уже ретираду, какъ вдругъ ему навстрѣчу дозоръ. Видятъ, что человѣкъ торопится, пристали къ нему, кто, да откуда; а какъ замѣтили, что онъ что-то прячетъ и ощупали, что это веревочная лѣстница, такъ и сграбастали добра молодца — да въ часть. Въ части, разумѣется, расправа короткая: ощупали отъ головы до пятомъ, обобрали всѣ денежки, втолкнули въ сибирку, да и заперли,—предавайся молъ на прохладѣ лютымъ помышленіямъ.

Пока Голованъ предавался этимъ помышленіямъ, Силычъ и кузнецъ, лишенные возможности побѣга, сидѣли на окнѣ въ раздумьѣ, — прыгать ли, или нѣтъ. За купцомъ, со всего размаха толкнувшимъ мебель, отъ чего она съ громомъ полетѣла на полъ, вбѣжала его жена, а за нею развратный лакеишка, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы взять купчину и отвести обратно въ спальню, опасаясь, чтобы онъ въ тоскѣ пьяной горячки, чего-нибудь не накуралесилъ. Извѣстно, что иному купцу деньги тоже, что жизнь. Увидя незнакомыхъ, сидящихъ на окнѣ, а денегъ на столѣ нѣтъ, или осталось очень мало, купчина, какъ ястребъ налетѣлъ на малаго, спустившаго уже обѣ ноги и рѣшающагося, не смотря на опасность, по тому же пояску изъ бѣлаго камня, по которому онъ дошелъ до окна, добраться до жолоба и спуститься по нему на тротуаръ. Онъ бы и сдѣлалъ это, ежелибъ Силычъ,

оторопѣвшій отъ нечаяннаго нападенія купца, имѣющаго видъ сумасшедшаго, потому что растрепанные и длинные волосы, какіе носятъ раскольники, всклоченная борода, грязная рубашка и на половину изорванный въ припадкахъ бѣшенаго пьянства халатъ, — а главное блестящіе огнемъ горячки глаза, и не истовый, какой-то нечеловѣческій вопль, испущенный имъ при видѣ незнакомцевъ у себя въ кабинетѣ, не сбилъ Силыча съ толку до того, что онъ, совершенно растерявшись, схватилъ кузнеца за воротъ и началъ кричать что есть мочи: караулъ! На этотъ крикъ сбѣжался весь домъ. Лакеишка вмѣстѣ съ купцомъ сгребъ Силыча; дворникъ подцѣпилъ кузнеца; кухарка, до того растерялась, что схвативши ухватъ, принялась тузить обѣихъ молодцовъ по головѣ, сама не помня, что дѣлаетъ; а жена купца, забывъ, что ей неприлично даже показывать видъ, что знаетъ какіенибудь непристойныя слова, начала пушитъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, съ примѣсью такихъ взвизгиваній, что отъ нихъ проснулся весь кварталъ. Кузнецъ, чувствуя мощную десницу кучера, не сталъ даже и дѣлать покушеній къ побѣгу; Силычъ, попробовавъ рвануться изъ рукъ развратнаго лакеишки, былъ за это награжденъ такою затрещиною дланью полуумнаго гуляки, что отложилъ всякое покушеніе и покорно ждалъ своей участи. Имъ разумѣется, скрутили назадъ руки, и тоже отвели въ часть съ подобающей помпой. Тамъ ихъ тоже

втолкнули въ сибирку, обобравъ предварительно деньги и оставя подъ замкомъ до утра.

Сибирки въ то время, въ какое происходило описываемое нами происшествіе, были не то, что теперь. Это была грязная, закоптѣлая отъ маслянаго и вонючаго ночника, комната; сырая до моху и зелени, потому что была ниже горизонта земли,— холодная и сырая зимою, холодная и сырая лѣтомъ, полная животныхъ всякихъ сортовъ, начиная съ тѣхъ, которыя живутъ въ землѣ. Въ нее начиная съ часа по полудни, то есть, когда присутствіе кончается, до слѣдующаго утра, сажали людей безъ различія пола, возраста, состоянія, изключая только тѣхъ, которые могли заплатить за то, чтобъ ихъ не сажали въ сибирку, а держали при канцеляріи, или тѣхъ, которые могли откупиться и отъ сибирки и отъ канцеляріи. Можете себѣ представить, что это такое было съ часу субботы до понедѣльника утра. (Воскресенье, такъ какъ присутствія нѣтъ, то и разборки имъ не было). Тутъ случался и закоренѣлый разбойникъ, уличенный въ грабежѣ и убійствѣ, и рядомъ съ нимъ 16-ти лѣтняя дѣвушка, на которую хозяйка ея, приревновавъ къ мужу, взвела небывалое воровство;— и пьяный забулдыга, проводящій всю жизнь свою въ кабакѣ или сибиркѣ, съ опухшей рожей отъ пьянства и побой,—и нищая съ брусничнымъ носомъ, всегда слезно разсказывающая о вдовствѣ своемъ и семерыхъ дѣтяхъ,— и салопница, дворянка по происхожденію, всегда чрезвычайно важная между своими сверстницами ни-

щими до тѣхъ поръ, пока не напьется до безпамятства, и наконецъ типъ русскаго бродяги: фризякъ, воръ по ремеслу, пьяница и буянъ по занятію, переходящій отъ кабака къ трактиру, отъ трактира къ полпивной, а оттуда въ сибирку и острогъ такъ же легко, какъ переходитъ опытный музыкантъ отъ нижней ноты къ высокой и отъ адажіо къ аллегро.

Когда Силыча и малаго кузнеца втолкнули въ сибирку, Силычъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ непостоянству судьбы вообще и къ сибиркѣ и острогу въ особенности, въ темнотѣ вонючаго освѣщенія пошелъ ощупью къ стѣнѣ, нашелъ тамъ незанятое мѣсто и завалился спать на сыромъ и грязномъ полу, по опыту зная, что хныканьемъ дѣлу не поможешь. Кузнецъ не успѣлъ еще сдѣлаться такимъ стоикомъ: въ первый разъ знакомился онъ съ послѣдствіями той жизни, къ которой приготовлялся, и потому эти послѣдствія заставили его нѣсколько задуматься. Какъ ни высоко цѣнилъ онъ честь работать съ Голованомъ, но перспектива суда не веселила его: пусть бы его изколотили, какъ хотѣли, пожалуй даже высѣкли до крови, это всё бы онъ снесъ терпѣливо, но мысль сидѣть въ сибиркѣ, потомъ въ острогѣ, его ужасала. Онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не ругнуться энергически, не заскрипѣть зубами отъ злости и отчаянія. Голованъ, сидѣвшій съежившись въ углу, узналъ этотъ голосъ.

— Ипатка! закричалъ онъ, это ты?

— Я! отвѣчалъ малой; — а ты кто?

— Развѣ не узналъ? поди-ка сюда...

— Да гдѣ ты тутъ... ишъ теметь какая... чортъ ногу переломитъ.

— Вправо бери... ишь лѣзешь на человѣка... аль не видишь...

Малой, поворотивши со словъ Голована, направо, запнулся за пьяницу, богатырски храпѣвшаго поперегъ комнаты, и самъ грянулся объ полъ. Это его дотого взбѣсило, что онъ принялся угощать пьяницу по чемъ ни попало, отчего тотъ заоралъ такъ, что кажется весь частный домъ потрясся на основаніи своемъ, и вскочивъ на ноги, на сколько позволяли ему пьяныя его силы, принялся награждать въ свою очередь малаго, всею силою опухшихъ и трясущихся рукъ своихъ. Въ этой рукопашной схваткѣ, они наткнулись на сидящихъ или спящихъ салопницъ и нищенокъ, передавивши имъ ноги и руки, и тогда эти въ свою очередь подняли такой содомъ, что даже разбудили стража

. осанки важной

Съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной,

дремлющаго у дверей въ видѣ часоваго. Отворивъ дверь и просунувъ въ нее только голову, онъ закричалъ хрипло:

— Что развозились, собачьи дѣти? Батоговъ что ли захотѣли?... Цыцъ! Перестать!

Послѣ чего затворилъ опять дверь, надѣлъ снова закладку, заложилъ палочкой и снова усѣлся дремать.

Слова его, какъ ни были лаконичны, имѣли од-

нако силу увѣщаній. Пьяница, знакомый съ батогами, тотчасъ прекратилъ бой, уступилъ поле битвы и отретировался въ уголъ, гдѣ лежали остатки рогожки, во время оно положенной для какого-то почетнаго гостя сибирки, вмѣсто постели, и которую въ темнотѣ никто замѣтить не могъ, иначе давно бы воспользовался.

Голованъ, видя, что малый — кузнецъ нетерпѣливъ, а между тѣмъ имѣя крайнюю нужду перемолвить съ нимъ нѣсколько словъ прежде наступленія утра, взялъ его за руку и привелъ въ свой уголъ.

Кузнецъ принялся было разсматривать его въ лицо, но въ комнатѣ было такъ темно, что онъ не могъ его узнать.

— Чортъ же тебя знаетъ, кто ты такой!... сказалъ онъ ему наконецъ нетерпѣливо.

— А Голована не узналъ? отвѣчалъ этотъ, значительно спустивши тонъ, съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ сибирку, а главное потому, что малой былъ ему нуженъ, и показанія его могли испортить дѣло, ежели онъ разнѣжится передъ слѣдователемъ и начнетъ катать матку правду.

— Это вы, Иванъ Николаевичъ! А я васъ и не узналъ! Такъ и вы тоже попались.

— Ссъ! не говори громко! шепнулъ ему на ухо Голованъ. Не надо, чтобъ другіе слышали, о чемъ намъ съ тобой надо перемолвить.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ малой шепотомъ. Что̀ жь вамъ надыть?

— Что ты будешь показывать, если тебя спросятъ, какъ ты попалъ въ этотъ домъ и съ кѣмъ былъ?

— Какъ попалъ! залѣзъ, да и все тутъ.

— Залѣзъ, такъ значитъ разбилъ окно, растворилъ задвижку. Вѣдь это кража со взломомъ. А ты знаешь ли, что за кражу со взломомъ...

— Да видь я взялъ не много; по вашему наставленію — 29 рублей только. Значитъ меньше тридцати.

— Гдѣ со взломомъ — все равно, хоть одну копѣйку, хоть сто тысячъ возьми — наказаніе одно: Сибирь.

— Это мерзко! проговорилъ малый, озадаченный неожиданною новостью. Что жь мнѣ говорить-то?

— А говори, что ты шелъ мимо, слышишь, что въ домѣ шумъ; видишь, что лѣстница приставлена, что окно растворено; ты и полюбопытствовалъ, заглянулъ въ окно, а тебя и схватили, якобы вора.

— А какъ же деньги-то у меня нашли?

— Такъ что жь, что нашли! Развѣ на нихъ клейма есть, что они не твои. Получилъ ихъ отъ хозяина, да и кончено. А откажется хозяинъ, что не давалъ, — скажи, что получилъ гдѣ-нибудь отъ неизвѣстнаго человѣка за то, что въ чемъ-нибудь помогъ ему. Бояться нечего, ври сколько хочешь; только пуще всего не сознавайся ни въ чемъ. Что бы тебѣ тамъ ни говорили, чѣмъ ни улещали, чѣмъ ни стращали, говори: шелъ по улицѣ, увидалъ растворенное окно, заглянулъ туда случайно — вотъ и все

тутъ. Оставятъ тебя въ подозрѣніи, — тѣмъ дѣло и кончится. А тебѣ изъ подозрѣнія шубу шить что ли? Проживешь себѣ и съ подозрѣніемъ припѣваючи, да дураковъ обираючи.

— Ну, а Силычъ какъ же?

— Что тебѣ до Силыча? Говори, что ты его не знаешь, никогда не видалъ, нигдѣ не встрѣчался, и кто онъ такой, тебѣ вовсе неизвѣстно. А ежели онъ сдуру и скажетъ, что пришелъ вмѣстѣ съ тобой, — стой на одномъ: не знаю его дескать вовсе, и съ чего онъ на меня клевещетъ, мнѣ не извѣстно.

— Да вѣдь онъ пожалуй будетъ говорить, что мы съ нимъ знакомы давно; что мы съ нимъ и прежде на воровство ходили.

— Что бы тамъ онъ ни говорилъ, тверди одно: не знаю его и никогда не видалъ. Тебѣ тамъ слѣдователь и то и другое сулить станетъ: и сибирь, и каторгу, и чортъ знаетъ что тамъ еще, — не вѣрь! ничего не сдѣлаетъ. Попрыгаетъ, попрыгаетъ, да съ тѣмъ и отстанетъ. Деньги у тебя какъ взяли?

— Такъ просто взяли, да и все тутъ.

— А кто взялъ?

— Хожалой съ фартальнымъ взяли.

— И ничего не писали при этомъ?

— Ничего, только взяли, да и втолкнули сюда.

— Ну такъ говори, что денегъ у тебя не было, и что у тебя ни чего не брали. Пропадутъ у тебя

деньги, за то самъ цѣлъ будешь. Они еще рады будутъ, ежели скажешь, что денегъ у тебя не было; — возьмутъ ихъ себѣ, да пожалуй отстаивать станутъ.

— Неужто?

— Да ужь говорю, что такъ; мнѣ не впервой съ ними?

— Ну а вы-то какъ, Николай Иванычъ?

— Я... а я что? Развѣ я этому дѣлу причастенъ? Я шелъ себѣ по улицѣ и ничего не знаю. А что я съ лѣстницей шелъ, такъ развѣ я не могъ купить эту лѣстницу, да нести ее къ себѣ домой?

— Да развѣ этому повѣрятъ?

— Пусть вѣрятъ, или не вѣрятъ, — мнѣ что за дѣло... Присудить-то ни къ чему нельзя — вотъ что. Иной разъ и хотѣли бы осудить, — да что сдѣлаешь, какъ нѣтъ собственнаго признанія. Пожалуй кукишь въ карманѣ-то кажи; я плевать хотѣлъ на то, что они мнѣ не вѣрятъ. Больше подозрѣнія ни къ чему присудить нельзя, какъ тамъ ни хитри, и какую ни пиши околесную. А на это подозрѣніе я и вниманія-то обращать не хочу. На мнѣ ихъ штукъ никакъ съ пятнадцать ужь есть. Мнѣ отъ этого холоднѣе штоли?...

— Неужто жь эти подозрѣнія ничего?

— Да такъ-то ничего, что иной, разъ пятьдесятъ оставленъ въ подозрѣніи и воруетъ себѣ на славу, а сдѣлать ничего нельзя. Нѣтъ сознанія, нѣтъ свидѣтельскихъ показаній подъ присягою — ну, и правъ.

— Ну, а какъ же — тотъ кто поймалъ-то, развѣ онъ не свидѣтель?

— Какой же онъ свидѣтель, — онъ поимщикъ, а не свидѣтель. Его показанье только объясняетъ дѣло, и безъ свидѣтельства другихъ постороннихъ людей ничего не значитъ. Отчего квартальный, какъ пымаетъ, такъ все наровитъ спрашивать при добросовѣстномъ? Оттого что и ему самому вѣры-то не даютъ, не то что постороннему. Ты это помни: коли будутъ тебя спрашивать, — требуй добросовѣстнаго, а безъ него нигугу. Подайте дескать добросовѣстнаго, такъ буду говорить.

— Спасибо вамъ, Николай Иванычъ, что научили, а то бы пропалъ я, такъ ни за что... какъ червь капустной.

Растворенная дверь и новый гость сибирки, съ грохотомъ полетѣвшій на полъ, перервалъ ихъ разговоры. Начинало свѣтать, и тусклый свѣтъ зари, съ трудомъ пробиваясь сквозь единственное подъ потолкомъ окошечко сибирки, освѣтилъ картину, достойную кисти Гогарта. Такъ какъ въ комнатѣ, называемой сибиркой и расположенной ниже горизонта земли, не было ни лавокъ, ни стульевъ, ничего такого, на чемъ бы можно было сѣсть или лечь, то невольные гости ея, валялись на полу, грязномъ дотого, что цвѣта досокъ различить было нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ его построили, полъ былъ не мытъ, несмотря на то, что всякую ночь разнообразные гости его приносили съ собою порядочный запасъ грязи и нечистоты всякаго рода.

Воздухъ, которымъ тутъ дышали, возобновлявшійся только въ то короткое время, когда черезъ растворенную на мгновеніе дверь вталкивали туда новаго посѣтителя, былъ дотого пропитанъ міазмами всякаго рода, что человѣку, непривычному къ запаху полпивныхъ лавокъ, невозможно бы было въ немъ дышать. Но какъ большая часть гостей этого inferno были не то что посѣтители полпивныхъ лавокъ, но даже безсмѣнные жильцы ихъ, то они и не чувствовали этого неудобства. Самое главное неудобство для нихъ состояло въ томъ, что не на чемъ было лечь, что однако не мѣшало большему числу храпѣть на славу. Чего тутъ не было — Господи Боже мой! Писатели просьбъ, которыхъ вы увидите при входѣ въ присутственныя мѣста въ нанковыхъ сюртукахъ зимой и лѣтомъ, нечесанные никогда, не бритые по мѣсяцу; салопницы, которыхъ постоянно можно найти рано утромъ и поздно вечеромъ въ полпивныхъ лавкахъ; эти люди, которые не имѣютъ ни дома, ни родины, ни даже прозвища, называясь просто Ванька, Сидорка, Нефрюшка,—или Растегай, Обухъ, Крылецъ,— не живущіе нигдѣ и потому нигдѣ не записанные, постоянные жильцы кабаковъ, харчевень и полпивныхъ лавокъ, когда есть деньги, и занимающіеся днемъ пріискиваніемъ средствъ къ воровству, а ночью приводящіе ихъ въ исполненіе; нищіе обоихъ половъ, самымъ гнуснымъ образомъ и нараспѣвъ вымаливающіе копѣйки днемъ, чтобъ пропивать рубли вечеромъ и ночью, и разсказывающіе о небывалыхъ женѣ или

мужѣ и не существующихъ дѣтяхъ; — однимъ словомъ, эта грязь большихъ городовъ, которой и не найдешь нигдѣ кромѣ большихъ городовъ, и все это, грязное, гадкое, оборванное, лежало, храпѣло, пыхтѣло, сидѣло на корточкахъ въ удушающей атмосферѣ этого смраднаго и грязнаго до нельзя салона, при едва мерцающемъ свѣтѣ вонючаго сальника и тускломъ и тоскливомъ свѣтѣ дня, едва пробивающагося сквозь затканное паутиною и потускнѣвшее отъ испареній и грязи единственное окошечко, переплетенное желѣзною рѣшеткою, — сибирки.

Около 8 часовъ утра, когда проснувшіеся жильцы ея подняли гвалтъ, необходимый для полноты картины при такомъ сборищѣ и въ такомъ мѣстѣ,— явился такъ-называемый мушкатеръ, и сталъ поочередно водить каждаго къ дежурному «фартальному» для разбора. Фартальный этотъ, высокій, свѣтлорусый господинъ, величаво возсѣдалъ въ присутствіи въ мундирѣ съ иголочки. Говорилъ онъ свысока и поднявши голову; безпрестанно оправлялъ рукава съ золотыми запонками своей голландской и стоющей не менѣе 10 рублей серебромъ за штуку рубашки, и теребилъ свой хохолъ, явно завиваемый каждое утро компасами, и составлявшій, какъ замѣтно, претензію г. квартальнаго на аристократизмъ между своими. По всему было замѣтно, что онъ проникся чувствомъ своего достоинства; что на службу смотрѣлъ, какъ только на необходимое условіе для того, чтобъ, получая 600 руб. ассиг.

жалованья, носить голландскія рубашки съ запонками въ 400 рублей дюжину, имѣть тысячную пару лошадей, пролетку на лежачихъ рессорахъ въ 400 р. сер., и пить всякой день за обѣдомъ лафитъ,—но впрочемъ считающій себя несравненно выше сферы, въ которой жилъ, и потому презирающій ее, на сколько это было можно. Нестерпимо гордый съ подчиненными, дерзкій съ ровными, низкій передъ начальствомъ, съ притязаніями на свѣтскую ловкость и образованіе, онъ, несмотря на все невѣжество свое, игралъ въ части нѣкоторую роль, именно потому, что имѣлъ тысячную пару, носилъ всегда новый мундиръ, а въ другіе дни отличный фракъ, въ которомъ чрезвычайно былъ сходенъ съ вывѣсками портныхъ. Зная нѣсколько французскихъ словъ и вставляя ихъ постоянно въ свою рѣчь, онъ въ части слылъ ученымъ и умникомъ, и пользовался неограниченнымъ уваженіемъ лавочниковъ и сидѣльцевъ, носившихъ ему въ праздникъ по 5 цѣлковыхъ, вмѣсто 3, относимыхъ другимъ. За новый мундиръ свой, наряжаемый на дежурство къ начальнику полиціи чаще, нежели другіе, онъ понемногу самъ началъ вѣрить, что онъ лучше другихъ, и до того уважалъ персону свою, что несъ голову, по пословицѣ, «выше лѣсу стоячаго», считая унизительнымъ смотрѣть на предметы прямо,— что и было причиною, что падалъ очень часто, зацѣпившись гдѣ за порогъ, гдѣ за камень. Кажется, это бы должно было нѣсколько отучить его отъ держанія глазъ и головы вверхъ, — ничуть не бывало! Это

сдѣлало только то, что онъ пересталъ ходить пѣшкомъ вовсе, говоря, что по такимъ мерзкимъ мостовымъ и тротуарамъ порядочному человѣку ходить невозможно. Но какъ для того, чтобъ не ходить пѣшкомъ, нужно было держать еще лишнюю лошадь, то онъ и набавилъ курсъ на дворниковъ, лавочниковъ и прочихъ, такъ что въ его кварталѣ всѣ давали однимъ рублемъ серебра въ мѣсяцъ больше, нежели въ другихъ.

Передъ это-то важное лицо, въ ожиданіи того, какъ встанетъ и пожалуетъ въ присутствіе частный, приводили одинъ по одному нашихъ знакомцевъ по сибиркѣ. Взятыхъ просто за пьянство обрекали на метенье улицъ и площадей, кого на три, кого на два, кого и на одинъ день, поставя предварительно мѣломъ на спинѣ того платья, въ которомъ онъ находился, огромный кругъ съ крестомъ внутри. Срокъ назначенія зависѣлъ отъ того, какова на дворѣ погода и много ли нужно мести. Въ этой части, въ которой происходитъ нашъ разсказъ, была большая площадь, и площадь эта расположена передъ окнами начальника города, слѣдственно нужно, чтобъ она была всегда чиста. Конечно на это отпускалась изъ городскихъ доходовъ таки значительная сумма; но зачѣмъ же раздавать деньги постороднимъ и понапрасну, когда можно очистить площадь даромъ — черезъ пьяненькихъ? Въ большомъ городѣ въ этомъ добрѣ не бываетъ недостатка. На этомъ основаніи, частный и разсудилъ, что тысячи, которыя отпускаются на очищеніе площади,

гораздо лучше взять себѣ, выдѣля только извѣстныя дольки квартальнымъ и хожалымъ, для того, чтобъ въ пьяныхъ не было недостатка. Письмоводитель частнаго, человѣкъ методическій, привелъ это въ систему. Онъ разсчиталъ, сколько каждый кварталъ долженъ поставить въ день рабочихъ, а ужь гдѣ ихъ найдти и какъ ихъ взять, это ужь дѣло квартальнаго. Благодаря неусыпнымъ попеченіямъ хожалыхъ, контингентъ пьяныхъ былъ выставляемъ исправно, даже и въ такіе дни, въ которые пьяныхъ бы нельзя было даже ожидать. Для того, чтобъ быть исправными по службѣ, хожалые считали пьяными всѣхъ, кто шелъ по улицѣ позже 11 часовъ, только бы былъ не благородной, то-есть, чиновникъ, и одѣтъ былъ по-русски или въ поношенномъ пальто, а не во фракѣ, или сюртукѣ. Какіе тутъ qui pro quo выходили, такъ просто смѣхъ!..

Когда пьяные, которыхъ въ этотъ день оказалось довольно, такъ какъ наканунѣ было воскресенье, были распредѣлены великолѣпнымъ квартальнымъ смотря по надобности, — спустился въ присутствіе «самъ» то-есть, частный. Это была огромная, толстая, неуклюжая фигура, силы необычайной, безграмотный дотого, что не могъ подписать безъ ошибки своей фамиліи, и потому терпѣть не могшій письменнаго производства. Онъ считался самымъ исправнымъ частнымъ приставомъ въ городѣ, потому что у него было меньше всего дѣлъ, а меньше ихъ было оттого, что онъ большую часть кончалъ миролюбно, слѣдующимъ образомъ: — когда

кто-нибудь приходилъ къ нему жаловаться въ обидѣ, въ неотдачѣ денегъ, въ нарушеніи условія, въ застройкѣ вершка земли, онъ требовалъ и истца и отвѣтчика на лицо. Явившимся онъ предлагалъ сойтись полюбовно, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ принесъ ему, смотря по важности иска и дѣла, рубль, два, три съ человѣка; а тѣмъ, кто имѣлъ лавку, то чаю, сахару, или чего другаго въ домѣ нужнаго. Въ этомъ онъ не стѣснялъ никого, помня что всяко даяніе благо. Ежели они послѣ его предложенія не могли согласиться на мирѣ, онъ схватывалъ обоихъ за волосы и колотилъ головами другъ объ друга до тѣхъ поръ, пока соглашались. У письмоводителя его были заготовлены впередъ подписочки о миролюбивомъ соглашеніи; лишь только они изъявляли согласіе, тотчасъ давали имъ подписать такую подписку, брали по закону 10 копѣекъ ассигнаціями въ казну, да по два или по три рубля съ человѣка примирителю, — и тѣмъ дѣло кончалось. Попадались нѣкоторые бунтовщики, которые на такое добровольное соглашеніе приносили жалобы — повыше; но ихъ просьбы всегда кончались срамомъ для нихъ; — вопервыхъ потому, что тотчасъ представлялась миролюбивая подписка, заграждавшая имъ уста; а вовторыхъ, что нашъ частный въ послѣдствіи не мытьемъ, такъ катаньемъ такъ доходилъ ихъ, что они и дѣтямъ и внукамъ, и другу и недругу, заказывали ходить съ жалобою не то что на частнаго, но даже и къ нему на судъ.

Когда частный ввалился въ присутствіе, щеголь квартальный вскочилъ съ мѣста, какъ будто бы его укусила пчела, поклонился самымъ галантерейнымъ образомъ и сталъ въ третью позицію, ожидая вопроса, или приказанія. Частный приставъ, по природѣ своей врагъ всякой галантерейности, но по необходимости сильно дорожившій щеголемъ, потому что на дежурство къ главному начальнику нельзя было найдти лучшаго полицейскаго чиновника, а вмѣстѣ съ тѣмъ боявшійся его громадной учености и свѣтскаго лоска, отвѣчалъ ему оскаленіемъ зубъ огромныхъ и желтыхъ, что на его языкѣ означало улыбку.

— А много? спросилъ онъ его лаконически по своей манерѣ.

— Таки довольно-съ... съ... съ... отвѣчалъ щеголь, выставя правую ногу впередъ, большой палецъ правой руки заложивши за бортъ сюртука, изъ котораго съ пуговицы до другой виднѣлась толстая золотая цѣпь, — предметъ зависти всѣхъ его товарищей, — и выправляя вдругъ голову, которая съ зажмуренными глазами была опущена доселѣ внизъ. Маневръ этотъ чрезвычайно нравился щеголю. Онъ находилъ, что, выставивши вывороченную ногу впередъ, онъ изобличалъ умѣнье танцовать, ars saltandi, какъ говаривали знакомые ему семинаристы, и могло повести къ мысли, что онъ воспитывался въ университетѣ; — поникнутая голова и зажмуренные глаза показывали, что онъ благоговѣетъ передъ начальствомъ, поднятіе вдругъ

головы послѣ вопроса означаетъ и откровенность и силу и готовность исполненія; а отступленіе на нѣсколько шаговъ назадъ значитъ: ты начальникъ! дѣлай изъ меня что угодно твоей волѣ.

Частный, не понимавшій этихъ тонкостей, но видя только, что его подчиненный то подступитъ къ нему, то отступитъ, то опуститъ голову, то подниметъ ее, жмуритъ глаза и вообще какъ-то странно балансируетъ на своемъ мѣстѣ, — готовъ бы былъ, ежелибъ это было въ его волѣ, наградить его такимъ же угощеніемъ, какимъ онъ угощалъ просителей при миролюбивомъ соглашеніи, — но удержался, и вмѣсто того, чтобъ сказать:

— Чортъ тебя возьми!... будь ты проклятъ, фигура эдакая!... отвѣчалъ ласково и опять оскаливши зубы:

— Благодаримъ-съ!

Франтъ отступилъ, поклонившись предварительно со всею манежностію, приличною обстоятельствамъ; ноги поставилъ въ четвертую позицію, пальцы разложилъ по квартирамъ и неподвижно ожидалъ приказанія.

Письмоводитель, толстая заспанная фигура, не смотря на лѣтнее время въ высокомъ бархатномъ галстухѣ, подпершемъ ему голову, подскочила къ частному, на сколько это позволяло ему его короткое туловище, — хотѣлъ было всучить ему въ руки списокъ арестантамъ, но вѣроятно вспомнивши, что онъ грамотѣ знаетъ плохо, вдругъ пріосанился, обтянулъ короткій жилетъ, вздернувшійся на кру-

гломъ брюшкѣ, оправилъ цѣпочку часовъ — и началъ читать:

— Николай Ивановъ Голованъ, мѣщанинъ, пойманъ на улицѣ дозоромъ съ веревочной лѣстницей подъ полой.

— За что жь взятъ-то? Развѣ по улицамъ съ лѣстницей ходить запрещено?

— Иванъ Силинъ мѣщанинъ, и дворовый князя Турухтанова Ипатъ Антоновъ, продолжалъ читать письмоводитель, — взяты на воровствѣ въ домѣ купца Пошлепкина.

— А какъ взяты?

— Взяты самими хозяевами. Окно было растворено и разбито; надо думать, что забрались черезъ окно. Судя по тому, что Николай Ивановъ остановленъ близь этого дома, весьма немудрено, что веревочная лѣстница его служила средствомъ взобраться въ окно...

— А!... а!... это дѣло другой масти. Подавай ихъ сюда.

— По одиначкѣ, али вмѣстѣ?

— Зачѣмъ по одиначкѣ-то? Оттаскалъ хорошенько разомъ, да далъ пинька, такъ и дѣло кончено.

— Теперь ужь нельзя Анофрій Семенычъ!... Пошлепкины объявленіе подали, что у нихъ большой денежной сносъ сдѣлали.

— А на нихъ деньги нашли?

— Не... могу... знать... съ! отвѣчалъ медленно письмоводитель, вопросительно глядя на квартальнаго,

и, замѣтно ожидая отъ него знака что̀ отвѣчать. Квартальный едва замѣтно покачалъ головою.

— Надо думать, что нѣтъ-съ! продолжалъ письмоводитель, понимая знакъ.

— Да куда жъ они ихъ дѣли?... Сколько денегъ было?... Гдѣ объявленіе?

— Объявленіе еще пишутъ. Пошлепкина хозяйка сама пришла...

— А онъ небось безъ заднихъ ногъ лежитъ. Подавай ее сюда!

Письмоводитель шмыгнулъ въ канцелярію; квартальный слегка кашлянулъ, какъ будто желая тѣмъ напомнить о своемъ присутствіи; изъ четвертой позиціи перешелъ въ пятую, перемѣнилъ пальцы съ квартиръ на другія и снова смолкъ.

Частный не обратилъ на него въ эту минуту вниманія, потому что занятъ былъ счищеніемъ ногтемъ сала съ краснаго сукна, покрывавшаго присутственный столъ, и такъ какъ сало не счищалось, а только мазалось, то съ досады топнулъ огромною своею ножищей такъ сильно, что даже квартальный, видѣвшій все это и слѣдственно болѣе или менѣе приготовленный къ этому, вздрогнулъ, а письмоводитель прибѣжалъ изъ канцеляріи, думая, что кто-нибудь упалъ.

Пошлепкина, женщина лѣтъ 30, съ розовенькимъ платочкомъ на самой макушкѣ головки, такъ что даже невозможно было понять, какой волшебной силой онъ тамъ держался; съ губками сердечкомъ; самыми черными зубами; бровями, выведенными дугою, съ

синеватою бѣлизною, происходящею отъ свинцоваго притиранья; съ красными лепешками на щекахъ вмѣсто румянца, взошла жеманно и потупившись, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Частный, который, несмотря на свою атлетическую организацію, былъ не прочь отъ нѣжныхъ чувствованій, даже облизнулся увидя такой лакомый кусокъ. И какъ не облизнуться, сами разсудите? Рожа ея была такъ широка и кругла, какъ самый полный мѣсяцъ; бѣлыя плечи были такъ жирны, что поспорили бы бѣлизною и дородностью съ самой большой бѣлужиной; а талію обмѣрить можно было только саженью, а отнюдь не аршиномъ. При входѣ ея въ комнату разнеслось тотчасъ благоуханіе фіалковаго корня, который Пошлепкина обыкновенно жевала, для того, чтобъ отбить изо рта запахъ водки и пива, которые она употребляла, особливо пиво, въ баснословномъ количествѣ.

Войдя, Пошлепкипа остановилась, сложила на животѣ своемъ руки, въ которыхъ то перебирала, то завертывала бѣлый бумажный съ красной каемочкой платокъ, и потупя глаза въ землю, съ дѣвственной скромностью, достойной весталокъ, ожидала вопроса. Какъ ни чужда была бычиной природѣ частнаго всякая деликатность, онъ понялъ однако, что заставлять стоять такую даму, когда сидитъ самъ, невѣжливо, особливо, ежели имѣешь на нее виды. Онъ сдѣлалъ движеніе рукою и франтъ квартальный, въ одно мгновеніе понявшій мысль слоновиднаго своего начальника, уже несъ обломанное кресло—един-

ственную мебель, бывшую въ комнатѣ. Разсказать какъ подалъ квартальный кресло, какія граціозныя позы выдѣлывалъ, съ какой неизъяснимой и неподражаемой галантерейностью онъ предложилъ его Пошлепкиной, и какъ жеманно, какъ дѣвственно-стыдливо опустила она въ кресло пухлое свое тѣло, невозможно, — это выше описанія. Въ первый разъ въ жизни частный приставъ почувствовалъ нѣкій невѣдомый трепетъ. Присутствіе франта было ему въ тягость. Не знаю почему, единственная книга, которую онъ читалъ въ жизни, оставивши скамью семинаріи: «Старикъ весельчакъ, разсказывающій» и проч. пришла ему на память. Ему страшно хотѣлось бы что-нибудь изъ нея вспомнить, чтобъ сказать Пошлепкиной; ибо въ умѣ его смутно какъ-то представлялось, что тамъ написано было не такъ, какъ говорятъ обыкновенно, но какъ-то складно, ловко какъ-то. Тщетно ломалъ онъ голову, чтобъ припомнить хоть одну тираду... Вмѣсто стиховъ ему лѣзло въ голову: Изъ управы благочинія приказъ: Имѣетъ оная часть... и проч... и ничего нѣжнаго, ничего такого, чт̀обы ея было достойно.

Наконецъ его высокоблагородіе, которому ужь стало стыдно своего небывалаго прежде смущенія, сказалъ ей, стараясь придать голосу своему, обыкновенно грубому, особливую мягкость, и страшно опасаясь, какъ бы не прибавить на второмъ же словѣ крѣпкаго слова...

— Васъ обокрали-съ... сударыня-съ?

— Обокрали, ваше высокоблагородіе.

— А что украли-съ?

— Притаманно не знаю-съ, мужъ... то есть... въ нездравіи находится... такъ я-съ...

— Ну, да однако-съ...

— Должно быть... сумму-съ... Анофрій Семеновичъ!.. Мужъ знаете... эдакъ-съ... тово... зашибается... такъ...

— Да развѣ онъ въ безчувствіи, что сказать не можетъ?..

— Не въ безчувствіи, ваше высокоблагородіе... но очинна нездоровъ...

— А давно ли съ нимъ это?

— Да какъ сказать-съ... съ недѣлю-съ ужь будетъ...

— Ну и долго продолжается?

— Да недѣльки съ полторы еще продолжится. Оно видите ли, ваше высокоблагородіе: изъ двухъ мѣсяцевъ всегда три недѣли живетъ-съ; да потомъ выздоравливаетъ денька четыре.

— Я чай вамъ съ нимъ хлопотъ вволю.

— На то я мужняя жена, ваше высокоблагородіе. Первые дни — ничего, ужь больно грузенъ бываетъ... такъ все больше лежитъ... а вотъ какъ послѣдніе дни... такъ ужь сильно безпокоенъ живетъ... Такъ и норовитъ или въ голову или въ грудь ткнуть...

— Какъ это вы еще переносите?.. имя, отечества чести не имѣю знать...

— Анфиса, ваше высокоблагородіе, Ивановна.

— Такъ истинно я объ васъ сожалѣючи, Анфиса Ивановна... Какъ кажется такой отличнѣйшей дамѣ и такое тиранство переносить?

Пошлепкина жеманно вздохнула, хотѣла по привычкѣ въ подобныхъ случаяхъ поднести платокъ къ глазамъ; но какъ въ нихъ слезъ не оказалось, потому что, сбираясь идти въ частный домъ, она послѣ чаю пропустила только одну рюмочку настоечки, а къ пиву, противъ обыкновенія, еще и не прикасалась вовсе, то и должна была удовлетвориться другимъ вздохомъ, но уже гораздо сильнѣйшимъ, чтобъ показать, какую горькую участь терпитъ она съ своимъ пьяницей мужемъ...

— На вашемъ мѣстѣ я бы съ такимъ мужемъ ни на минуту жить не сталъ! сказалъ частный, начиная по немногу приближаться къ цѣли своего разговора.

— Богъ соединяетъ, человѣкъ не разлучаетъ, ваше высокоблагородіе. Хоша примѣрно сказать я и всякія тиранствія вытерпливаю и даже не по заслугамъ побои принимаю... однако жь...

— Даже и побои!.. Ахъ, скажите, какъ же это можно?.. Вы бы жалобу мнѣ... я бы тотчасъ...

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе!.. онъ мой законной супругъ и во мнѣ, супругѣ своей.... воленъ. Такъ видно ужь Богъ показалъ.... Это, примѣрно надо сказать, можетъ быть и отъ большой любви ко мнѣ...

— Я бы ни слова не сказалъ, кабы другая! от-

вѣчалъ частный нѣжно:—но вы.... васъ.... какъ это, кажется рука поднимется?...

— Ужь такой злодѣй, ваше высокоблагородіе, чѣмъ ни попало, такъ и лупитъ. Того и гляди—уголовщину сдѣлаетъ. Изсушилъ меня вовсе. Иной разъ ухватъ схватитъ, али кочергу.... такъ ужь трость ему сама подаю.... пусть ужь лучше ею тѣшится.... Изъ синяковъ не выхожу, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а еслибъ эдакъ связать....

— Какъ же можно это-съ, ваше высокоблагородіе? вѣдь онъ хозяинъ-съ.... и мой законной мужъ-съ. Такъ кто жь смѣетъ-съ.... его воля! Видно, моя ужь судьба такая....

Она опять хотѣла заплакать, но слезъ не оказалось снова. Надо было удовольствоваться самымъ тяжелымъ вздохомъ.

Въ эту минуту вошедшій письмоводитель съ бумагами, нарушилъ это трогательное tête-à-tête и напомнилъ частному о дѣйствительности.... Онъ готовъ былъ разсердиться, но нѣжныя чувствія, наполнявшія теперь его сердце, перемогли; онъ не разсердился, а только сказалъ, и то не громко:

— Зачѣмъ вы входите? Вы мнѣ мѣшаете заниматься обязанностями службы....

— Очень нужное-съ, Ануфрій Семенычъ... Ужь 10 часовъ.... А какъ изволите поѣхать къ начальнику полиціи, такъ докладную записку надо

приготовить, ежели изволите приказать, по дѣлу Пошлепкиныхъ....

— Какъ же.... какъ же.... продолжалъ частный— приготовить тотчасъ.... Я вотъ только переговорю съ Анфисой Ивановной и тотчасъ....

Онъ имѣлъ видъ школьника, застигнутаго на воровствѣ, говоря это. Письмоводитель понялъ и тотчасъ удалился, тѣмъ болѣе, что франтъ квартальный, выбравшійся изъ присутствія на цыпочкахъ, когда разговоръ принялъ нѣсколько чувствительный тонъ,—и выбравшійся такъ, что его не слыхали въ жару разговора, выходя изъ присутствія, подморгнулъ письмоводителю, показывая головою на присутствіе.

Письмоводителю, тоже иногда мечтавшему о Пошлепкиной, на томъ основаніи, что у мужа, который пьетъ запоемъ, жена всегда можетъ вытащить и то и другое, и тѣмъ пополнить «несправедливость къ нему фортуны», какъ онъ выражался, — было не совсѣмъ пріятно такое вниманіе къ ней частнаго. На сколько позволило приличіе, онъ подождалъ; но потомъ видя, что разговоръ можетъ продолжиться до безконечности, и зная отъ квартальнаго, что о дѣлѣ еще и помину не было, рѣшился войдти, тѣмъ болѣе, что частный, ежели не пріѣдетъ во время къ начальнику полиціи, на немъ же оборветъ гнѣвъ свой, зачѣмъ не напомнилъ во время, что пора ѣхать.

Частный, котораго появленіе письмоводителя съ

бумагами свело съ неба на землю, рѣшился приступить къ дѣлу и узнать о всѣхъ подробностяхъ воровства.

— Такъ вы говорите, началъ онъ обращаясь къ Пошлепкиной, не желая показать письмоводителю, что до сихъ поръ онъ прогуливался только по чувствительной части: — что вамъ самимъ неизвѣстно, сколько денегъ украдено? А любопытно бы знать. Разскажите мнѣ, гдѣ эти деньги лежали, какіе онѣ были, и вообще все, какъ дѣло было.

— Эвтаго я, ваше высокоблагородіе, доподлинно вамъ доложить не могу, потому что мой тиранъ никогда не впускалъ меня въ свой кабинетъ. Ежели бывало ненарокомъ какъ-нибудь шмыгнешь туда, да онъ увидитъ, такъ такого треуха дастъ, что инда три раза перевернешься... Я эвто не обиду ему говорю, онъ мой законной супругъ и воленъ надо мною, что ему угодно дѣлать.... а только такъ.... къ слову пришлось.... Кухарка, положимъ, сказывала мнѣ, что онъ возымѣлъ привычку серебряные рубли на столѣ оставлять; а сама я эвтаго не видала, грѣшить нечего; а не видала по той причинѣ, что комната у него замкнута всегда живетъ, когда его дома нѣтъ; а какъ дома, такъ не моги и думать ходить туда.

— Слѣдственно все, что мошенники могли взять, такъ это серебряные рубли.

— Должно быть такъ.

— Теперь кажется все ясно! началъ частный.

Свѣдѣнія собраны и ожидать больше нечего. Сейчасъ же напишите докладную записку: дескать воры влѣзли въ окно, украли серебряные рубли... а тамъ, вы ужь тамъ знаете какъ?...

Письмоводитель поклонился и вышелъ.

Оставшись одинъ съ Пошлепкиной, частный разсудилъ, что для перваго раза по чувствительной части сдѣлано уже довольно, — и что надо теперь заняться по существенной, то-есть, воспользоваться случаемъ сдѣлать поближе знакомство съ ихъ домомъ. Извѣстно, что значитъ познакомиться на языкѣ такого рода людей. Судя по тому, что говорено, онъ видѣлъ, что Пошлепкина баба сходная, и что только чуть маленечко пріударить за нею, такъ она радарадехонька будетъ переносить все, что дѣлается у нихъ въ домѣ, а потомъ, пожалуй, и то, что̀ лежитъ у мужа ея на столѣ. Какъ человѣкъ вдовый, частный считалъ себя вправѣ искать ея расположенія, а за расположеніемъ женщины, извѣстно ужь, слѣдуетъ и все то, что̀ ей принадлежитъ и все то, что̀ она можетъ прихватить отъ другихъ. А какъ Пошлепкины богаты и даже очень; мужъ пьетъ запоемъ, и слѣдственно не можетъ вести вѣрнаго счета деньгамъ, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что деньги не то что со стола, но даже и изъ стола, съ нѣкоторой ловкостью, могутъ переселяться въ его полицейскіе карманы, которые, какъ извѣстно, очень укладисты. Къ тому жь Пошлепкинъ, какъ пьяница и вслѣдствіе этого, вѣроятно, человѣкъ буйный, можетъ быть нѣкоторымъ образомъ взятъ подъ надзоръ

полиціи, и тогда воля дѣлать что̀ хочешь, останется законной его супругѣ. Сообразно этому, частный расположилъ свои дѣйствія. Но такъ какъ время было уже поздно и ему надобно было ѣхать съ дневнымъ рапортомъ къ начальнику полиціи, то онъ наговоривши любезностей Пошлепкиной, на сколько достало его умѣнья, выпроводилъ ее изъ присутствія, обѣщая въ самомъ непродолжительномъ времени явиться къ нимъ — засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе.

V.

Отъ начальника полиціи частный прискакалъ впопыхахъ, получивши свѣдѣніе, что на дняхъ долженъ пріѣхать генералъ губернаторъ... Батюшка-свѣты! что тутъ дѣлать?... По этому поводу начальникъ полиціи разругалъ всѣхъ, не на животъ, а на смерть, не исключая и его Полубаранова; его, какъ сказано выше, самаго исправнаго, и особенно пріятнаго начальству тѣмъ, что онъ, не мудрствуя лукаво, исполнялъ въ точности и не смотря ни на что, приказанія начальства. Какъ бы ни былъ онъ убѣжденъ, что человѣкъ правъ совершенно, но начальство велитъ его оборвать, такъ онъ оборветъ такъ, что тотъ цѣлую жизнь будетъ помнить. А вы знаете, какое это великое достоинство въ подчиненномъ? Что можетъ быть нестерпимѣе умниковъ, которые вмѣсто того, чтобъ каз-

нить человѣка, если на то есть воля начальства, начнутъ толковать: помилуйте, ваше высокородіе, вѣдь онъ вовсе не виноватъ!.. какъ будто его высокородію нужно очень, что онъ не виноватъ. Ему нужно виноватаго, — вотъ что! А Иванъ, или Семенъ виноватъ, развѣ для него не все равно? Не виноватъ этотъ, подавай другаго, только чтобъ виноватой былъ на лицо; а нѣтъ другаго, такъ пусть отвертывается хоть этотъ, ужь какъ самъ знаетъ. Нельзя же оставить такъ, иначе скажутъ, что стоокая стража спитъ. Вѣдь говорилъ же во время оно и не шутя одинъ начальникъ губерніи, самый честнѣйшій человѣкъ, какихъ я только встрѣчалъ въ жизни, что самые нестерпимые люди на службѣ суть честные люди, имянно потому, что слушаются болѣе своихъ убѣжденій, нежели предписаній начальства. Ежели такъ думаетъ порядочный человѣкъ, искренно желающій добра и въ другихъ встрѣчающій противодѣйствіе этому добру, потому только что точки зрѣнія различны, — что же долженъ думать человѣкъ непорядочный, искренно желающій добра только себѣ и своему карману?

Итакъ, по случаю пріѣзда генералъ-губернатора, городъ былъ въ страшныхъ попыхахъ... Начальникъ губерніи трясся, чтобъ онъ не заглянулъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, куда онъ маленечко запустилъ лапку, и чтобъ не явилась къ нему купцы съ жалобою на то, что онъ убѣждалъ ихъ къ добровольнымъ приношеніямъ не совсѣмъ законнымъ обра-

зомъ. Начальникъ полиціи съ своей стороны дрожалъ за освѣщеніе улицъ и пожарную команду, на которую изъ городскихъ доходовъ взята была значительная сумма, а не сдѣлано ничего, потому что поставку масла для фонарей на торгахъ, взялъ онъ самъ, хоть и не своимъ лицомъ (этого по закону нельзя) но на имя своего камердинера, и, разумѣется, улицъ не освѣщалъ, находя, что это излишняя роскошь и что «лучше сидѣть дома станутъ»; въ чемъ со стороны нравственности, соглашался съ нимъ и начальникъ губерніи, очень любившій начальника полиціи за его необыкновенную гибкость, умѣвшую угождать даже собакѣ дворника, чтобъ ласкова была... Не успѣлъ частный Полубарановъ пріѣхать домой, какъ вдругъ получаетъ отъ начальника полиціи предписаніе командировать немедленно въ его канцелярію скромнаго и благонадежнаго офицера, для полученія его приказаній, относительно городскихъ стражей, которые по осмотру его, начальника полиціи, найдены не совсѣмъ въ удовлетворительномъ видѣ. «Скромнаго» было подчеркнуто. Кого же командировать кромѣ франта квартальнаго? Онъ какъ нарочно, созданъ для подобныхъ конфиденціальныхъ порученій... На этомъ основаніи онъ и былъ командированъ.

Взодравъ хохолъ свой еще выше, франтъ квартальный отправился, и меньше, нежели черезъ часъ явился съ нѣсколькими фунтами румянъ и секретнымъ наставленіемъ раздать ихъ по будкамъ, съ тѣмъ, чтобы будочники и хожалые, то-есть,

унтера, во все время пребыванія генералъ-губернатора, были нарумянены всѣ и непремѣммо, а носящіе усы и бакены нафабрены, какъ слѣдуетъ. При этомъ дано было формальное и строжайшее предписаніе наблюдать, чтобъ нижніе чины полиціи, въ особенности городскіе стражи т. е. будочники, были одѣты прилично, во всемъ согласно данной формѣ — и «чтобъ все остальное было исполнено, по прежде даннымъ предписаніямъ и наставленіямъ, что и возлагалось на личную и непосредственную отвѣтственность гг. частныхъ приставовъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія.»

Получивши румяны, частный сталъ въ тупикъ, — по скольку надобно отпустить въ день на человѣка. Такъ какъ теорія безконечно малыхъ была ему вовсе неизвѣстна, а объ ариѳметикѣ онъ что-то слыхахъ, что есть какая-то особая наука для счисленія, чему плохо вѣрилъ, находя, что кромѣ счетовъ съ костяными косточками нѣтъ ни малѣйшей надобности ни въ какой наукѣ, для того, чтобъ наживать деньги, — то онъ и позвалъ письмоводителя на помощь. Письмоводитель въ бархатномъ галстухѣ, шелъ ходко до золотниковъ; но когда явилась надобность брать изъ золотниковъ дроби, тоже спасовалъ и принужденъ былъ въ этомъ сознаться. Тогда позвали франта квартальнаго, имѣвшаго, какъ уже сказано выше, авторитетъ человѣка съ громадной ученостью. Квартальный, зная, что ему не устоять въ дробяхъ, а между тѣмъ не желая утратить съ такимь тщаніемъ созданный и поддерживаемый авторитетъ,

прежде всего началъ говорить шопотомъ для того, чтобъ нескромные уши не могли подслушать этой невинной административной хитрости начальника полиціи, а потомъ предложилъ самый простой способъ, именно по простотѣ своей чрезвычайно понравившійся частному. Но для этого онъ просилъ частнаго перейти изъ присутствія части въ кабинетъ частнаго, для того, чтобъ можно было говорить свободнѣе. Перейдя туда, квартальный потребовалъ самые маленькіе вѣски, и какъ таковыхъ у частнаго въ домѣ не оказалось, и уже хотѣли было посылать въ аптеку, какъ вдругъ письмоводитель вспомнилъ, что у одного вора отобраны были подобные вѣски въ числѣ украденныхъ имъ вещей. Вѣски были тотчасъ принесены, и операція началась. Прежде всего франтъ квартальный взялъ двѣ равныхъ самыхъ малыхъ щепоточки румянъ и положилъ ихъ на особыя бумажки, потомъ потребовалъ зеркало и съ одной изъ бумажекъ нарумянилъ себѣ лицо на столько, на сколько по мнѣнію комитета, состоящаго изъ частнаго и письмоводителя, это было для будочника нужно, при чемъ франтъ квартальный не упустилъ замѣтить, что по нѣжности его кожи и бѣлизнѣ лица, румянъ надо менѣе, тогда какъ по грубости будочницкихъ рожъ, морщиноватости и рябоватости нѣкоторыхъ, надо нѣсколько усилить дозу. Когда такимъ образомъ согласились на количество румянъ, практически опредѣленныхъ, приступили къ взвѣшиванію равнаго количества на другой бумажкѣ, что̀ и вывѣсили гречневыми кру-

пинками и горохомъ. Нѣсколько такихъ доль составили золотники, а золотники — фунты; такъ что не трудно было уже опредѣлить, сколько изъ фунта выйдетъ долей.

Кончивши такимъ образомъ свои служебныя занятія, частный, которому начальникъ полиціи, по его докладной запискѣ о воровствѣ, учиненномъ Голованомъ съ товарищи, поручилъ произвести строжайшее изслѣдованіе, отправился въ домъ Пошлепкиныхъ, взявши съ собою только самаго плохенькаго писаря, для того, чтобъ тотъ не могъ мѣшать ему въ его «авантюрахъ» и не могъ разсказать другимъ, что тамъ будетъ видѣть. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ производятся слѣдствія, но слыша около себя безпрестанно слова: «мѣстное постановленіе, мѣстное описаніе, осмотръ мѣста» онъ инстинктомъ понялъ, что надо знать, какъ расположены комнаты, куда ведетъ какая дверь, сколько оконъ, какъ высоко они отъ земли и проч. Сдѣлать все это онъ поручилъ писарю, который какъ ни былъ глупъ, понялъ въ чемъ дѣло и «tant bien que mal», какъ говорятъ Французы, сдѣлалъ это описаніе довольно удовлетворительно, то-есть: можно было не ошибаясь понять, что изъ комнаты, гдѣ произведено воровство, была одна дверь, а не двѣ; что оконъ было два, а не три, и что столъ стоялъ въ углу, а не по серединѣ комнаты. Только это и было нужно; но писарь, надъ которымъ всѣ смѣялись въ канцеляріи части и даже водили за носъ по комнатамъ, ущемивши его между двумя паль-

цами, называя его за длинный носъ арзамасскимъ гусемъ, проникнулся важностью даннаго ему порученія, и чрезвычайно польщенный тѣмъ, что частный выбралъ его, а не другаго, разсыпалъ въ этомъ осмотрѣ невиданные доселѣ цвѣтки поэзіи, которыхъ разсыпа́ть доселѣ не позволялъ ему письмоводитель, зная, что ежели ему будетъ это дозволено, то бумаги, изъ части посылаемой, не пойметъ не только что тотъ, кто ее получитъ, но даже и тотъ, кто ее подпишетъ. Писарь, видите ли, вышелъ, или лучше, былъ выключенъ изъ семинаріи, еще изъ реторики, за какія-то провинности. Умъ простой, но забитый ферулою, онъ помѣшался на краснорѣчіи и говорилъ такъ хитро, что его нельзя было понимать. Беневоленскій по фамиліи отца, Дивногорскій по семинаріи, Свѣтовостоковъ въ части, онъ служилъ безъ жалованья и довольствовался приношеніями доброхотныхъ дателей, весьма часто пивши чай въ трактирѣ съ просителями семь и восемь разъ въ день, и не обѣдая ни разу...

Здѣсь рукопись Чудака окончилась, и я сколько ни перебиралъ летучіе листки его коллекціи, не могъ найти ея окончанія. Только долгое время спустя, въ одномъ изъ ящиковъ стараго коммода, гдѣ наваленъ былъ всякой хламъ, напелъ я клочки бумагъ въ которые завернуты были: старое круглое

мыло, изломанные ножницы и мѣдный ключикъ отъ часовъ, положенные сюда вѣроятно за негодностію. Клочки эти, исписанные рукою Чудака, цвѣтомъ бумаги, которой теперь нѣтъ даже въ продажѣ, походили на рукопись, названную имъ Волчьей долиной и по всѣмъ вѣроятіямъ служили ей продолженіемъ. Вѣроятно отъ долгаго лежанія въ сырости, клочки эти такъ истлѣли, что составить изъ нихъ что-нибудь цѣлое, не смотря на всѣ мои старанія, оказалось рѣшительно невозможно.

НЕ ПОМНЯЩІЙ РОДСТВА.

I.

Шелъ однажды сотскій съ крестинъ, порядочно подвыпивши; попадается ему на встрѣчу незнакомый человѣкъ съ сумками на обоихъ плечахъ, и прошелъ не поклонившись. Сотскій, съ-пьяна не сообразивъ, что во-первыхъ это было ночью, а во вторыхъ, что этотъ человѣкъ не тутошній, слѣдственно не можетъ знать: сотской ли онъ, или нѣтъ,— раздосадовалъ: почему, дескать, онъ передъ сотскимъ шапки не снялъ? и закричалъ: ей ты, господинъ честной! Что ты за человѣкъ? Господинъ честной не заблагоразсудилъ ему отвѣчать. Тогда сотскій, проникнувшись чувствомъ своего достоинства и своей обязанности, смѣло бросился на проходящаго, закричавъ предварительно: — караулъ! и остановилъ его, схвативъ за платье, словами: давай пашпортъ!..

Незнакомецъ, озадаченный неожиданностію нападенія, хотѣлъ было отвѣчать на этотъ вопросъ безъ

церемоніи — кулакомъ, что̀ ему часто удавалось въ его бродяжнической жизни; однако оторопѣлъ, когда увидѣлъ, что на крикъ: караулъ! — бѣгутъ ночные караульщики.

— Я сосѣдній! отвѣчалъ онъ, стараясь вырваться; — какому же чорту пачпорту у меня быть?

— А! сосѣдній! возразилъ сотскій, все болѣе и болѣе проникаясь чувствомъ долга и свойственной русскимъ подъячимъ крючковатостью; — откуда же?

— Да изъ ближайшей деревни! отвѣчалъ бродяга.

— Безъ имени овца баранъ! отвѣчалъ неумолимый сотскій; — у деревни, я чай, есть прозванье... изъ какой?..

— Изъ Горокъ! отвѣчалъ нищій на удачу, зная, что Горокъ въ русской землѣ тьма тьмущая и что гдѣ бы кто не находился, къ его услугамъ всегда найдутся какія-нибудь Горки.

— Горокъ, другъ, много! продолжалъ сотскій. Какія Горки? Есть Горки Желтуховскія, есть Горки Дрябловскія, есть Горки Насакинскія... всякія есть... такъ ты изъ какихъ?..

Хотя отвѣтъ и былъ облегченъ самимъ вопросомъ, однако, выбрать изъ трехъ Горокъ настоящіе, незнающему все-таки было затруднительно. Бродяга зналъ очень хорошо, что слова: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю» и еще: «не знаю, не видалъ, не слыхалъ», — очень удобны противъ нападеній подобнаго рода, но тѣмъ не менѣе онъ затруднился, какое изъ трехъ Горокъ выбрать ему. Онъ вы-

бралъ то, которое показалось ему почему-то поблагозвучнѣе и отвѣчалъ увѣренно:

— Вѣстимо изъ Желтуховскихъ.

— А! а! изъ Желтуховскихъ! продолжалъ сотскій; — хорошо! какъ же тамъ зовутъ старосту и сотскаго?

Незнакомецъ, не смотря на всю свою дерзость, сталъ въ-тупикъ. Отвѣчать на удачу — нельзя; именъ въ русскомъ календарѣ такъ много, что ими можно пожалуй прудъ запрудить; — конечно есть на выручку Иваны, которыми заселена русская земля чуть не на третью долю всего мужскаго народонаселенія; но все-таки рискъ и рискъ большой, а сознаться бродягой тоже не хочется, потому что на бѣду съ бродягой счетъ коротокъ — въ Сибирь, да и концы въ воду. Конечно, есть перспектива улепетнуть съ дороги, да вѣдь хорошо коли удастся, а если нѣтъ? съ солдатами не то, что съ сотскими и десятскими. Сотскимъ и десятскимъ можно разсказать и то и другое, и пятое, и десятое, а когда они разинутъ рты, и бѣжать подъ шумокъ; съ солдатами же шутки плохія... да и идти пѣшкомъ двѣ — три тысячи верстъ тоже не радость. Незнакомецъ какъ человѣкъ бывалой вдругъ сообразилъ все это, и такъ какъ ему видно не одинъ разъ уже случалось сидѣть въ острогахъ и слѣдственно Уложеніе о наказаніяхъ и XV томъ онъ зналъ не хуже любаго чиновника уголовной палаты, въ томъ, что собственно относилось до его личности, то и разсудилъ, что лучше всего назваться не помнющимъ родства.

*
* *

Этихъ по крайней мѣрѣ ссылаютъ безъ наказанія, а бродягъ за ложное показаніе еще при томъ сѣкутъ.

Сотскому, которому было все равно, кто бы онъ ни былъ, бродяга, не помнющій родства, или просто бродяга, лишь бы выслужиться передъ становымъ, обрадовался своей неожиданной находкѣ, какъ нельзя больше. Онъ тотчасъ скомандовалъ *конскіе путы*, заковалъ въ нихъ бродягу, отправилъ его съ десятскимъ въ сборную избу, и самъ какъ полководецъ, одержавшій побѣду, отправился торжественно на свой войлокъ, постланный на палатяхъ и замѣнявшій ему постель, повторяя, подобно Титу милосердому: «нынѣшній день не потерянъ».

Бродягу, такъ водится, заперли и приставили на ночь двухъ мужиковъ къ дверямъ; двухъ къ одному окну, двухъ къ другому, — всего шесть. Только что тѣ, которые ихъ ставили, ушли, караульные сочли непремѣннымъ долгомъ, какъ только совсѣмъ смерклось и всѣ улеглись спать, тоже улечься гдѣ попало: кто подъ навѣсомъ, кто въ телѣгѣ, кто въ саняхъ, а кто на кучѣ навоза. Вслѣдствіе этого остаться подъ карауломъ, или уйти изъ-подъ него, зависѣло отъ доброй воли бродяги, ибо онъ, какъ человѣкъ опытный, хорошо зналъ, что̀ такое караулы въ деревняхъ. Но видно бродяжничество ему очень надоѣло, и онъ захотѣлъ отдохнуть мѣсяцъ, другой, зная, что если пожелаетъ остаться дома и нейти въ ссылку, — то запереться никогда не поздно; что ежели прижмутъ очень, такъ стоитъ

только сказаться откуда родомъ — тотчасъ перешлютъ въ деревню, гдѣ родился, а изъ деревни уйти опять уже несравненно легче. Это хорошо извѣстно всѣмъ бродягамъ. Вслѣдствіе этого, бродяга растянулся на лавкѣ и захрапѣлъ такъ покойно и довольно, какъ будто ни сотскихъ, ни становыхъ, ни земскихъ судовъ не существуетъ на свѣтѣ вовсе. Но какъ конскіе путы безпокоили его, то онъ и легко стряхнулъ ихъ съ ногъ, потому что они были назначены собственно не для человѣческихъ, а для лошадиныхъ ногъ, и слѣдственно широковаты. На утро онъ не приминулъ однако, своимъ караульщикамъ, пришедшимъ о немъ освѣдомиться, разсказать о разрывъ-травѣ, которую стоитъ только приложить къ цѣпямъ, и они развалятся сами и что ему не то, что деревянные, и каменные-то стѣны ни почемъ; и что онъ «черезъ любую каменную стѣну пройдетъ, какъ черезъ дверь или окно».

Видя, что путы сняты съ ногъ бродяги, мужики разинули рты, почесали головы и спины, и переглянулись:

— Эка штука, малый, подумаешь! замѣтили они; а кажись заковали хорошо.

Давъ о себѣ такое высокое мнѣніе, бродяга Иванъ (его звали Иваномъ), не помнящій родства, съ подобающимъ уваженіемъ былъ отвезенъ въ станъ. Становой, увидя его, спросилъ только: кто? — и когда сотскій отвѣчалъ: — не помнющій родства! воскликнулъ: — «А!» и махнулъ рукой по направленію къ избѣ, исправлявшей должность тюрьмы

и отличавшейся отъ обыкновенной избы тѣмъ, что въ окнахъ ея были рѣшетки изъ желѣзныхъ полосокъ, которыя не то, что сильному человѣку, но и пятнадцати-лѣтнему мальчишкѣ стоило только рвануть, чтобы онѣ вылетѣли, даже вмѣстѣ съ колодами. Объ этихъ желѣзныхъ рѣшеткахъ становой разъ пять и уже лѣтъ пять тому назадъ, представлялъ въ первый разъ земскому суду, который въ свою очередь представлялъ своему начальству, — а начальство въ свою очередь завело переписку съ какимъ-то комитетомъ для ассигнованія суммы, по смѣтѣ, составленной въ такой-то и такой-то коммиссіи. Въ коммиссіи смѣта эта пролежала года полтора, потому что итогъ не сходился съ смѣтнымъ назначеніемъ на полкопѣйки. И какъ будто еще нарочно, одинъ членъ комитета былъ въ личной враждѣ съ совѣтникомъ, завѣдывающимъ дѣлами о мѣстахъ заключенія. Комитетъ, не отвѣчая положительно на требованія правленія, ссылался только на коммиссію, что она не доставляетъ смѣты. На требованіе правленія, коммиссія въ свою очередь ссылалась на архитектора, а архитекторъ, которому надоѣло слушать напоминанія о такой дряни (дрянью онъ называлъ все то, что не приносило ему дохода), въ свою очередь отвѣчалъ, что не видавъ самого помѣщенія, смѣты, сдѣлать не возможно.

Такъ дѣло и затянулось на неопредѣленное время. Несмотря на то, что смѣта была всего на рубль шестьдесятъ восемь съ половиною копѣекъ, коммис-

сія, вслѣдствіе рапорта архитектора, нашла необходимымъ командировать архитекторскаго помощника для осмотра мѣста; потребовала подорожную, выдала прогоновъ три рубли двадцать одну копѣйку, порціонныя или суточныя примѣрно на четыре дня, то-есть одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ, и сдѣлавъ все это, увѣдомила объ этомъ распоряженіи комитетъ, который въ свою очередь далъ знать правленію, а это предписало для свѣдѣнія земскому суду. Земскій судъ, увѣдомивъ становаго о пріѣздѣ архитекторскаго помощника, предписалъ становому немедленно отправиться на мѣсто для свидѣтельства, съ строгимъ подтвержденіемъ, что если онъ не исполнитъ этого, то будетъ подвергнутъ законному взысканію. Становой, ожидавшій пять лѣтъ рѣшетокъ къ окнамъ и разсудившій, что ежели дожидаться ихъ законнымъ путемъ, можетъ прождать еще пять лѣтъ, нашелъ лучшимъ позвать кузнеца изъ деревни, велѣть ему сдѣлать рѣшетки, обѣщая дать на чай ежели сдѣлаетъ хорошо и изъ своего матеріяла, и тридцать розогъ, ежели сдѣлаетъ дурно и потребуетъ матеріяла. Кузнецъ, у котораго стараго желѣза валялось пропасть, разсудилъ лучше получить на чай, нежели тридцать розогъ; принялся за дѣло и черезъ два какихъ-нибудь часа исправилъ рѣшетки и, по освидѣтельствованіи оныхъ становымъ, получилъ пятіалтынный на чай и большой стаканъ водки, которая, какъ извѣстно, у становыхъ не купленная.

Становой даже плюнулъ, когда пріѣхалъ архитек-

торскій помощникъ для свидѣтельства мѣста тюремнаго заключенія, и не могъ утерпѣть, чтобъ не сказать:

— И стоило изъ такой дряни ѣздить?

Архитекторскій помощникъ тоже не могъ не улыбнуться, узнавъ въ чемъ дѣло. Осмотрѣвъ рѣшетки, онъ нашелъ, что лучшихъ для такой избенки и ненадобно, потому что онѣ вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Послѣ этого онъ задумался: какъ же устрою я теперь это дѣло? говорилъ онъ про себя. Рѣчь идетъ о постройкѣ рѣшетокъ — а они уже построены! Что же я напишу начальству? Что онѣ сдѣланы? — этого нельзя. Кто же въ губерніи смѣетъ дѣлать что-нибудь безъ коммиссіи? Да и становому непріятность можетъ быть: какъ онъ смѣлъ вмѣшаться въ такое дѣло, которое не относится къ его обязанности и можетъ быть рѣшено только техническими чиновниками.

Долго думавши, онъ наконецъ рѣшилъ, что вѣдь не даромъ же онъ сдѣланъ архитекторскимъ помощникомъ и что слѣдственно долженъ поддерживать честь своего ремесла, во что бы то ни стало. На этомъ основаніи онъ спросилъ становаго:

— А что вамъ стоили эти рѣшетки?

— Да что стоили—пятіалтынный, да чарку водки! отвѣчалъ становой.

— Съ вашимъ матеріяломъ?

— Съ моимъ? Да гдѣ мнѣ его взять-то. Кто работалъ, тотъ и поставилъ.

— И за все за это, пятіалтынный?..

— Ну, да, пятіалтынный. Чтожь вы на меня смотрите? — экая диковина!

Архитекторскій помощникъ всплеснулъ руками.

— Да помилуйте — у насъ по смѣтѣ назначено одинъ рубль шестьдесятъ восемь копѣекъ серебромъ, да и это еще ниже урочнаго положенія. Такъ вздумалось совѣтнику, а то бы слѣдовало два рубля слишкомъ.

— Я не знаю, что̀ по вашему урочному положенію слѣдуетъ, отвѣчалъ становой; — а знаю только то, что я жду этихъ проклятыхъ рѣшетокъ пять лѣтъ; что въ эти пять лѣтъ я могъ попасть десять тысячъ разъ подъ судъ за арестанта, еслибъ онъ убѣжалъ изъ становой квартиры, и что мнѣ все это такъ надоѣло, что я плюнулъ, истратилъ свой пятіалтынный и велѣлъ сдѣлать новыя рѣшетки.

Долго мялся архитекторскій помощникъ, но разсудивъ, что безъ становаго дѣло не обойдется ни въ какомъ случаѣ, сказалъ:

— Знаете ли, въ какое затруднительное положеніе вы меня поставили?

— Я... васъ?.. въ затруднительное положеніе?.. А какимъ это образомъ? чѣмъ бы, напримѣръ?

— А тѣмъ, что вы уже сдѣлали рѣшетки.

— Ну, такъ чтожь!

— А то, что я не знаю, что̀ мнѣ теперь написать въ моемъ рапортѣ въ коммиссію. Написать, что рѣшетки вами уже сдѣланы — нельзя; это значитъ показать явно, что коммиссія пять лѣтъ тянула такое дѣло, которое требовало неотлагательности... Да за

это меня со свѣту сживутъ, тѣмъ болѣе, что уже распоряженіе сдѣлано о припечатаніи вызова желающихъ къ производству работъ.

— Такъ вы еще и желающихъ будете вызывать и припечатаніе дѣлать? возразилъ становой, смѣясь во все горло.

— А какъ же по вашему? отвѣчалъ архитекторскій помощникъ обидѣвшись; — вы, кажется, сами изволите служить, и должны знать, какъ необходимо соблюдать всю формальность, особливо въ денежныхъ дѣлахъ.

— Ежелибъ на большую сумму, такъ оно конечно...

— Что̀ на большую, что на маленькую, это все равно. Законъ одинаковъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Велѣно съ торговъ, такъ и надо дѣлать съ торговъ. У насъ совѣтникъ строго держится закона, и отнюдь не позволитъ ни себѣ, ни другимъ отступить отъ него ни на волосъ.

— Да помилуйте, можно ли изъ этакой дряни подымать такую возню?

— Гдѣ идетъ дѣло о казенномъ интересѣ, тамъ дряни нѣтъ, — все важно, и всякій долженъ соблюдать казенный интересъ. Вы, милостивый государь, не въ ущербъ чести вашей будь сказано, не понимаете этой части, по этому такъ и говорите...

— Можетъ быть я и не понимаю вашей части, отвѣчалъ становой, нѣсколько затронутый; — но я понимаю и понимаю очень хорошо, что рѣшетки,

которыя стоятъ мнѣ съ матеріяломъ пятнадцать копѣекъ серебромъ, да стаканъ пѣннаго, будутъ стоить казнѣ около шести рублей серебромъ, полагая цѣну матеріяла и работы, прогоны и суточныя вамъ, припечатаніе и множество исписанной бумаги.

— Что же дѣлать, ежели такъ слѣдуетъ по положенію.

— Ну что вы мнѣ толкуете вздоръ-то. Мы, я чай, служимъ сами. Въ умныхъ рукахъ это, батюшка, нитка; какой узелъ захочешь завязать, такой и завяжешь. Этихъ вы мнѣ росказней-то не разсказывайте. Мы сами знаемъ кое-что.

Архитекторскій помощникъ, которому становой былъ нуженъ, не разсудилъ ему отвѣчать въ такомъ же тонѣ. Онъ только снова спросилъ его: какъ же уладить дѣло-то? и предложилъ, какъ лучшее, не говорить, что рѣшетки сдѣланы, а написать за общимъ подписаніемъ актъ, въ которомъ будетъ говориться и о необходимости рѣшетокъ, и о томъ, какъ онѣ должны быть крѣпки и прочны, и наконецъ, что это будетъ стоить по смѣтѣ одинъ рубль шестьдесятъ восемь копѣекъ.

Становой, которому было все равно, такъ или не такъ и имѣя еще въ перспективѣ одинъ рубль шестьдесятъ восемь копѣекъ, ибо къ торгамъ, по всему вѣроятію, никто не явится и коммиссія велитъ произвести эту работу архитекторскому помощнику экономическимъ образомъ, вполнѣ согласился на предложеніе помощника — и велѣлъ подать водки и кол-

басы, за которыми актъ былъ составленъ и подписанъ.

Казна отъ такого распорядка потерпѣла чистаго убытку пять рублей восемьдесятъ пять копѣекъ.

II.

Становой былъ въ духѣ, когда на другой день по утру письмоводитель напомнилъ ему о бродягѣ.

Бродягу Ивана, не помнющаго родства (такъ заготовилъ было письмоводитель о немъ представленіе въ земскій судъ) привели къ становому по его приказанію.

— Кто ты такой? спросилъ его становой.

Бродяга, которому пришла фантазія позабавиться надъ становымъ, зная, что за это ничего не будетъ, молчалъ.

— Что жь ты, не слышишь, что ли, объ чемъ тебя спрашиваютъ? Кто ты такой?

Бродяга молчалъ.

— Да что онъ, нѣмой что ли? закричалъ становой, начиная сердиться. Кто привезъ его?

— Какой нѣмой, ваше благородіе! отвѣчалъ неутомимый сотскій; — такой балагуръ, что упаси Господи. Онъ гутарилъ съ нами всю дорогу, ваше благородіе, да все обѣщался уйти, въ какую бы крѣпкую тюрьму его ни посадили.

— А это мы посмотримъ. Какъ же тебя зовутъ?

Бродяга молчалъ.

— Кто ты такой! повторилъ становой.

Бродяга молчалъ.

— Не будешь отвѣчать, такъ я тебѣ розгами развяжу языкъ.

Бродяга, зная, что становой сѣчь не имѣетъ права, молчалъ.

— Розогъ подайте! закричалъ становой; — задамъ я ему копоти, такъ заговоритъ.

Такъ какъ въ становыхъ квартирахъ за розгами не въ люди ходить, то ихъ и принесли тотчасъ и нѣсколько перемѣнъ, бережно связанныхъ мочалкой и, для большаго удобства наказывающаго, обмотанныхъ бичевою въ рукояти, чтобъ они не скользили въ рукахъ при экзекуціи. Становой былъ по матери нѣмецъ, и потому былъ аккуратенъ, даже нѣсколько методиченъ во всемъ, и не любилъ, напримѣръ, чтобы стулъ, стоявшій пять лѣтъ на одномъ мѣстѣ, былъ переставленъ на другое, по какой бы то причинѣ ни было, хоть бы даже для большаго удобства въ комнатѣ.

— Ну, теперь скажешь, кто ты такой?

Бродяга молчалъ.

— Эй! закричалъ становой, дайте-ка ему припарку, да полѣкарственнѣе.

Сотскіе и десятскіе бросились было на бродягу; но онъ, видя, что становой, по глупости, не боится попасть въ уголовную палату за побои арестанта, проговорилъ наконецъ:

— Вы сѣчь арестантовъ, ваше благородіе, не можете. Это запрещено. За истязаніе при допросахъ сами отвѣчать будете.

— А! теперь проговорилъ. Да ты видно, братъ, въ пансіонахъ-то ужь бывалъ.

— Много всего видалъ, ваше благородіе.

Пансіонами становой называлъ остроги.

Надо замѣтить, что преступникъ, самымъ открытымъ и добродушнѣйшимъ образомъ сознавшійся въ своемъ преступленіи, просидѣвъ одну ночь въ острогѣ, на утро обыкновенно утверждаетъ, что все вчерашнее его показаніе есть ложь и выдумки, что онъ оклеветалъ себя, и повторяетъ только: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! не видалъ, не слыхалъ, не помню», — прибавляя иногда къ этому, что онъ на себя показалъ изъ страха истязанія (ежели онъ грамотный и самъ подписалъ допросъ), ежели же не грамотный, то отвѣчаетъ: вольно жь вамъ было писать... я говорилъ совсѣмъ не то.

— Ну, такъ кто жь ты такой? началъ становой.

— Да какъ вамъ сказать, ваше благородіе? Какъ меня задержали, такъ сказался Иваномъ, не помнющимъ родства.

— Ну, а теперь какъ скажешься?

— Да такъ же, я думаю... Оно покойнѣе, ваше благородіе... меньше пристаютъ.

— Ты сюда откуда пришелъ?

— Много городовъ происходилъ, ваше благородіе...

— А какъ звали эти города?

— Да кто жь ихъ знаетъ? — города, какъ города. Нашему брату зачѣмъ знать, какъ они называются. Пришелъ, да и ушелъ.

— Такъ неужели не помнишь, какъ звали хоть одинъ?

— Не помню, ваше благородіе...

— Порядочная же ты бестія, Иванъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе.

— Ты не изъ солдатъ ли?

— По Русскому царству много народу бродитъ: есть солдаты, есть и не солдаты.

— Ну, а ты-то кто?

— Кто я-то?... Сказано: Иванъ не помнющій родства.

— Такъ-таки и не помнишь, откуда ты родомъ?

Бродяга оглянулся — въ комнатѣ стояли десятскіе и сотскіе. Онъ почесалъ въ головѣ.

— Ты видно при людяхъ не хочешь говорить? замѣтилъ становой, и движеніемъ руки выслалъ всѣхъ изъ комнаты.

— Оно хоть и ничего, замѣтилъ бродяга, а все какъ-то лучше, какъ свидѣтелей нѣтъ.

— Ну, такъ кто жь ты такой?

— Нельзя сказать, ваше благородіе; такая штука есть, что никакъ сказать нельзя.

— А ежели бы не было штуки, сказалъ бы?

— Для чего бы не сказать; а то право-слово — нельзя.

— Такъ какъ же писать-то... не помнящимъ родства, что-ли?...

— Я чай, что такъ-то лучше... Скажешь другое, начнутъ справки наводить, да еще за ложное показаніе розгами высѣкутъ; а тутъ просто: не помнящій родства, да и концы въ воду...

— Такъ значитъ, ты помнишь родство?

— Да какъ же не помнить-то, ваше благородіе? Щенокъ, и тотъ мать знаетъ... а человѣку какъ же не знать и не помнить? Это только одинъ вздоръ нашъ братъ говоритъ, что родства не помнитъ!... Эвтого и быть не можетъ.

— Такъ ты сознаешься, что ты лжешь?

— Ничего я вамъ не сознаюсь, ваше благородіе...

— Я такъ и запишу.

— Извольте писать, что́ вамъ угодно... я ничего не говорилъ вамъ. Мы люди маленькіе, насъ погубить не трудно... Я ничего не говорилъ и ничего не знаю.

Становой былъ молодой человѣкъ и не привыкъ еще къ той наглости, какую берутъ на себя подобнаго рода люди. Думая смутить его, онъ закричалъ сотскихъ, и когда они вошли, сказалъ имъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ сейчасъ сознавался мнѣ, что родства нельзя не помнить, и что тотъ, кто говоритъ это, лжетъ...

— Никогда я вамъ не говорилъ этого, ваше благородіе! перебилъ бродяга.

— Да не ты ли сейчасъ, здѣсь, вотъ на этомъ мѣстѣ, говорилъ мнѣ... что...

— Ничего я не говорилъ. Вольно вамъ клепать на меня. Мы люди маленькіе — насъ погубить, все равно, что муху раздавить. Я говорилъ только, что я Иванъ непомнящій родства; больше я ничего не знаю, не видалъ и не слыхалъ; съ ворами и бродягами незнакомъ, никакихъ законопротивныхъ поступковъ не дѣлалъ; на исповѣди и у Святаго Причастія бываю каждогодно...

— Ты ужь и допросы-то всѣ вытвердилъ наизусть. Видно, что травленый!...

— Да бывало таки, ваше благородіе.

— Эй, сотскій, сказалъ становой: — надѣнь-ко ожерелье-то на Иванушку... да знаешь... климовскіе, потяжелѣ которые...

— Это вы напрасно, ваше благородіе, только участь несчастнаго арестанта отягощаете. Для меня все равно... какія бы ни были цѣпи, только встряхнуться стоитъ.

— Ну, мы посмотримъ. Этими росказнями, братъ, только мужиковъ, да бабъ пугаютъ, а не меня. А кандалы стряхнешь, такъ веревками спутаю... Эти и разрывъ-травы не боятся.

— Нѣтъ, ужь лучше кандалы, ваше благородіе; веревки больно тѣло переѣдаютъ.

— Эй, писарь! сними-ка съ него допросъ, а потомъ въ городъ. Грамотѣ знаешь?

— Родители обучали.

— А! вспомнилъ родителей...

— Ничего не вспомнилъ, а такъ только къ слову пришлось.

Бродягу заковали въ цѣпи, сняли допросъ и отправили въ городъ.

III.

Слѣдствіе о непомнящемъ родства короткое. Листокъ показаній; другой листокъ, сколько по наружному осмотру лѣтъ — да и все тутъ. Слѣдственно дѣло было тотчасъ покончено въ земскомъ судѣ, оттуда перешло въ уѣздный, добавилось третьимъ листкомъ, что «при слѣдствіи пристрастныхъ допросовъ дѣлаемо не было» кончилось рѣшеніемъ: сослать въ сибирь на поселенье, а затѣмъ представлено на утвержденіе гражданскаго губернатора.

Пока дѣло ходило въ губернію, Иванъ, не помнящій родства, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, шелъ однажды передъ вечеромъ съ рѣки, куда онъ ходилъ за водою, съ ушатомъ на плечѣ и въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Проходить имъ надо было площадью, на которой торчали лавки со сводами внизу и съ трактиромъ на верху. Крытая лѣстница, которая вела въ трактиръ, подпертая столбами, далеко выставлялась на улицу, для неудобства пѣшеходовъ, а на площади, у лавокъ, стояла *куртка* *) одного изъ помѣщиковъ сосѣд-

*) Особый экипажъ, схожій съ пролеткою, съ тою раз-

няго уѣзда, пріѣхавшаго не столько для того, чтобы заплатить долгъ свой въ лавку, сколько для того, чтобы поругаться съ лавочникомъ за то, что онъ прислалъ хересу, вмѣсто мадеры. Какъ лавочнихъ ни божился, что это только ошибка въ ярлычкахъ, и что у него и хересъ и мадера и даже и дрей-мадера — все изъ одной бочки, и различается только ярлычкомъ, да цѣной; — помѣщикъ былъ неумолимъ и выходилъ изъ себя, повторяя, что онъ его оконфузилъ передъ петербургскимъ чиновникомъ, котораго онъ звалъ къ себѣ, обѣщая, по словамъ его же, торговца, угостить отличнѣйшей дрей-мадерой и изъ первѣющаго магазина.

Кучеръ его, сидя на курткѣ, въ верблюжьемъ желтомъ кафтанѣ, глазѣлъ между тѣмъ по сторонамъ, время отъ времени, и отъ нечего дѣлать подхлестывая пристяжную, стоявшую, впрочемъ, смирно и не дававшую ему къ этому истязанію ни малѣйшаго повода. Мученія ея продолжались бы, можетъ быть, и долѣе, какъ вдругъ кучеръ увидѣлъ Ивана, непомнящаго родства, съ ушатомъ проходящаго по площади, и сказалъ невольно:

— Э! да это нашъ Дормидонъ! какъ это онъ попалъ сюда?

Пока онъ ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову, баринъ его, натѣшившись до сыта бранью, что избавило его между прочимъ отъ заботы уплатить долгъ, вышелъ

ницею, что въ курткѣ дроги деревянные, а не желѣзные.

изъ лавки и уже закинулъ одну ногу, чтобъ влѣзть въ куртку, какъ вдругъ возница въ верблюжьемъ кафтанѣ озадачилъ его неожиданной новостью:

— Дормидошка нашъ здѣсь въ острогѣ, Евстигней Петровичъ.

При пустотѣ провинціальной жизни, даже и «Дормидошка въ острогѣ» есть происшествіе; это даетъ матеріалы для разговора. Оставить этого дѣла такъ, было невозможно. Помѣщикъ бросился къ судьѣ, объяснилъ ему все, и когда оказалось, по словамъ секретаря, что дѣло уже у начальника губерніи и что слѣдственно уѣздному суду дѣлать тутъ нечего, Евстигней Петровичъ спросилъ у судьи какъ ему пост пить? и не дождавшись его отвѣта, обратился прямо къ секретарю съ вопросомъ:

— Что жь мнѣ теперь дѣлать?

— Ѣхать къ стряпчему! отвѣчалъ секретарь. Онъ въ острогѣ хозяинъ. Онъ можетъ сейчасъ пойдти туда, отобрать показанія и передать дѣло къ слѣдствію. Мы же на это права не имѣемъ.

Помѣщикъ такъ и сдѣлалъ. Стряпчій, аккуратно получавшій отъ него къ Рождеству свиную тушку, а лѣтомъ доморощенные арбузы, дыни и яблоки, тотчасъ натянулъ демикотоновые черные съ блескомъ панталоны, мундирный фракъ, картузъ; взялъ свою толстѣйшую палку, и съ трудомъ (у него было очень толстое брюхо) влѣзъ въ помѣщичью куртку и покатилъ къ острогу вмѣстѣ съ Евстигнеемъ Петровичемъ. Ивана, не помнящаго родства, застали они сидящимъ на нарахъ, окруженнаго всѣмъ

арестантскимъ народонаселеніемъ и расказывающимъ свои похожденія, вѣроятно очень забавныя, потому что аудиторія его хохотала во все горло. Приходъ стряпчаго съ незнакомымъ лицомъ, прервалъ эту веселость заключенныхъ. Всѣ встали и вытянули лица, какъ будто бы ихъ хотѣли сейчасъ вести на висѣлицу. Иванъ, улучивъ минуту, подразнилъ стряпчаго языкомъ.

Стряпчій, у котораго, несмотря на огромное брюхо, голосъ былъ какъ у семилѣтняго ребенка, пропищалъ:

— Который же онъ тутъ, Евстигней Петровичъ? а?... мошенникъ эдакой...

— А вотъ этотъ, Антонъ Емельновичъ! проговорилъ басомъ помѣщикъ, показывая на Ивана.

Стряпчій подошелъ, прищурилъ глазки, заплывшіе жиромъ; дотронулся почти носомъ до лица бродяги, потому что былъ близорукъ, а очковъ не носилъ, и стараясь дать своему пискливому голоску какъ можно болѣе значенія, сказалъ:

— Ты кто такой?

— Звался Иваномъ, не помнящимъ родства.

— Ахъ ты мошенникъ! ахъ ты плутъ!... хотѣлъ было воскрикнуть стряпчій, но Евстигней Петровичъ, не выдержавшій этого нахальства, закричалъ такъ, что рамы задрожали:

— Подлецъ ты, Дормидошка!... Какой ты Иванъ?... Ты не сидѣлъ подлѣ Ивана!... Закатать тебя надобно разбойника...

Бродяга нашъ былъ не изъ таковскихъ, чтобы

смутиться отъ подобнаго нападенія. Онъ осмотрѣлъ Евстигнея Петровича съ ногъ до головы и очень покойно спросилъ:

— А вы кто будете?

— Кто я буду? Ахъ, бестія эдакая! Ты меня не знаешь?...

— Впервой вижу.

— Впервой вижу... меня... своего помѣщика?

Иванъ улыбнулся двусмысленно и сказалъ:

— Вамъ чего отъ меня хочется?

Помѣщикъ вышелъ изъ себя, и, задыхаясь отъ бѣшенства, закричалъ:

— Мнѣ хочется, чтобъ тебя въ тартарары запрятали! чтобъ съ тебя шкуру спустили! въ Сибирь въ каторгу сослали!...

— Многова захотѣли, отвѣчалъ Иванъ, — только по вашему-то не будетъ...

— Да я тебя, погоди!... вскрикнулъ было помѣщикъ совершенно забывшись.

— Вы грозить не извольте. Это запрещено. Не то что вы, да и почище васъ за эту штуку угодили въ хлопушку... А вы кто такой, Богъ васъ знаетъ, а еще пришли сюда ругаться. Вы должны знать, что арестантовъ ругать нельзя... на это есть у нихъ свое начальство...

Эти слова заставили образумиться помѣщика и показали стряпчему его значеніе. Дернувъ Евстигнея Петровича за полу, онъ поднялся на минуту наципочкахъ. Будучи малаго роста, онъ дѣлалъ

это часто, для поддержанія чести своего званія; за тѣмъ отступилъ на два шагя и спросилъ:

— Знаешь ты меня?

— Знаю, ваше благородіе.

— Кто жь я такой?

— Господинъ стряпчій.

— Слѣдственно, ты долженъ отвѣчать мнѣ всю правду. Слышишь?

— Слышу-съ. Спрашивайте.

— Кто ты такой?

— Я ужь сказалъ вамъ, Иванъ не помнящій родства.

— Евстигней Петровичъ изволитъ говорить, что ты его крѣпостной человѣкъ и бѣжалъ отъ него года три назадъ.

— Вольно ему говорить. Я его вовсе не знаю.

— Такъ ты не былъ моимъ крѣпостнымъ? вскричалъ не выдержавшій помѣщикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.... не былъ.

— И не бѣжалъ отъ меня?

— И не бѣжалъ отъ васъ. Не для чего было!...

— Экая бестія! проговорилъ помѣщикъ невольно, озадаченный этою дерзостью.

— Я вамъ сказалъ, ваше благородіе, чтобъ вы не ругались. Куды начальство меня пріопредѣлитъ, туды я пойду, это его воля, а васъ я не знаю. Ежели вы чиновникъ какой, такъ извольте спрашивать не ругаясь, — закономъ это запрещено. А не

чиновникъ вы, такъ нечего вамъ и приставать ко мнѣ. Начальство разберетъ, что̀ со мной сдѣлать, коли я показываю ложно.

И съ этимъ словомъ, онъ отвернулся презрительно отъ своего прежняго помѣщика и сказалъ стряпчему:

— Вы, ваше благородіе, не позволяйте каждому лаятся здѣсь.... Ежели онъ баринъ, такъ пусть лаится съ своими крѣпостными, а съ арестанта взять нечего.... весь тутъ....

— Такъ ты утверждаешь, что ты не былъ крѣпостнымъ Евстигнея Петровича?

— Никогда не былъ, ваше благородіе.... а есть я Иванъ, не помнящій родства, бродяга.

— Такъ ты не здѣшняго уѣзда?

— Не то что не здѣшняго.... да и губернія-то какъ называется, не знаю....

Евстигнею Петровичу пришла вдругъ вдохновенная мысль:

— Антонъ Емельянычъ! позвольте-съ.... со мною здѣсь кучеръ Ванюшка, онъ сейчасъ изобличитъ этого подлеца; позвольте позвать.

— Видно слѣдствіе въ острогѣ хотятъ заводить! проговорилъ Иванъ въ полголоса.

Стряпчій зналъ, что допускать въ острогъ постороннихъ людей, а тѣмъ еще болѣе, давать имъ съ арестантомъ очныя ставки — неловко; но, вспомнивъ рождественскую тушку, въ которой вытянуло безъ малаго пять пудовъ, и ожидая въ скоромъ

времени рѣшето-другое вишенъ, до которыхъ былъ страстный охотникъ, разнѣжился и сказалъ:

— Позовите пожалуй....

Помѣщикъ выбѣжалъ изъ острога. Позабывъ всякое приличіе, онъ самъ взялъ лошадь подъ уздцы, а кучера своего послалъ въ острогъ. Ванюшка шелъ туда очень неохотно, весьма основательно опасаясь, чтобы какой-нибудь арестантъ не призналъ его, и не сболтнулъ чего-нибудь и объ немъ. Надо замѣтить, что всѣ дворовые у Евстигнея Петровича пользовались не очень блестящимъ содержаніемъ, и потому у сосѣдей ихъ безпрестанно пропадали телята, куры, бараны и другая живность. Дворовые Евстигнея Петровича нерѣдко продавали шкурки и овчинки, хоть весь околотокъ зналъ, что имъ держать скотину и даже куръ, было строго запрещено отъ барина и что слѣдственно у нихъ таковыхъ не водилось. На это, впрочемъ, смотрѣли сквозь пальцы, потому что Евстигней Петровичъ больно крикливъ былъ; —носилъ претолстую палку, да имѣлъ и кой-какія отношенія къ исправнику, а о становомъ ужь и говорить нечего.

Слѣдственно, когда кучеръ Ванюшка вошелъ въ острогъ, ему было не до Дормидошки, котораго онъ внутренно посылалъ ко всѣмъ чертямъ и проклиналъ себя за то, что сказалъ о немъ барину. Въ такомъ состояніи духа, онъ готовъ бы былъ отказаться даже отъ родной матери, ежелибъ та не вздумала отъ него отказаться прежде. А потому, когда стряпчій, указавъ бродягѣ на Ванюшку, спросилъ: «зна-

ешь ли ты этого человѣка?» — и бродяга отвѣчалъ: «впервой вижу!» Ванюшка готовъ былъ разцѣловать бродягу и повторить его слова. И такъ,—при вопросѣ стряпчаго: признаетъ ли онъ бродягу? Ванюшка, съ уклончивостью русскаго человѣка предъ властями, для того, чтобъ какъ-нибудь въ отвѣтахъ не запутаться и не попасть подъ наказаніе, отвѣчалъ:

— Кажется, какъ будто это нашъ Дормидонъ. Похожъ какъ-то.

— А утвердительно сказать не можешь? спросилъ стряпчій.

Ванюшка, которому бродяга успѣлъ сдѣлать гримасу, означающую: лишняго не болтай! и опасаясь въ то же время совсѣмъ отказаться отъ Дормидона, и тѣмъ прогнѣвить барина, выбралъ средній путь и отвѣчалъ:

— Похожъ-то похожъ, Антонъ Емельянычъ! А тамъ Богъ его знаетъ. Коли говоритъ, что онъ не Дормидонъ, такъ должно быть не Дормидонъ и есть. Тотъ никакъ повыше былъ ростомъ-то.

Стряпчій, довольный тѣмъ, что это обстоятельство обошлось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, поторопился вывести Ванюшку изъ острога, а на другой день далъ предложеніе Уѣздному Суду, что Иванъ, не помнящій родства, признанъ помѣщикомъ, и вслѣдствіе этого предлагалъ вытребовать дѣло отъ начальника губерніи и «въ дальнѣйшемъ ходѣ онаго поступить по законамъ».

Дѣло вытребовали и переслали для изслѣдованія

въ земскій судъ, который, взялъ съ собою бродягу Ивана, отправился въ деревню къ Евстигнею Петровичу: село Гольшкино, Крестовоздвиженское тожь, для удостовѣренія, точно ли онъ изъ этой деревни.

Въ деревняхъ и не такое происшествіе сзываетъ всѣхъ отъ мала до велика. Слѣдственно, нѣтъ ничего удивительнаго, что при появленіи земскаго суда съ Дормидономъ, сбѣжалась вся деревня. Капитанъ-исправникъ, зная, что у Евстигнея Петровича не красна изба углами, за то красна пирогами, пріѣхалъ собственно не для Дормидона, а для пироговъ. Вылѣзая же изъ тарантаса, крикнулъ: «эй! сотскій! собрать народъ!..» только для того, чтобы показать достоинство и власть свою передъ Евстигнеемъ Петровичемъ и гостями его, высыпавшими на крыльцо встрѣчать «дорогова гостя», какъ выразился хозяинъ.

Чтобы поскорѣй приступить къ сущности дѣла и покончить какъ-нибудь съ Дормидономъ, онъ, почти не здороваясь съ хозяиномъ, прошелъ мимо крыльца, поднялъ только картузъ на вершокъ отъ головы, и сказавъ: «позвольте-съ!» направился къ кучѣ народа, всѣхъ половъ и возрастовъ, толпившейся у частокола барскаго двора. Босоногіе мальчишки и дѣвчонки уже успѣли сбѣгать посмотрѣть Дормидошку и разсказать старшимъ, что: «онъ въ цѣпяхъ сидитъ! страшный такой.... у! у!» за что и получили по обычной толкушкѣ въ голову съ извѣстной прибауткой: — «не ваше дѣло, пострѣ-

*
* *

лята!...» что не помѣшало однако толковать со словъ ребятишекъ, что̀ онъ: «и страшный, и въ цѣпяхъ сидитъ» и прибавить даже: «у! у!»

Картина достойная наблюденія. Дормидонъ стоялъ среди своихъ родныхъ и сотни близко знакомыхъ лицъ; сотни глазъ были съ жаднымъ любопытствомъ устремлены на него.... Какъ бы, казалось, въ присутствіи тѣхъ, которые съ любовью и участіемъ смотрѣли на него когда онъ былъ младенцемъ, и носили его на рукахъ; которые, можетъ быть, любовались имъ и засматривались на него, когда онъ превратился въ виднаго парня, — какъ бы невольно не обнаружить себя? Но онъ стоялъ равнодушно и беззаботно среди этихъ людей, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ. Когда исправникъ велѣлъ ввести его въ кругъ, онъ вошелъ въ него какъ ни въ чемъ не бывало, даже съ улыбкою на лицѣ. На половину обритая голова и шапка, сильно сдвинутая на бекрень, придавали ему выраженіе наглое и непріятное, несмотря на красивый очеркъ его лица; на глаза, полные огня и жизни.

Исправникъ обратился къ крестьянамъ и спросилъ у нихъ: «знаютъ ли они его?» толпа вся отъ мала до велика отвѣчала: «знаемъ: это Дормидонъ—конюхъ!»

Но бродяга даже не моргнулъ, услыхавъ эти рѣчи. Онъ обвелъ глазами толпу, въ этотъ разъ горько усмѣхнулся и сказалъ въ полголоса:

— Дурья порода!...

Исправникъ обратился къ нему и спросилъ: Слышишь?

— Слышу, ваше благородіе.

— Ну, что же?

— Да ничего, ваше благородіе! мало ли глупыхъ людей на свѣтѣ бываетъ?

— Такъ ты отвергаешь ихъ показанія?

— Отвергаю-съ!... произнесъ Дормидонъ рѣшительно и злобно.

Толпа, сочувствовавшая ему прежде, послѣ этихъ словъ обнаружила неудовольствіе. Наглость Дормидона подѣйствовала на всѣхъ непріятно.... Сзади изъ толпы закричалъ кто-то:

— Жену его давайте сюда! дѣтей!..

Толпа подхватила и слилась въ общій крикъ:

— Жену его!.. жену!.. дѣтей давайте...

Потомъ все смолкло, смолкло такъ, что минутами слышенъ былъ стукъ церковныхъ часовъ, блеяніе барана на скотномъ дворѣ и чиликанье воробья на конькѣ сосѣдней избы...

Вдругъ, среди этой мертвой тишины, послышался тихій стонъ. Толпа, распахнувшись, образовала улицу, въ концѣ которой показалась женщина лѣтъ тридцати, повязанная синимъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ, въ затрапезномъ короткомъ платьѣ и дырявомъ бумажномъ платкѣ. Худое, изможденное лицо ея, еще сохранившее слѣды прошлой красоты, изобличало много безсонныхъ ночей, много горя и слезъ... Она вела за собою шестилѣтняго ребенка, робко озиравшаго толпу и съ бо́льшею еще

робостью остановившагося глазами на блестящихъ пуговицахъ исправника. Когда женщина эта вошла въ кругъ, толпа снова сомкнулась и въ срединѣ круга явились дѣйствующими четыре лица: исправникъ, бродяга и женщина съ ребенкомъ.

Грустно было видѣть сближеніе этихъ лицъ при такой обстановкѣ; грустно было смотрѣть на женщину, отъ которой отказывается мужъ; ребенка, отъ котораго отказывается отецъ. Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ минутъ ожиданія, въ которую сердцà самыя грубыя и черствыя, сжимаются невольно. Всѣ стѣснились около двухъ лицъ этой страшной драмы; всѣ обратились къ Дормидону, ожидая со страхомъ его слова. Лицо бродяги было попрежнему покойно и нагло, равнодушно переходя отъ толпы къ женщинѣ, отъ женщины къ ребенку, и неизобличая никакого внутренняго движенія. Но за то въ лицѣ этой несчастной женщины выражалось все, чтò только безсильное, затаенное горе имѣетъ мучительнаго и безотраднаго. Она, зная непреклонную волю своего мужа, повидимому, не ждала ничего добраго отъ этого свиданія. Она молчала, подперши рукою голову и устремивъ въ землю глаза, изъ которыхъ градомъ лились слезы. Ребенокъ жался къ матери, закрываясь дырявымъ платкомъ ея...

Минута была страшная и торжественная.

Исправникъ обратился къ бѣдной женщинѣ.

— Ну, что жь, узнаешь ты своего мужа? сказалъ онъ.

— Узнаю, батюшка.

— Такъ это дѣйствительно твой мужъ?

— Мужъ, батюшка.

— Давно ли бѣжалъ онъ отъ тебя?

— Въ вешнюю Николу вотъ исполнилось три года.

Исправникъ нагнулся къ ребенку, погладилъ его по головкѣ и, указывая на бродягу, спросилъ:

— Ты, мальчуганъ, знаешь кто это?

— Тятя!.. отвѣчалъ ребенокъ... и снова спрятался за дырявый платокъ матери.

Сомнѣваться болѣе было невозможно. Исправникъ подошелъ къ бродягѣ и, указывая на женщину и на ребенка, сказалъ ему:

— И ты отказываешься отъ жены и сына?

— Отказываться мнѣ нечего; я и женатъ-то никогда не былъ.

Ропотъ негодованія пробѣжалъ по толпѣ. Бѣдная женщина зарыдала; ребенокъ, глядя на мать, тоже заплакалъ; онъ потянулъ ее за платье, и всхлипывая сказалъ: мама!.. домой!..

Всѣ женщины въ толпѣ плакали. Изъ толпы слышны были слова: разбойникъ! бабу только загубилъ!..

Но бродяга оставался непоколебимъ. Онъ смотрѣлъ также свѣтло и покойно, какъ и прежде, и когда исправникъ толкнулъ къ нему сына, думая, не отзовется ли наконецъ человѣческое чувство въ этой загрубѣлой душѣ,— Дормидонъ оттолкнулъ ребенка, и оттолкнулъ такъ сильно, что тотъ упалъ и закричалъ. Мать бросилась подымать его.

Исправникъ понялъ, что сознанія ждать нечего, и только для проформы спросилъ его еще разъ: признаетъ ли онъ кого-нибудь? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, снова обратился къ толпѣ съ вопросомъ: знаютъ ли его? Всѣ отвѣчали утвердительно. Тогда исправникъ велѣлъ Дормидона везти обратно въ городъ. Исправникъ былъ видимо взволнованъ и на мгновеніе кажется забылъ объ ожидавшей его кулебякѣ съ печенками и о прочемъ.

Когда загремѣли цѣпи и наступила для бѣдной жены роковая минута вѣчной разлуки, она, крѣпившаяся до сихъ поръ, не могла выдержать, и, бросившись къ бродягѣ, схватила его за платье.

— Дормидонушка!.. вопила она; — неужели ты меня покинешь такъ? Неужели ты не скажешь мнѣ хоть *одного слова*? дѣти наши развѣ чужія тебѣ? На кого ты меня покидаешь съ сиротами?

Бродяга оглянулся, посмотрѣлъ на нее изъ подлобья и сказалъ громко:

— Вотъ глупая баба, вѣшается на шею!.. и пошелъ къ телѣгѣ.

Женщина вскрикнула, и со всѣхъ ногъ грохнулась на землю.

IV.

Когда дѣло о Иванѣ-бродягѣ, не помнящемъ родства, воротилось отъ губернатора, уѣздный судъ переслалъ его въ земскій для «переслѣдованія по

открывшимся вновь обстоятельствамъ». Такъ какъ переслѣдованіе это отчасти было сдѣлано, какъ мы уже видѣли, и вся деревня подъ присягой признала бродягу за Дормидона, а бродяга не сознавался ни въ какомъ преступленіи, кромѣ бродяжничества, то и оставалось только «водворить Дормидона на жительствѣ», то есть, отдать его на страхъ помѣщику и взять съ нево въ томъ росписку. Помѣщику же ничего не оставалось болѣе, какъ воспользоваться своимъ правомъ и сослать его въ сибирь — погубя вмѣстѣ съ тѣмъ кроткую, работящую жену его и малолѣтнаго сына; ибо по закону, при ссылкѣ человѣка *по волѣ помѣщика*, жена его и дѣти до десяти лѣтъ, *обязаны* слѣдовать за нимъ въ сибирь.

Дормидонъ зналъ очень хорошо, что если онъ воротится къ помѣщику, то ему не сдобровать: или въ солдаты отдадутъ, или въ сибирь сошлютъ. Въ солдаты-то бы оно ничего, да на несчастіе у него на одной рукѣ нѣтъ трехъ пальцевъ, отрубили на грабежѣ; а на тѣлѣ есть шрамъ съ приростомъ къ кости, тоже добытой на воровствѣ, слѣдственно въ солдаты-то онъ не годится. А въ сибирь сошлетъ баринъ, такъ навяжетъ тебѣ бабу съ ребенкомъ: — куда съ ними няньчиться? Толи дѣло одному? Одна голова ни горитъ, ни тонетъ: случилось дѣльцо сдѣлать (то есть ограбить), такъ пируй, гуляй душа... до бабы ли тутъ? Конечно, бабу можно и бросить, да вѣдь она пропадетъ въ сибири какъ червь капустный; она же изъ сѣнныхъ

дѣвушекъ, къ черной работѣ не привыкла; пропадетъ и сгинетъ такъ, ни за что. Да и ребенокъ... только даромъ душу загубишь, а себѣ никакой пользы. Къ тому жъ и въ острогѣ на тебя смотрѣть иначе станутъ, когда узнаютъ, что ты не мямля какая-нибудь, а человѣкъ «настоящій» и при случаѣ охулки на руку не положишь. Лучше ужь сознаться.

А потому, когда Дормидонъ прослышалъ о рѣшеніи суда, сказалъ про себя:

— Вздоръ это все, не пойду я къ барину! Пусть лучше сошлютъ. Солнце свѣтитъ и тамъ... Еще и съ дороги уйдти можно, вѣдь я не обсѣвокъ какой-нибудь. А ужь бабу съ ребенкомъ съ собою не потащу, хоть они тамъ матушку рѣпку-пой...

Затѣмъ онъ потребовалъ въ острогъ стряпчаго и сказалъ ему, что имѣетъ объявить важное дѣло.

Стряпчій далъ объ этомъ тотчасъ знать городничему, который немедленно приступилъ къ слѣдствію. Вытребовали арестанта въ городническое правленіе; письмоводитель съ разграфленой бумагой помѣстился въ углу; другой разграфленый листъ, для переписки набѣло показаній, подалъ городничему. Слѣдствіе началось.

— Кто ты такой, какъ тебя зовутъ, много ли тебѣ отъ роду лѣтъ, имѣешь ли жену и дѣтей, какого исповѣданія и проч.? — начало читать городничій.

— Зубцовскій мѣщанинъ, назывался прежде Иваномъ, не помнящимъ родства; теперь объявляю, что

зовутъ меня Сидоръ Пафнутьевъ; холостъ, исповѣданія православнаго! отвѣчалъ Дормидонъ однимъ духомъ, вытвердя наизусть извѣстный первый допросный пунктъ.

— Россійской грамотѣ и законы знаешь ли?

— Русской грамотѣ читать знаю, а писать нѣтъ; законы знаю.

— Что имѣешь ты открыть суду?

— А то, что я не Дормидонъ, какъ меня называютъ, а Сидоръ Пафнутьевъ, мѣщанинъ.

— Судился ли прежде, гдѣ и чѣмъ дѣло рѣшено?

— Не судился потому, что когда попадался въ грѣхѣ, такъ за полтинникъ, а много за цѣлковый, отпускали отовсюду.

Городничій, котораго этотъ отвѣтъ лишилъ возможности продолжать вопросы, заготовленные прежде, сталъ въ тупикъ, и не зналъ что̀ дѣлать, поводя глазами съ стряпчаго на письмоводителя и съ письмоводителя на стряпчаго.

Послѣдній вывелъ его изъ затрудненія, обратившись къ бродягѣ съ вопросомъ:

— Такъ ты попадался въ грѣхахъ?

— Бывало таки.

— А какіе же грѣхи это?

— Да разные, ваше благородіе. Надоѣло мнѣ шляться; ужь хочется одинъ конецъ. Что будетъ. то будетъ. Вотъ видите ли что... Али не говорить?

— Теперь ты не можешь не говорить, коли началъ! вскрикнулъ городничій, вскочивъ съ своего

мѣста. Онъ былъ азартный, что особенно хорошо знали пожарные солдаты.

— Коли не захочу говорить, такъ не скажу, ваше благородіе! Немного возьмете...

— Знаешь ли, что я съ тобой сдѣлаю?

— Да ничего, ваше благородіе, не сдѣлаете. Пытки-то вѣдь запрещены. А захотите посадить одного въ каменной мѣшокъ, такъ у васъ и мѣшка-то такого въ острогѣ нѣтъ. Голодомъ морить не посмѣете; за это пожалуй и сами мѣста лишитесь; такъ что жь вы сдѣлаете-то? А не захочу вамъ отвѣчать, такъ что жь? я имѣю на это законную причину.

— А какую, напримѣръ?

— Безъ депутата спрашиваете. Вѣдь я вамъ сказалъ, что я мѣщанинъ, такъ и давайте сюда депутата. А нѣтъ его, такъ и говорить не хочу.

Городничій переглянулся со стряпчимъ и замолчалъ.

Тогда бродяга сказалъ:

— Это я, ваше благородіе, такъ только пошутилъ... Я говорить буду, за тѣмъ пришелъ... На кой мнѣ его шутъ — депутата-то?

— Нѣтъ, безъ депутата нельзя, запищалъ стряпчій... Всяко бываетъ. Ты самъ пожалуй намъ послѣ въ карманъ наплюешь: — скажешь, что безъ депутата спрашивали. Богъ съ тобой совсѣмъ... Я человѣкъ семейный...

Бродяга засмѣялся.

— Депутата, такъ депутата; давайте его сюды, только поскорѣе.

Городничій, услыхавъ это, вскрикнулъ:

— Эй! письмоводитель! Пошли сейчасъ, нѣтъ ли у крыльца изъ десятскихъ какого-нибудь мѣщанина; волоки его сюда-..

Бродяга опять улыбнулся и сказалъ:

— Да развѣ такъ депутатовъ-то приглашаютъ къ слѣдствію?

— Ужь ты, братъ, не умничай! пропищалъ стряпчій: — это ужь наше дѣло. Не то что приглашенъ, командированъ будетъ, коли захотимъ. Это въ нашихъ рукахъ...

Между тѣмъ, въ комнату робко вошелъ и остановился у двери человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, худой, тощій, съ рѣдкой рыжей бородкой и длинными волосами.

— Ты кто такой? закричалъ городничій.

— Мѣщанинъ Колюпаевъ, ваше высокоблагородіе, десятскій при земскомъ судѣ! отвѣчалъ вошедшій робко.

— Грамотѣ знаешь?

— По церковному, ваше высокоблагородіе, имя свое подписать могу.

— Можешь, такъ хорошо. Ступай сюда, садись.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, я и постою! отвѣчалъ Колюпаевъ, замѣтно конфузясь, низко кланяясь, второпяхъ вынимая платокъ изъ кармана и поднося его къ носу.

— Садись, коли говорятъ! закричалъ городничій. Эй, письмоводитель! дай ему стулъ.

Письмоводитель, губернскій регистраторъ, нѣсколько обидѣвшись такимъ приказаніемъ, подалъ, однако, стулъ мѣщанину.

Городничій, замѣтивъ, что письмоводитель надулся, произнесъ строго: Ты у меня губы-то не надувай! А иначе... знаешь...

Письмоводитель, недавно женившійся и имѣвшій еще на рукахъ старуху мать, вспыхнулъ; но обсудивъ, что если его прогонятъ и онъ лишится мѣста, на которомъ сверхъ жалованья, конечно самого ничтожнаго, перепадаетъ и отъ откупщика, и отъ частныхъ приставовъ, и отъ квартальныхъ, и отъ торговцевъ въ лавкахъ, и отъ трактирщика, удовольствовался тѣмъ, что отвѣчалъ въ полголоса:

— Я ничего-съ, Крисанфъ Андреичъ.

Когда наконецъ десятника, такъ неожиданно для него, возведеннаго въ должность депутата, усадили, несмотря на всѣ его сопротивленія, — допросъ начался снова. Для обряда депутату прочли первые вопросы и отвѣты бродяги, которые онъ выслушалъ нѣсколько пріосанившись, и отвѣчая послѣ каждой фразы, вытягивалъ руками коротенькую бородку свою.

— Текъ-съ! текъ-съ!

— Ну такъ, чтожь, какъ бишь тебя, сказалъ городничій, обращаясь къ бродягѣ, — ты хотѣлъ сказать намъ?

— А то хотѣлъ сказать, что мнѣ бродяжничать надоѣло, и я хочу, чтобъ меня сослали.

— Ну это, братъ дудки! отвѣчалъ городничій; — коли ты ничего не сдѣлалъ, такъ не сошлютъ, а отошлютъ только на родину, да и то прежде еще спросятъ тамошнюю думу, правду ли ты говоришь.

— Кабы ничего не сдѣлалъ, такъ и не позвалъ васъ сюда. Я не изъ таковскихъ, что̀ скажетъ вдругъ: хочу открыть важное дѣло! а какъ позовутъ передъ слѣдователей, такъ и скажетъ: «мнѣ открывать нечего, сидѣть надоѣло, захотѣлось пройтиться!» Я сказалъ вамъ, что хочу сознаться.

— Ну, сознавайся, что жь ты сдѣлалъ?

— Человѣка убилъ...

— Ты не врешь?

— Что мнѣ врать-то? Рази я не знаю, что мнѣ не повѣрятъ и справки наведутъ?

— Гдѣ жь ты убилъ его?

— Не то въ Холунскомъ, не то въ Буроломскомъ уѣздѣ. Видите, какъ дѣло-то было. Шелъ я, однажды, зимой объ сумеркахъ по дорогѣ; денегъ ни гроша; выпить смерть хочется, а взять негдѣ. Ну и прозябъ маленько... Зашелъ бы въ кабакъ, да какъ зайдешь, коли гроша за душой нѣтъ? Думалъ, думалъ, какъ бы эдакъ разжиться, да и придумалъ штуку. На тотъ грѣхъ пырь мнѣ на встрѣчу нищій, старикъ ужь сѣдинькой такой, двѣ переметныя сумки на плечахъ перекинуты, уви-

далъ меня, остановился, снялъ шапку, да и занылъ: «подайте, Христа-ради, прохожему...» А у меня въ рукахъ кистенекъ былъ, не то, чтобы настоящій, а такъ, дубинка съ камлышкой, я втупоры безъ этого не выходилъ — не равна встрѣча бываетъ. Вижу — старикъ дряхлый, житье ему должно быть плохое, — я и бацъ его дубинкой по лбу; онъ упалъ, да и не шелохнулся даже сердешной; видно ловко пришло. Повертѣлъ я его... въ сумкахъ хлѣбныхъ-то кусковъ и много, да чортъ ли въ нихъ; а денегъ всего четырнадцать копѣекъ, такъ что и крючка вина на нихъ выпить нельзя. «Дуракъ! подумалъ я: — изъ чего хлопоталъ цѣлый вѣкъ; послѣ смерти на крючокъ вина другому не достало.» Спряталъ я его до ночи подъ мостомъ, а какъ ночь пришла, взвалилъ на плечи, да и поволокъ въ деревню. Вотъ какъ огоньки-то вездѣ потухли, выбралъ я, ваше благородіе, которая изба получше, значитъ, мужикъ позажиточнѣе, приставилъ моего нищаго къ калиткѣ, а самъ стукъ-стукъ подъ окномъ; пустите, дескать, на ночлегъ. Въ деревняхъ народъ простой, не то што въ городахъ; побрюзжитъ, побрюзжитъ, а все ужь ночевать пуститъ. Ну, вотъ слышу я, что хозяинъ лѣзетъ съ печи, да ругается: «чортъ бы тебя побралъ и съ ночлегомъ-то... Таскаются, по ночамъ, а для нихъ вставай..» А я себѣ: погоди, молъ, ругаться-то; вотъ какъ закуску-то мою увидишь, тогда поглядимъ, какую пѣсню запоешь. А самъ спрятался за уголъ. Отодвинулъ хозяинъ калитку,

отворилъ ее, а мертвый и грохнулъ къ нему на дворъ. Оторопѣлъ мужикъ, бросился было подымать, да какъ почуялъ, что онъ холодный, такъ и замеръ на мѣстѣ. А я какъ будто невзначай прохожу мимо воротъ, да и заглянулъ на дворъ. «Э, братъ, какими ты дѣлами здѣсь занимаешься!» горю. Мужикъ принялся божиться, что онъ знать не знаетъ, какъ это случилось: просился живой, а вышелъ мертвый, а самъ трясется, какъ въ лихорадкѣ. А я прикинулся, что ему не вѣрю. «Врешь, братъ, говорю, слыхали мы такихъ-то: съ виду, кажется, воды не замутитъ, а посмотришь, такъ бѣда.» Божился, божился мой мужикъ, да какъ видитъ, что дѣло-то плохо, принялся меня ублажать: «ты, говоритъ, господинъ прохожій, меня не погуби: видитъ Богъ не я, говоритъ, такая бѣда на меня стряхнулась, видно ужь Божія воля, говоритъ, а я, вотъ-те Христосъ, не виноватъ.» А я ему: — «не мое дѣло, говорю, въ чужое дѣло вступаться, мое дѣло сторона... какъ грѣшилъ, такъ и отмаливайся; мнѣ тутъ путаться нечего. А дашь на чести что-нибудь, такъ не то, что молчать стану, да, пожалуй, и изъ бѣды-то тебя выведу; спрячу мертваго въ такую мышиную норку, что не то, что становой, или исправникъ, самъ чортъ не отъищетъ». — Обрадовался мужикъ, говоритъ: «выручи, добрый человѣкъ; вѣкъ за тебя молиться стану.» — Молиться-то ты молись, говорю: — это дѣло хорошее, а только чѣмъ-то ты меня ублаготворишь? — «Ничего, говоритъ, не пожалѣю, только

выручи». — Сказано, выручу, говорю, только много ли ты дашь-то? — «Да дамъ красную бумажку, говоритъ.» Да ты, братъ, шутишь, што ли? такъ сказалъ я ему. Развѣ тутъ красной пахнетъ? Стоитъ мнѣ только дойдти до сотскаго, такъ тебя, любезный другъ, въ тартарары запрячутъ; пять сотенъ будешь давать, да не отъиграешься. Тебѣ, видно, это еще въ охотку: ты побарахтайся-ка поди съ исправникомъ, съ стряпчимъ, съ становымъ, съ лѣкаремъ, да всякому дай, а то сгніешь въ тюрьмѣ. Мое, братъ, дѣло сторона, жалѣючи тебя, говорю, дѣлай, какъ хочешь; только жалко, пропадешь такъ ни за копѣйку. Задумался мой мужикъ. Говоритъ: «возьми четвертную.» Послушай, говорю, дядя, ты дуракъ выходишь: видишь у тебя бѣда на носу сидитъ, а ты торгуешься: добро бы не было, ну! такъ ужь и быть, сердце бы не болѣло; а то вѣдь есть; вишь какія хоромы выстроилъ. Скупиться-то полно, починай кубышку-то! — Началъ чесать мой мужикъ затылокъ, жаль съ деньгами разстаться, да и бѣду-то нажить боится. Маялся, маялся, а вынесъ мнѣ двѣ четвертныхъ. Я деньги въ карманъ, мертваго на плечи, да и поволокъ его на другой конецъ деревни. Этакую же штуку отварганилъ я и съ другимъ, взялъ тоже полсотни и снесъ опять подъ мостъ и зарылъ въ снѣгъ; говорю: спасибо, дѣдушка; ты мнѣ еще послужишь и на предки! И, правду, послужилъ. Какъ прогуляю всѣ деньги, опять за старика. Эдакъ онъ, сердешный, кормилъ меня цѣлую зиму, дай

Богъ ему Царство небесное. Ужь и погулялъ я въ эту зиму... спасибо ему; весь околодокъ обошелъ; со всѣхъ оброкъ взялъ, съ кого только можно.

— Куда жь ты дѣлъ тѣло? спросилъ городничій.

— Куды дѣлъ? — подъ мостомъ такъ и оставилъ. Пришла весна, онъ началъ оттаивать, маленько поотмякъ, таскать-то неловко стало, такъ я его и бросилъ. Должно быть полой водой куда-нибудь унесло, если волки не съѣли.

— А много ли ты душъ на своемъ вѣку загубилъ? спросилъ стряпчій.

— Не считалъ, ваше благородіе; душъ пять будетъ.

— Все изъ-за денегъ, что ли?

— Да какъ случалось: гдѣ изъ-за денегъ, а гдѣ и такъ, подъ сердитый часъ попадетъ. Да съ однимъ было и самому карачунъ пришелъ. Спасибо, сходный человѣкъ попался, да помогъ; а то бы совсѣмъ бѣда.

— Какъ же это было?

— Вѣстимо какъ — въ кабакѣ. Было это въ Чернушкинской губерніи, на Лунѣ на рѣкѣ, есть городъ Ашромъ, въ подгородной слободѣ. Повадился я туда въ кабакъ ходить — больно сидѣльцева сноха приглянулась. Такая баба была, что кажется самого бы себя заложилъ, али въ кабалу пошелъ, для эвдакой бабы. Мужъ-то у ней былъ такъ, дрянниинькой, а тоже ревность имѣлъ и частенько ее поколачивалъ. Это мнѣ въ досаду стало. Добро бы человѣкъ былъ, ну, куды не шло, а то такъ, совсѣмъ

лядащій, взглянуть не на что, только одно званіе, что человѣкъ есть. Сталъ я въ кабакъ ходить по два, по три раза въ день, деньги были вольныя: недавно передъ тѣмъ обобрали купчика, ѣхалъ съ ярмарки, такъ чего жалѣть-то? Изойдутъ деньги, развѣ плакать объ эвтомъ? Для нашего брата, онѣ всюду есть,—только не лѣнись, подбирай. Дураковъ еще, ваше благородіе, не початой уголъ; только не зѣвай самъ, а то такъ деньги въ карманъ тебѣ и посыпятся; умѣй только дѣло вести, да съ кѣмъ нужно въ ладахъ жить, — тогда дѣлай, что̀ хочешь. Ну, вотъ, и повадился я въ кабакъ ходить, да нѣтъ, нѣтъ, и тявкну бабѣ: «такъ и такъ, дескать, выходи, молъ, ночью къ мостику; дожидаться тебя буду.» Сперва баба моя куда-те, на стѣну лѣзетъ; «съ чего ты эвто, говоритъ, собачій сынъ, холопская твоя морда? выдумалъ; я, дескать мужняя жена, этими художествами не занимаюсь.» — Хорошо, молъ, говорю, посмотримъ. Ныньче пришелъ, деньгами въ карманѣ позвенѣлъ; завтра пришелъ позвенѣлъ, да и говорю ей: смотри, послѣ каяться будешь; бери деньги, пока охота есть,—пройдетъ охота, мѣднаго гроша не дамъ. А самъ, знаете, сережки ей принесъ, съ камешками, потомъ ситцу на передникъ, — ну, у ней глаза и разбѣжались. Говоритъ: «Хорошо, Иванъ, любить тебя буду, только бѣда, какъ мужъ узнаетъ.» — Это, сударка моя, говорю, бѣда не бѣда, коли во ржи родится лебеда; а вотъ бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды, то-есть, какъ денегъ нѣма, это ужь наше почтеніе. — Она баба

ловкая была, обработала мужа, наговорила ему съ три короба, что, дескать, ей нужно къ золовкѣ, да къ кумѣ, да туда, да сюда — да и ушла отъ него на три дня. Я подхватилъ ее, да и въ городъ. Тамъ жилъ у меня благопріятель, Антонъ Тузковъ— мѣщанинъ тамошній былъ: невзгода ли какая случится — къ нему; онъ и спрячетъ, и сбудетъ, и совѣтъ дастъ, куда и какъ разсовать и самому куда спрятаться, коли у себя держать нельзя. Извѣстно дѣло, съ кѣмъ нужно были у него лады, рука-руку моетъ, обѣ бѣлы живутъ; пощечились-таки отъ него добрые люди, да ужь и ему за то воля. Держалъ онъ въ городѣ на самой большой площади постоялый дворъ. Пріѣхалъ, видите, разъ барскій управляющій, деньги на почту подавать, тысячу рублевъ, что ли то было у него, и разгорись зубы у Тузкова на эти деньги. Напоилъ онъ его до пьяна, послѣ обѣда свелъ спать на ледникъ, тамъ перехватилъ ему горло, да и спихнулъ въ ямникъ. На тотъ грѣхъ поди туда работница за квасомъ, увидала мертваго, да такой гвалтъ, глупая баба, подняла, что хоть святыхъ вонъ понеси! День-то былъ базарный, народу, значитъ, набѣжало тьма тьмущая. Ну, кажется, вѣдь погибъ человѣкъ? анъ, лихъ, нѣтъ! Прибѣжалъ квартальный, прибѣжалъ частный, самъ городничій прискакалъ, да какъ видитъ что у Антона, такъ и прысь въ сторону. Велѣлъ черезъ человѣка спросить, чтò и какъ. Антонъ, малый не промахъ былъ, прямо къ городничему. Говоритъ, такъ и такъ: зарѣзался управляющій

самъ. «А чѣмъ докажешь?» городничій спросилъ. Да чѣмъ доказать, доказать не чѣмъ, да и на меня доказать тоже не чѣмъ; ну, оставятъ въ подозрѣніи, куда не шло; подозрѣніе такъ подозрѣніе, и то сказать, не шкуру же въ самомъ дѣлѣ снимутъ. Городничій какъ закачалъ головой, да и говоритъ: «Дуракъ ты, Антонъ, ничего больше. Зачѣмъ и въ подозрѣніи оставаться, коли можно и безъ этого обойдтись? и такъ на тебѣ подозрѣній штукъ пятнадцать ужь есть. Что̀ дашь? выручу и добрымъ человѣкомъ тебя еще поставлю.» Антонъ зналъ, что въ колодезь плевать не надо, случится водицы испить, говоритъ: «Возьми, ваше благородіе, третью часть.» Торговаться, торговаться, поладились на половинѣ. Отдалъ ему Антонъ пятьсотъ рублевъ, а тотъ вынесъ ему бритву, да и говоритъ: «поди ты сейчасъ, брось эту бритву въ ямникъ, да не бось, что̀ бы съ тобой ни было. Въ острогъ посадятъ, и того не бось — все это ужь мое дѣло: обработаю дѣльцо такъ, что на чудо; иголки подпустить нельзя будетъ.» Городничій-то грамоту приказную зналъ, что твой секлетарь, и человѣкъ на чести былъ: ужь коли возьметъ деньги, такъ вынесетъ; на своей спинѣ вынесетъ, а ужь въ обиду не дастъ. Антонъ взялъ бритву, да и домой. На дворѣ у него дёромъ не додерешься, все смотрѣть въ ямникъ ходятъ, такъ оно, знаете, шутя можно было бритву туда бросить. Бросилъ Антонъ туда бритву, да и ухомъ не ведетъ; знаетъ, что на городничаго, какъ на каменную стѣну, положиться можно. Отпускаетъ

проѣзжимъ овесъ, торгуетъ баранками, подноситъ квасъ — и въ усъ не дуетъ. Ну, вотъ, эвдакъ, черезъ полчаса, што ли, нагрянула полиція ужь со всѣмъ, съ лѣкаремъ, со стряпчимъ — тѣло подымать. Забрали работницу, забрали дворника, забрали Антона, его жену, — всѣхъ забрали и по разнымъ покоямъ разсадили, а мертваго изъ ямника вынули и положили подъ навѣсомъ. Принялся лѣкарь писать и нашелъ, что перерѣзано горло острымъ орудіемъ, а чѣмъ неизвѣстно. Позвали понятыхъ, видятъ они, что горло перерѣзано а чемъ и какъ — кому охота добиваться? отпустили бы поскорѣе, день базарный, у всякаго свои дѣлишки есть; подписали всѣ, какъ одинъ человѣкъ, что перерѣзано горло острымъ орудіемъ, а чѣмъ — неизвѣстно. Только этого-то и было нужно. Сняли допросъ съ того, съ другаго, — видѣли всѣ управляющаго, что хмѣленъ былъ, да пошелъ спать на погребицу, а какъ зарѣзаннымъ оказался, — дѣло неизвѣстное. Городничій первый и сказалъ: «Не самъ ли зарѣзался-то?» Стряпчій подхватилъ: «Смотри, не самъ ли? Поискать бы въ ямникѣ, нѣтъ ли чего тамъ такого, по чемъ бы можно было добраться до правды?» Въ ямникѣ-то вода была, ну, разумѣется, вся въ крови,—отлили воду, нашли бритву... Чего тутъ добираться еще? Самъ зарѣзался, да и концы въ воду. Притянули харчевника: говоритъ, гулялъ у меня покойникъ вчерась цѣлый день, а много ли прогулялъ, не знаю. Народу около него лабзилось много. На томъ и рѣшили: зарѣзался самъ отъ того, что деньги прогулялъ, али ихъ у него

хмѣльнаго вытащили. И живетъ Антонъ и о сю пору въ Ашромѣ, куетъ себѣ денежки, въ купцы выписался; брюшище такое отростилъ, что въ два охвата не охватишь — важенъ больно. Сказать нечего, малый ловкій былъ. Ну, вотъ къ этому Антону и былъ я вхожъ. Приволокъ къ нему мою бабу; отвелъ онъ намъ мѣсто въ банѣ, — на огородахъ у него стояла; и зажилъ я съ своей голубкой на славу. И чортъ же дернулъ выдти изъ бани; — сидѣли бы да сидѣли тамъ, пока деньги есть, — такъ нѣтъ вздумалось ей кататься по городу — вынь, да положь; хочу кататься, да и только. Мнѣ бы ее оттаскать, да и все тутъ, а я съ пьяныхъ глазъ-то, скомандовалъ тройку съ бубенчиками, колокольчиками, и пошелъ ночью катать погороду. Говорилъ мнѣ Антонъ: ей, смотри Сидоръ! Глупости дѣлаешь, на казенные харчи попадешь, по владимиркѣ безъ прогоновъ отправишься?... Да ужь больно баба-то мнѣ полюбилась, — не то на тройкѣ, на ножъ полѣзъ бы, чтобъ только по ней сдѣлать. Ѣздили мы такъ цѣлую ночь, — а передъ утромъ вздумалось ей катнуть въ подгородную слободу, посмотрѣть, какъ ихъ кабакъ стоитъ. Не хотѣлось мнѣ этого, крѣпко не хотѣлось, да развѣ у бабы выбьешь изъ головы, коли ей што туда втемяшится? Извѣстное дѣло: волосъ дологъ, а умъ коротокъ, — хочу, да и все тутъ. Сколько ты тутъ ей ни говори, какихъ резоновъ ни представляй, твердитъ себѣ: не стрижено, а брито. Хоть лобъ у ней взрѣжъ, все будетъ свое толковать. Ну, вотъ выѣхали мы изъ за-

ставы, да какъ пугнули по выгону, такъ инда колеса заговорили. До слободы-то версты эдакъ съ три будетъ, то есь, пронеслись такъ, что твоя птица. Только что къ кабаку подъѣзжаемъ, смотримъ — пырь на встрѣчу мужъ. Моя баба хоть и пьяна была, а какъ завидѣла его, взвизгнула, да такъ и растянулась въ телѣгѣ. Мужъ-то ее сначала не узналъ, а потомъ, какъ возрился, такъ забылъ, что силенки у него нѣтъ, бросился на меня словно ястребъ какой. Толкнулъ я его — полетѣлъ онъ вверхъ тармашки, а какъ всталъ, бросился на меня опять, да все кричитъ: «отдай жену». Я было хотѣлъ его въ резонтъ ввести, говорю — «возьми жену, не подавится мнѣ ей — твоей женой-то!...» а самъ по лошадямъ, да и хотѣлъ дать тягу. Какъ онъ запримѣтилъ, что я подбираю возжи, и закричалъ благимъ матомъ: «батюшки, караулъ, рѣжутъ!...» Въ кабакѣ ужь огонь въ это время вздули, должно быть повѣренный прiѣхалъ, да и гости ужь были, — народъ и высыпалъ изъ кабака; я было на утекъ, да народъ бросился, кто за коренную, кто за пристяжную, скрутили меня добра-молодца и въ кабакъ втащили. Цѣловальникъ хотъ и знакомой, а все на роднёву сторону тянетъ; вѣстимо свой своему поневолѣ братъ. Ну и задали они мнѣ тутъ припарку порядочную. Добро молъ, говорю, подождите ребята, будетъ и на моей улицѣ праздникъ. Задамъ я вамъ такого феферу, что по конецъ жизни помнить будете мое угощенье. Съ тѣмъ и уѣхалъ. Грѣха таить нечего, — съ недѣльку провалялся, — а че-

резъ недѣльку вышелъ добрый молодецъ, молодецъ молодцомъ. И началъ я думу крѣпкую думать: какъ бы ловчѣе цѣловальнику и его брату очки надѣть, да такъ, чтобы не окочурились до новыхъ вѣниковъ. Какъ ни гадалъ, ни думалъ. одному все неловко, а открыться кому-нибудь не хочется — чортъ-е-знаетъ, откроешься, пожалуй, а послѣ и самъ съ нимъ въ хлопушку попадешь. Думалъ, думалъ — нѣтъ не придумаю. Пошелъ къ Антону. Говорю такъ и такъ — какъ бы цѣловальнику и его брату насолить, да покрѣпче; больно они меня изобидѣли, да и бабу выручить хочется; не ѣмъ, не сплю, такъ она все и мерещится передъ глазами. А Антонъ меня и спросилъ: «а что, у цѣловальника деньги есть?» «Есть говорю, — баба-то мнѣ сказывала, что у него денегъ тьма тьмущая, — обобралъ какъ-то пьянинкаго, да и спряталъ, а теперь только прикидывается, что нѣтъ ничего; только для отводу въ цѣловальникахъ живетъ. И у брата-то его тоже деньжонки водятся; у обоихъ, пожалуй, тысченокъ десятокъ наберется. Если такъ, такъ ладно, говоритъ Антонъ: — поди ты къ городничему, да и скажи ему, что больно зло тебя на цѣловальника взяло, — и что ты просишь помочь. Онъ на тебя сначала закричитъ, и ногами, пожалуй, затопаетъ, — ты эвтого не пужайся, — это онъ такъ всегда сначала, для близиру дѣлаетъ; больше для отводу подозрѣнія, а потомъ какъ увидитъ, что ты эвтаго не шибко боишься, такъ и поведетъ тебя въ особую каморку,

и спроситъ, чего тебѣ нужно. Тутъ ты ему ужь просто и скажи: хочу дескать, чтобъ цѣловальникъ меня помнилъ, ваше благородіе; а наказать его можно — у него деньги водятся. Ужь онъ тебѣ самъ скажетъ тогда, что нужно. Я такъ и сдѣлалъ. Купилъ фунтъ чаю — не хорошо же съ пустыми руками съ просьбою къ начальству идти, и пошелъ къ городничему. Говорю: такъ и такъ, ваше благородіе: больно меня цѣловальникъ съ братомъ изобидѣли, помогите, ваше благородіе, не дайте въ обиду, вѣкъ за васъ Бога молить буду. И напустилъ онъ на меня — Господи свѣты: и разбойники-то вы, и въ сибири-то вамъ мѣста мало, и въ кандалы-то тебя закую, — а какъ видитъ, что я стою и ни съ мѣста, шаркъ въ другую комнату, да и махнулъ мнѣ рукою. Я за нимъ и говорю, какъ Антонъ училъ: помогите дескать, у цѣловальника съ братомъ денжища вволю, — тысячъ десятокъ будетъ. «Хорошо, говоритъ: — а ты молчать умѣешь?» Да такъ-то умѣю, ваше благородіе, что кажется жилы тянуть станутъ, такъ не пикну. «Ну, хорошо, говоритъ: — понавѣдайся ко мнѣ завтра, а я подумаю, какъ бы намъ дѣло-то устроить.» Вышелъ было я ужь и въ сѣни, воротилъ онъ меня, и говоритъ: «да не раскольники ли они? Кажется, я какъ будто что-то такое слышалъ?» — Раскольники, говорю, должно быть. Ну, ладно, говоритъ, ступай, утро вечера мудренѣе. Я къ Антону, да и завалился спать. На утро, такъ ужь около раннихъ обѣденъ, иду опять къ городничему. Спрашиваю, гово-

рятъ дома нѣтъ, чѣмъ свѣтъ уѣхалъ со двора. Куда бы такъ рано, кажется? Да и не одинъ, говорятъ, — исправникъ, стряпчій; втроемъ поѣхали. «Развѣ не на охоту ли за зайцами, говорю; они больно потѣшаться этою забавою любятъ.» — Нѣтъ, говорятъ, не на охоту; кабы на охоту такъ надѣлъ бы архалукъ, да кушакомъ подпоясался, а то въ мундирѣ поѣхалъ и кавалеріи, какія были, всѣ надѣлъ; значитъ, по дѣлу куда-нибудь. Пока я тутъ съ его домашними на бобахъ разводилъ, куда бы это ему поѣхать такъ рано,— гляжу: ѣдутъ назадъ втроемъ всѣ вмѣстѣ, веселы таковы, и чуть въ комнаты, городничій бацъ меня по плечу, и говоритъ: «*Твоя взяла*, подносчикъ и съ братомъ уже сидятъ въ острогѣ.» Я такъ и ротъ разинулъ.— Какъ такъ, говорю?— «Да такъ: сидятъ, да и кончено.» Я хотѣлъ было еще что-то спросить, да онъ повернулъ меня лицомъ къ двери, далъ киселя, я такъ и выскочилъ на улицу. Спервоначала я и не разчухалъ что и какъ, а какъ смекнулъ дѣломъ, такъ и понялъ, что баба-то моя одна теперь, и что значитъ слюни распускать нечего. Я туда и шаркъ. Вотъ какъ мы съ ней маленечко подвыпили, она и разсказала мнѣ всю подноготную. Говоритъ, слушала я у двери и смотрѣла въ ключевую щелку, значитъ все такъ вотъ какъ на блюдечкѣ видѣла, и не одного словечка не проронила. Значитъ, это было ночью, говоритъ, такъ какъ бы около полуночи — стучатся въ двери: пусти дескать шкаликъ вина выпить. Мужнинъ братъ ругнулся, да и закричалъ: проваливай! Опоздалъ! Для всякой швабры вста-

вать не стану; чтобъ черти васъ побрали всѣхъ, бродяги. Стучатъ въ другой разъ: пусти—дескать, нужно. Такъ какъ у насъ случаемъ принимались краденыя вещи, и иной разъ штуку рублевъ въ десятъ отдадутъ за большой крючокъ вина, деверь всталъ и отворилъ дверь. Только что отворилъ — въ комнату и ввались трое господъ; одинъ въ мундирѣ, при шпагѣ, а другіе два такъ, только не простые, а должно быть благородные какіе-нибудь. За ними ввалилось еще человѣка три полицейскихъ солдатъ и принялись шарить всюду. Деверя же сейчасъ взяли, да въ допросъ. Кто ты дескать такой: — раскольникъ, или нашей вѣры? Деверь сначала было струхнулъ, и потомъ оправился, да и говоритъ: позвольте, ваше благородіе, хоша я и раскольникъ, а все, ваше благородіе, позвольте узнать, за что это меня такъ спрашиваютъ? — Господинъ по штатскому-то и говоритъ: про тебя, другъ, дурная слава идетъ; ты, говоритъ, надъ нашею вѣрою ругаешься, а свою поганую раскольничью прославляешь, и другихъ людей тому же учишь!.. Мы, говоритъ деверь, эвдакаго, ваше благородіе, дѣла никогда и помыслить не могимъ; это, говоритъ, ваше благородіе, кто-нибудь по насердкамъ на меня клевету такую нанесъ!.. А вотъ мы посмотримъ, баринъ-то говоритъ; сперва оглядимъ имущество. Глядѣть имущество глядите, сказалъ деверь, только у меня сумма казенная есть, — такъ какъ бы послѣ въ отвѣтъ мнѣ за нее не попасть!.. Сумма твоя пусть лежитъ въ сохранности, намъ она не нужна, баринъ

говоритъ: намъ, говоритъ, ругательства надъ нашей православной вѣрой допустить нельзя, вотъ что. И пошли они шарить всюду — въ комодахъ, въ сундукахъ, въ чуланѣ, гдѣ только можно. Напрежь всего забрали книги. Это, говорятъ, антихристовы книги; за такія книги, говорятъ, ссылаютъ въ сибирь, кто ихъ держитъ. Тебѣ и въ сибири-то мѣста мало. Деверя взяли, да и повезли въ городъ. Мужа бабёнкина тоже повезли съ братомъ, а сумму запечатали и сотскому подъ сохраненіе и кабакъ и все отдали. .

— Ну, чѣмъ же кончилось? спросилъ городничій.

— Кончилось тѣмъ, что продержали въ острогѣ съ мѣсяцъ, потомъ выпустили... только высосали такъ, что гроша за душой не осталось. Побился, побился онъ сердешный, съ горя запилъ, да гдѣ-то на суку и удавился.

— А братъ-то его, бабёнкинъ мужъ?

— Эвтотъ ничего; эвтого выпустили скоро, держали всего недѣлю. Да онъ догадался, съ перваго разу сказалъ стряпчему: «Ваше благородіе, у меня всего капиталу пятьсотъ рублей; я отдамъ ихъ всѣ, только выпустите; больно по женѣ соскучился.» Его и выпустили. Онъ гдѣ-то и теперь въ кабакѣ цѣловальникомъ сидитъ.

— Давно ли это было? спросилъ стряпчій.

— Да какъ бы вамъ сказать, не солгать, года два ужь будетъ.

— Ну, ты такъ бабенку послѣ и не видалъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, не видалъ; да и татая штука вышла, что надо было изъ эвтого городу поскорѣе убираться.

— А что?

— Да такъ, больно нападки на нашего брата начались... Зарѣзали въ городѣ лавошнаго сторожа, да лавку обокрали, такъ пріѣхалъ изъ губерніи какой-то чиновникъ на слѣдствіе и началъ больно ужь хитрить. Что народу въ острогъ пересажалъ, такъ право на ужасть. Особенно на татаръ напалъ: чуть кто побогаче, такъ и тащутъ въ острогъ. Не то что изъ своей, — и изъ чужой губерніи человѣкъ пять притянулъ. Съ кого тысячу, съ кого двѣ взялъ; а кто побѣднѣе, такъ и три и четыре сотни — только обошелъ всѣхъ, чтобъ никому завидно не было. И на чести былъ: коли возьметъ, такъ ужь выпуститъ; держать не будетъ. При эдакихъ порядкахъ гдѣ же нашему брату ужиться? Добро бы деньги были, ну, тогда ничего, можно бы еще пожить, — а у меня въ карманѣ шишъ, бабёнка-то проклятая все изъ меня выщѣдила, такъ мнѣ оставаться-то ужь и не приходилось. Къ тому жь городничій пристаъ: покажи, дескать, что ты видѣлъ, какъ Авдуловъ лавку ломалъ. Они, видите, на Авдулова были злы, такъ хотѣли его къ дѣлу притянуть; да и деньжонки у него водились, такъ пощупать хотѣли. Извѣстное дѣло, мошенники! Какъ я покажу-то? говорю, — не равно заставите Авдулова признавать, а я его и въ лицо не знаю.

Это пустяки, говорятъ, все такъ подведемъ, что не будетъ тебѣ надобности узнавать Авдулова. Ну, я на такое дѣло не пошелъ; взялъ шапку, да и былъ таковъ.

— Гдѣ же ты послѣ шатался?

— Шатался зря, гдѣ ни попало. Былъ и въ казахахъ, былъ и въ Одестѣ городѣ; всюду былъ, да больно ужь надоѣло таскаться...

«Пожаръ! пожаръ!..» закричали вдругъ на улицѣ. Городничій, какъ сумасшедшій бросился вонъ; стряпчій за нимъ. Депутатъ, какъ не имѣющій дома и слѣдственно совершенно равнодушный къ тому, гдѣ бы ни горѣло, пошелъ на пожаръ изъ любопытства; арестанта отвели въ острогъ... и черезъ секунду въ комнатѣ не осталось никого, кромѣ письмоводителя, который, сбирая бумаги, ворчалъ про себя:

— И къ чему слушали всю эту дребедень. Нечего дѣлать, такъ языкъ чешутъ, да скалятъ зубы. На это только и горазды... эх... э... эхъ — ма!.. Кабы не бѣдность, не сталъ бы подавать стула какому нибудь мѣщанинишкѣ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ 1

УѢЗДНЫЕ ЧИНОВНИКИ:

I. Городъ и купечество 7

II. Судья и секретарь 13

III. Судья и засѣдатели 23

IV. Засѣдатели 29

V. Исправникъ и городничій 40

VI. Предводитель 48

ВВОДЪ ВО ВЛАДѢНІЕ 77

ВОЛОСТНОЙ ГОЛОВА 113

ОПЕКУНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ:

I. Чиновники опеки 157

II. Старое время 176

III. Опекунъ 195

IV. Заключеніе 218

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ 223

ПЕРЕВОЗЪ 269

ТЕТЕРНИКОВЪ 309

КАМЕНЬ 339

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ 375

ВОЛЧЬЯ ДОЛИНА 409

НЕ ПОМНЯЩІЙ РОДСТВА 509

Bayerische
Staatsbibliothek
München

P 24 Bg
8 Fā

Buchbinderei
SCHWAB
München

Selivanov, Il'ja Vasil'evič

Provincial'nyja vospominanija Iz zapisok čudaka. Sobral i v porjadok privel I. Selivanov

Bd.: 1

Moskva 1857

P.o.russ. 81 y-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610146-1